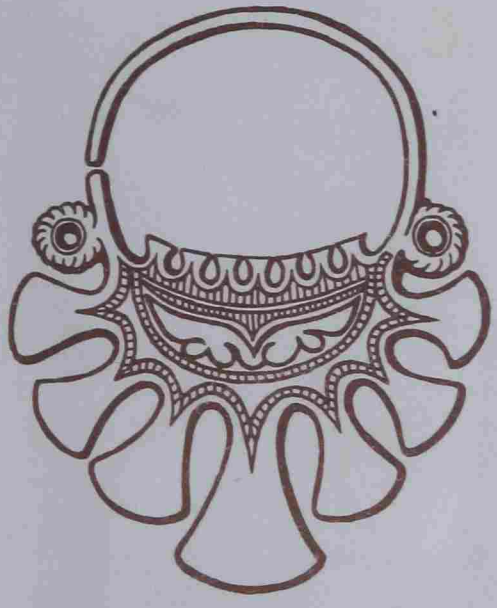
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1995 2

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор),

А. А. Аскаров, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. В. Виноградов, В. И. Гуляев (зам. главного редактора),
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, Г. А. Кошеленко,
В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон,
Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев,
В. С. Ольховский (отв. секретарь), Т. М. Потемкина,
Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко, В. Л. Янин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1995 2

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Крижевская Л. Я. Некоторые новые данные о хронологии неолита Уральского региона и методах ее установления 5

Потемкина Т. М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) 11

Махортых С. В., Черненко Е. В. О кавказских «пекторалях» VIII—VII вв. до н. э. 21

Гаджиев М. С. О местоположении Варачана 29

Мыськов Е. П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды 36

Буров В. А. О времени возникновения новгородского погоста Жабна 44

Цетлин Ю. Б. Проблемы научного эксперимента в изучении древнего гончарства 59

Калинина И. В., Устинова Е. А. (Гаджиева). Использование челюстей животных для орнаментации древней керамики 69

Дискуссии

Гуляев В. И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию, часть II) 84

Ольховский В. С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции 85

Кызласов И. Л. Погребальный обряд и уровень развития общества. От отдельного к общему 99

Федосова В. Н. О возможностях использования антропологических данных для палеосоциальных реконструкций 104

Кислый А. Е. Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего населения 112

Публикации

Пясецкий В. К. Ориньякская стоянка Червоный Камень на Ровенщине 123

© Российская академия наук.
Институт археологии, 1995 г.

Кравцов А. Е., Жилин М. Г. Опыт функционально-планиграфического анализа мезолитической стоянки Беливо-4Г-северная 135
Апальков А. Н. Находки предметов вооружения скифского времени в междуречье Сейма и Сосны 149
Петерс Б. Г., Чухина Е. В. Костяные изделия из раскопок Патрея 1985—1989 гг. 153
Захаров П. Е., Мордвинцева В. И. Грунтовый могильник сарматского времени в Нижнем Поволжье 161
Седикова Л. В. Керамический комплекс первой половины IX века из раскопок водохранилища в Херсонесе 170
Исланова И. В. Керамика селища Юрьевская Горка 178
Артемьев А. Р., Молчанов А. А. Древнерусские предметы вооружения с княжескими знаками собственности 188
Крыласова Н. Б. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника 192
Курбатов А. В. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости 198

История науки

Формозов А. А. П. Н. Милюков и археология 209

Критика и библиография

Кошеленко Г. А., Шахова Н. А. Новая литература по проблеме экономических связей между Индией и Средиземноморьем в античную эпоху 217
Вишняцкий Л. Б. The Middle Paleolithic: Adaptation, Behaviour and Variability/Eds. *Dibble H., Mellars P.* The University Museum, University of Pennsylvania, 1992 230
Сазанов А. В. Elephantine X. *Gempeler R. D.* Die Keramik römischer bis früharabischer Zeit. Mainz, 1992 236
Ениосова Н. В. *Forsell H.* The inception of copper mining in Falun Arkeologiska Forskninglaboratoriet. Stockholms Universitet, 1992 241
Седов В. В. *Fiedler U.* Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Band 11). Bonn, 1992 . . . 245
Клейн Л. С. *Алексеева О. Е., Саввониди Н. Ф.* Иллюстрированный англо-русский — русско-английский историко-археологический словарь. Санкт-Петербург, 1993 249
Буровский А. М. Фиктивно-демонстрационный продукт в археологии 250

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1995 2

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

CONTENTS

Krizhevska L. J. The New Data Concerning the Neolithic Chronology of the Urals Region and the Methods of its Determination 5
Potemkina T. M. Problems of the Contacts and the Cultures Changing of the Bronze Age Population Lived beyond the Urals (the late and final stages) 11
Makhortykh S. V., Tchernenko E. V. Concerning the Caucasus «Pectorals» of the 8th-7th centuries B. C. 21
Gadzhiev M. S. Concerning Varatchan's Location 29
Myskov E. P. Concerning the Types of the Golden Hord Population Head-dresses 36
Burov V. A. Concerning the Foundation of Zhabna Rural Centre of Novgorod Region 44
Tsetlin J. B. Problems of the Scientific Experiment in the Ancient Pottery Studies 59
Kalinina I. V., Ustinova E. A. (Gadzhieva). The Use of the Animals Jaws in the Ornamentation of the Ancient Ceramics 69

Discussions

Guljaev V. I. Funeral Ceremonies: Structure, Semantics, and the Social Interpretation (Introduction to the Discussion, Part II) 84
Olkhovsky B. S. Funeral Ceremonies and the Sociological Reconstructions 85
Kyzlasov I. L. The Funeral Ceremony and the Standard of a Society Development 99
Fedosova V. N. The Possibilities of the Phisical Anthropology in the Palaeosocial Reconstructions 104
Kislyi A. E. Palaeodemography and the Possibilities of the Ancient Population Modelling 112

Publications

Pjasetsky V. K. Aurignac Site Tchervony Kamen in Rovno Region 123
Kravtsov A. E., Zhilin M. G. The Function and Planigraphic Investigations of Belivo-4G (northern) Mesolithic Site 135
Apalkov A. N. The Scythian Time Arms in the Seim and Sosna Rivers Region 149
Peters B. G., Tchukhina E. V. The Bone Artifacts from Patrei Excavations in 1985—89 153
Zakharov P. E., Mordvintseva V. I. The Sarmatian Type Burial Ground in the Low Volga River Region 161
Sedikova L. V. The Ceramic Complex of the 1st half of the 9th Cent. from the Reservoir Excavations in Khersonesus 170
Islanova I. V. Ceramics from Jurjevskaya Gorka Settlement 178

Artemjev A. R., Molchanov A. A. The Old Russian Arms with the Princes Property Signs . . . 188
Krylasova N. B. The Pendant with the Rurik Family Sign from Rozhdestvensky Burial Ground 192
Kurbatov A. V. The Leather Products of the Swedish Time from Ivangorod Fortress Excavations 198

The History of Science

Formozov A. A. P. N. Miljukov and the Archaeology 209

Critique and bibliography

Koshelenko G. A., Shakhova N. A. The New Literature on the Problem of the Economic Ties between India and the Mediterranean Region in the Ancient Times 217
Vishnjatsky L. B. The Middle Paleolithic: Adaptation, Behaviour and Variability/Eds. *Dibble H., Mellars P.* The University Museum, University of Pennsylvania, 1992 230
Sazanov A. V. Elephantine X. *Gempeler R. D.* Die Keramik römischer bis früharabischer Zeit. Mainz, 1992 236
Jeniosova N. V. *Forsell H.* The Inception of Copper Mining in Falun. Arkeologiska F kninglaboratoriet. Stockholms Universitet, 1992 241
Sedov V. V. *Fiedler U.* Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Band 11). Bonn, 1992 . . . 245
Klein L. S. *Alekseeva O. E., Savvonidy N. F.* English-Russian and Russian-English Illustrated Historical and Archaeological Dictionary. Saint-Petersburg, 1993 249
Burovsky A. M. Fictitious and Demonstrating Product in the Archaeology 250

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ДАННЫЕ О ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА И МЕТОДАХ ЕЕ УСТАНОВЛЕНИЯ

Проблема хронологии является одним из главных и основных направлений при изучении каменного века, в том числе и неолита, поскольку вне времени не может быть понято ни одно культурно-историческое явление. Относительная же хронология позволяет рассматривать явление в его развитии и изменении. Абсолютный и относительный возраст того или иного памятника или комплекса взаимосвязан, причем определяющим является абсолютный возраст: он регулирует сравнительные возможности и определяет правильность сопоставлений.

Объективное определение абсолютного возраста стало возможным с использованием метода датирования по ^{14}C. Так, для неолита Урала первые даты поселений Стрелка и «6-й разрез» Горбуновского торфяника, полученные методом ^{14}C, появились в конце 40-х годов. Согласно этим датам, оба поселения существовали в пределах III тыс. до н. э. В целом же приблизительно до середины 50-х годов исследователи разрабатывали в основном относительную хронологию, абсолютный же возраст устанавливали по отдельным, часто не вполне достоверным сопоставлениям. Не случайно поэтому представление о времени существования неолита и его протяженности не отвечало действительности. В некоторых работах утверждалось, что неолит укладывается в период конца III — начала II тыс. до н. э., а длительность его составляет около 500 лет. И только в последние десятилетия благодаря радиоуглеродному датированию удалось установить действительные параметры неолитической эпохи — ее общую протяженность в 2 тысячелетия или несколько больше и время существования — приблизительно с середины V до середины или второй половины III тыс. до н. э. Удалось, таким образом, сомкнуть нижнюю границу неолита с предшествующей мезолитической эпохой и получить реальную возможность поставить генетическую проблему. Такая же ситуация возникла и в верхней границе неолита по отношению к последующей эпохе раннего металла.

В настоящее время для Урала мы все еще не располагаем достаточным количеством абсолютных дат. Для всей широкой территории Уральской эйкумены (западный и восточный склоны) и прилегающих регионов Западной Сибири периода мезолит — энеолит имеется немногим более 60 дат. Для большинства датированных памятников отсутствует серийность определений, и приходится строить заключения на основании одной-двух дат. Кроме того, сами даты заставляют относиться к ним с некоторой настороженностью. Так, в лаборатории ЛОИА до 1987 г. даже для мезолита, не говоря уже о неолите, даты укладывались в пределах от 5 до 6 тыс. лет. И лишь в последние годы появились более глубокие даты в 6—7 тыс. лет. По-видимому, это связано с изменением (очевидно, улучшением) методики анализа, что и вызывает некоторые сомнения в правильности предшествующих определений. Обращают внимание также некоторые явные несоответствия. Так, в Приуралье имеется дата для неолитического памятника Чумайтло I — 4170 ± 50 лет. Или же дата классического мезолитического памятника Среднего Зауралья Выйки II составляет 4580 ± 60 лет.

Очень глубока дата многослойного поселения Ташково I, даже если она отвечает неолитическому комплексу — 7440 ± 60; может быть, слишком углублена и дата Ташково III — 6380 ± 120, полученная для кошкинской керамики?

© Л. Я. Крижевская, 1995 г.

Очевидно, делать категорические заключения о возрасте на основании единичных дат не следует — таково единодушное мнение археологов и специалистов-физиков. Однако, несмотря на некоторые недоумения, радиоуглеродное датирование, как правило, подтверждает выводы исследователей, полученные на основании типологии и относительной хронологии, уточняя и детализируя их. Иногда же даты заставляют взглянуть по-новому на материал и изменить старые представления о возрасте в сторону их бесспорной правильности.

Итак, для Урала — Приуралья и Зауралья — разработанные в 60-х годах схемы периодизации и хронологии опубликованы в 1970 г. [1]. Схема, предложенная для Приуралья, хотя и не имеет объективных подтверждений и вызывает некоторые вопросы, все же используется в настоящее время как приемлемая систематизация, поскольку до сих пор не имеет замены. Но в самые последние годы получены новые материалы, заставляющие внести в нее некоторые коррективы.

Как известно, эта схема, разработанная только для развития гребенчатой керамики, отражает полное отсутствие сведений о раннем неолите, который бы следовал непосредственно за мезолитом и позволил бы как-то рассмотреть генетическую проблему. Самый ранний выделенный О. Н. Бадером — боровоозерский этап неолита отнесен им, и, очевидно, справедливо, к развитому периоду. Схема развития неолита, предложенная А. Х. Халиковым на материалах Волго-Камья, включающая пять этапов, из которых первый — докерамический, второй — раннекерамический, не получила всеобщего признания и не была использована в обобщающем труде, так как источники, на которых она строилась, не были и до сих пор опубликованы и схема предложена несколько декларативно [2]. Тем не менее среди исследователей утвердилось представление о раннем неолите Прикамья как о памятниках «типа II Щербетьской», т. е. характеризующихся накольчатой керамикой и пластинчатой индустрией.

В последнее десятилетие появились новые материалы, проливающие некоторый свет на до сих пор не совсем решенную проблему раннего неолита Приуралья. Остановимся в первую очередь на двух памятниках, расположенных в низовьях р. Белой,— ранненеолитическом Зиарате и мезолитическом Зиарате I [3, 4]. Возраст первого устанавливается комплексом находок, в которых каменная индустрия почти полностью повторяет мезолитическую, составляя в то же время единое целое с керамикой. Основное количество керамики — с гребенчатой орнаментальной традицией — имеет все признаки ранней, что хорошо согласуется с формами каменного инвентаря. Небольшое количество сосудов с накольчатым орнаментом принадлежит, по мнению исследователей, к единому комплексу материальных остатков. Таким образом, весь состав находок не оставляет сомнений в принадлежности поселения Зиарат к раннему неолиту.

Примерно в это же время в Среднем Приуралье были открыты позднемезолитические памятники, индустрия которых отличалась от ранее известных наличием макролитических форм и комплексом орудий на отщепах. Одновременно здесь же были открыты и ранненеолитические, сходство каменного инвентаря которых с позднемезолитическим настолько близко, что, если бы не керамика, их можно было бы отнести к мезолиту. Комплекс гребенчатой керамики аналогичен, как отмечают исследователи, керамике стоянки Зиарат. В то же время тут же открыта стоянка с пластинчатой индустрией и керамикой типа Хуторской [5]. Таким образом, можно говорить об определенной закономерности: возникновении неолита с гребенчатой керамикой на местной мезолитической основе как автохтонном процессе.

Вместе с тем нет никаких оснований, на наш взгляд, отбрасывать в раннем неолите и памятники с накольчатой керамикой «типа II Щербетьской», тем более что подобные стоянки появились и в Камско-Вятском междуречье (стоянка Кыйлуд II и др.), что расширяет территорию их распространения, а также свидетельствует об отсутствии случайности в их интерпретации как ранненеолитических [6].

Таким образом, новые материалы заполнили «белое пятно» старой схемы в разделе раннего неолита и показали изначальность существования двух керамических традиций в неолите Приуралья — гребенчатую и накольчатую.

В развитом и позднем неолите модификации гребенчатой керамики хорошо разработана О. Н. Бадером и представлена в имеющейся схеме, согласно которой верхне-среднее Прикамье рассматривалось как регион классической гребенчатой керамики; накольчатая здесь полностью отсутствовала. Керамика же с различными типами негребенчатой орнаментации (насечки, наколы, протягивание штампа и др.) была известна в многочисленных памятниках Нижнего Прикамья. Как правило (можно сказать, почти всегда), керамика с обеими стилевыми особенностями залегала совместно. И всегда, еще до появления новых материалов, вопрос об их культурно-хронологическом соотношении являлся одним из наиболее остродискуссионных. Большинство исследователей являются сторонниками пришлого происхождения накольчатой керамики из лесостепных и степных широт [7—9], а некоторые связывали ее с днепро-донецким кругом культур. Однако и тогда имелись сторонники ее местного происхождения [10]. До появления новых материалов точка зрения о ее пришлом характере была достаточно правомерна. Но новые материалы значительно подкрепляют противоположную позицию. О ранненеолитическом этапе уже было сказано. В развитом же неолите, не говоря уже о втором жилище самой Хуторской стоянки — эталонном памятнике гребенчатого неолита Прикамья, появляется новое поселение в эпицентре развития гребенчатой керамики — Чашкинское оз. VI [11, 12], неподалеку от Хуторской стоянки, которое наряду с гребенчатой содержит богатейший комплекс накольчатой керамики, уводящий к некоторым аналогиям с керамикой предшествующего этапа, «типа II Щербетьской» [11, 12]. Подобная же картина — наличие накольчатой керамики в поселениях развитого и позднего неолита — фиксируется и в стоянках Камско-Вятского междуречья.

Таким образом, можно считать доказанными изначальность накольчатой керамики в неолите Приуралья и Волго-Камья и развитие ее в Приуралье в последующие периоды неолита. А в раннем энеолите опять появляются «чистые» накольчатые памятники уже с модифицированной керамикой типа II Тат-Азибейской [13].

В целом хронология и периодизация неолита Приуралья представляется сейчас как две параллельные линии развития гребенчатых и накольчатых традиций, происходившего в течение всей неолитической эпохи. Предлагаемая схема нуждается в дополнительной разработке и апробации, так как сразу же встает ряд вопросов, о которых мы скажем дальше.

Абсолютное время существования неолита Приуралья и Волго-Камья можно определить с известной долей условности, поскольку радиоуглеродное датирование практически отсутствует. Для неолита имеются лишь две даты (всего пять дат — еще две для мезолита и одна для энеолита, уже упоминавшаяся дата Среднего Шадбегова). Все датировки получены для памятников Камско-Вятского междуречья. Отнесение нижней границы неолита ко второй половине V тыс. до н. э. может быть принято лишь на основании дат, полученных для других регионов, в частности Зауралья.

Переходя к неолиту Зауралья, отметим прежде всего несколько лучшее положение с абсолютным датированием: большее количество дат и серийность их для ряда памятников, в основном ранненеолитических. Как известно, в схеме периодизации и хронологии зауральского неолита, предложенной О. Н. Бадером и В. Н. Чернецовым, ранний его этап представлен накольчатой керамикой и пластинчатой индустрией на основе поселения Козлов Мыс [14]. Материалы последнего десятилетия закрепили эту характеристику на основании памятников типа Евстюнихи [15], которые сейчас известны на достаточно широкой территории. Однако, как оказалось, в раннем неолите существовали также памятники иного облика, возраст которых установлен радиоуглеродным датированием. Речь идет о группе сумпаньинских поселений [16], в которых наряду с накольчатой

керамикой большое место занимает керамика с довольно сложным и развитым гребенчатым орнаментом. Вообще весь облик материальных остатков этих поселений не укладывается в наши традиционные представления о раннем неолите (отсутствие пластинчатой индустрии, развитая сланцевая индустрия, не говоря уже о гребенчатой керамике и др.), и до получения абсолютных дат исследователи относили эти памятники к концу восточноуральской неолитической культуры. Однако серийность дат, кучно укладывающихся в середину и вторую половину V тыс. до н. э. (6520 ± 70, 6590 ± 70, 6530 ± 70, 6850 ± 60, 6100 ± 70), убеждает в правильности отнесения этих поселений к раннему неолиту. Кроме того, аналогичные даты получены и для неолитических памятников других микрорайонов того же кондинского бассейна (Леуши VII — 6890 ± 70, 6570 ± 50, 5750 ± 80, Геологическое VII — 7200 ± 110, 6280 ± 300). Памятники пока не опубликованы. Все эти данные дают серьезные основания относить нижнюю границу зауральского неолита к середине V тыс. до н. э.

Если генезис накольчатого неолита на основании сходства каменной индустрии прочно увязывается с местным мезолитом, то вопрос о генезисе этой группы памятников пока остается открытым, поскольку никакой переклички с индустрией близлежащих мезолитических поселений не прослеживается. Но так или иначе, в раннем неолите Зауралья, так же как в Приуралье, изначально устанавливаются две параллельные линии развития — гребенчатого и накольчатого неолита [16].

В последнее время (1989—1990 гг.) в литературе появилась точка зрения на еще одну разновидность раннего накольчатого неолита, представленную, по мнению автора, памятниками кошкинского типа [17]. Основанием для этой датировки в большей мере послужила, правда, ранняя, но пока единственная радиоуглеродная дата, полученная для кошкинской керамики из жилища поселения Ташково III,— 6380 ± 120 лет. Мы не разделяем этой точки зрения на памятники кошкинского типа и на одновременность их с евстюниховскими (типологически последние древнее). Пока, на наш взгляд, к датировке кошкинских комплексов следует подходить более осторожно.

Развитой период зауральского неолита (полуденковский этап) представлен, как справедливо отметил О. Н. Бадер, памятниками, в которых керамика обоих орнаментальных стилей залегает в подавляющем большинстве случаев совместно. И здесь, так же как в Приуралье, их культурно-хронологическое соотношение является предметом острой дискуссии. Эти памятники широко распространены на территории Зауралья вплоть до таежной (Сумпанья III) и приполярной (Чес-Тый-Яг) зон. В большинстве случаев развитую гребенчатую керамику сопровождает накольчатая кошкинского типа. Гребенчатая керамика Зауралья, ее изменение и развитие по эпохам, так же как в Приуралье, хорошо описана и изучена Бадером и Чернецовым [1]. Что касается накольчатой керамики, то мы представляем ее в следующем за ранним периоде как автохтонное развитие и модификацию более древней, евстюниховской (плоские днища, баночные формы, при сохранении архаического орнамента).

Таким образом, в отношении накольчатой керамики материалы последних десятилетий внесли некоторые коррективы в имевшиеся ранее представления. Это касается в первую очередь уже многократно упоминавшейся схемы Бадера — Чернецова, согласно которой накольчатая керамика в период развитого неолита постепенно исчезает, а в позднем отсутствует вовсе. На самом же дело она не исчезает, а продолжает развитие и в позднем периоде [18]. Кроме того, изменились представления, сформулированные в свое время К. В. Сальниковым и поддержанные автором настоящей статьи, о времени появления комплексов кошкинско-боборыкинского круга и их генезисе.

Сейчас очевидно, что кошкинский тип керамики не привнесен извне и относится не к раннему энеолиту, как это считалось ранее, а характеризует неолит Урала, возникнув как результат местного развития. Дискутируется время его появления в пределах раннего — среднего неолита.

В позднем неолите (сосновоостровский этап) действительно развивается, как отмечали О. Н. Бадер и В. Н. Чернецов, чистая гребенчатая культура, однако наряду с ней, параллельно, продолжает свое развитие и накольчатая орнаментальная традиция, представленная боборыкинской культурой [19]. Генезис ее не совсем ясен. По общей, известной сейчас сумме признаков вряд ли ее можно выводить непосредственно из кошкинской. Не исключено, что в ее формировании действительно принимали участие южные инновации, а заключительный этап ее уходит в энеолит. Так или иначе, керамика боборыкинской культуры является следствием развития накольчато-прочерченной традиции, возникшей на Урале в раннем неолите, просуществовавшей и развивающейся в течение всего неолитического времени.

Таким образом, схема хронологии и периодизации неолита Зауралья, так же как и Приуралья, представляется как параллельное развитие гребенчатой и накольчатой орнаментальных традиций и соответствующих им индустриальных комплексов (в первом случае — господство отщеповых форм, во втором — сохранение архаичной пластинчатой техники). Мы уже упоминали, что предложенная схема — теперь уже очевидно — для всего уральского неолита требует дальнейших разработок и уточнений. Так, остается неясным вопрос: из одной или разных мезолитических культур сформировались две линии развития неолита? Пока данных о наличии двух мезолитических культур не имеется. Где же тогда коренятся истоки различия? Остаются не совсем ясными пути развития неолита. Почему в раннем и позднем периоде отчетливо выделяются разнокерамические памятники, а в развитом — обе керамические группы соединены в одних поселениях? Какие культурно-исторические процессы отражаются в этом единстве и последующей разобщенности? Эти и, очевидно, ряд других вопросов еще ждут своего разрешения.

Абсолютное время существования развитого и позднего неолита Зауралья определяется до известной степени единичными радиоуглеродными датами, полученными для ряда памятников, материал которых пока, к сожалению, не опубликован, что не позволяет решать вопросы хронологии и периодизации взаимосвязано. Наиболее важными являются даты Дуванского V — 5295 ± 60, Исетского — 5880 ± 60, 5190 ± 60, 4210 ± 40; последняя дата фиксирует позднеолитический комплекс Карьер II — 5590 ± 125. Об этих памятниках имеются некоторые сведения из устных сообщений, позволяющих по набору признаков относить их к развитому неолиту. Как видно из абсолютных дат, возраст их укладывается в пределы V до VI тыс. от н. э. или соответственно в IV тыс. до н. э. Одновременно эти даты могут фиксировать верхнюю границу раннего неолита. С поздним неолитом возможно соотносить даты многослойных поселений — уже упоминавшуюся из поселения Исетского и из Кокшарово-Юрьевского — 4690 ± 120 лет.

В целом, как видно из приведенных данных, радиоуглеродное датирование уральского неолита находится еще в зачаточном состоянии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бадер О. Н.* Уральский неолит//МИА. 1970. № 66.
2. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. Ч. 1. М., 1969.
3. *Выборнов А. А.* Мезолитическая стоянка Зиарат I в устье р. Белой//КСИА. 1987. Вып. 189.
4. *Выборнов А. А., Крижевская Л. Я.* Ранненеолитическая стоянка Зиарат в устье р. Белой//КСИА. 1988. Вып. 193.
5. *Денисов В. А., Мельничук А. Ф.* Формирование неолита в Среднем Прикамье//Ранний неолит лесной и лесостепной зон и его генезис. Л., 1990.
6. *Гусенцова Т. М.* К вопросу о неолите Камско-Вятского междуречья//КСИА. 1981. Вып. 157.
7. *Калинина И. В.* Поздненеолитическая керамика I Саузовского поселения//АСГЭ. 1984. Вып. 25.
8. *Васильев И. Б., Выборнов А. А.* Неолит Поволжья. Куйбышев: Куйбыш. пединст., 1988.
9. *Третьяков В. П.* Ранненеолитические памятники Среднего Поволжья//КСИА. 1972. Вып. 131.
10. *Гусенцова Т. М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981.

11. *Денисов В. П., Мельничук А. Ф.* Второе жилище Хуторской стоянки//Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
12. *Мельничук А. Ф., Пономарева Л. В.* Неолитическая стоянка Чашкинское оз. VI//Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Сборник статей Удмуртского научно-исследовательского института. Ижевск, 1984.
13. *Габяшев Р. С.* Второе татарско-Азибейское поселение//Древности Икско-Бельского междуречья. Сб. ст. КФАН СССР. Казань, 1978.
14. *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья//МИА. 1953. № 35.
15. *Рассадович А. И., Сериков Ю. Б., Старков В. Ф.* Древнейшая скульптура лесного Зауралья//СА. 1976. № 4.
16. *Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П.* Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне р. Конды//ВАУ. 1984. Вып. 17.
17. *Крижевская Л. Я., Гаджиева Е. А.* Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите Восточного Зауралья//Археологические памятники Урала. Свердловск, 1991.
18. *Ковалева В. Т.* Неолит Среднего Зауралья. Пособие к спецкурсу. Свердловск, 1989.
19. *Ковалева В. Т.* Боборыкинская культура (итоги исследований)//ВАУ. 1985. Вып. 18.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

L. J. KRIZHEVSKA

THE NEW DATA CONCERNING THE NEOLITHIC CHRONOLOGY OF THE URALS REGION AND THE METHODS OF ITS DETERMINATION

Summary

The article deals with the absolute and relative chronology of the Early, Middle and Late Neolithic sites situated in the regions before the Urals and beyond it. The author analyses the all known absolute dates of the sites, chronological systems and the dating methods. The author also investigates the system of the ceramic ornamentation, its development and changes, and finds out the genetic ties of the Neolithic sites with the previous Mesolithic and the following Eneolithic ones. The Urals Neolithic chronology is represented as a parallel development of two ornamentation traditions and the industry complexes connected with them. This point of view is based on the idea about the simultaneous ceramic ornamentation traditions in the Urals region.

Т. М. ПОТЕМКИНА

ПРОБЛЕМЫ СВЯЗЕЙ И СМЕНЫ КУЛЬТУР НАСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ (ПОЗДНИЙ И ФИНАЛЬНЫЙ ЭТАПЫ)

Направление связей в период поздней бронзы

В конце среднего и позднем бронзовом веке Притобольская лесостепь становится ареной новых активных контактов и передвижений, но с новой ориентацией связей, отмеченной воздействием населения северолесостепной и южнолесной зон. Наиболее масштабными были связи с федоровским населением, начало инфильтрации которого в алакульскую среду относится к постпетровскому этапу (XVI в. до н. э.), что фиксируется появлением в алакульских комплексах посуды с федоровскими орнаментальными традициями (Раскатиха, раскоп 1; могильник и поселение Камышное I и др.) [1, с. 272, 273; рис. 38, *2, 8;* 92, *1,5*]. Более массовое продвижение федоровцев в Зауральскую и Северо-Казахстанскую лесостепь наблюдается в классический алакульский период (XV в. до н. э.), что отмечено совместным нахождением керамики обоих типов в культурном слое поселений, в погребениях под одной насыпью (Субботино, курган 2), а также появлением керамики смешанного (амангельдинского) типа [1, с. 236—237; 2, с. 35, 42, рис. 4]. Алакульское и федоровское население сосуществует и активно взаимодействует, контакты становятся постоянными и повсеместными. Обе группы населения находились на близком уровне развития, что способствовало взаимному восприятию традиций. Неоднозначность проявления федоровских культурных признаков в разновременных алакульских комплексах свидетельствует о длительном и непрерывном их сосуществовании в лесостепном Зауралье (XVI—XIII вв. до н. э.). При этом алакульские традиции всегда оставались ведущими: во всех известных комплексах, где присутствует федоровская керамика (более 40), она не превышает 7—11% [1, с. 272, 273]. Результатом синтеза и дальнейшей трансформации двух культур явилось появление керамики позднеалакульского типа (поселения Язево I, Убаган II и др.), знаменовавшей собой финал алакульской эпохи — наиболее активного периода в освоении алакульцами новых территорий [1, с. 45, 46, рис. 6, *1—6;* рис. 7; с. 124—126, рис. 46; с. 241].

В южнотаежную зону Притоболья федоровцы проникают позже — в XIV—XIII вв. до н. э. (Черемуховый куст, Дуван XVII, Карьер II и др.) [3, с. 134, 135; 4, с. 149, 150]. Они появляются здесь, как считают исследователи этих памятников, позже алакульцев [5, с. 76—79]. Однако исследования последних лет не оставляют сомнения, что федоровские традиции проникают в Тюменское Притоболье совместно с алакульскими на позднем алакульском этапе (XIV в. до н. э.), частью уже в смешанном виде. На поселении Ук III наряду с позднеалакульской встречена посуда смешанного алакульско-федоровского облика [6, с. 26, 30]. Вслед за Тюменским Притобольем алакульско-федоровское население проникает в более восточные южнолесные и лесостепные районы Приишимья, Прииртышья и Приобья [5, с. 79, 81; 7, с. 42; 8, с. 141; 9, с. 116].

В настоящее время трудно сказать определенно, какая территория являлась исходной для федоровского населения. Наиболее убедительной и обоснованной представляется точка зрения о формировании федоровской культуры в пограничье

© Т. М. Потемкина, 1995 г.

лесостепи и южнотаежной зоны Урала и прилегающих районов Западной Сибири [1, с. 272, 273; 10, с. 7—10; 11, с. 81; 12, с. 23, 24; 13, с. 17—20].

Существует и другая точка зрения по вопросу происхождения федоровских древностей и их взаимоотношения с алакульскими. Поскольку этот вопрос является одним из наиболее дискуссионных в проблематике позднего бронзового века Урало-Сибирско-Казахстанского региона, связанной с андроновской культурно-исторической общностью, необходимо в самой общей форме остановиться на этой проблеме, хотя это и уведет нас несколько в сторону от основной линии изложения материала.

Одним из примеров разного подхода к вышеупомянутому спорному вопросу является неоднозначное содержание, вкладываемое в понятие «позднеалакульская керамика». В отличие от изложенного выше представления о позднеалакульском типе посуды как завершающем линию развития алакульских керамических традиций и оформившемся в определенной мере под воздействием параллельно существующей федоровской культуры, керамика, тождественная позднеалакульской и получившая название «бишкульской», рассматривается как федоровская бытовая и хозяйственно-производственная посуда, характерная только для поселений [14, с. 112, 113]. Данная оценка основана на концепции о генетической преемственности федоровской и алакульской культур, когда первая вырастает на основе второй (точка зрения, близкая известной схеме К. В. Сальникова, где указанные культуры поменялись местами). Разобраться в этом вопросе трудно, если не коснуться истории его исследования.

Бишкульский тип керамики выделен на базе однослойного поселения Бишкуль IV [15, с. 71—75], а позже и на ряде многослойных поселений Северного Казахстана (Новоникольское I, Петровка II и др.). Исследователь этих памятников Г. Б. Зданович отмечал, что бишкульская керамика наряду с федоровскими характеризуется и алакульскими признаками и это, по его мнению, результат смешения двух культурных традиций с приходом федоровцев в Северный Казахстан, где алакульская культура уже оформилась [2, с. 36, 37, 42, 43, рис. 5]. Аналогичная оценка бишкульской керамики дана и С. Я. Зданович, которая ее возникновение связывает с взаимодействием федоровской и алакульской культур [16, с. 15]. Тем самым постулировался тезис о сосуществовании федоровских и алакульских древностей. Однако позже Г. Б. Зданович стал рассматривать бишкульский тип керамики как федоровскую бытовую поселенческую посуду, а федоровскую и алакульскую культуры — генетически связанными. Основанием для этого послужило сходство значительной части бишкульских сосудов Северного Казахстана, и в первую очередь комплекса с поселения Бишкуль IV, с керамикой федоровских памятников Восточного Казахстана (поселение Канай) и Южной Сибири (Ключи) [14, с. 112—114]. При этом, как справедливо отмечает автор, бишкульская керамика нигде не встречается в чистом виде, ее везде сопровождают пышные горшки с пышной гребенчатой орнаментацией (федоровские в классическом понимании), составляющие от 3 до 10% всех сосудов. Наличие алакульских признаков в бишкульской посуде объяснялось возникновением последней на основе развития алакульской и трансформации алакульской культуры в федоровскую [14, с. 112]. Исходя из этой концепции, исследователь расширяет источниковедческую базу бишкульского типа посуды не только за счет федоровской (типа поселения Бишкуль IV) и сходной с ней керамики, но включает туда же и позднеалакульскую керамику с федоровскими признаками как с памятников Северного Казахстана, так и смежных территорий (Зауралья, Центрального Казахстана и др.) [14, с. 38, рис. 9, *2, 3, 9, 10*; с. 54, рис. 19, *8, 9*; с. 128]. В результате со времени открытия в начале 70-х гг. бишкульского типа керамики изменилось не только его культурное определение и хронология (первоначально — XII—XI вв. до н. э., позже — XIV—XII вв. до н. э.), но значительно расширились содержание самого понятия и предполагаемый ареал [14, с. 144, 148; 17, с. 23], что не могло не вызвать некоторое непонимание у исследователей.

На наш взгляд, в бишкульский тип керамики включена посуда различной

культурной принадлежности: как федоровская Северного Казахстана (типа Бишкуль IV), несомненно имеющая сходство с керамикой федоровских памятников Восточного Казахстана [18, с. 30, 31; табл. LXXVII*б*; 15; табл. XVII, *2*, *17*] и Енисея [19, с. 46—49; табл. XLII, *4*; XLIII, *4*, *6* и др.), так и алакульская в своей основе, но с некоторыми элементами федоровской посуды на поздних этапах их сосуществования (позднеалакульская, по Т. М. Потемкиной). Важно отметить, что хронологические позиции данной посуды авторами определяются практически однозначно — XIV—XIII вв. до н э. [1, с. 292; 14, с. 144, 148]. Взаимовстречаемость в одних комплексах посуды позднеалакульской, позднефедоровской и смешанных типов, особенно в районах Северного и Центрального Казахстана, вполне закономерна как результат контактов и взаимодействия населения западного (алакульского) и восточного (федоровского) андроновских миров в контактной зоне, каковым являлось Среднее и особенно Верхнее Приишимье. Контакты эти усилились в связи со сдвигом к югу алакульских и федоровских групп населения на поздних этапах их существования, о чем будет сказано ниже.

Высказанная точка зрения подтверждается и данными специального анализа гончарной технологии андроновских сосудов Центрального и Северного Казахстана, свидетельствующими о механическом смешивании культурных традиций алакульского и федоровского населения в результате взаимодействия. Так, федоровские гончары, попадая в результате брачных связей в зону действия алакульских гончарных традиций, меняли внешний облик своих сосудов, сохраняя при этом свои приемы их конструирования. Федоровцы подвергались ассимиляции со стороны более многочисленных алакульцев, если судить по количественному соотношению керамики с характерными для той и другой группы населения принципами начина [20, с. 28—30]. Что касается хозяйственно-производственного назначения бишкульского типа посуды, то исследования гончарной технологии сосудов эпохи бронзы показали, что в андроновских комплексах не существовало специально изготовленной бытовой и погребальной посуды. Возможно, была ритуальная, нарядная, специально изготовленная, но она использовалась и в быту [21, с. 131, 132].

Но вернемся к дальнейшему изложению основных положений данной публикации. На позднеалакульском этапе (XIV в. до н. э.) в лесостепное и степное Притоболье и Приишимье продвигается черкаскульское население, что подтверждается данными стратиграфии и планиграфии ряда поселений (Камышное II, Язево I, III, Алексеевское, Явленка и др.) [1, с. 90, 91, рис. 28; *2*, с. 36—39, рис. 6, с. 43; 22, с. 38, 44, 45]. Наиболее южной точкой черкаскульского проникновения является район г. Целинограда [16, с. 15]. Одновременно сдвиг черкаскульско-федоровского населения происходит и в западном направлении — в лесостепные районы Башкирии [23, с. 364—374; 24], Среднее и Нижнее Поволжье, где на месте срубных появляются памятники «сусканского типа» черкаскульско-межовского облика [25, с. 162—206; 26, с. 86—96; 27, с. 115—126].

Черкаскульская культура сложилась на юге лесной зоны Среднего Урала в XV—XIV вв. до н. э. и входила в массив андроноидных культур Западной Сибири. Территориальное соседство и близость подосновы определили родственность черкаскульской и федоровской культур в период их формирования [11, с. 30, 132—141; 13, с. 17—19]. Предполагается также единый угорский этнический компонент в сложении федоровского и черкаскульского населения [23, с. 347; 28; 29, с. 314—317; 30, с. 62], что в дальнейшем облегчило контакт между ними и привело к быстрому внедрению черкаскульцев в алакульско-федоровскую среду. Поскольку черкаскульская керамика почти повсеместно появляется вместе с позднефедоровской, есть основания думать, что в ходе продвижения в лесостепные и степные районы складывались смешанные черкаскульско-федоровские группы населения [12, с. 24; 13, с. 21]. Возможно, именно эта консолидация привела к образованию мощных динамичных объединений, способных в относительно короткий срок преодолеть значительные расстояния и при этом сохранить свой

культурный облик практически в неизменном виде: повсюду, вплоть до степей Казахстана, черкаскульское проникновение фиксируется специфической керамикой, характерной только для черкаскульцев лесного Зауралья — с обильной примесью талька, украшенной фестонами и зигзагообразными полосами, обрамленными залощенными желобками. И только позже (на рубеже XIV—XIII, в XIII вв. до н. э.), с внедрением черкаскульских групп в местную среду, появляется черкаскульская керамика с использованием местных примесей в глиняном тесте и несколько измененной орнаментацией, а также посуда смешанных алакульско-черкаскульских и федоровско-черкаскульских типов [1, с. 269—271; 2, с. 43]. Вместе с черкаскульской керамикой на позднеалакульских поселениях начинают преобладать бронзовые изделия из металла группы ВК и ВУ (Камышное II, Убаган II и др.), что, видимо, отражает не только изменение направления связей населения, но использование других рудных источников и изменение технологии.

В свою очередь, под влиянием черкаскульско-федоровских керамических традиций происходят изменения в алакульской керамике: появляются сосуды с плавной профилировкой и выпуклыми боками, постепенно исчезают горшки с уступчатым плечом; в орнаментации заметную роль начинают играть ряды уголков, желобков, ломаных полос с вертикальной штриховкой, т. е. элементы, характерные для федоровско-черкаскульской посуды.

В дальнейшем (в конце XIII—XII вв. до н. э.) в районах, где преобладающими являлись алакульские традиции (Зауралье, Западный и Северный Казахстан, западные районы Центрального Казахстана), черкаскульско-федоровское воздействие приводит к постепенной трансформации алакульской культуры и сложению нового культурного образования алексеевско-саргаринского типа [1, с. 270; 16, с. 17]. Федоровское и черкаскульское население было, вероятно, поглощено более многочисленными алакульским, поскольку в керамике носителей алексеевско-саргаринской культуры не обнаружено никаких следов федоровской гончарной технологии [20, с. 28—30]. На территориях, где ведущими оказались черкаскульские и федоровские традиции (северолесостепные и южнотаежные районы Урала и Западной Сибири, Южная Сибирь, Восточный Казахстан, юго-восточные районы Центрального Казахстана), сложилась свита сходных и в то же время специфичных для каждого региона культур эпохи поздней бронзы — сузгунская, ирменская, карасукская, бегазы-дандыбаевская, где в числе одного из основных слагающих компонентов просматриваются федоровские или черкаскульские древности или те и другие вместе, что хорошо иллюстрируется керамикой и некоторыми деталями погребального обряда. В последнем случае показательно южнолесное Притоболье, где появление черкаскульско-федоровского населения относится к концу XIV—XIII в. до н. э. С его приходом существовавшее здесь алакульское и алакульско-федоровское население было оттеснено или ассимилировано практически полностью, во всяком случае, в пограничье леса и лесостепи по рекам Исети и Суери (поселения Боборыкино I, II, VI; Усть-Суерское III, Волосниково, Ново-Шадрино и др.) [1, с. 128—137]. На этой основе складывается новая культура бархатовского типа межовского круга [5, с. 85—87].

В южнолесной зоне Урала и прилегающих районах Западной Сибири черкаскульская и федоровская культуры имели особую историко-культурную значимость для судеб угорских народов, и их существование оставило значительный след в культуре хантов и манси. Благодаря своему контактному положению между срубно-алакульскими племенами и угорским населением таежной зоны носители черкаскульско-федоровских традиций стали теми проводниками, посредством которых в среду древних угров проникали новые культурные элементы: занятие скотоводством, андроновские орнаменты, определенные мировоззренческие представления.

Видимо, именно ко времени продвижения черкаскульских племен в южном направлении относится процесс наиболее активных контактов и взаимодействий угорского населения с индоиранскими племенами андроновского и срубного круга,

который привел к глубоким изменениям в среде последних. В первую очередь это касается алакульского населения, которое, как было показано выше, раньше других и более действенно оказалось втянутым в эти связи. В Приуралье, Среднем и Нижнем Поволжье черкаскульско-федоровское и черкаскульско-межовское население появляется в позднесрубное время — в XII—XI, XIII—XII вв. до н. э. [24, с. 48; 25, с. 197; 26, с. 95; 27, с.123] и также оказывает определенное воздействие, хотя и в меньшей степени, на население занятой ими территории, участвуя в сложении новых культур финальной бронзы. Все это свидетельствует о глобальности процесса, связанного со сдвигом массива лесного населения к югу.

Причиной резкого сдвига черкаскульского населения к югу явились, вероятно, как и в предшествующее время, факторы внутреннего и внешнего порядка. К внутренним относится общий прогресс хозяйства, связанный с ростом роли скотоводства и последующими изменениями в обществе. Восприятие черкаскульским населением производящего хозяйства на ранних этапах своего существования под влиянием более развитых петровско-алакульских племен привело к численному росту населения и потребности осваивать новые территории [30, с. 63]. Но не только «демографический взрыв» был тому причиной, но и внешние обстоятельства. К числу последних относятся новые климатические условия, наступившие в связи с началом похолодания и увлажнения в конце бронзового века.

В южнолесной зоне с увлажнением наметилось наступление таежного ландшафта, ухудшившим возможность для скотоводческо-земледельческих занятий, что вызвало поиски новых путей адаптации [32, с. 14]. Лесостепь и степь в это время имели больше резервов для развития скотоводства и земледелия. Немалую роль сыграла, видимо, и сравнительно большая доля лошади в составе стада черкаскульского населения (до 32%) [13, с. 15], рост численности которой требовал открытых и широких пастбищ. Важным условием являлась способность лошади самой добывать корм из-под снега глубиной до 40—50 см. Вполне возможно также, что наличие значительного числа лошади в стадах черкаскульцев способствовало их мобильности, о чем говорилось выше.

Таким образом, в силу исторических обстоятельств в эпоху поздней бронзы лесное население Зауралья, археологически черкаскульские и черкаскульско-федоровские племена (наиболее вероятно угорские), сыграло значительную роль в судьбах населения Урало-Сибирского региона. Распространяясь на широкую территорию лесостепных и степных районов от Поволжья до Северного Казахстана и вступая в непосредственные контакты с носителями андроновского и срубного круга культур, активно взаимодействуя с ними, черкаскульско-федоровское население впитывало в себя индоиранские элементы культуры (хозяйственный, мировоззренческий, языковый и проч.), постепенно растворяясь в их среде и утрачивая свои признаки. В то же время этот процесс приводит к трансформации культурных традиций самих аборигенов (алакульцев, срубников) и сложению на этой основе новых культур финальной бронзы (алексеевско-саргаринской, ивановской, бегазы-дандыбаевской и др.), в которых иногда с трудом улавливаются элементы культур, им предшествующих и участвующих в их формировании. Другая часть черкаскульского и федоровского населения, которая осела на севере лесостепной и в южнотаежной зонах Зауралья, вероятно, продолжала оставаться угроязычной и сохранила этнические признаки угорских народов, проявившиеся не только в культурах последующего времени, сформировавшихся при их участии (сузгунская, межовская), но и у некоторых народов современности (ханты, манси) [33, с. 13—15; 34, с. 31, 32; 30, с. 62].

Все эти процессы, особенно связанные с трансформацией и сменой культур, были намного сложней, чем нам иногда представляется, где были задействованы многие факторы, важнейший из них, несомненно, хозяйственная деятельность. Следует предполагать, что в условиях взаимодействия различных культурных традиций рассматриваемых массивов населения шло и формирование определен-

ных хозяйственно-культурных типов (ХКТ). В данном конкретном случае мы наблюдаем достаточно заметную хозяйственную дифференциацию для отдельных природных зон; в степи и на юге лесостепи в эпоху поздней бронзы сформировалось хозяйство, основанное на производящей экономике, где главную роль играло подвижное скотоводство с незначительной ролью земледелия [1, с. 311—322; 33, с. 40—42]. На севере лесостепной и в южнотаежной зоне хозяйство было основано на многоотраслевой экономике, где скотоводство носило придомный характер и значительную роль (иногда до 50%) играла промысловая охота на крупных животных (лося, косулю, кабана), а также водоплавающую птицу; очень незначительное место занимало земледелие [33, с. 73—75].

Некоторые специалисты считают, что хозяйственно-культурные типы в доклассовые и раннеклассовые эпохи часто определяли основные черты культуры этноса. В ряде случаев этническая принадлежность и ХКТ совпадали [35, с. 111—113]. Случаи смены своей этнической принадлежности при смене образа жизни (от охоты и собирательства к скотоводству, от земледелия к скотоводству и т. д.) широко известны по этнографическим примерам. В условиях сосуществования различных ХКТ именно смена образа жизни вела к изменению этнической принадлежности, а не наоборот [36, с. 228].

Эти положения, на наш взгляд, представляют чрезвычайный интерес для понимания процессов, связанных с появлением новых культурных образований типа алексеевско-саргаринского, когда взаимодействие генетически различных групп населения приводит к слиянию традиций и формированию новых культурных типов, где признаки слагающих компонентов или некоторых из них (в данном случае черкаскульских, федоровских) утрачиваются в связи со сменой населением образа жизни.

В свете изложенной точки зрения о возможной смене этнической принадлежности при перемене образа жизни, может быть понят и давний спор специалистов-андроноведов по поводу этнической принадлежности федоровского населения, которое, как уже отмечалось выше, одни считают угорским [13; 28; 33, с. 13; 37, с. 49—51], другие — индоиранским [38, с. 111; 39, с. 55], третьи — частью теми и другими [23, с. 347]. Если подходить с позиций исторического развития федоровской культуры на разных этапах ее существования, в различных природно-географических условиях и культурном окружении, то все авторы различных точек зрения в каждом отдельном случае могут быть правы. Так, федоровская культура в условиях своего формирования в пограничье лесостепи и леса на Урале и прилегающей территории Зауралья (на своей прародине) могла быть угорской. Федоровское население в период расцвета своей культуры (классический период), продвинувшееся в южнолесные и северолесостепные районы Зауралья и Западной Сибири, вероятнее всего, продолжало оставаться угроязычным, поскольку мало изменилось его природное и культурное окружение и не произошло существенных изменений в хозяйстве — это мог быть только новый уровень многоотраслевой экономики. Федоровцы на позднем этапе своего существования, расселившиеся на широкой территории лесостепей и степей Евразии от Поволжья до Южной Сибири, Алтая, Восточного и Центрального Казахстана, активно взаимодействующие с обитавшим там ираноязычным срубным, алакульским, тазабагъябским и другим населением и воспринявшие новый тип хозяйства (ХКТ), основанный преимущественно на подвижном (отгонном) скотоводстве, могли в результате постепенной трансформации превратиться в ираноязычное население.

Динамика связей в эпоху финальной бронзы

В эпоху финальной бронзы (XII—X—IX вв. до н. э.) продолжают существовать тесные связи между лесным, лесостепным и степным населением Зауралья. В степи — лесостепи в это время обитало население алексеевско-саргаринской культуры, сложившееся, как уже отмечалось, на основе алакульской линии развития при участии федоровской и черкаскульской культур [1, с. 270, 271, 274, 342—344; 16, с. 15, 16].

Южнолесные районы Зауралья занимало население межовской общности. Исследованиями последних лет в Тюменском Притоболье в пограничье леса и лесостепи выделена бархатовская культура, входящая в круг памятников межовского типа. Бархатовская культура сложилась на местной андроноидной основе с хозяйством многоотраслевого типа, где значительную роль играла охота на промысловых животных (лося, косулю) [5, с. 85—89].

Вопрос взаимодействия лесного и степного населения Зауралья в этот период уже нашел отражение в специальной публикации автора [40]. Практически во всех комплексах финальной бронзы обширного региона Зауралья и Северного Казахстана степная керамика алексеевско-саргаринского и лесная межовско-бархатовского типов встречается совместно, но соотношение их различно в зависимости от территории расположения памятников. На поселениях северной лесостепи преобладает межовско-бархатовская керамика. На памятниках, пограничных с лесной зоной (по р. Исети и Тоболу ниже впадения р. Суери), присутствует только межовская керамика различных культурно-хронологических вариантов (поселения Замараевское, Бабарыкино I, VI, Бархатово, Ново-Шадрино и др.). Алексеевско-саргаринская посуда является основной на поселениях, граничащих со степной зоной (по р. Уй и южнее 55° с. ш. Алексеевское, Садчиковское, Загаринское и др). Межовская посуда здесь представлена незначительным числом (7—11%) [1, с. 138—142; 40]. Севернее 56° с. ш. алексеевская керамика встречается в единичных фрагментах, а на р. Исети (57° с. ш.) практически не известна. На территории лесостепи между 55 и 56° с. ш. степная и лесная керамика представлены почти в равных количествах (Камышное II, Язево I), что свидетельствует о существовании и смешении различных традиций в контактной зоне. Следовательно, граница между культурами степного алексеевского и лесного межовского типов устанавливается на уровне 56,5—57° с. ш. При этом следует отметить одну особенность: инфильтрация алексеевско-саргаринского населения совершенно не прослеживается севернее пограничья леса и лесостепи, в то время как население южнотаежной зоны (черкаскульско-межовское) проникает далеко на юг в степи Притоболья и Приишимья, а также в Поволжье. Видимо, это связано не только с интенсивным развитием производящего хозяйства, но и со спецификой его у различных групп населения. Лесные племена, ведущие комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство при значительной роли охоты, рыболовства, собирательства, при необходимости могли легко адаптироваться в других климатических условиях. Степное население, основой хозяйства которого являлось полукочевое (яйлажное) скотоводство, требующее более широких и открытых пастбищ, в условиях лесной зоны вести хозяйство на прежнем уровне не могло. Лесное население менее зависело от экологических условий, чем степное.

В целом в эпоху поздней и финальной бронзы (XIV—IX вв. до н. э.) в Зауралье происходит значительный сдвиг лесного населения к югу по сравнению с периодом средней бронзы (XVII—XIV вв. до н. э.). Если алакульское и алакульско-федоровское население проникает в южнотаежные районы достаточно глубоко (до 58° с. ш.), то алексеевские племена дальше севера лесостепи (56,5° с. ш.) практически не селились. Лесные же племена широко осваивают лесостепь и проникают в степь до 53° с. ш. Как уже отмечалось, это связано как с климатическими изменениями, так и с отличным хозяйственно-культурным типом у населения разных природных зон.

Подведем итоги. 1. В разные периоды и на разных этапах эпохи бронзы характер и направление связей населения различных климатических зон Зауралья менялись. В период ранней и средней бронзы (XIX—XIV вв. до н. э.) основная ориентация контактов имела северо-северо-восточное направление. Импульсы исходили с юго-запада и запада (Южно-Уральская степь и лесостепь). В период поздней и финальной бронзы (конец XIV—IX вв. до н. э.) ведущими были связи в юго-юго-восточном направлении; импульсы исходили из лесной северолесо-

степной зоны Зауралья и южнотаежной зоны Тоболо-Ишимья. Это не исключает параллельные контакты в других направлениях.

2. Отмеченные контакты, передвижения и взаимосвязи культурных групп не были одноразовым явлением. Возникнув в одном, обусловленном исторической обстановкой месте, они передавались населению другой территории, воспринимались на разных уровнях в зависимости от местных условий, степени прогресса общества, гасли или передавались дальше, постепенно вовлекая новое население и новые территории, приводя к синтезу, трансформациям и инновациям культурных типов и дальнейшим импульсам на новом качественном уровне.

3. В основе рассмотренных импульсов и связанных с ними контактов и миграций населения лежат два основных фактора: внутренний — развитие производящего хозяйства, дальнейший его прогресс и последующие за этим изменения в обществе — и внешний — изменение климатических условий и необходимость приспособления к новым условиям. Сочетание экономических, демографических и природных факторов определяло направление и характер передвижений, общеисторическую ситуацию.

4. Последствия миграций и связей различны — от небольших изменений в форме синтеза культур до полной трансформации культуры как мигрантов, так и аборигенов. Результатом трансформаций, как правило, становится появление новых культурных типов (инноваций). Зарождение элементов новых культур чаще всего происходит на периферии, на стыке двух и более ареалов вследствие взаимодействия нескольких культурных типов, так как именно при таких обстоятельствах проявляется наиболее активный процесс взаимодействия, чаще всего в результате вторжения мигрантов в чужую среду. Один из главных факторов трансформации и смены культур — изменение образа жизни населения.

5. Контакты и миграции, способствующие взаимному восприятию культурных достижений населения различных регионов и природных зон, привели к значительным изменениям в хозяйстве племен эпохи бронзы сначала лесостепной, затем южнотаежной зоны, где сложились различные хозяйственно-культурные типы, а также к усложнению структуры общества и его консолидации. Сложение новых культур и групп вызвало изменение этнокультурной карты значительной территории.

6. Процессы, протекавшие в Зауралье, находились в тесной взаимосвязи с культурно-историческими изменениями, происходившими в поволжско-уральско-сибирском регионе, и являлись важным элементом в сложении ряда культурных общностей Евразии: срубной, алакульской, алексеевско-саргаринской, межовской и др. На территории от Дона до Оби в процессах синтеза, трансформации и инноваций были задействованы одни и те же факторы и механизмы, вызывающие явления одного порядка, с некоторыми различиями во времени и спецификой культурных типов. Эти причины, а также огромные территории и подвижность населения затрудняют определение границ между отдельными культурами и общностями, особенно в пределах одной или сходных природных зон, где существовал близкий тип хозяйства.

7. Связи степных — лесостепных и лесных культурных традиций отражают длительный и постоянный процесс взаимодействия индоиранского и угорского массивов населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Потемкина Т. М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
2. *Зданович Г. Б.* Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области//ВАУ. 1973. Вып. 12.
3. *Зах В. А.* Поселение Черемуховый куст — памятник переходного времени от развитой к поздней бронзы//Исторические чтения памяти М. П. Грязнова (тезисы докладов). Омск, 1987.
4. *Корочкова О. Н., Стефанов В. И.* Поселение федоровской культуры//Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987.
5. *Корочкова О. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К.* Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ)//ВАУ. Екатеринбург, 1991.

6. *Корякова Л. Н., Стефанов В. И., Стефанова Н. К.* Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. Свердловск, 1991.
7. *Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. III//Из истории Сибири. Вып. XI. Томск, 1973.
8. *Троицкая Т. Н., Молодин В. И., Соболев В. И.* Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980.
9. *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
10. *Сальников К. В.* Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы//ВАУ. 1964. Вып. 6.
11. *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
12. *Членова Н. Л.* Распространение и пути связей древних культур Восточной Европы, Казахстана, Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы//Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.
13. *Шорин А. Ф.* Среднее Зауралье в эпоху развитой и поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Новосибирск, 1988.
14. *Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.
15. *Зайберт В. Ф., Зданович Г. Б.* Поселение эпохи бронзы Бишкуль IV. Из истории Сибири. Вып. 15. Томск, 1974.
16. *Зданович С. Я.* Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1979.
17. *Зданович Г. Б.* Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1975.
18. *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л., 1960.
19. *Максименков Г. М.* Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.
20. *Ломан В. Г.* Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II тыс. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1993.
21. *Ломан В. Г.* Бытовая и погребальная посуда из андроновских памятников//Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докл. XII Урал. археол. совещ. Екатеринбург, 1993.
22. *Потемкина Т. М.* Керамические комплексы Алексеевского поселения на р. Тобол//СА. 1975. № 1.
23. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
24. *Обыденнов М. Ф.* Поздний бронзовый век Южного Урала. Уфа, 1986.
25. *Колев Ю. И.* Новый тип памятников конца эпохи бронзы в лесостепном Поволжье//Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991.
26. *Мыськов Е. П.* Новые памятники позднего бронзового века в Волго-Донском междуречье//Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992.
27. *Дьяченко А. Н.* Поселение Ерзовка I и некоторые проблемы финальной бронзы Нижнего Поволжья//Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992.
28. *Чернецов В. Н.* К вопросу о месте и времени формирования финноугорской этнической группы//Тез. докл. на совещ. по методологии этногенетических исследований. М., 1951.
29. *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Сибири и Дальнего Востока//Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. М., 1987.
30. *Хлобыстин Л. П.* Поселение Липовая Курья в Южном Зауралье. Л., 1976.
31. *Пархимович С. Г.* Индоиранский компонент в мировоззрении обских угров//Сургут, Сибирь, Россия. Международная научно-практическая конференция, посвященная 400-летию города Сургута. Екатеринбург, 1994.
32. *Косарев М. Ф.* Географическая среда и неравномерность социально-экономического развития разных районов Западной Сибири в первобытную эпоху//Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976.
33. *Косарев М. Ф.* Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М., 1991.
34. *Халиков А. Х.* Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань, 1991.
35. *Чеснов Я. В.* Об этнической специфике хозяйственно-культурных типов//Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
36. *Шнирельман В. А.* Хозяйственно-культурные типы и парадоксы этнического самосознания: прагматизм против иррационализма//Исследования по первобытной истории. М., 1992.
37. *Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья//МИА. 1953. № 35.
38. *Кузьмина Е. Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тяньшаня. Фрунзе, 1986.
39. *Кузьмина Е. Е.* Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы//ВДИ. 1988. № 1.
40. *Потемкина Т. М.* О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Притоболье//СА. 1979. № 2.

Институт археологии РАН,
Москва

T. M. POTEMKINA

PROBLEMS OF THE CONTACTS AND THE CULTURES CHANGING OF THE BRONZE AGE POPULATION LIVED BEYOND THE URALS (THE LATE AND FINAL STAGES)

Summary

The author draws a conclusion that the different stages of the Bronze Age saw the different character and direction of the contacts. There was the north-eastern direction in the Early and the Middle Bronze Age (19th-14th centuries BC). The impulses came from the south-west (the southern Urals steppe and forest-steppe). During the Late and the Final Bronze Age (14th-9th centureis BC) the southern direction prevailed. The population moved from the southern forest zone of the Urals and the region beyond it. The direction and the character of the migration were determined by the economic, demographic and natural causes as well as by the history itself. The migrations and contacts consequences are different: from the small changes in the cultures synthesis up to the full cultural transformation of bogh migrants and the local population. It led to the new cultural types appearance. The contacts and migrations favour the mutual perception of the cultural achievements of the tribes belonging to the different natural zones. It led to the considerable changes in the Bronze Age tribes economy, and the different cultural and economic types forming. It was also at the bottom of the new cultures forming, and the further ethnocultural changes. The contacts among the steppe, forest-steppe and forest tribes reflected a long and constant process of the Indo-Iranian and Ugric tribes interaction. The processes taking place beyond the Urals were closely connected with the cultural and historical changes going on in the huge territory between the Volga and Enisei rivers.

С. В. МАХОРТЫХ, Е. В. ЧЕРНЕНКО

О КАВКАЗСКИХ «ПЕКТОРАЛЯХ» VIII—VII ВВ. ДО Н. Э.

Предскифские памятники Северного Кавказа занимают достойное место в кругу древностей киммерийской эпохи юга Восточной Европы. Значительный интерес в этой связи представляет ряд могильников, исследованных в последние годы в районе Кавказских Минеральных Вод. Выявленные там яркие археологические материалы позволяют не только четче реконструировать облик материальной культуры той поры, но и свидетельствуют о тесных контактах местного кобанского населения с кочевым миром степей и державами Древнего Востока.

Предметом нашего рассмотрения в данной работе является серия интереснейших «пекторалей»[1], выявленных на Кавказе: в одном из погребений (№ 1) Султангорского I могильника и кладе, обнаруженном на склоне горы Бештау под Пятигорском [1, с. 124, рис. 13; 2, с. 192, рис. 5, 1]. Недавно она пополнилась двумя находками из Клин-Ярского III могильника близ Кисловодска [3, с. 52, табл. 15, 16, *4*]. Опубликовавший их С. Л. Дударев справедливо в качестве ближайших аналогий называет «пекторали» из Абхазии (Анухва, Эшера), введенные в научный оборот Б. А. Куфтиным и Я. В. Доманским [4, с. 164, табл. XVI, *3*; 5, с. 34, рис. 13].

Все вместе они составляют небольшую (6 экз.) серию находок, четыре из которых найдены на довольно ограниченной территории Пятигорья, а две другие — в непосредственной близости друг от друга в западном Закавказье. Сама география этих находок, по-видимому, не случайна и полна глубокого смысла в проблеме контактов ранних кочевников и населения Кавказа с Передней Азией во время киммерийских походов, фиксируя тем самым их маршруты, исходные территории, а также этно-племенной состав участников.

Размеры анализируемых нагрудников определяются в следующих пределах: высота около 30—35 см, наибольший поперечный диаметр 24—30 см. Их можно разделить на два типа. К первому относятся месяцевидные или полуовальные экземпляры с довольно широкими и длинными боковыми дугами, изготовленные из сплошного бронзового листа. Это «пекторали» из Анухвы, Эшеры, Клин-Яра III (разрушенное погребение воина и погр. 14) и Бештау (рис. 1, *1*, *3—6*).

Реконструкция последней находки, предложенная А. А. Иессеном, представляется не совсем верной. Прежде всего это касается нижней части «пекторали», где А. А. Иессен помещает прямоугольный фрагмент, отходящий вниз. Фрагменты не совпадают. Более вероятно, что этот фрагмент входил в состав одной из двух дуг. Следует учитывать и то, что абсолютно у всех «пекторалей» с сохранившейся нижней частью она слегка заострена к середине и не имеет сколько-нибудь заметных выступов. Кроме того, в реконструкции А. А. Иессена бросается в глаза несоответствие пропорции двух дуг, явно асимметричных. А. А. Иессен не учел все фрагменты «пекторали» с Бештау, хранящихся в фондах Пятигорского краеведческого музея (инв. № 751). Нам удалось обнаружить там еще одну ее деталь — приостренную часть окончания одной из боковых дуг, украшенную по

[1] Слово «пектораль» берется нами в кавычки ввиду того, что рассматриваемые ниже предметы не отвечают существующим определениям и понятиям, согласно которым пектораль (от лат. pectoralis) — нагрудное или шейное украшение, которое носили как знак власти представители высших слоев древних обществ.

© С. В. Махортых, Е. В. Черненко, 1995 г.

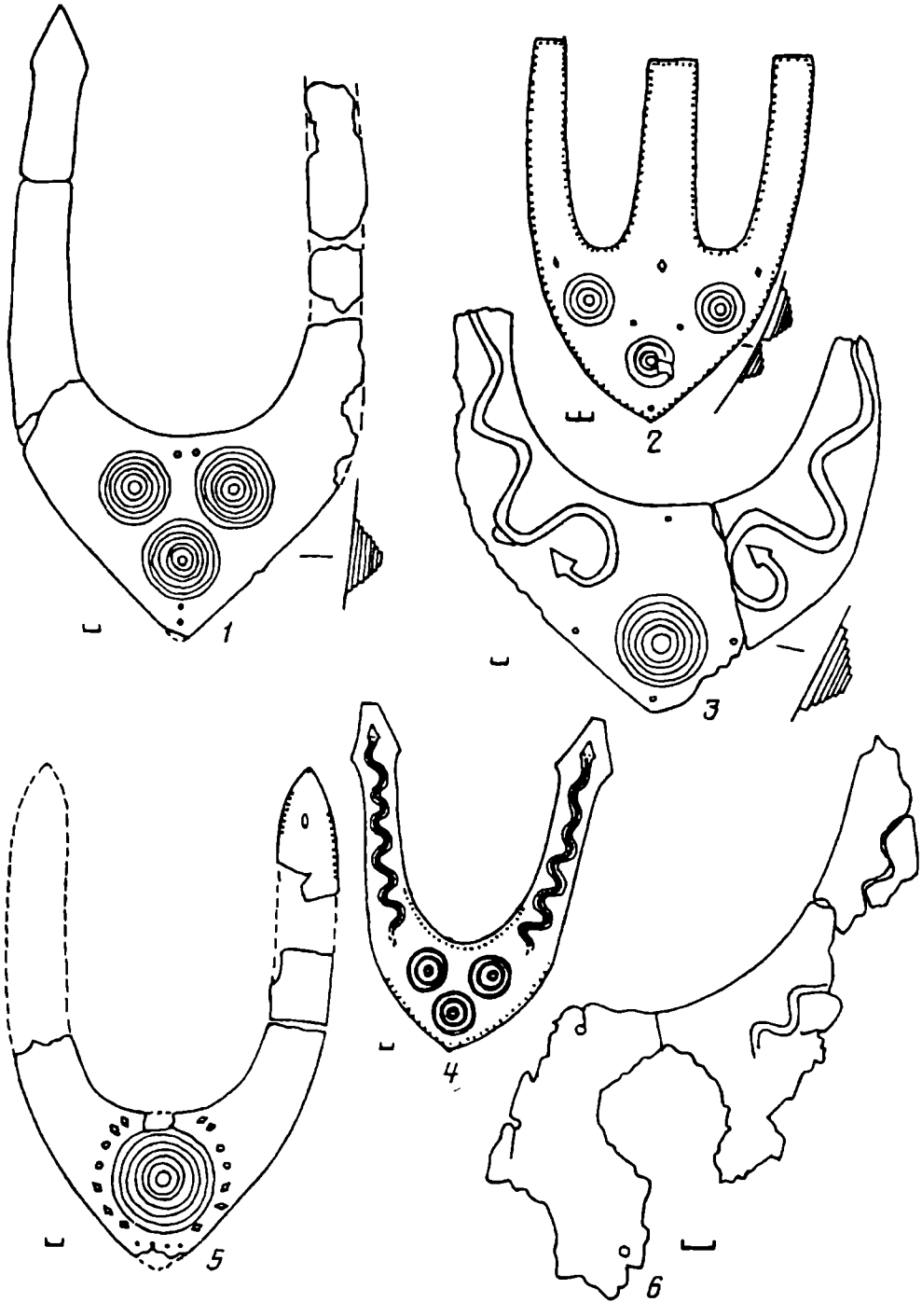

Рис. 1. Кавказские «пекторали».
1 — Клин-Яр III (погр. 14); *2* — Султан-Гора (погр. 1); *3* — Клин-Яр III (разрушенное погребение воина); *4* — Эшера (реконструкция Б. А. Куфтина); *5* — Бештау (реконструкция авторов); *6* — Анухва

краю точечным орнаментом и рельефной выпуклостью в центре. Это позволило более точно восстановить первоначальный облик бештауской «пекторали» (рис. 1, *5*).

Пока всего одной находкой из погр. 1 Султангорского I могильника представлен второй тип «пекторалей» (рис. 1, *2*). По общей своей форме он близок «пекторалям» первого типа и отличается наличием посередине между боковыми дугами центрального выступа, длина которого равна длине боковых друг. Окончания всех выступающих в верхней части элементов оформлены прямыми углами, в то

Таблица

Место и обстоятельства находки	Состав инвентаря		
	конская узда	оружие	другие предметы
Бештау (клад)	Удила, псалии, пряжка	Бронзовая обивка щита, наконечники стрел	Котел
Клин-ярский III могильник (п. 14)	Удила, псалии, бляхи, ворварки	Наконечник копья, молоток	Миска, булавки, оселок, имитация фаллоса
Там же, разрушенное погребение воина	?	Шлем, меч, наконечник копья	?
Султангорский I могильник (п. 1)	Удила, псалии, бляхи	Кинжал, топор, наконечники стрел	Миска, оселок
Анухва (случайная находка)	?	Кинжал, топоры, наконечники копий	Бронзовый сосуд, браслеты, гривны, бусы, фрагмент пояса, цепочки
Эшера (случайная находка)	?	Кинжал, топор, наконечники копий	Браслеты, бусы, бляха, пряжка

время как у «пекторалей» первого типа они заострены и оформлены в виде стреловидных змеиных (?) головок. Кроме того, вдоль каждого змеевидного выступа эшерской «пекторали» с изнанки выбита в виде толстой пунктирной линии и очерчена с лицевой стороны тонкой гравировкой пунктиром извивающаяся змейка с четко выраженной головкой. Близкие изображения змей украшают анухвский и один из клин-ярских экземпляров, еще раз свидетельствуя о тесной связи этих двух достаточно удаленных подгрупп и о их едином происхождении.

Все кавказские «пекторали», как абхазские, так и северокавказские, помимо основной формы объединяет орнамент из выпуклых конусовидных уступчатых кругов на гладкой основе [6, с. 104]. На эшерской, султангорской, клин-ярской (погр. 14) и, видимо, анухвской «пекторалях» розетки из концентрических кругов расположены в нижней зоне и сгруппированы симметрично по углам предполагаемого равнобедренного треугольника, в то время как на бештауской и клин-ярской (разрушенное погребение) всего по одной розетке. Каждая из них состоит из трех — шести чеканных конусовидно-ступенчатых выпуклостей с центром, обозначенным сплошным кругом.

Кроме того, эшерская, султангорская и бештауская «пекторали» оформлены по внешнему краю пунсонными углублениями, причем на двух последних также присутствуют рельефные изображения ромбов, расположенных в ряд (Султан-гора), или ромбов в сопровождении кружков, обрамляющих внешнее кольцо розетки (Бештау).

Исследователи, касаясь вопроса о назначении рассматриваемых «пекторалей», отмечают их причастность к деталям человеческого костюма. Так, Б. А. Куфтин опубликованную им «пектораль» считал частью культового облачения, отмечая, что это нечто вроде нагрудника, воротника или наплечника [4, с. 164]. С одеждой, помещая их на груди, связывает «пекторали» и М. Н. Погребова [6, с. 105]. В целом она разделяет точку зрения Б. А. Куфтина, связывая изображения на кавказских «пекторалях» с солярной символикой, а саму их форму — со священным деревом. Однако большинство ученых относит анализируемые предметы к парадно-боевой паноплии, связывая их с украшением или чаще — усилением боевой одежды воина, скорее всего кожаного панциря [1, с. 126; 3, с. 51; 7, с. 126—127; 8, с. 72].

Значительные трудности в определении функции «пекторалей» создавало то обстоятельство, что значительная их часть выявлена в составе клада (Бештау), найдена случайно или в нарушенных погребениях, где не представлялось возможным выяснить их положение (таблица).

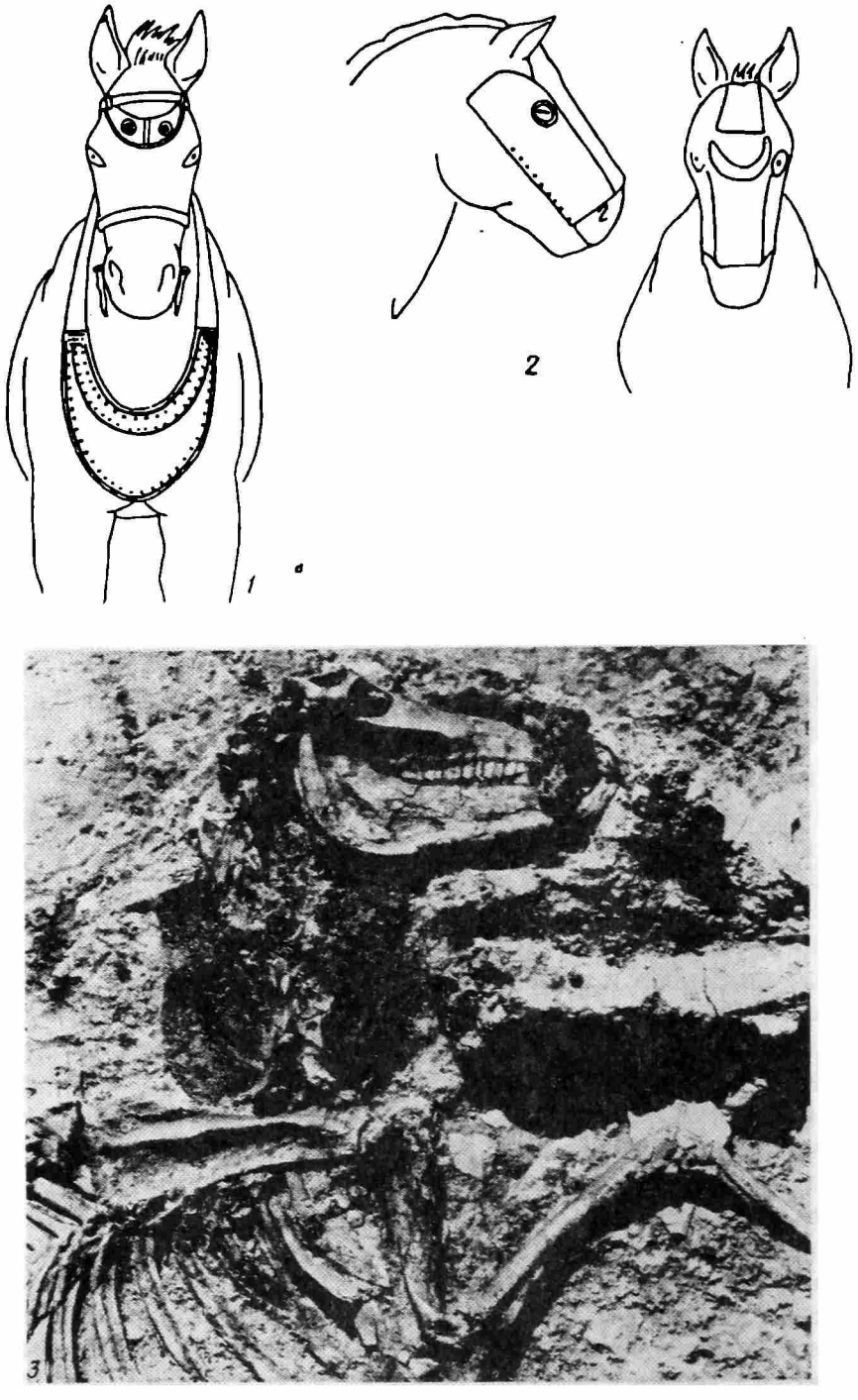

Рис. 2. Средства защиты боевого коня.
1 — Хасанлу IV, здания IV—V; *2* — Хасанлу IV, здание II; *3* — конское погребение с нагрудником из могильника Саламиса

Приведенные в таблице данные о составе инвентаря в комплексах, в которых присутствуют «пекторали», позволяют уверенно утверждать, что они связаны с конными воинами (о чем свидетельствует разнообразное оружие и предметы конского снаряжения), занимавшими высокое общественное положение.

Исключительное значение для уточнения традиционной точки зрения на использование кавказских «пекторалей» имеют материалы, выявленные на Древнем Востоке, в частности в Хасанлу (Иран). Нас интересует хронологически близкий кавказским материалам слой Хасанлу IV. И. Н. Медведская на основании рассмотрения резной слоновой кости и уздечных принадлеж-

ностей предлагает его самую позднюю дату в пределах IX—VIII вв. до н. э. [9, с. 1—15; 10, с. 93].

Мы имели возможность ознакомиться лишь с предварительными итогами раскопок американских исследователей из Пенсильванского университета (США). На протяжении нескольких лет они проводили раскопки цитадели города. В помещениях, которые погибли в огне около 800 г. до н. э. (слой IV Б) во время нашествия урартов (?), найдены останки девяти коней. Вместе с костяками находились предметы конского убора, среди которого были и «пекторали» весьма близкого нашим типа. М. де Шоансэ предложила схему реконструкции, размещая «пекторали» на груди коня (рис. 2, *1*) [11, с. 51, рис. 29]. Отнесение «глубоких луновидных нагрудников» (по терминологии автора) к принадлежностям конского убора подтверждают и их изображения на ассирийских рельефах IX в. до. н. э. [12, с. 30, рис. 143, 146, 147]. Судя по рельефам, ассирийские воины защищали своих боевых коней кожаными или войлочными нагрудниками, усиленными металлическими пластинами и украшенными металлическими дополнительными подвесками.

Близкие по типу находки известны и в более позднее время. Примером могут быть материалы могильника Саламиса [13, с. 343, рис. 147; 14, с. 155, рис. 119]. Открытая там могила № 79, в которой выявлены погребения конца VIII — начала VII в. до н. э., принадлежат к числу богатейших из исследованных когда-либо на Кипре. В дромосе этой могилы выявлены скелеты запряженных в колесницу коней, вместе с которыми в непотревоженном состоянии находились удила, налобники и бронзовые нагрудники. Находки последних не оставляют никаких сомнений относительно существования этой категории конского снаряжения (рис. 2, *3*). Все это, наряду с ярко выраженной морфологической близостью между древневосточными конскими нагрудниками и кавказскими «пекторалями», позволяет относить последние к деталям конского снаряжения, не только декоративного, но и выполняющего защитные функции. В связи с этим следует отметить тесную взаимосвязь функционального и орнаментально-смыслового содержания, которым обладали многие предметы в древности. Так, говоря о характере зооморфного оформления скифских мечей и кинжалов, исследователи указывают, что они трактованы как пара когтей хищной птицы, в основании которой изображены глаза [15, с. 74; 16, с. 55—56]. Следствием влияния симпатической магии Д. Андерсон объясняет оформление окончаний псалиев (в том числе и представленных на рельефах Персеполя) в виде конского копыта и фаллоса [17, с. 70]. По-видимому, не являются исключением в этом отношении и кавказские «пекторали», поскольку на сакральную символику имеющихся на них изображений уже обращалось внимание в литературе [4, с. 166; 6, с. 105, 106].

Касаясь вопроса о происхождении конских нагрудников, отметим, что относительно конского убора, выявленного в захоронениях Саламиса (прежде всего нагрудников), В. Карагеоргис указывает, что они полностью входили в ассирийский набор конского снаряжения [14, с. 153—155]. Поселение Хасанлу IV в Иране, где, как уже отмечалось, были найдены аналогичные месяцевидные нагрудники, также было вовлечено в культурно-экономическую орбиту такого могучего лидера, как Ассирия. Поэтому появление и распространение этой детали конского снаряжения на Древнем Востоке скорее всего было связано с ассирийским влиянием. Вместе с тем нагрудники ассирийского типа из Хасанлу IV и Саламиса несколько отличаются от кавказских. Это проявляется в характере оформления боковых дуг и нижней части нагрудников, типом орнаментации и способом крепления на основе — за верхнюю часть у ассирийских и центральную — у кавказских нагрудников. Видимо, это связано с различными центрами их производства и тем, что кавказские нагрудники представляли собой более позднюю и, в значительной мере, самостоятельную разновидность этой категории конского снаряжения.

В то же время, говоря о происхождении кавказских «пекторалей» нельзя не

учитывать и урартские материалы. Это, однако, менее всего связано с формой урартских пекторалей. Р. Гиршман применительно к бештауской «пекторали», которая по его мнению происходит из скифской могилы (?), указывал на ее сходство с одной из луристанских пекторалей VIII—VII вв. до н. э., отмечая при этом, что их форма была заимствована населением Ирана и скифами от урартов, для которых подобные пекторали были особенно характерны [18, с. 308—314]. Разделяя этот тезис в отношении луристанской пекторали, М. Н. Погребова в то же время справедливо указывает, что кавказские «пекторали» имеют форму, отличную от урартских. Действительно, как луристанская, так и урартские пекторали, известные нам из Эребуни и Зивие, а также по изображениям на статуэтках из Топрак-Кале и Берлинского музея [18, с. 308, 309, рис. 370, 371, 376; 19, с. 311, табл. 24, *4*], представляют собой группу ювелирных украшений или своеобразных знаков власти высшей социальной прослойки общества, отличающуюся формой и назначением от рассматриваемых нами предметов, которые являлись частью конского снаряжения.

Следует отметить, что урарты внесли значительный вклад в развитие средств защиты боевого коня [20, с. 155—167]. Обширная коллекция больших бронзовых налобников конца IX—VIII в. до н. э. из Урарту, по мнению Л. К. Галаниной и И. Н. Медведской, позволяет считать его одним из первичных очагов формирования этих конских принадлежностей [9, с. 2—8, рис. 2—4; 21, с. 40]. Конские нагрудники, подобные рассматриваемым в этой статье, на территории Урартского государства пока не известны, но нам кажется, что открытие их там — дело времени. На возможную связь с Древним Востоком и, в частности, с Урарту указывает отчасти и декор, присутствующий на кавказских «пекторалях». Имеется в виду орнамент, состоящий из ромбов или ромбов в сочетании с кружками, известный на многих импортных древневосточных предметах, выявленных в памятниках Центрального и Северного Кавказа (пояса и чаши из Тли, меч из Келермеса и др.) [22, с. 10, рис. 127; 23, с. 73, рис. 127; 24, с. 137], который характерен для урартского искусства. В то же время орнамент из концентрических кругов по мнению М. Н. Погребовой относится к числу деталей, указывающих на принадлежность кавказских и луристанских пекторалей к кругу местных культур. В этом отношении нам представляются более убедительными изображения на некоторых «пекторалях» змей и человеческого лица (Луристан), которые более четко отражают местную культурную специфику. Вместе с тем М. Н. Погребова отмечает, что подобный орнамент широко известен не только на Кавказе, но и в Передней Азии, имея там древние традиции [6, с. 105]. В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что вместе с конским нагрудником из Хасанлу IV были найдены также и небольшие бронзовые месяцеподобные налобные пластины (рис. 2, *1*), также относящиеся к предметам конского снаряжения и украшенные в центре рельефными концентрическими кругами. Заметим также, что узор из концентрических кругов хорошо известен и на таких деталях защитного конского убора, как налобники эпохи скифской архаики, которые своим происхождением связаны с влиянием Древнего Востока [20, с. 150, рис. 1, 3]. Распространение подобной орнаментации в керамике и металле Закавказья и Малой Азии во II и начале I тыс. до н. э. отмечал А. А. Иессен [25, с. 166].

Таким образом, этот орнаментальный мотив находит широкие аналогии на обширной территории от Передней Азии до Кавказа. В целом же именно с Древним Востоком следует связывать появление и развитие богатой парадной и боевой паноплии не только средств защиты самого воина, но и его боевого коня. Среди последней отметим шлемы и другие разновидности конского облачения (рис. 2, *2*) [11, с. 48, рис. 18—20].

Появление конских нагрудников — «пекторалей» на Северном Кавказе следует соотносить не с походами скифов, а их предшественников на этой территории — киммерийцами и их союзниками из числа местного населения. Об этом, в частности, свидетельствует и их датировка. Исследователи, как правило, относят

кавказские «пекторали» к одному хронологическому горизонту — VIII—VII вв. до н. э. [1, с. 127; 2, с. 196; 26, с. 202, 203]. Находки «пекторалей» в комплексах Пятигорья не только подтверждают эту дату, но и позволяют уточнить ее в пределах последней четверти VIII — начала VII в. до н. э.

В нарушенном погребении воина из Клин-Ярского III могильника помимо нагрудника был найден и бронзовый шлем ассирийского типа конической формы с наушниками [3, с. 53, табл. 17]. Шлемы близкой формы известны из погр. 186 того же могильника и на ассирийских дворцовых рельефах времени Синнахериба и Ашшурбанипала [27, с. 194, 195]. А. Б. Белинский устанавливает дату для шлемов этого типа из памятников Пятигорья в пределах рубежа VIII—VII вв. до н. э. и до середины VII в. до н. э. Верхняя из предложенных дат, по нашему мнению, может быть уточнена в силу того, что клин-ярские шлемы своей правильной конической формой и размерами все же ближе к шлемам времени Синнахериба (705—681 гг. до н. э.), чем к шлемам времени Ашшурбанипала (669—628 гг. до н. э.) [28, с. 38]. Хронологическую близость погребений, в которых найдены конские нагрудники, подтверждают и выявленные вместе с ними уздечные принадлежности, что также является косвенным подтверждением изложенной выше нашей точки зрения о назначении кавказских «пекторалей».

Среди уздечных принадлежностей выделяются находки бронзовых двукольчатых удил и трехпетельчатых псалиев, которые относятся к деталям узды новочеркасского типа заключительной фазы ее развития. Более подробно об особенностях узды этого типа говорится в работах северокавказских исследователей, к которым и отсылаем читателей [3, с. 55—57; 29, с. 51; 30, с. 163—166; 31, с. 31—39]. Здесь же заметим только, что удила и псалии из погр. 1 Султангорского I могильника практически аналогичны выявленным в погр. 186 Клин-Ярского III могильника со шлемом ассирийского типа. Заслуживает внимания и найденное в этих двух погребениях, а также и в разрушенном погребении воина из Клин-Ярского III могильника оружие — мечи и кинжалы с крестовидной рукояткой, входящие, по классификации С. Л. Дударева, во II группу оружия с грибовидным навершием и перекрестием с подтреугольными или подпрямоугольными лопастями [3, с. 41].

Датировка этой группы биметаллического оружия — середина VIII — первая половина VII в. до н. э.— не противоречит предложенной нами дате для кавказских конских нагрудников (последняя четверть VIII — начало VII в. до н. э.), которую подтверждают и материалы Бештауского клада, входящего в выделенную С. В. Махортых группу кладов на юге Восточной Европы. Их появление здесь свидетельствует о продвижении на Кавказ пришлого кочевого населения и начале на этой территории нового — скифского периода [32, с. 71—73].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иессен А. А.* Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе//Вопросы скифо-сарматской археологии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
2. *Виноградов В. Б., Дударев С. Л., Рунич А. П.* Киммерийско-кавказские связи//Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
3. *Дударев С. Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный: Изд. Чечено-Ингушского гос. ун-та, 1991.
4. *Куфтин Б. А.* Материалы по археологии Колхиды. Тбилиси: Изд. АН Груз. ССР, 1949.
5. *Доманский Я. В.* Новый комплекс колхидской культуры из Абхазии//ТГЭ. 1979. Вып. XX.
6. *Погребова М. Н.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М.: Наука, 1984.
7. *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев: Наук. думка, 1968.
8. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1972.
9. *Medvedskaya I.* Who destroyed Hasanlu IV?//Iran. 1988. V. XXVI.
10. *Медведская И. Н.* Резная слоновая кость из Хасанлу IV (вопросы датировки)//Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе: Ир, 1989.
11. *Schauensee M.* Horse gear from Hasanlu//Expedition. 1989. V. 31. № 2-3.
12. *Barnett R. D., Forman W.* Assyrische Palastreliefs. Praha, 1970.

13. *Karageorghis V.* Chronique des fouilles et decouvertes archeologiques a Chipre en 1966. BCH. XCI-I. Paris, 1967.
14. *Karageorghis V.* Cyprus. London, 1969.
15. *Мерперт Н. Я.* Акинак с когтевидным навершием//КСИИМК. 1948. Вып. 22.
16. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов//САИ. 1964. Вып. Д1-4.
17. *Anderson J. K.* Ancient Greek Horsemanship. Berkeley, 1961.
18. *Ghirshman R.* Iran, Protoiranier, Meder, Achämeniden. München, 1964.
19. *Мартиросян А. А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1964.
20. *Мурзин В. Ю., Черненко Е. В.* О средствах защиты боевого коня в скифское время//Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
21. *Галанина Л. К.* Раннескифские уздечные наборы//АСГЭ. 1983. № 24.
22. *Техов Б. В.* Тлийский могильник. Т. 2. Тбилиси: Мецниереба, 1981.
23. *Техов Б. В.* Тлийский могильник. Т. 3. Тбилиси: Мецниереба, 1985.
24. *Loon M. N.* Urartien art. Istanbul, 1966.
25. *Иессен А. А.* Из истории древней металлургии Кавказа//ИГАИМК. 1935. Вып. 120.
26. *Воронов Ю. Н.* О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур//Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
27. *Белинский А. Б.* К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Северном Кавказе//СА. 1990. № 4.
28. *Madhloom T. A.* The chronology of neo-Assyrian Art. London, 1970.
29. *Виноградов В. Б., Дударев С. Л.* К этнокультурной интерпретации некоторых материалов VII в. до н. э. из Предкавказья//АСГЭ, 1983. № 23.
30. *Махортых С. В.* О культурно-хронологической интерпретации памятников типа Новочеркасского клада//Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Вып. 1. Омск, 1987.
31. *Эрлих В. Р.* Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья//Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.: Изд. МГП Эвтехника, 1991.
32. *Махортых С. В.* Кочевники и вопросы происхождения кладов VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР//Древности Кубани. Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1991.

Институт археологии АН Украины,
Киев

S. V. MAKHORTYKH, E. V. TCHERNENKO

CONCERNING THE CAUCASUS "PECTORALS" OF THE 8TH-7TH CENTURIES B. C.

Summary

The article deals with six bronze "pectorals" (the name given by the author is relative) found in the Caucasus. The author analysed the traditional east materials and revised the traditional point of view that they had been used as a male dress datails. The authors considered them to be the parts of a horse defence or feast harness of the last quarter of the 8th- beginning of the 7th cent. BC He connects the appearance of such pectorals on the Caucasus with the campaigns of the Cimmerians and their allies among the local population. They influenced the development of the defence means of the Scythian time combat horse.

М. С. ГАДЖИЕВ

О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ВАРАЧАНА

Среди более десятка раннесредневековых городов Дагестана, упоминаемых в исторических хрониках, лишь немногие имеют твердую локализацию. О местоположении большинства их исследователями высказаны различные мнения, хотя среди них и существуют приоритетные точки зрения. Между тем вопрос отождествления и исторической интерпретации раннесредневековых городов Дагестана имеет важное значение не только для изучения исторической географии и политической истории края, но и для исследования его социально-экономической истории, генезиса и ранних этапов становления и развития городов, их места и роли в общественной системе, выявления общих закономерностей и локальных особенностей урбанизационного процесса в регионе.

Одним из таких раннесредневековых городов, фигурирующих в ряде исторических сочинений, являлся Варачан, представлявший собой важный политический центр Восточного Кавказа.

Исследователями предложены различные, часто недостаточно обоснованные и высказанные попутно, версии локализации Варачана: на одном из притоков Койсу [1, с. 16—19, 166]; у сел Башликент (Баршли) [2, с. 453; 3, с. 125, 126; 4, с. 43, 44]; в районе г. Буйнакска [5, с. 143—145; 6, с. 208; 7, с. 118]. Многие исследователи склонны отождествлять Варачан с ранней хазарской столицей Беленджером [1, с. 16—19, 166; 5, с. 143—145; 6, с. 186, 229, 312; 7, с. 192; 8, с. 87; 9, с. 155, прим. 174; 10, с. 674; 11, с. 27]. Б. Н. Заходер полагал, что Варачан идентичен не только Беленджеру, но и Хамлиджу и Семендеру [12, с. 183]. Разбор основных мнений нашел отражение в статье В. Г. Котовича [13, с. 182—190], в которой автор обосновал и свою версию о местоположении Варачана на месте городища Урцеки [13, с. 191—196]. Впервые эта точка зрения тезисно была высказана В. Г. Котовичем в 1965 г. [14, с. 155], а затем изложена в развернутом виде в указанной статье, опубликованной в 1974 г. [13, с. 182—196]. В настоящее время мнение о локализации Варачана на месте городища Урцеки довольно прочно утвердилось в кавказоведческой литературе, принимается многими исследователями [15, с. 136; 16, с. 57, 58; 17, с. 49, 175; 18, с. 109; 19, с. 79, 80; 20, с. 249], а порой воспринимается как аксиома [21, с. 143, сн. 103; 22, с. 94, 97].

Однако важнейший объективный критерий — соотношение археологического объекта с топонимом, упоминаемым и характеризуемым в исторической хронике,— не позволяет считать данную точку зрения окончательной и убедительной.

Рассмотрим сведения письменных источников по данному вопросу. Согласно армянской географии VII в. «Ашхарацуйц» Варачан (= Вараджан) является «городом гуннов» («хонов»), расположен севернее Дербента, «у Кавказа» [23, с. 38; 24, с. 28]. Последнее указание, как справедливо на то обратил внимание В. Г. Котович [13, с. 190], может служить свидетельством расположения Варачана на границе равнины и предгорий. По сведениям ал-Йакуби (IX в.) у Варсана [1], который большинством исследователей идентифицируется с Варачаном, между

[1] Не путать с одноименным городом на правом берегу Аракса.

© М. С. Гаджиев, 1995 г.

725—728 гг. произошла битва арабских войск Масламы с хазарами во главе с хаканом, длившаяся несколько дней и закончившаяся разгромом и бегством хазар [25, с. 6, 7]. По данным Вардана (XIII в.), правитель Арминийи и Азербайджана Мерван в начале 30-х годов VIII в. совершил победный поход на город гуннов Варачан [26, с. 95] [2].

Наиболее информативные сведения о Варачане приводит Мовсес Каланкатваци в рассказе о посольстве албанского князя Вараз Трдата во главе с епископом Мец-Когманца Исраэлом к правителю гуннов Алп-Илитверу в декабре 681 г.— феврале 682 г. и его миссионерской деятельности среди гуннов [29, с. 191—206; 30, с. 123—131]. Конечным пунктом маршрута миссии был г. Варачан, где Исраэла радушно принял Алп-Илитвер [29, с. 192; 30, с. 124]. Албанский историк называет город «великолепным» (hoyakap khalakn Varačan) [29, с. 192; 30, с. 124], но, к сожалению, не поясняет, чем вызван такой эпитет. Особенно важны высказывания Каланкатваци о сосредоточении здесь «многотысячного царского войска гуннов» [29, с. 205; 30, с. 131] и о нахождении здесь гуннских языческих святынь и «царского дворца» [29, с. 206; 30, с. 132]. В заключительных предложениях пассажа о маршруте посольства Исраэла, которые стоит привести полностью, Каланкатваци уточняет географическое положение Варачана: «Через несколько дней они достигли ворот Чога, вблизи Дарбанда, и там получили от жителей города помощь и почести. Так наконец после долговременного странствия они прибыли в великолепный город Варачан накануне сорокодневного поста» [29, с. 192; 30, с. 124]. Столь ужатое на первый взгляд описание финала следования миссии в отличие от пространного описания других участков маршрута и отсутствие в тексте информации о пути из Дербента в Варачан может, как мне представляется, свидетельствовать о близком расположении Варачана к Дербенту.

Таким образом, по данным письменных источников, Варачан предстает политическим и идеологическим центром «царства гуннов», ставкой князя гуннов Алп-Илитвера. Расположен был этот город гуннов недалеко от Дербента, севернее его, на границе равнины и предгорий.

Помимо географических указаний древних авторов мотивировкой локализации Варачана на месте городища Урцеки для В. Г. Котовича послужил факт отсутствия между Дербентом и Урцеками «сколько-нибудь крупного памятника с раннесредневековыми культурными напластованиями, который мог бы быть с достаточным основанием сопоставлен с городом Варачаном» [13, с. 182], а также особенности географического положения самого городища и характер этого памятника [13, с. 191, 192]. Немало места исследователь уделил этимологии и соотношению топонимов Варачан и Урцеки, общность происхождения которых, по мнению В. Г. Котовича, «можно считать до азанной» [13, с. 192—196]. Не считая себя компетентным решать лингвистический аспект вопроса, обращаюсь к археологическим материалам.

---

[2] Большинство исследователей [см.: 5, с. 141; 6, с. 222; 9, с. 155, прим. 174; 13, с. 190—191; 27, с. 208] идентифицировали эти два события на основании того, что в обеих акциях участвовал Мерван. Однако имеются серьезные доводы не согласиться с этим мнением. По ал-Йакуби, 107 г.х./725—726 г. датируется назначение Масламы правителем Арминийи и Азербайджана [25, с. 6], а 109 г.х./727—728 гг.— новый поход Масламы «против тюрок», захват Баб ал-Лана и битва с хаканом [25, с. 7]. До этого похода и произошла битва при Варсане, в которой авангардом войск Масламы командовал Мерван [25, с. 6, 7]. По Халифа ибн-Хаййату, в 114 г.х./732—733 г. Маслама был отстранен и на его место правителем назначен Мерван [28, с. 16]. Как сообщает же Вардан, победный поход Мервана на Варачан происходил, когда он уже был правителем областей Закавказья — Мерван назначает Ашота Багратуни куропалатом Армении [26, с. 95], т. е. после 732—733 г. и, скорее всего, в 117 г.х./735 г. [25, с. 7; 26, с. 13]. Таким образом, сообщения ал-Йакуби и Вардана не идентифицируются. О каком походе Мервана в «землю гуннов» и взятии какого анонимного города сообщает Гевонд [9, с. 80], не ясно, но, судя по описанию, этот город располагался на берегу моря, что не согласуется с местонахождением ни самого Варачана, ни городища Урцеки. Речь идет, возможно, о походе Мервана на Семендер в 121 г.х./738—739 г., о котором сообщают ал-Куфи, Халифа ибн Хаййат, Балами [28, с. 26, 27]. Следует указать, что выяснение датировок и маршрутов арабских войск на основе корреляции данных арабских и других авторов нуждается в дальнейшем исследовании.

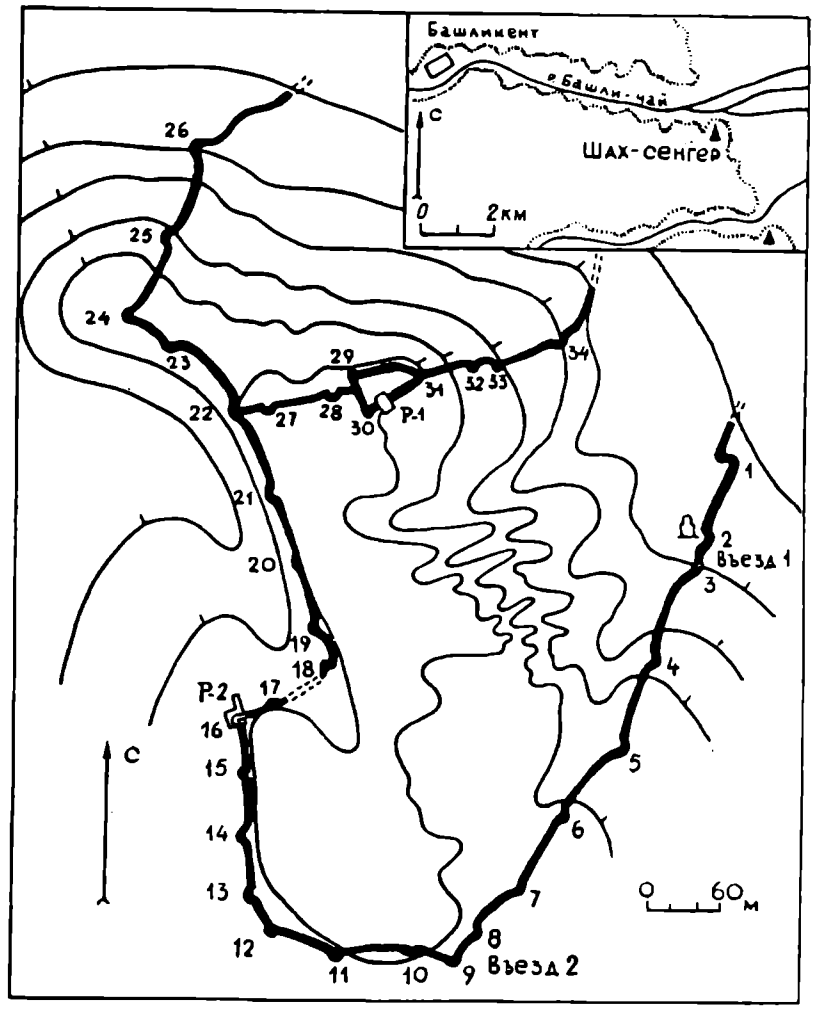

Рис. 1. Ситуационный и глазомерный планы городища Шах-Сенгер (по В. Г. Котовичу), цифрами обозначены башенные выступы

Прежде всего следует указать, что материальная и духовная культура, представленная на городище Урцеки и его некрополе, характеризуется как сугубо местная, этнически дагестанская. Архитектура, предметы материальной культуры (прежде всего керамика), погребальный обряд и погребальные сооружения (каменные ящики, склепы, грунтовые ямы) — все свидетельствует об исконной дагестанской принадлежности памятника. Здесь отсутствуют сколько-нибудь представительные материалы, позволяющие считать городище этнически «гуннским городом», видеть в числе его обитателей какой-либо контингент гуннов (представителей племен гуннского круга) и тем более размещать ставку гунна Алп-Илитвера. Наконец, несерьезно видеть (а в противном случае это следует признать) в архитектурных комплексах цитадели Урцеки «царский дворец полководца и великого князя гуннов». При этом я не отрицаю тезиса, что часто в древнеармянских источниках под этнонимом «гунны» («хоны») фигурируют наряду с собственно тюркоязычными (и иными) кочевниками и какие-то дагестанские племена (прежде всего обитавшие в равнинной зоне), вступившие с ними в тесные политические, экономические, этнические контакты.

Между тем, по данным Каланкатваци [29, с. 192—206], Варачан предстает именно городом с гуннским этническим субстратом. Это и следовало бы ожидать в центре гуннского государственного объединения Алп-Илитвера. Да и сама миссия Исраэла, подобно миссиям Григориса к маскутам и Кардоста к гуннам, была призвана проповедовать христианство именно среди кочевников-гуннов, а не среди дагестанских племен. И носила она (миссия) не столько миссионерский,

сколько политический характер и должна была обеспечить покой и мир на северной границе, союз с кочевниками, беспокоившими Албанию своими вторжениями. Именно Алп-Илитвер весной или летом 681 г. предпринял крупный поход в Албанию, дойдя до Капалака и Ути, что и вызвало организацию к нему посольств католикоса Елиазара, а затем епископа Исраэла [31, с. 71, 72].

В соответствии с изложенным, памятником, с которым может быть сопоставлен Варачан, выступает городище Шах-Сенгер, местоположение которого соответствует данным письменных источников. Городище было обнаружено В. Г. Котовичем в 1965 г. [32, с. 48, 49] и исследовалось им в 1966 г. [33, с. 6—59].

Оно расположено в нескольких километрах к востоку от сел. Башликент и в 36 км к северу от Дербента (рис. 1). Городище занимает вершину древней морской террасы, представляющей собой пограничную полосу предгорий и приморской низменности, на правом берегу р. Башли-чай, у ее выхода на равнину. С востока и севера оно ограничено высокими (30—45 м) и крутыми уступами террасы, представляющими собой труднопреодолимые естественные препятствия [33, с. 6, 7]. Визуально наблюдаемые остатки оборонительных укреплений имеют вид двойного вала (высотой 0,3—0,8 м) со рвом перед ним. Через каждые 30—65 м вал образовывает полукруглые изгибы — остатки башенных выступов. Общая протяженность сохранившейся части вала, обводящего городище, достигает 1570 м, а число полукруглых выступов — 26. Площадь городища составляет не менее 11—12 га [33, с. 8—13]. Наиболее возвышенную часть в центре его занимает треугольная в плане цитадель площадью ок. 0,6 га. Она обведена по периметру одинарным валом (высотой от 0,8—1,0 до 1,6—1,8 м) с башенными выступами по углам; с западной стороны вдоль вала идет ров. От цитадели в противоположные стороны отходят два вала с выступами, разделяющие городище на две части [33, с. 13, 14].

В. Г. Котович датировал городище Шах-Сенгер IX—VII вв. до н. э. [33, с. 59] и в дальнейшем интерпретировал его как «памятник протогородского типа», «которому уже присуща большая часть признаков древнего города» [34, с. 83, 84]. Однако четко обозначенная двухчастная внутренняя структура городища, развитой облик его оборонительных сооружений, наличие полукруглых башенных выступов вызывали сомнения в правомерности такой датировки и интерпретации памятника. И действительно, новыми раскопками, проведенными на Шах-Сенгере в 1984 г., была пересмотрена существовавшая хронология, и городище передатировано раннесредневековым периодом [35, с. 128—130; 36, с. 6, 7; 37, с. 94, 95].

Для отождествления городища Шах-Сенгер с «городом гуннов» Варачаном помимо географического положения памятника, его датировки веским аргументом предстает характер его оборонительных сооружений как наиболее выразительной и показательной черты памятника. Уже исследования фортификации, проведенные В. Г. Котовичем на юго-западном участке городища (раскоп 2), где были вскрыты башенный выступ и прилегающий участок стены, показали, что оборонительные укрепления городища представляют собой деревянный тын, укрепленный у основания с внутренней и внешней стороны слабой панцирной кладкой (шириной 0,9—1,15 м) из небольших кусков бутового камня, уложенного насухо с забутовкой внутреннего пространства известняковым щебнем [33, с. 40—44; 34, с. 83]. Исследования О. М. Давудова и А. И. Абакарова на восточном участке укреплений, где ими были раскопаны также башенный выступ и отрезок стены, подтвердили характер фортификации городища [35, с. 129; 36, с. 6; 37, с. 94].

Оборонительные сооружения Шах-Сенгера — исключительное явление в фортификации Дагестана. На сегодня это единственный памятник на территории Северо-Восточного Кавказа, где открыта и исследована деревянная оборонительная архитектура [3]. Вместе с тем близкие аналогии ей можно найти среди памятников

[3] Очевидно, подобные укрепления характерны и для городища Сенгер, расположенного недалеко к югу от Шах-Сенгера в аналогичной геоморфологической ситуации и имеющего такие же двойные валы.

лесостепной зоны, в среде кочевых народов Евразии. В силу своей специфики археологически она почти не прослеживается, но исследователи логично предполагают ее наличие, например, на укрепленных поселениях салтово-маяцкой культуры [38, с. 24].

Достаточно подробные описания памятников деревянного оборонительного зодчества сираков, гуннов и, что особо ценно для нашей темы, гуннов-савир мы находим в трудах античных и раннесредневековых авторов. Так, по сообщению Диодора (Bibl. hist., XX, 23), в систему фортификации крепости сиракского царя Арифарна входили палисады. Тацит (Annales, XII, 16) в рассказе о походе объединенного римско-аорского войска под командованием Котиса и Юлия Аквилы в «землю сираков» описывает осажденный ими г. Успе, «расположенный на высоте» и имеющий дерево-земляные укрепления и рвы [39, с. 202]. Деревянные стены, по сведениям Иордана, имела резиденция («подобно обширнейшему городу») гуннского предводителя Аттиллы, причем подобное обиталище предпочитал он завоеванным городам [40, с. 101]. И наконец, особую значимость имеет информация Агафия (IV, 18) как наиболее хронологически и этнически близкая, о лагере гуннов-савир, огражденном частоколом [41, с. 89].

Приведенные свидетельства письменных источников и характер фортификации городища Шах-Сенгер, как представляется, позволяют видеть в нем кочевническое стационарное укрепленное поселение с традиционными оборонительными сооружениями. Этому выводу не противоречат и другие археологические материалы, правда пока немногочисленные. Сам характер и структура культурного слоя городища Шах-Сенгер, представляющего собой рыхлый суглинок, обильно насыщенный золой [33, с. 17, 24], сближает его с северодагестанскими степными памятниками (например, [42, с. 128; 43, с. 147, 148; 44, с. 125]), существовавшими под доминирующим влиянием кочевых и оседлокочевых племен Северо-Западного Прикаспия. В культурном слое городища преобладает серолощеная керамика [4], присутствуют обломки турлучной обмазки [33, с. 28, 36]. В. Г. Котович указывал на наличие в верхней части городища (не подвергавшейся распашке) западин округлых очертаний диаметром 5—6 м [33, с. 16], обычно фиксирующих на памятниках такого рода остатки юртообразных жилищ, углубленных в землю. Отметим также исследованное в 1984 г. на городище жилище четырехугольной формы с турлучными или сырцовыми стенами на каменном основании [36, с. 6]. Подобные жилища, в частности, были широко распространены на памятниках салтово-маяцкой культуры [38, с. 53, 63], в том числе ее раннего, дагестанского варианта [16, с. 150, 151].

Таким образом, сопоставление сведений письменных источников и археологических данных позволяет отождествлять городище Шах-Сенгер с городом гуннов Варачаном — резиденцией гуннского князя Алп-Илитвера. Местоположение и археологическая характеристика городища дают основания для такого вывода.

Возможно, неслучайный характер носит само название городища «Шахское укрепление» [5], а также расположение его вблизи сел. Баршли (совр. Башликент), с которым исследователи связывали топоним Варачан и этноним «барсил» [2, с. 452; 3, с. 125, 126; 4, с. 43, 44; 6, с. 184; 46, с. 10, прим. 3; 47, с. 37].

Яркая (и необычная в условиях Кавказа) морфологическая особенность городища — его деревянные оборонительные сооружения, возможно, обусловили эпитет Варачана («великолепный») и сообщение Каланкатваци (при всей скудости сведений о нем) об «искусных плотниках», живших в городе [29, с. 203].

В соответствии с идентификацией городища Урцеки с Варачаном и сообщением Вардана о победном походе Мервана на Варачан, верхняя хронологическая граница бытования городища a priori была установлена как 30-е годы VIII в.

---

[4] Формы керамических изделий, фрагменты которых добыты при раскопках В. Г. Котовича, почти не восстанавливаются.

[5] Это не единичный случай, когда в топониме, в местных преданиях фиксируется реальный факт «царского» характера конкретного памятника (см., например, [45, с. 144—152]).

Однако все вышесказанное дает теперь право, на мой взгляд, иначе взглянуть на проблему хронологии городища Урцеки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Marquart J.* Osteuropäische und ostaziatische Streifzüge. Leipzig, 1903.
2. *Hudud al-'Alam.* The Regions of the World. A Persian Geography. 372 A. H.— 982 A. D./Translated and explained by V. Minorsky. L., 1937.
3. *Minorsky V.* A new book on the Khazars//Oriens. 1958. V. XI. № 1—2.
4. *Dunlop V.* The History of Jewish Khazars. New Jersey, 1954.
5. *Еремян С. Т.* Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу//Зап. ИВ АН СССР. Т. VII. М., Л., 1939.
6. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
7. *Федоров Я. А., Федоров Г. С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. М.: Изд-во МГУ, 1978.
8. *Marquart J.* Die Chronologie der alttürkischen Inschrift. Leipzig, 1898.
9. История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века. Пер. К. Патканьяна. СПб., 1862.
10. *Бартольд В. В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1963.
11. *Плетнева С. А.* Хазары. М.: Наука, 1976.
12. *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.: Наука, 1962.
13. *Котович В. Г.* О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу//Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
14. *Котович В. Г.* Новые данные о раннесредневековых городах Дагестана//Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований. 1964 г. в СССР. Баку, 1965.
15. История Дагестана. Т. I. М.: Наука, 1967.
16. *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата. М.: Наука, 1983.
17. *Халилов Дж. А.* Материальная культура Кавказской Албании. Баку: Элм, 1985.
18. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988.
19. *Ал-Куфи.* Книга завоеваний/Пер. и прим. З. М. Буниятова. Баку: Элм, 1981.
20. *Ludwig D.* Struktur und Gesselschaft des Chazaren-Reiches im Licht der schriftlichen Quellen. Münster, 1982.
21. *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.
22. Степи Евразии в эпоху средневековья//Археология СССР. Т. 18. М.: Наука, 1981.
23. Армянская география VII века по Р. Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому)/Текст и пер. с присовокуплением карт и объяснительных примеч. издал К. П. Патканов. СПб., 1877.
24. *Патканов К. П.* Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому//ЖМНП. СПб., 1883. Март.
25. *Я'куби.* История/Текст и пер. П. К. Жузе. Баку, 1927.
26. Всеобщая история Вардана Великого/Пер. Н. Эмин. М., 1861.
27. *Котович В. Г.* Из истории Дагестана (середина VII — первая половина VIII в.)//Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986.
28. *Шихсаидов А. Р.* Освободительная борьба народов Дагестана против халифата в VII—VIII вв. (в трудах арабских авторов)//Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986.
29. История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века/Пер. с арм. СПб., 1861.
30. *Мовсес Каланкатуаци.* История страны Алуанк/Пер. и комментарии Ш. В. Смбатяна. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1984.
31. *Джафаров Ю.* Город Цри и страна чилбов в «Истории албан» Моисея Каланкатуйского//Древний и средневековый Восток. Ч. 1. М., 1985.
32. *Котович В. Г.* Отчет о работе 3-го разведотряда ДАЭ в 1965 г.//РФ ИИЯЛ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 22.
33. *Котович В. Г., Давудов О. М.* Отчет о работе 1-го отряда ДАЭ в 1966 г.//РФ ИИЯЛ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 25.
34. *Котович В. Г.* О процессе урбанизации в древнем Дагестане//Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.
35. *Давудов О. М., Абакаров А. И.* Новые исследования Шахсенгерского городища//Всесоюз. археолог. конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тез. докл. Баку, 1985.
36. *Абакаров А. И.* Шахсенгерское городище//Тез. докл. науч. сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Ин-та ИЯЛ в 1984—1985 гг. Махачкала, 1986.
37. *Давудов О. М., Абакаров А. И.* Раскопки Шахсенгерского городища.//АО-1984 г. М.: Наука, 1986.
38. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). М.: Наука, 1967.
39. *Тацит Корнелий.* Анналы. Л.: Наука, 1969.
40. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов/Вступ. статья, пер., комментарии Е. Ч. Скржинской. М.: Изд-во вост. лит., 1960.
41. *Агафий.* О царствовании Юстиниана/Пер., статья и примеч. М. В. Левченко. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.

42. *Атаев Д. М., Магомедов М. Г.* Андрейаульское городище//Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
43. *Гадло А. В.* Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья//Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
44. *Абрамова М. П., Магомедов М. Г.* О происхождении культуры Андрейаульского городища//Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980.
45. *Гаджиев М. С.* К вопросу о местоположении сасанидского города Шахристан-и Йездигерд//Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.
46. *D'Osson C.* Les peuples du Caucase et des pays au nord de la mer Noire et de la mer Caspienne on voyage d'Abou-el-Cassim. P., 1828.
47. *Гаджиев С. Ш.* Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН,
Махачкала

M. S. GADJIEV

CONCERNING VARACHAN'S LOCATION

Summary

The city of Varachan played a special role in the history of the Eastern Caucasus towns mentioned in the early Middle Ages chronicles. According to Moses of Kalankatuk, "Ashkharatsuyts", Vardan and Ya'qubi it was situated to the north not far from the city of Darband on the boundary of the valleys and the foothills. Varachan was an important political and ideological centre, "the Guns city", the residence of Alp-Ilutver, the Guns prince. There were different ideas about Varachan's location, now the most popular one is that the town was situated on Urtseki fortified settlement place. Nevertheless the name of the place doesn't correlate to the toponymy mentioned in the chronicles. The author thinks that Varachan could be situated in Shah-Senger fortified settlement. Its location and the archaeological characteristics corresponds to the written saucers data.

Е. П. МЫСЬКОВ

О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ НАСЕЛЕНИЯ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

На территории восточноевропейских степей к настоящему времени исследованы сотни средневековых погребений, в которых сохранились остатки одежды — халатов, накидок, головных уборов. Подавляющее большинство из них датируется в пределах второй половины XIII — XIV в. н. э., т. е. относится к золотоордынскому времени. В настоящей статье речь пойдет о головных уборах, происходящих из подкурганных погребений Нижнего Поволжья и Подонья. Специальных работ, посвященных этой теме, очень немного. Среди них прежде всего следует назвать книгу Г. А. Федорова-Давыдова, в которой проанализированы материалы погребальных памятников с остатками женских головных уборов [1, с. 36—37, 156—157], и заметку Г. Ф. Поляковой о металлических бляхах-навершиях из Болгар [2, с. 138—141]. Интересные сведения об особенностях женского головного убора XIV в. можно найти в публикации А. Кроткова [3, с. 111—144].

В женских погребениях Нижнего Поволжья и Подонья головные уборы встречаются довольно часто. По данным Г. А. Федорова-Давыдова к середине 60-х годов они были встречены в 22 захоронениях [1, с. 36]. Сейчас количество таких погребений увеличилось более чем в 2 раза, хотя подобные подсчеты очень приблизительны и не отражают реального положения вещей. В большинстве средневековых погребений ткань не сохранилась или сохранилась в виде мелких лоскутков, не дающих никакого представления о форме и размерах предмета. Кроме того, в отчетах и публикациях остатки головных уборов нередко интерпретируются как куски тканей, фрагменты халатов, берестяные подушки, обшитые тканью и т. п. Именно поэтому сейчас невозможно точно установить, насколько часто их помещали в погребения, хотя ясно, что такие случаи были нередки.

Из всех известных мне золотоордынских памятников головные уборы достаточно хорошо сохранились в погр. 1 мавзолея в Увеке (рис. 1, *2*; 2, *2*), погр. 1 кург. 64 могильника Царев (рис. 3), погр. 1 кург. 70 могильника Бахтияровка (рис. 2, *1*), разрушенном погребении из кургана у хутора Демочкин (рис. 4), погр. 1, кург. 61 могильника Царев (рис. 5) погребении из кургана у с. Рудни [4, с. 116] и некоторых других. Прежде чем перейти к подробному рассмотрению археологических материалов, необходимо обратиться к анализу некоторых других видов источников, которые содержат довольно интересные сведения об особенностях головных уборов населения Золотой Орды.

Во-первых, нужно сказать хотя бы несколько слов о средневековых картинах и миниатюрах, изображающих монгольских правителей и их ближайшее окружение. Хотя на большинстве из них изображения довольно схематичны, можно без особого труда понять некоторые конструктивные особенности и различные варианты ношения головных уборов (рис. 1, *1*, *3*).

Во-вторых, следует обратить особое внимание на сообщения средневековых путешественников, послов и купцов, посещавших Золотую Орду в XIII—XIV вв. Анализ этих источников позволяет утверждать, что в Золотой Орде носили самые разные шапки, изготовленные из тканей, тонкой кожи и меха. Женские головные уборы были настолько своеобразны, что привлекали внимание прак-

© Е. П. Мыськов, 1995 г.

Рис. 1. *1* — жёны хана Мунке (прорисовка с персидской миниатюры 1315 г.); *2* — бокка из погр. 1 мавзолея Увека (по рисунку А. Кроткова); *3* — Чингизхан (прорисовка с китайской картины XIII—XIV вв.)

тически всех иностранцев. Они достаточно подробно описаны в книгах Плано Карпини, Гильома Рубрука и некоторых других авторов.

Наиболее полное описание женского головного убора дано Гильомом Рубруком: «они носят украшение на голове, именуемое бокка, устраиваемое из древесной коры или другого материала, который они могут найти, как более легкий, и это украшение круглое и большое, насколько можно охватить его двумя руками; длиною оно в локоть и более, а вверху четырехугольное, как капитель колонны. Эту бокку они покрывают драгоценной шелковой тканью; внутри бокка пустая, а в середине, над капителью, или над упомянутым четырехугольником, они ставят прутик из стебельков, перьев или тонких тростинок длиною также в локоть и более. И этот прутик они украшают сверху павлиньими перьями и вдоль кругом перышками из хвоста селезня, а также драгоценными камнями. Богатые госпожи полагают это украшение поверх головы, крепко стягивая его меховой шапкой, имеющей в верхушке приспособленное для этого отверстие. Сюда они прячут волосы свои, которые собирают сзади кверху головы как бы в один узел и полагают в упомянутую бокку, которую потом крепко завязывают под подбородком» [5, с. 100].

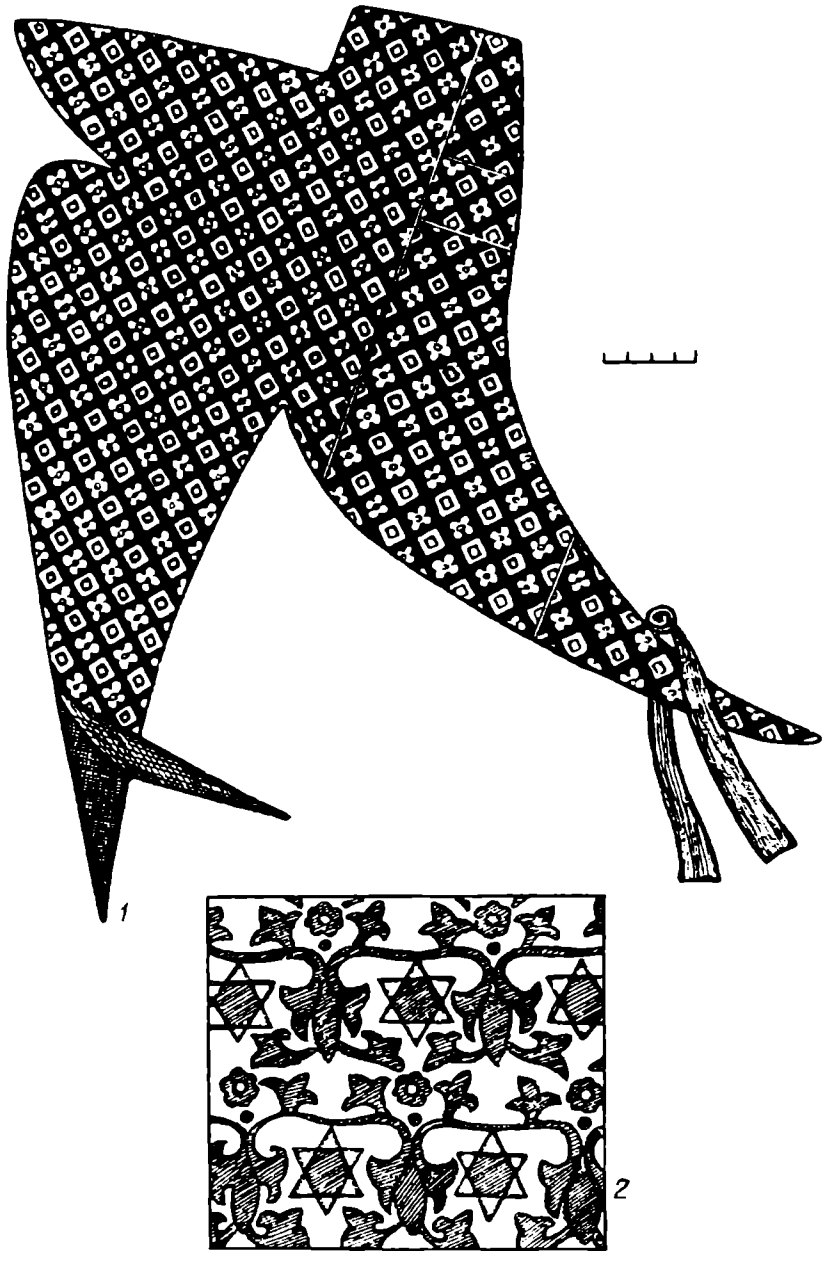

Рис. 2. *1* — реконструкция головного убора из погр. 1 кург. 70 могильника Бахтияровка; *2* — орнамент ткани бокки из погр. 1 мавзолея Увека (по рисунку А. Кроткова)

Не менее подробное описание бокки имеется в сочинении Плано Карпини: «На голове они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или коры, длиною в один локоть и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот убор все увеличивается в ширину, а наверху имеет один длинный и тонкий прутик из золота, серебра или дерева или даже перо; и этот убор нашит на шапочку, которая простирается до плеч. И эта шапочка, как и вышеупомянутый убор покрыты букараном или пурпуром, или балдакином» [5, с. 27].

По-видимому, такие же головные уборы видел и Ибнбатута, только называет он их не бокками, а бугтаками: «На голове хатуни — бугтак, т. е. нечто вроде маленькой короны, украшенной драгоценными камнями, с павлиньими перьями наверху» [6, с. 288].

Не исключено, что близкие по конструкции шапки носили в начале XV в. при дворе Тимура. Во всяком случае их описание, данное Руи Гонсалесом де Клавихо, во многом совпадает с описаниями Плано Карпини и Гильома Рубрука.

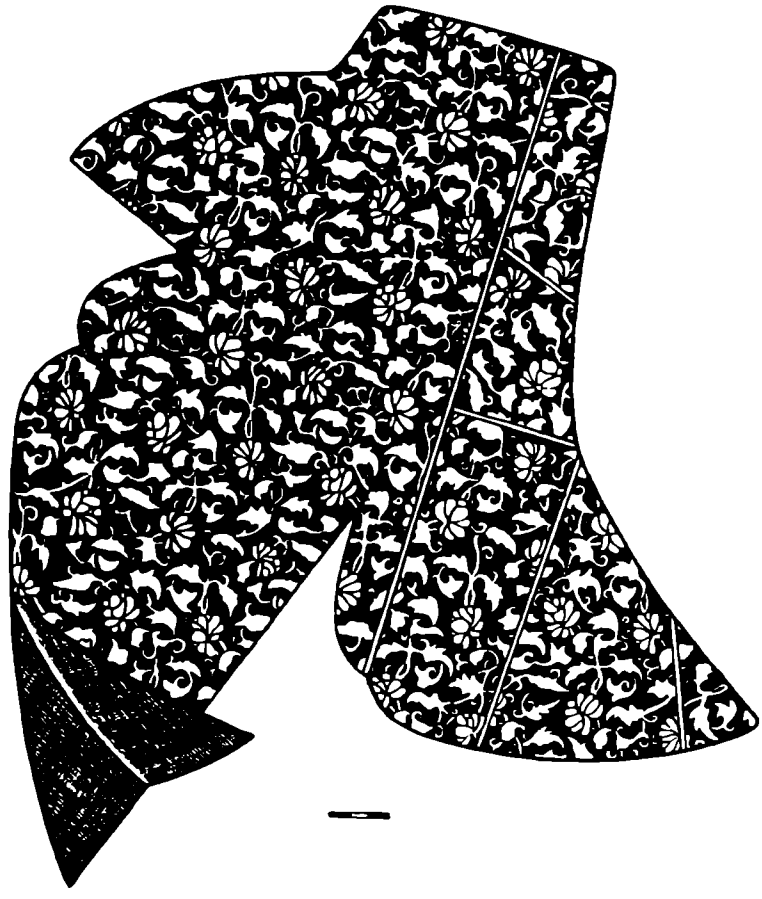

Рис. 3. Головной убор из погр. 1 кург. 64 могильника Царев (реконструкция)

Причем, судя по контексту, такие головные уборы носили многие придворные дамы и жены Тимура. «Лицо Биби-Ханым было закрыто белой легкой тонкой тканью, а на голове как бы шлем из красной материи, похожий на те, в которых сражаются на турнирах, и эта ткань слегка ниспадала на плечи. А этот шлем очень высок и на нем было много крупного светлого и круглого жемчуга, много рубинов, бирюзы и других камней, очень красиво оправленных. Покрывало, ниспадающее на плечи, было расшито золотом, а наверху был очень красивый золотой венок со множеством камней и крупного жемчуга... Верх всего украшал большой султан, высотой в локоть, и от него некоторые перья падали вниз, а другие — до лица и доходили иногда до глаз» [7, с. 125, 126].

Все авторы единодушно утверждают, что бокки или бугтаки носили только замужние женщины. Что же касается головных уборов девушек и молодых женщин, то описаны они очень поверхностно. Ибнбатута сообщает, что девушки, входящие в свиты состоятельных хатуний, носили «шапочки похожие на колпак, с золотым венчиком наверху, который украшен драгоценными камнями, и с павлиньими перьями над ним» [6, с. 292]. Плано Карпини отмечает лишь то, что «молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, так как они одеваются во всем так, как мужчины. Шапочки у них иные, чем у других народов; описать, понятно, их вид мы бессильны» [5, с. 27].

Таким образом, мужчины и девушки в Золотой Орде носили какие-то особые шапки типа колпаков, а головные уборы замужних женщин имели очень сложную конструкцию и состояли из шапки, берестяного или деревянного навершия и султана. Иностранцы называли их бокками или бугтаками, а в «Сокровенном сказании» женский головной убор именуется «богта» [8, с. 254]. Все эти названия созвучны и восходят к одному корню. Происхождение их, по-видимому, связано

Рис. 4. Реконструкция головного убора из погр. 1 кургана у хутора Демочкин. *1* — зимний вариант ношения; *2* — летний вариант ношения

с некоторыми особенностями свадебного обряда монгольских народов, который совершался при помощи мозговой кости передней ноги барана, называемой «богго» [9, с. 73]. Вполне вероятно, что верхняя часть женского головного убора представляет собой символическое воспроизведение этой бараньей кости.

В настоящее время в нашем распоряжении имеется достаточно данных для того, чтобы полностью реконструировать женские и девичьи головные уборы и понять различные варианты их ношения. В памятниках золотоордынского времени встречаются головные уборы двух типов — шапки-колпаки и бокки, причем последние представляют собой усложненный вариант шапки-колпака.

Все шапки-колпаки близки по форме и системе кроя, хотя отличаются друг от друга размерами и некоторыми конструктивными деталями. Они изготовлены из золототканой парчи с геометрическим, растительным, растительно-геометрическим или растительно-зооморфным орнаментом и, как правило, снабжены подкладкой из тонкой шелковой ткани. Для головных уборов использовались ткани с мелким цикличным орнаментом, который хорошо сочетался с относительно небольшими размерами готового изделия. Парча с широкими орнаментальными композициями и однотонные неорнаментированные ткани для изготовления головных уборов, по-видимому, не использовались. Сейчас довольно трудно сказать что-либо определенное о расцветке тканей, так как все они обесцвечены

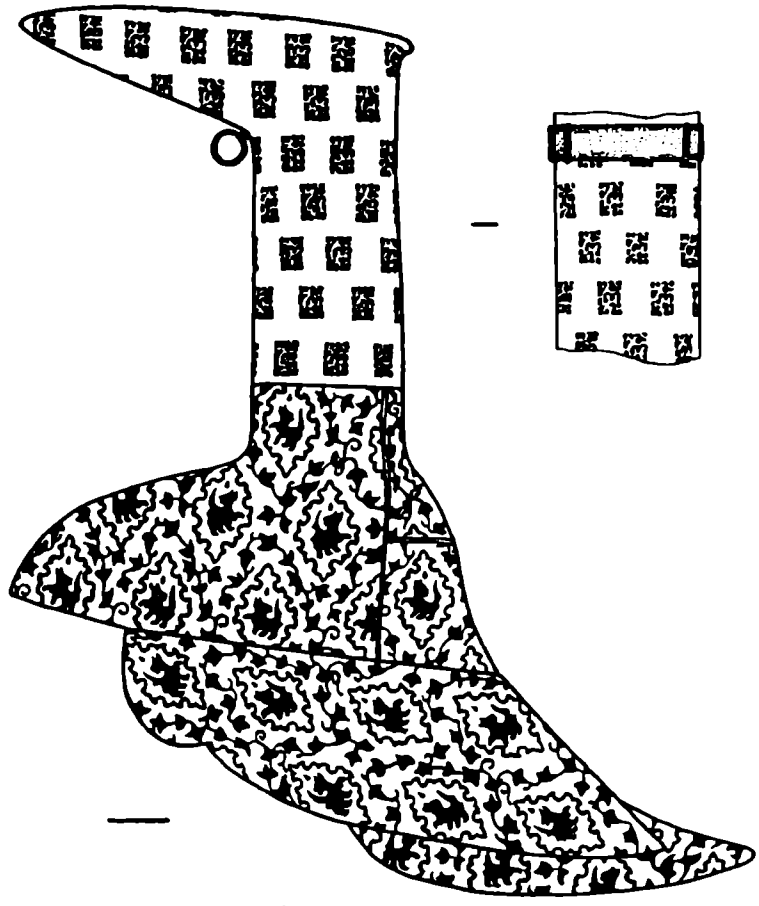

Рис. 5. Реконструкция бокки из погр. 1 кург. 61 могильника Царев

и имеют темно-серый или темно-коричневый фон. Только в погр. 1 кург. 64 могильника Царев сохранилась первоначальная окраска ниток, которыми был сшит головной убор. Нитки были красные, это дает основание предполагать, что такого же цвета была и сама шапка (рис. 3). О головном уборе красного цвета писал Руи Гонсалес де Клавихо [7, с. 125].

Форма шапок-колпаков стандартна. Верхняя часть шапки, прикрывающая лоб, темя и затылок, увенчивалась невысоким выступом в форме хохолка. Боковины оформлялись в виде длинных наушников, закрывающих щеки, скулы и ниспадающих на грудь, а задняя часть — в виде короткого башлыка, закрывающего плечи и спину. Задняя часть шапки или сшивалась по всей длине башлыка (рис. 3, 4), или только в его верхней части. В последнем случае она оставалась разомкнутой, но стягивалась специальными завязками из тесьмы (рис. 2, *1*). Иногда эти завязки оформлялись в виде фигурных узлов или бантиков (рис. 1, *2*). Некоторые головные уборы скроены таким образом, что башлык не ниспадает на плечи, а выступает назад в виде широкого козырька (рис. 1, *1*; 2, *1*). Отдельные экземпляры шапок-колпаков декорированы тесьмой, завязанной сложными узлами в виде цветов, бутонов, бантов или охватывающей верхнюю часть шапки по периметру (рис. 4, *1*).

В холодное время года наушники стягивались под подбородком при помощи специальных завязок из тесьмы (рис. 4, *1*), а летом подворачивались и крепились за спиной этими же завязками, причем подворачивались они таким образом, что ложились лицевой стороной не внутрь, а наружу (рис. 4, *2*). Шапки такой конструкции надежно защищали голову и лицо от холода и хорошо соответствовали верхней одежде без воротника. Необходимо отметить, что в погребения головные уборы чаще помещали с подвернутыми наушниками, т. е. в летнем варианте ношения.

Все шапки сшиты одинаково. Передняя часть изготовлена из двух симметричных половин, а задняя набрана из мелких лоскутков различных размеров и конфигурации[1]. Экспериментальным путем было установлено, что при такой системе кроя обеспечивалась практически полная утилизация обрезков драгоценной парчи, которые оставались после изготовления передних половин головного убора.

Бокка, бугтак или богто представляет собой довольно сложное украшение из дерева и коры. Судя по материалам нижневолжских погребений, они носились только в комплекте с шапкой-колпаком. Основу бокки обычно составляет арматурный каркас из тонких веточек или прутиков. Сверху он обтягивался берестой, которая сшивалась толстыми нитками. По форме эта основа напоминает остроносый сапожок длиной от 20 до 30 см (рис. 1, *2*; *5*). На бокках из увекского мавзолея и из погр. 1 кург. 61 могильника Царев сохранились довольно большие куски ткани, которыми они были обшиты. Это тонкая шелковая ткань со штампованным орнаментом серебристого цвета, причем в обоих случаях использованы ткани почти полностью аналогичные и по фактуре, и по орнаменту. Очевидно, это непростое совпадение, а следствие единых традиционных требований, предъявляемых к внешнему виду женских головных уборов. Сверху бокки могли быть увенчаны перьями (рис. 1, *1*), деревянными или металлическими прутиками (рис. 1, *2*) и украшены бусами, нашивными бляхами, нитками жемчуга, цилиндрическими подвесками (рис. *5*) и т. п. Для соединения бокки с шапкой-колпаком достаточно было распороть верхнюю часть выступа-хохолка, вставить в образовавшееся отверстие берестяную трубку бокки и пришить ее к матерчатой основе.

При анализе антропологических материалов погребений с головными уборами выявляются интересные закономерности. Все эти погребения женские. В мужских захоронениях головные уборы не встречаются, по крайней мере, мне такие памятники неизвестны. При этом бокки находят только в погребениях женщин зрелого и старческого возраста, а шапки-колпаки — в погребениях девушек до 20 лет. Эти данные полностью соответствуют сообщениям средневековых авторов и позволяют видеть в бокках головные уборы замужних женщин, а в шапках-колпаках головные уборы молодых девушек.

Принимая во внимание сообщение Плано Карпини о том, что молодые девушки одеваются во всем как мужчины, можно утверждать, что в Золотой Орде шапки-колпаки носили и мужчины. Это тем более вероятно, если учесть, что на одном из китайских портретов Чингизхана изображен головной убор, в котором безошибочно угадывается шапка-колпак. Хорошо видны длинные наушники, заброшенные за плечи, и довольно высокий выступ-хохолок в верхней части (рис. 1, *3*). Не менее интересно в этом отношении и замечание Эльмуфаддаля, который, описывая внешность хана Берке, называет его головной убор именно колпаком [5, с. 193].

Такому выводу как будто противоречат археологические материалы, ведь в мужских погребениях головные уборы не встречаются. Однако это противоречие снимается, если принять во внимание следующее обстоятельство. В погребениях головные уборы очень редко находят на черепе. Обычно они положены у бедер, на грудь, под голову или покрывают лицо, т. е. помещены в погребение не как элемент одежды, а как особый предмет сопровождающего инвентаря, несущего вполне определенную смысловую нагрузку. Очевидно, наличие в могиле бокки или шапки-колпака должно было, прежде всего, подчеркивать половозрастное и социальное положение погребенной.

Г. А. Федоров-Давыдов, проанализировав материалы кочевнических погребений с бокками, пришел к заключению, что эти головные уборы появились на территории восточноевропейских степей не ранее середины XIII в. и были принесены сюда монголами [1, с. 156, 157]. То же самое можно сказать и о шапках-колпаках,

[1] На рисунках линии швов условно обозначены тонкими белыми линиями.

которые представляют собой неотъемлемый элемент бокки. Эти головные уборы не имеют ничего общего с женскими половецкими шапками домонгольского периода. Судя по каменным изваяниям XI—XII вв., в половецкой среде были распространены головные уборы совершенно других форм — шляпы с высокой тульей и загнутыми краями, низкие плоские шляпы и небольшие круглые шапочки [10, с. 211]. Об этом свидетельствуют и материалы кочевнических могильников. В погребениях домонгольского времени бокки и шапки-колпаки не встречаются, а в золотоордынских комплексах, точно датированных монетами, фиксировались неоднократно (Увек, Рудня и др.). Следовательно, и бокки, и шапки-колпаки можно включать в число датирующих предметов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
2. *Полякова Г. Ф.* Бляхи-навершия головных уборов из Болгар//Проблемы археологии Евразии. М., 1990.
3. *Кротков А.* Раскопки на Увеке в 1913 году//Тр. Саратовской Ученой Архивной комиссии. 1915. Вып. 32.
4. *Рыков П. С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья. Саратов, 1936.
5. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
6. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.
7. *Руи Гонсалес де Клавихо.* Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403—1406 гг.). М., 1990.
8. *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941.
9. *Галданова Г. Р.* Семантика архаичных элементов свадьбы у тюркомонголов//Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск, 1992.
10. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях//МИА, 1958. № 62.

Волгоградский педагогический университет,
Волгоград

E. P. MYSKOV

CONCERNING THE TYPES OF THE GOLDEN HORD POPULATION HEAD-DRESSES

Summary

The author offers the reconstruction of the head-dresses based on the investigations of the Mongol hats found in the burials of the low Volga river basin. He uses both the written sources and the pictures. According to the results of the investigations the author not only offers the reconstruction of the head-dresses but also includes them into the number of the dating finds.

В. А. БУРОВ

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НОВГОРОДСКОГО ПОГОСТА ЖАБНА

Волость Жабна, расположенная на юге Новгородской земли, уже в течение десятилетий является объектом внимания историков. Б. Д. Греков в работе 1914 г. первым выделил ее из прочих волостей, отметив ее необычное деление на концы [1, с. 184, 185]. Мысль этого историка о происхождении Новгорода по модели Жабенской волости показалась основательной А. В. Арциховскому [2, с. 12]. О погосте Жабна писал Н. Н. Воронин [3, с. 188]. Л. А. Фадеев, используя данные о Жабенской волости, предложил теорию трансформации погостской общины в городскую общину [4, с. 17—31], что вызвало ряд критических замечаний А. В. Кузы [5, с. 288, 289; 6, с. 148]. К волости Жабна обратился и В. Л. Янин, высказавший первоначально гипотезу о том, что она являлась частью княжеского домена в южной части Деревской пятины [7, с. 241—249; 8, с. 119—134]. Ныне от этой гипотезы исследователь отказался [9, с. 87—89]. Интерес к Жабенской волости проявил и Ю. Г. Алексеев [10, с. 272].

Историки оперируют исключительно данными Новгородской писцовой книги Деревской пятины конца XV в., время составление которой по последним данным относится к лету 7004—7009, т. е. 1495/1496—1501 гг. [11, с. 66, 67], а также договорными грамотами польского короля и великого князя литовского Казимира с Новгородом 1441—1442 и 1471 гг. [12, № 70, 77]; датировка по В. Л. Янину [13, с. 177—179, 187—189].

Настало время расширить круг письменных источников и привлечь материалы археологии. Это позволит получить более полное представление о прошлом данной волости и ее центре — погосте Жабне. Чрезвычайно важно установить время возникновения последнего, что имеет огромное значение для решения ряда основополагающих проблем не только Жабенской волости, но и Новгородской земли.

Погост Жабна был надежно локализован К. А. Неволиным, опубликовавшим в 1853 г. карту новгородских пятин [14, с. 187, № 61, с. 204, 207, 383, прилож. VIII, X, XIV]. Он располагался на Валдайской возвышенности в междуречье Шлины и Граничной.

Традиционное представление о том, что Жабна впервые названа в грамоте Казимира 1441—1442 гг., может быть поколеблено. Договор 1431 г. литовского великого князя Свидригайла с Новгородом перечисляет сходную географическую номенклатуру (Морева, Лопастицы), но сам документ при этом плохой сохранности и имеет многочисленные пропуски [12, № 63]. После упоминания волости Моревы и шедшего с нее князю дохода — «осеннего» здесь фигурируют общины — «перевары», связанные в договорах Казимира именно с погостом Жабна. Кроме того, с ряда волостей, включая Жабну, взималась «черна куна» «по старым грамотам». Иными словами, докончанию 1471 г. предшествовало несколько грамот. Последние нам известны: они датируются 1441—1442 и 1431 гг.

В конце XV в. на погосте Жабна находилась Никольская церковь, 4 двора клириков, 2 двора сторожей церковных, 4 двора тяглых крестьян, 4 двора непашенных людей и 2 двора туинов — всего 16 дворов [15, стб. 612].

© В. А. Буров, 1995 г.

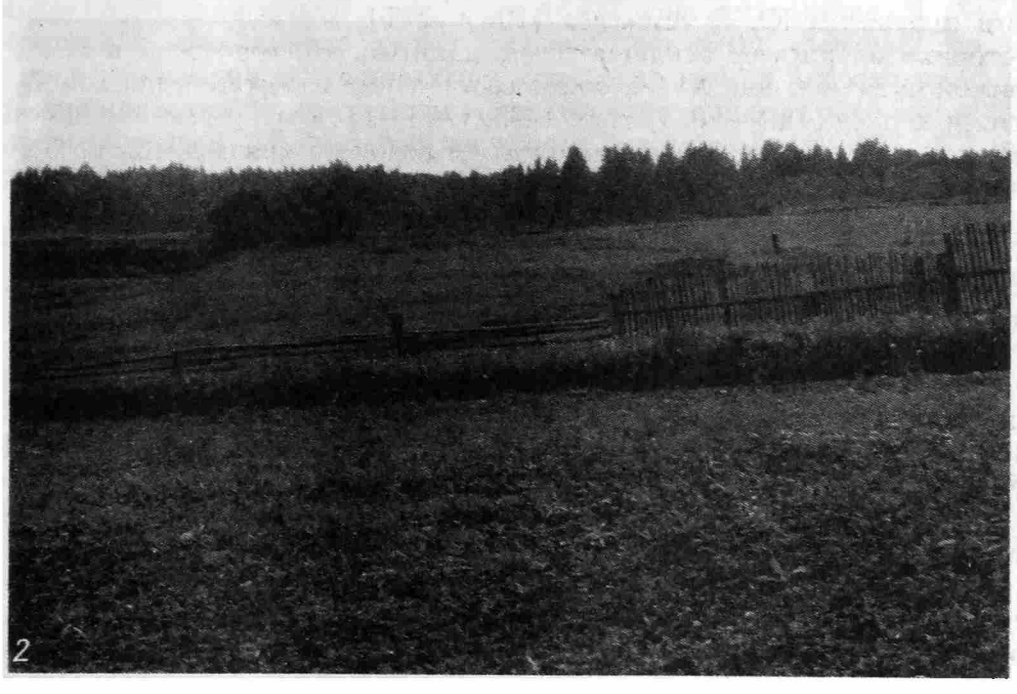

Рис. 1. Погост Жабна. *1* — храмовый комплекс XIX в.; *2* — селище Жабны I, вид с северо-запада (слева болото)

Писцовая книга 1557 г. упоминает на погосте две церкви Николая Чудотворца [16, л. 91]. «Никольский Жабенский погост» и семь обеж в нем отмечены в книге 1572—1573 гг. [17, л. 322, 355, 356]. В книге 1583 г. указано два Никольских храма, шесть дворов клириков и один двор бобыльский [18, л. 23 об., 24]. Никольский поп назван в документе 1587 г. [19, с. 476]. Дозорная книга 1595 г. фиксирует запустение погоста Жабна: в ней указана «пустошь Погост» [20, л. 192 об.].

Источники XVII в. крайне скупы относительно данных о погосте. Дозорные

книги 1620, 1623, 1628 гг. только упоминают «погост Жабенский» [21, л. 414 об.; 22, л. 436; 23, л. 491 об.], так же как и Переписные книги 1669 и 1678 гг. [24, л. 52 об.; 25, л. 468 об.]. Книга 1648 г. сообщает: «Погост Жабенский пуст» [26, л. 108]. Видимо, в этом и состояла причина краткости сведений о Жабне. Согласно рукописи, хранившейся в начале XX в. в церкви с. Жабны, Никольский храм (как и сам погост) был разорен в литовское нашествие XVII в. Новая церковь была построена в 1664 г. В это время в Жабне был и другой каменный храм [27, с. 21]. Таким образом, письменные источники позволяют говорить о достаточно длительном запустении погоста с 1595 по 1660-е годы.

В 1710 г. Переписная книга отмечает на погосте Жабна действующую церковь во имя Чудотворца Николы и при ней три двора клириков [28, л. 344, 344 об.]. Погост Жабенский показан на карте 1772 г., на нем была церковь [29]. В Экономических примечаниях Генерального межевания 1780-х годов Валдайского уезда Новгородской губернии впервые дается географическая привязка земли погоста Жабна: «На суходоле при колодезях. Церковь деревянная во имя Николая Чудотворца, а дачею при озёрке Олухове, а речки Жабенки на правой и по обе ее стороны, а ручья безымянного на левой стороне» [30, № 992, л. 96]. Погост указан на карте и плане Валдайского уезда 1788 г. [31, 32], карте Новгородского наместничества 1786 г. [33], карте Валдайского уезда 1808 г. [34], карте Новгородской губернии 1847 г. [35]. Имеется «план дачи села Жабны» 1861 г. [36, 37].

В 1860-е годы с. Жабны — довольно крупное поселение, насчитывающее 37 дворов с населением 259 человек (124 лиц мужского и 135 женского пола) [38]. В 1884 г. здесь проживали 342 человека (157 лиц мужского и 185 женского пола) [39]. По данным переписи 1897 г. в с. Жабны, центре волости, находившемся «при озере Олухове», было два каменных храма, одноклассное образцовое училище, фельдшерский пункт, волостное управление, две красильни, один маслобойный завод, одна кузница, одна сапожная мастерская, действовали три ярмарки [40, л. 775, 775 об]. Количество дворов насчитывало 83, население составляло 424 человека [41, л. 545, п. 28]. Судя по дням ярмарок, один храм был посвящен Николе Чудотворцу, другой Нилу Столбенскому.

В 1914 г. в Жабнах проживали 476 человек, число домов достигало 61 [42]. Современная деревня еще сохраняет черты былого: имеется около десятка каменных домов дореволюционной постройки, стоят две разрушающиеся каменные церкви, окруженные оградой из валунов.

Приведенные сведения письменных источников позволяют наметить два крупных периода в истории Жабенского погоста: до конца XVI в. (момента запустения) и со второй половины XVII в. по начало XX в. Этим двум периодам находят соответствия археологические материалы.

Культурные напластования эпохи средневековья на месте и вблизи церковной застройки отсутствуют. Следовательно, сложившаяся планировка с. Жабны, центром которой являются каменные храмы, поздняя, нового времени, связанная со вторым этапом истории погоста (рис. 1, *1*).

Погосту эпохи новгородских писцовых книг соответствует комплекс из двух селищ и одного грунтового могильника (рис. 1, *2*; 2).

Селище Жабны I размещается на восточной окраине современной д. Жабны на огородах и пашне на берегу болота. Его высотные отметки составляют 1—5 м от уреза воды. Памятник на значительной территории распахан. Средневековый керамический материал собран на площади 140 × 370 м (5,2 га). В северной половине селища фиксируется древнее ядро размером 75 × 115 м (0,7 га). Здесь заложен раскоп 4 × 6 м, выявивший культурный слой мощностью 0,6 м. Отчетливо фиксируются три горизонта: горизонт 1 — темно-коричневая супесь (мощность 0,22—0,38 м), горизонт 2 — желтый песок с темно-коричневой супесью (0,1—0,15 м), горизонт 3 — предматерик, песок с заплывами темно-коричневого слоя (0,15—0,35 м) (рис. 3, *1*).

Раскоп пришелся на незастроенный участок поселения. Жилищ не выявлено, находки редкие. Найдена железная булавка-спица для ручной прялки, встреченная на Неревском раскопе в Новгороде в слоях 12—5 ярусов (1281—1422 гг.). Это

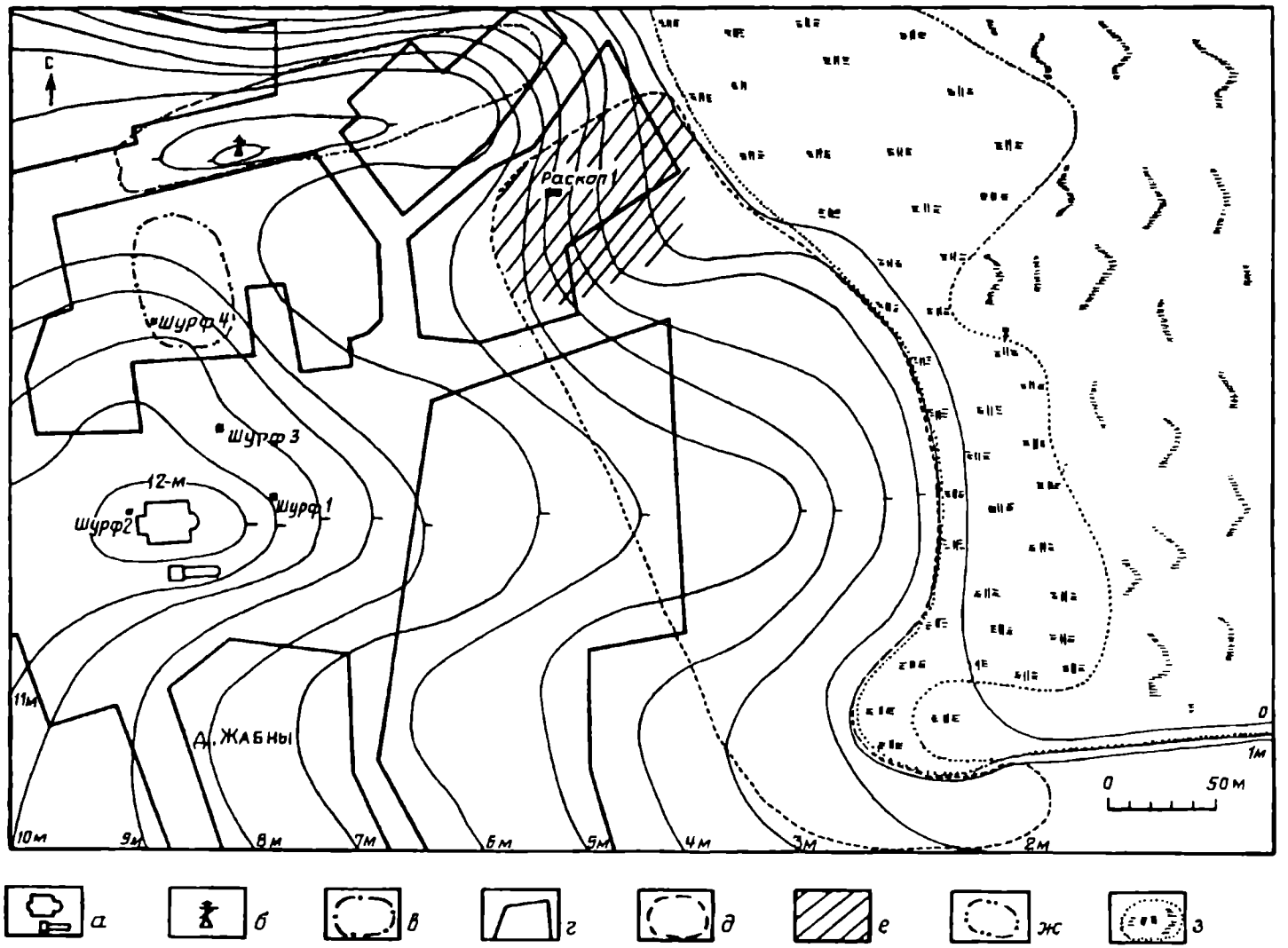

Рис. 2. Историко-археологический комплекс погоста Жабны. *а* — каменные храмы XIX в.; *б* — железный крест в ограде на месте старого кладбища; *в* — границы «старого кладбища»-жальника; *г* — контуры усадебной застройки современной д. Жабны; *д* — примерные границы селища Жабны I; *е* — древнейшее поселение XII—XIII вв.; *ж* — селище Жабны II (возможно, церковный двор XIV—XVI вв.); *з* — болото (бывшее озерко)

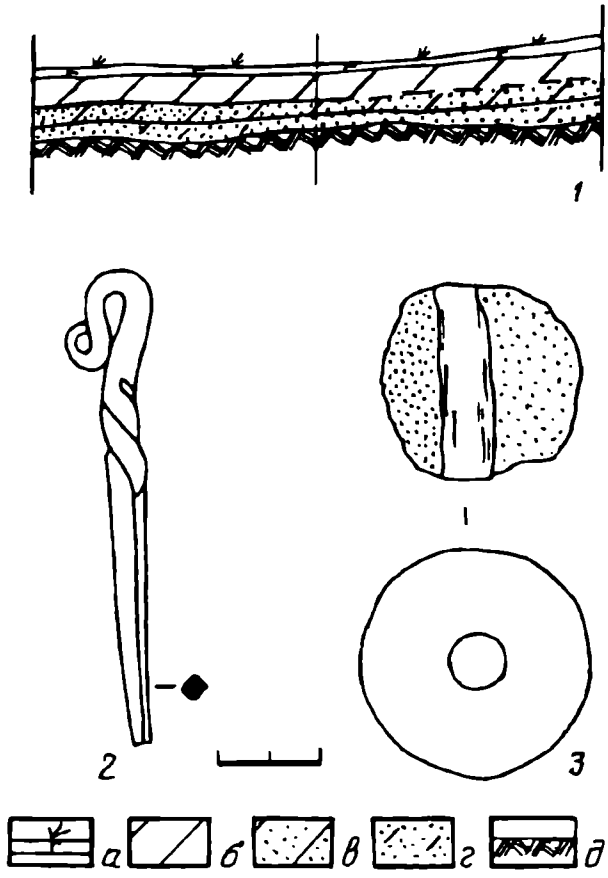

Рис. 3. Селище Жабны I, раскоп 1. *1* — юго-западный профиль (*а* — гумус; *б* — темно-коричневая супесь; *в* — желтый песок с темно-коричневой супесью; *г* — предматерик; *д* — материк); *2* — спица железная; *3* — обломок глиняного рыболовного грузила и его реконструированная форма

изделие характерно для XIV в. (рис. 3, *2*) [43, с. 105—107]. На Нутном раскопе спицы выявлены в слоях XIV — начала XV в. [44, с. 95]. Другая находка — половинка глиняного грузила от сетей диаметром 4—4,5 см (рис. 3, *3*). Наконец, обнаружено три куска глиняной обмазки печи в предматериковом слое. Наружная сторона ровная плоская, внутренняя полусферическая диаметром 34 и 36 см. Видимо, печь была небольшая.

Керамическая коллекция раскопа 1 включает 687 фрагментов белоглиняной и красноглиняной керамики. Она дополняется 94 экз., собранными на распашке. Общая численность коллекции — 781 экз.

Керамика распадается на две хронологические группы: XII—XVI и XVII—XX вв.[1] (таблица). Это соответствует двум периодам истории погоста.

Венчики горшков первого периода, как правило, не имеют узкой даты, что осложняет выведение времени основания поселения. Однако устойчивое указание на XII в. (к XII—XIII вв. принадлежит около 15% фрагментов венчиков) позволяет со всей определенностью говорить о возникновении поселения на месте Жабенского погоста именно в это время, скорее всего во второй половине XII столетия.

В XIII в., очевидно в послемонгольское время, наметился некоторый упадок жизни на селище, зато в XIV—XVI вв. был явный подъем. Об этом говорит процентное соотношение керамики соответствующих этапов: XII—XIII вв.— 15,32%, XIII—XIV вв.— 10,48%, XIV—XVI вв.— 57,26% (таблица). Вероятнее

[1] Вся керамика из раскопок и сборов на селище Жабна I и других памятников, о которых идет речь в настоящей статье, датирована П. Д. Малыгиным по торжокско-новгородской керамической шкале. Пользуясь возможностью, приношу П. Д. Малыгину свою благодарность.

Таблица

Керамика селища Жабны I

№ п. п.	Дата	Шурф 5*, 1987 г.	Раскоп 1, 1988 г.	Подъемный материал, 1987 г.	Кол-во экз.	%
1	XII в.	247 **			1	0,81
2	XII—XIII вв.	229, 250, 254, 256, 272, 273	538, 537, 569, 578, 601, 621	35, 46, 48	15	12,09
3	XI—XIII вв.			9, 29	2	1,61
4	XII—XIV вв.		258		1	0,81
5	Вторая половина XII — начало XIII в.		359		1	0,81
6	XIII—XIV вв.	230	298, 361 (послемонгольская)	38—41, 43, 45, 47, 49, 50, 67	13	10,48
7	XIV в.		184, 403, 509		3	2,42
8	XIV—XV вв.	248, 249, 251, 269—271			6	4,84
9	XIV—XVI вв.		1, 8, 30, 42, 44, 62, 86, 89, 90, 108, 109, 130, 131, 154, 164, 177, 179, 181, 183, 204, 218, 222, 228, 229, 259, 260, 278, 299, 323, 343, 346, 387, 401, 402, 404, 423, 436, 451, 454, 478, 488, 527, 556	1—8, 23—28, 30—34	62	50,0
10	XVII—XX вв.		19, 41, 51, 88, 163, 178, 262, 280, 347, 405, 452, 453, 547, 557, 566, 608	37, 42, 44, 50	20	16,13
Всего					124	100%

* Шурф вошел в пределы раскопа 1, 1988 г.
** Номера керамики даны по коллекционной описи.

всего, поселение XII в. было небольшим. Керамика данного времени встречена только в северной части селища. К концу XV в., времени составления писцовой книги, селение простиралось далеко на юг.

Селище Жабны II, входящее в состав погостского комплекса, располагалось в 80 м к северу от каменной церкви Нила XIX в. Оно представляет собой пятно культурного слоя 35 × 60 м (0,21 га) мощностью 0,3 м. Шурф выявил полную перекопанность слоя огородами. На данном участке при осмотре огородов и в шурфе собрано всего 17 экз. керамики, что указывает на слабую насыщенность ею слоя. Венчики датируются исключительно XIV—XVI вв. и поздним временем (рис. 4).

Грунтовый могильник — третий элемент погостского комплекса. Он располагается в 170 м к северу от церкви Нила и в 20 м севернее селища Жабны II. Внешних признаков на поверхности не отмечается. Но примерные размеры его (50 × 215 м) позволили установить сведения местных жителей, наблюдавших в 1987 г. на данном участке прокладку водопровода, когда было выворочено огромное количество костей и черепов. Могильник явно сохранял внешние при-

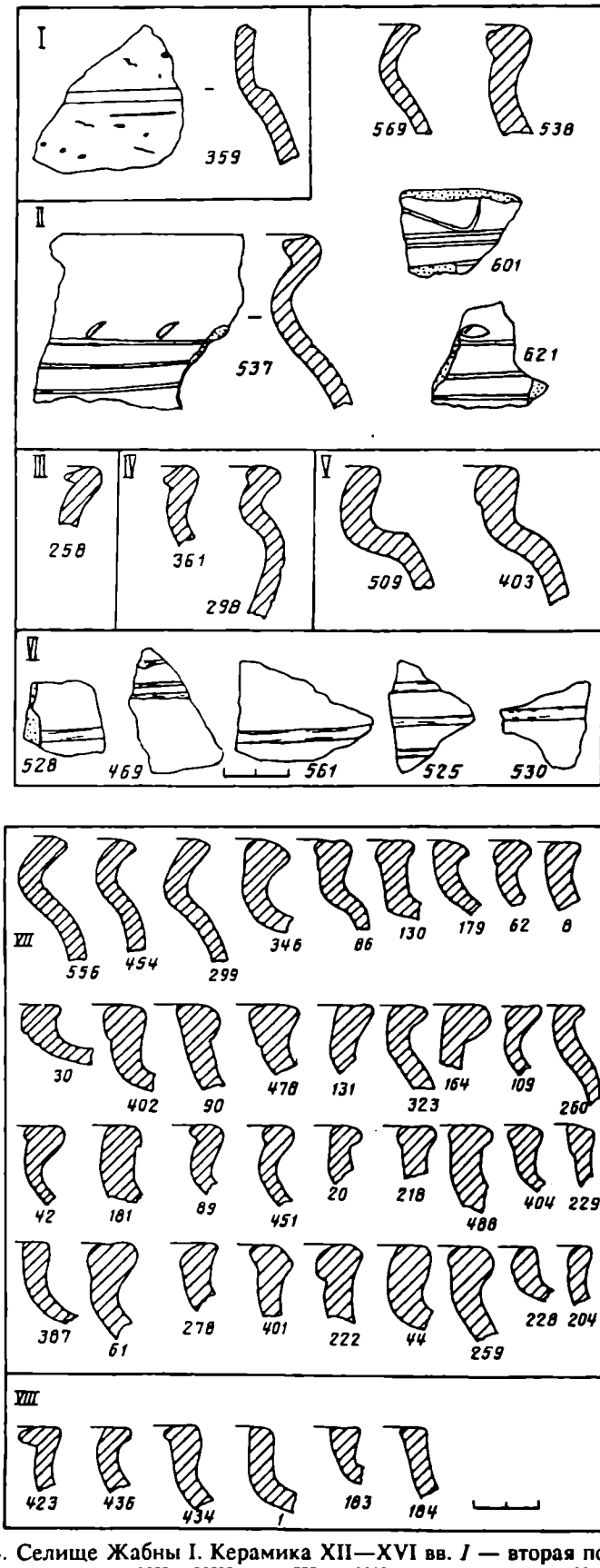

Рис. 4. Селище Жабны I. Керамика XII—XVI вв. *I* — вторая половина XII—XIII в.; II — XII—XIII вв.; III — XII—XIV вв.; IV — XIII—XIV вв.; V — XIV—XV вв.; VI — XIV—XVII вв. с орнаментом; VII — XIV—XVI вв. белоглиняная; VIII — XIV—XVI вв. красноглиняная

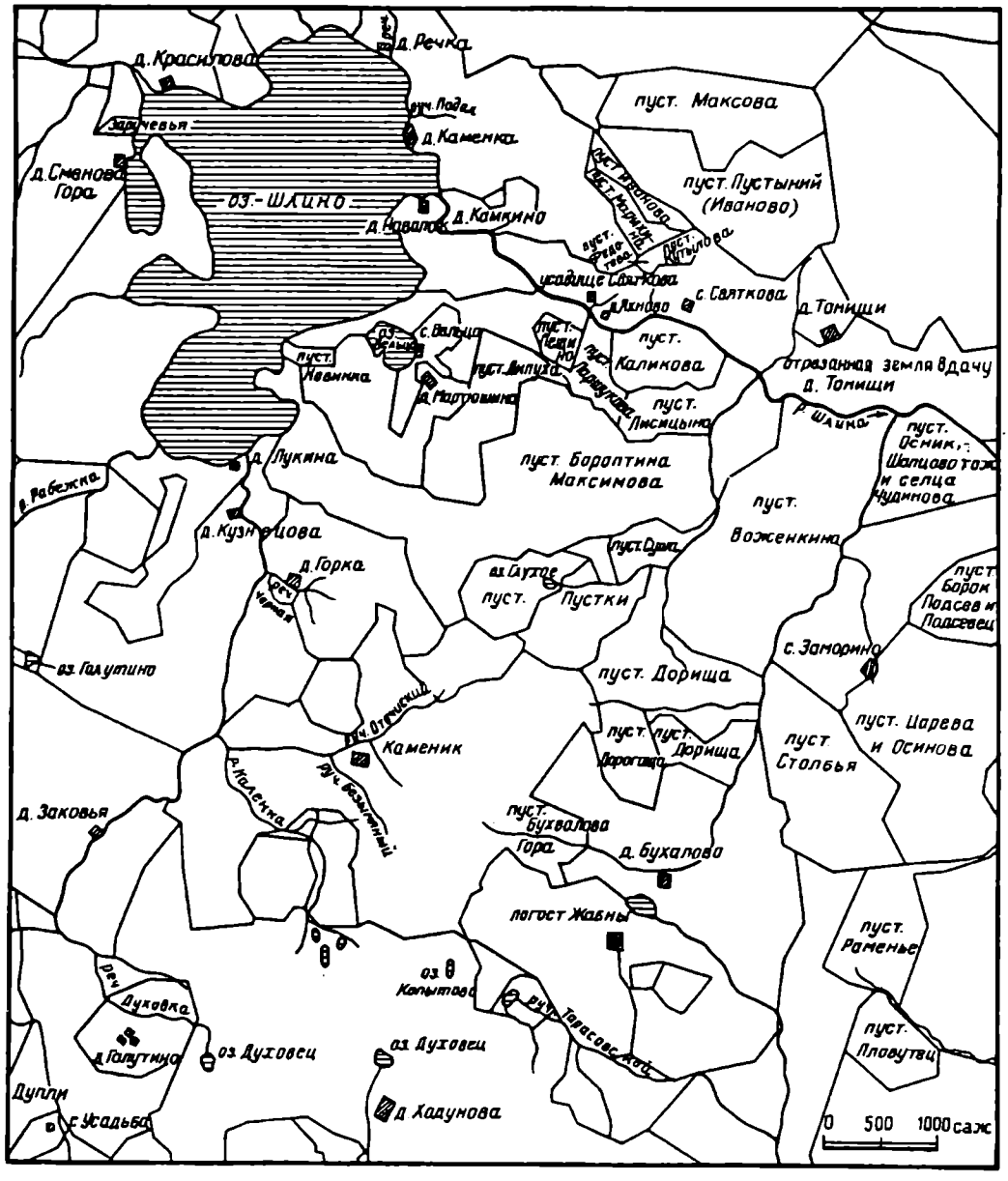

Рис. 5. Фрагмент плана Валдайского уезда Новгородской губернии 1788 г. Выкопировка (РГАДА, ф. 1356, оп. 1, № 3019)

знаки в начале XX в., недаром И. С. Романцев в сводке 1911 г. упоминает «при селе жальник» [45, с. 25]. К. С. Лебедев в работе 1913 г. пишет: «В селе есть древнее кладбище, где по преданию погребены родители святого Нила Столбенского, а потому 27 мая ежегодно совершается сюда крестный ход» [27, с. 22]. Свежий крест в железной ограде свидетельствует о том, что погребения здесь совершались и в XX в. Жальник, существовавший здесь в XVI в. во времена Нила, перерос в кладбище нового времени.

Выявленная трехчастная структура Жабенского погоста на время составления писцовой книги 1495—1501 гг. позволяет рассматривать погост того периода как комплекс, включающий основное поселение (селище Жабны I), одиночный двор площадью 0,2 га (селище Жабны II) и кладбище-жальник при одиночном дворе. Отсюда и вытекает предположение, что двор был церковный, на нем стояла деревянная Никольская церковь.

Проблема возникновения в Новгородской земле сельских административных центров — погостов, описанных в конце XV в., явно требует методических

разработок. Соответствует ли нижняя дата погостских селищ времени основания самого погоста, или же она должна связываться с периодом наивысшего развития поселения? В случае с Жабнами речь должна идти о XII или XIV столетии. Можно ли определить, когда именно?

Для ответа на данный вопрос огромное значение имеет установление даты возникновения поселений, ближайших к самому погосту, в связи с чем я ввожу термин «округа погоста».

В конце XV в. округа Жабенского погоста включала 14 деревень: Дорища, Бухалово, Бухалова Гора, Пустки, Песей Конец, Суша, Березье, Песчан, Вельцо, Мартюшино, Юрькина Горка, Черньцово, Копытово, Каменец [15, стб. 612, 613].

Деревня Дорища в конце XV в. состояла из 11 дворов. Обыскная книга 1572—1573 гг. отмечает сильное запустение деревни [17, л. 356, 357 об.]. В 1583 г. это пустошь [18, л. 126 об.]. Дозорная книга 1595 г. сообщает, что в пустоши Дорище имелась пашня (обжа) перелогом [20, л. 212 об.]. Далее в источниках о пустоши ничего не сообщается. Только материалы Генерального межевания конца XVIII в. вновь упоминают эту местность. Согласно Экономическим примечаниям, она располагалась «по обе стороны ручья Дубровика (Дубова.— *В. Б.*)» [30, л. 95 об., № 987]. Пустошь Дорища отмечена на плане Валдайского уезда 1788 г. [32], выкопировку из которого мы приводим (рис. 5). Имеется план пустоши 1781 г. [46] и три плана 1848 г. [47—49].

Топоним «Дорище» не сохранился, будучи перекрытым названием поля «Совхоз», на котором и было выявлено селище, соответствующее древней деревне. Оно расположено в 3,2 км к юго-западу от д. Заморино на старой дороге в Жабны. Поселение занимало ровную площадку. С западной стороны расположена небольшая заболоченная низина. Никаких иных источников воды вблизи нет. От левого берега ручья Дубова памятник удален на 1 км. Форма селища Г-образная, размер 65—70 × 200 м (1,3 га). Шурф размером 2 × 2 м зафиксировал слой черной гумусированной супеси мощностью 0,3 м.

Собранная керамическая коллекция насчитывает 113 экз. Датировке поддаются только 23 фрагмента. Один фрагмент — до середины XII в., не исключено XI в., один — XI—XII вв., 17 экз.— XIII—XV вв., четыре — XV—XVII вв. Керамика XII в. присутствует отчетливо, но поселение в это время, видимо, было небольшим. Расцвет Дорищ приходится на XIV—XV вв. В конце XVI в. деревня перестала существовать.

Деревня Бухалово в конце XV в. насчитывала два двора. Писцовая книга 1583 г. упоминает ее как существующую. В ней был «двор помещиков» [18, л. 78 об.], две обжи крестьянских запустели. В 1669 г. в Бухалове значился один крестьянский двор [24, л. 56]. В 1678 г. здесь находился помещичий двор и двор крестьянский [25, л. 473]. Далее источники о деревне умалчивают. В 1780-х годах она упомянута в материалах Генерального межевания: «Деревня Бухалово, что ныне сельцо... на правом берегу ручья Дубника (Дубова.— *В. Б.*)» [30, л. 95 об., № 986]. Местоположение Бухалова указано на плане 1788 г. (рис. 5). В это время здесь было 8 дворов, проживали 51 человек. Сельцо Бухалово указано на карте 1786 г. [33]. Сохранился план д. Бухалово 1781 г. [50] и пять планов 1847 г. [51—55].

В источниках XIX в. данная деревня упоминается постоянно. Она обозначена на картах 1808, 1847 гг. [34, 35]. В 1884 г. ее население составлял 191 человек [39, л. 1021 об.]. В 1897 г. здесь была кузница, смологонный завод [40, л. 776], насчитывалось 46 дворовых мест, проживали 219 человек [41, л. 545, № 29]. Накануне первой мировой войны в Бухалове значилось 29 хозяйств, население состояло из 214 человек [42]. Деревня существует и ныне на обеих сторонах Дубова ручья.

В истории Бухалова имеются заметные пропуски, выявляются два хронологических разрыва: с конца XVI в. по вторую половину XVII в. и с конца XVII по конец XVIII в. Примечательно, что в описи 1710 г. Бухалово вообще не

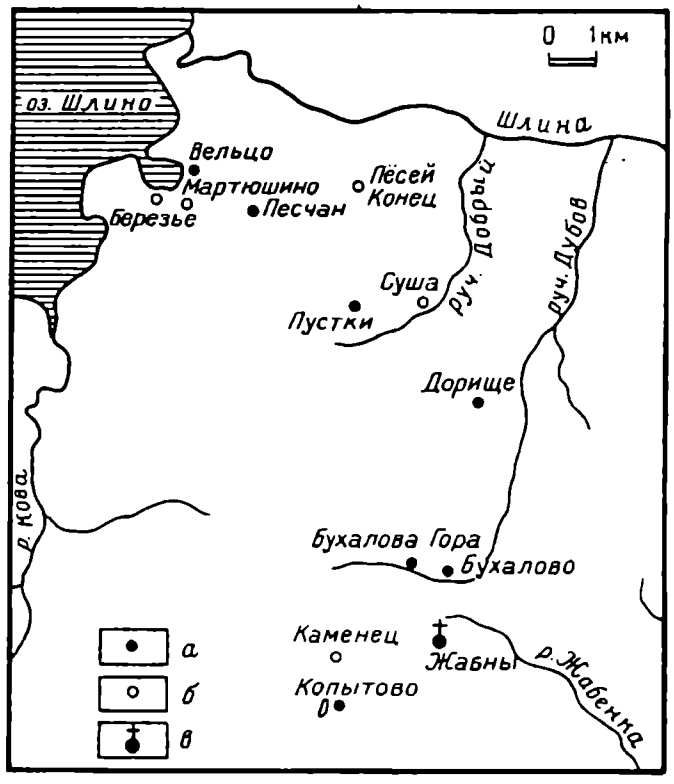

Рис. 6. Округа погоста Жабна. *а* — селища; *б* — топоним; *в* — погост

значится [28]. Эти данные накладываются на материалы археологии. Рядом с современной деревней найдено два селища.

Селище Бухалово I размещается на правом берегу ручья Дубова на пашне, где на участке 50 × 80 м (0,4 га) собрано 30 фрагментов керамики XIV—XVI и XIX—XX вв. Памятник полностью распахан (рис. 6). По площади и времени он соответствует двухдворной деревне писцовой книги.

Селище Бухалово II находится на левом берегу ручья на поле между двумя болотными низинами, занимает площадь 1,6 га (125 × 130 м). Памятник распахан (рис. 6). Коллекция керамических сборов и из шурфа составляет 76 экз. Из них 29 приходится на домонгольский период. Выделяется керамика лепная развитых форм X в. и рубежа I—II тыс. н. э. Первый период функционирования поселения относится к началу X — началу XIII в. Далее, видимо, наступило запустение в монгольский период. Следующий этап — XV—XVI вв., а судя по письменным источникам, XVI в., когда существовал помещичий двор. Керамика с датой XVII—XIX вв. соотносится с сообщениями 1669 и 1678 гг. о помещичьем дворе и дворе крестьянском. После некоторого перерыва жизнедеятельности здесь деревня была возобновлена на правом берегу ручья, где она и указана в документах 1780-х годов.

Деревня Бухалова Гора в конце XV в. насчитывала четыре двора. В 1572—1573 гг. в ней было пять хозяйств [17, л. 341 об, 356]. Через 10 лет это пустошь [18, л. 97 об., 124 об.]. Такое положение сохраняется спустя еще десятилетие [20, л. 189 об., 208 об., 212 об.]. Ни один документ XVII и начала XVIII в. ее не упоминает вообще. Только в 1780-х годах топоним «Бухалова Гора» возникает вновь в материалах Генерального межевания: на плане 1788 г., плане пустоши 1781 г. [56], Экономических примечаниях. В последних дается топографическая привязка: «На левой и по обе стороны ручья Дубровика (Дубова.— *В. Б.*)» [30, л. 95 об., № 989]. Заметим, что левобережью отдается предпочтение.

Именно на левом берегу ручья Дубова было выявлено селище Бухалово III. Противоположный берег в народе носит название «Бухлáва».

Поселение занимает пологий склон пашни на отметке 1—5 м от уреза воды. Примерные границы селища 50 × 85 м (0,42 га). В шурфе зафиксирован культурный слой мощностью до 0,4 м. Керамическая коллекция с памятника насчитывает 84 экз. XIV—XV, XVI вв. и более позднего времени, включая XIX в.

Деревня Пустки (восемь дворов). В 1572—1573 гг. деревня была уже запустевшей [17, л. 350 об.]. В книге 1583 г. она именуется пустошью [18, л. 112 об.]. Дозорная книга 1595 г. указывает деление данной пустоши на шесть частей — каждой со своим названием: Пустки, Поддубье, двор помещичий, Горка, Рядки, Рябово [20, л. 191 об., 194 об.]. Часть этих пустошей нанесена на план 1788 г. Они группируются вокруг оз. Доброго. Экономические примечания того же времени называют Пустки Рябова, Пустки-Поддубье, Пустки, «что был двор помещиков», Рядки [30, л. 71 об., № 742, л. 86 об., № 896, 897, 899]. Имеются планы на эти пустоши 1783 и 1780 гг. [57—60].

Селище, соответствующее д. Пустки писцовой книги 1495—1501 гг., выявлено в местности Рядки на месте д. Рядки, возникшей здесь в 1920-е годы и просуществовавшей до 1960-х годов. Поселение занимает покатый левобережный склон безымянного ручья, притока ручья Доброго, вытянуто вдоль него. Размеры 25 × 130 м (0,32 га). Из шурфа 2 × 2 м, заложенного в центральной части селища, происходит коллекция керамики, насчитывающая 112 экз. Датируемые венчики указывают на домонгольский период, XIII—XV и XV—XIX вв. Письменные источники позволяют сузить верхнюю дату до XVI в., нижняя дата с учетом немногочисленности керамических фрагментов скорее всего XII, а не XI в. Общая дата — XII—XVI вв.

Деревня Песей Конец (три двора). В 1572—1573 гг. она существовала [17, л. 350 об.], в 1583 г. здесь стояли пять брошенных дворов [18, л. 112 об.]. В 1595 г. значится «пустошь, что была деревня Песей Конец» [20, л. 191 об.]. Далее данное название полностью исчезло со страниц переписных книг, не вошло оно в материалы межевания XVIII в., не закрепилось в микротопонимии.

Между тем примерное расположение деревни можно установить. В конце XVI в. из д. Песей Конец была устроена «выставка» — пашня Паршуково «на Боровской дороге», или «Борской дороге» [18, л. 112 об.; 20, л. 191 об.]. На плане 1788 г. отмечены пустоши Бороптина и Паршуково к северу от Рядков-Пустков. Известны планы данных пустошей 1781 г. [61, 62]. Выявить селище здесь не удалось.

Деревня Суша (один двор). Просуществовала до конца XVI в. Упомянута в книге 1572—1573 гг. [17, л. 351 об.]. Далее сведения о ней обрываются до 1780-х годов, когда на плане 1788 г. появляется пустошь Суша на левом берегу ручья Доброго к востоку от Пустков. Сохранился ее план 1738 г. [63]. Селище не выявлено.

Деревня Березье (два двора). В книге 1583 г. она фигурирует как пустошь [18, л. 26 об.]. Ее второе название в это время «Горка» [20, л. 200]. Топографическую привязку дают Экономические примечания к планам Генерального межевания — «при озере Вельцо» [30, л. 78 об., № 809]. Она указана на плане 1788 г., имеется также отдельный план 1781 г. и два плана 1847 гг. [64—66]. Селище не выявлено.

Деревня Песчан (три двора). Деревня запустела в 1551—1552 гг. [17, л. 351]. Но пустошь, соответствующая ей, только с измененным названием «Пещаница», сохранилась до XVIII в. Упомянута в документах Генерального межевания [30, л. 78, № 803], изображена на плане Валдайского уезда 1788 г. На нее имеется план 1781 г. [67] и три плана 1845 г. [68—70]. Современный топоним — Пéщино.

Селище, соответствующее деревне писцовой книги XV в., выявлено на поле Пещино в 0,5 км к северо-западу от д. Нескучай. Оно размещается на слегка покатом склоне у низины, слегка заболоченной. Размеры селища 30 × 55 м (0,16

га). Шурф размером 2 × 2 м, в северной части выявил слой мощностью 0,4 м. Коллекция керамики включает 120 экз., датируемых XII—XIV, XIII—XV, XV—XVIII и XVIII—XX вв. Пашня, судя по керамике и фаянсовым фрагментам посуды, посещалась в последние два столетия. Дата селища XII—XVI вв.

Деревня Вельцо (один двор). Источники XVI в. ее не упоминают. Переписная книга 1648 г. дает привязку: «Село Велцы на озере на Вельцы» [26, л. 108 об.]. Упомянут здесь и деревянный храм Воскресения Христова. «Сельцо Велцо над озером над Шлином» называет книга 1669 г. [24, л. 52 об.]. Село, сельцо, усадище «Велцо» отмечены в книге 1710 г., упоминается и церковь во имя Воскресения Христова [28, л. 356 об., 357, 357 об., 376 об., 392].

На плане 1788 г. Вельцо указано на восточном берегу оз. Вельцо, расположенного у восточного берега оз. Шлино. В это время здесь находилось 10 дворов, проживали 49 человек, имелось 2 деревянных храма [30, л. 78, 78 об.]. Сельцо Вельцо указано на плане 1787 г. [71], на картах 1808, 1847 гг. на северо-восточном берегу одноименного озера [34, 35]. В 1864—1865 гг. здесь было 14 дворов, население — 41 человек [38]. По данным переписи 1897 г., в селе насчитывалось 40 дворовых мест, проживали 185 человек, имелись церковь и часовня [40, л. 546, № 93; 41, № 839]. Каменная Воскресенская церковь была возведена в 1855 г. [42, № 8].

В пределах территории исторического села выявлено селище Мартюшино I, занимающее ровную площадку, возвышающуюся на отметке 4 м от уреза воды. От оз. Вельцо поселение удалено на 25 м. Размеры его 30 × 35 м (0,1 га). Немногочисленные фрагменты керамики датируются XII—XX вв.

Деревня Мартюшино (пять дворов). В конце XVI в. деревня стала пустошью [17, л. 351, 351 об.; 18, л. 90 об.; 20, л. 207 об.]. В XVII в. она возродилась, было четыре двора [21, л. 415; 24, л. 53; 25, л. 468 об., 470 об., 471, 472 об.; 26, л. 109, 117 об.]. Ее упоминает книга 1710 г., где указано примерно пять дворов [28, л. 356 об., 357, 357 об., 380, 385]. На плане 1788 г. Мартюшина указана вблизи с. Вельцо, южнее его. Экономические примечания сообщают об 11 дворах и 47 жителях [30, л. 78, об. № 806]. На плане 1781 г. Мартюшино располагается на безымянном ручье, впадающем в оз. Вельцо [72]. В 1864—1865 гг. здесь было 14 дворов, проживали 63 человека [38]. По переписи 1897 г. в д. Мартюшино числилось 27 дворовых мест и 122 человека [41, л. 546, № 94]. Отмечено, что она стояла на расстоянии четверти версты от оз. Вельцо [40, № 840]. Карта 1895 г. указывает на Новое и Старое Мартюшино [73]. Деревня переместилась ближе к озеру. Остатки старой деревни на безымянном ручье заметны и сейчас на окраине Мартюшино. Слои ранее XVIII в. выявить не удалось.

Деревня Юрькина Горка (четыре двора) запустела в конце XVI в. [17, л. 351; 18, л. 26 об.; 20, л. 200]. Далее она нигде не упоминается. Примерное местоположение ее устанавливается у оз. Шлино или Вельцо, поскольку писцовая и дозорная книги 1583 и 1595 гг. отмечают наличие отхожей пашни из той деревни на Высоком острове. Кроме того, данная деревня всегда упоминается вместе с д. Березье. Они находились рядом. Селище не выявлено.

Деревня Черньцово (два двора). Обыскная книга 1572—1573 гг. называет ее еще Чернецова Гора [17, л. 350 об.]. В это время деревня превратилась в пустошь [18, л. 112 об.]. Дозорная книга 1595 г. дает топографическую привязку деревни: «Пустошь Чернцово, а крестьяне зовут Горкою на Вельци» [20, л. 191 об.]. Селище не выявлено.

Топоним не сохранился в XVIII—XIX вв. Не знают такое название и современные местные жители.

Деревня Копытово (четыре двора) перестала существовать в конце XVI в., став пустошью [17, л. 342 об.; 18, л. 96 об.]. Ее второе название в это время «Вопы» [20, л. 195]. Далее в источниках она нигде не упоминается.

В 1,5 км к юго-западу от Жабен имеется оз. Копытиха. На его восточном берегу выявлено селище, занимающее единственную удобную в этом месте

площадку 25 × 50 м у воды на отметке 0,6—0,8 м от уреза. В шурфе и в воде собраны образцы керамики XII—XIV вв.

Деревня Каменец (один двор). Она превратилась в пустошь в последней четверти XVI в. [17, л. 342, 342 об.; 18, л. 96 об.]. Как пустошь она значится в Обыскной книге 1595 г. Здесь дается географическая привязка этой местности: указаны выставочные дворы Глухова Гора, Горелуша, Курово [20, л. 196]. В дальнейшем никаких сведений о Каменце письменные источники не содержат, зато план с. Жабны 1861 г. указывает все три урочища к юго-западу от Жабен. Там же размещена местность Каменник [36], явно трансформировавшееся название из Каменец. Где-то здесь и находилась деревня писцовой книги конца XV в.

Проведенное исследование показало, что из семи выявленных археологически деревень округи погоста Жабна пять возникли в XII в. (Вельцо, Дорище, Копытово, Песчан, Пустки), а одно — Бухалово появилось еще в начале X в. К XII в. относится нижняя дата и поселения на месте погоста. Вряд ли такое совпадение случайно. На мой взгляд, это указывает на время основания самого погоста. Становится очевидно, что и в XII, и в XV в. погост Жабна представлял не просто единичное поселение, а входил в определенную поселенческую структуру. Погост не мыслится без ближайшей округи. Он не мог располагаться один в пустынной местности. Погост должен соотноситься с примыкающей к нему целой сетью поселений.

Время появления погоста Жабна в XII в. вполне закономерно, поскольку именно в этом столетии на Северо-Западе началось активное освоение водоразделов. Теперь можно сопоставить данные Жабенской волости с материалами Ижорского плато [74, 75, 76, с. 18], а также верхней Луги [77], отражающими те же процессы. В древнерусское время на Северо-Западе прослеживается три волны освоения водоразделов.

До этого в X в. на водораздельных участках существовало незначительное количество древнерусских поселений (Бухалово). Это первый этап крестьянской колонизации водоразделов. В XII в. количество поселений заметно возросло (вторая волна колонизации водоразделов). Наконец, на XIV—XVI вв., как это явствует из обильного керамического материала на селищах этого времени и выявляемой обильной разветвленной сети деревень, описанных в книгах конца XV и XVI вв., приходится третья волна колонизации водоразделов. Она приняла массовый характер и по своим масштабам перекрыла все предыдущие волны. Расселение на водораздельных участках продолжалось по восходящей до середины XVI в., о чем свидетельствуют многочисленные выставки (дворы, пашни) из деревень. В московский период экономика Новгородской земли развивалась по восходящей, пока не была внезапно прервана мощным кризисом эпохи Ивана IV Грозного, поставившего страну на грань национальной катастрофы. Деревни превратились в пустоши, на что указывают и материалы округи Жабенского погоста. Возрождение началось лишь в XVIII в. Но в пределах округи погоста Жабна прежняя расселенческая система так и не была восстановлена в полном объеме, а к 1781 г.— Генеральному межеванию — количество дворов здесь было почти в 2 раза меньше, чем в конце XV в. Примерно во столько же раз было здесь меньше и населения. Только в XIX столетии был преодолен этот роковой рубеж.

Итак, погост Жабна возник в XII в. Об этом говорит как время основания поселения на месте погоста, так и датировка селищ его округи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Греков Б. Д.* Новгородский Дом святой Софии (опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины)//Избранные труды. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
2. *Арциховский А. В.* Городские концы в Древней Руси//ИЗ. 1945. Т. 16.
3. *Воронин Н. Н.* Поселения//История культуры Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
4. *Фадеев Л. А.* Происхождение и роль городских концов в развитии древнейших городов//Русский город (историко-методологический сборник). М.: Изд-во МГУ, 1976.
5. *Куза А. В.* Рец.: Русский город (историко-методологический сборник). М.: Изд-во МГУ, 1976//СА. 1978. № 4.

6. *Куза А. В.* Малые города Древней Руси. М.: Наука, 1989.
7. *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М.: Наука, 1981.
8. *Янин В. Л.* Княжеский домен в Новгородской земле//Феодализм в России. Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти акад. Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1987.
9. *Янин В. Л.* Новгород и Литва: пограничная ситуация//Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. Москва. 12—14 апреля 1993 г. Тез. докл. М., 1993.
10. *Алексеев Ю. Г.* «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины)//ИЗ. 1979. Т. 103.
11. *Басалыго Л. А.* Новгородские писцовые книги//Тез. докл. и сообщений V Всероссийского науч.-практ. совещ. по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников (Новгород. 1—3 сентября 1992 г.). Новгород, 1992.
12. ГВНП. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
13. *Янин В. Л.* Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М.: Наука, 1991.
14. *Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI веке с приложением карты. СПб., 1853.
15. НПК. Т. I. Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. Первая половина. СПб., 1859.
16. Писцовая книга новгородских погостов, составленная Благим и Михайлом Лаврентьевым 1557 г.//РГАДА. Ф. 137. № 4.
17. Обыскная книга Деревской пятины 1572—1573 гг.//РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 117. Ч. 1.
18. Список с писцовой книги Деревской пятины Козмы Карцова и Федора Шишмарова 1583 г.//РГАДА. Ф. 1209. № 727.
19. *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 2. М., 1909.
20. Дозорная книга Деревской пятины 1595 г.//РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 974.
21. Дозорная книга Деревской пятины 1620 г. (список)//РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 968.
22. Список с дозорных книг 1623 г.//РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 968.
23. Список с дозорной книги Деревской пятины 1628 г.//РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. ед. хр. 968.
24. Переписная книга Деревской пятины 1669 г.//РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 988.
25. Список с переписной книги Деревской пятины 1678 г.//РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 8563.
26. Список с переписной книги Деревской пятины 1648 г.//РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 983.
27. *Лебедев К. С.* Город Валдай и его уезд. Опыт родиноведения. Холм. 1913.
28. Переписная книга 1710 г. Марка Мусина-Пушкина//РГАДА. Ф. 1209. Оп. 42. № 8595.
29. Карта географическая, представляющая полуденную часть Новгородской губернии, на свои провинции разделенную. Сочин. Я. Ф. Шмите. 1772 г.//ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ОК, К1-Зап.2/14.
30. Экономические примечания к планам Генерального межевания 1780-х годов//РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. № 861.
31. Карта Новгородского наместничества Валдайского уезда 1788 г.//РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 3020.
32. План Валдайского уезда Новгородской губернии 1788 г.//РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 3019.
33. Геометрическая карта Новгородского наместничества 1786 г.//ЦГВИА. Ф. 416. № 45.
34. Геометрическая карта Новгородской губернии Валдайского уезда 1808 г.//ЦГВИА. Ф. ВУА. № 21 392.
35. Семитографическая карта Новгородской губернии полковника Безкорниловича 1847 г.//ЦГВИА. Ф. 416. № 52.
36. План дачи села Жабны Бельской волости Новгородской губернии 1861 г.//ЦГИА. Ф. 380. Оп. 16. № 797.
37. План дачи села Жабны Бельской волости Новгородской губернии 1861 г.//ЦГИА. Ф. 380. № 798.
38. Указатель мест Новгородской губернии 1864—1865 гг.//НГОМЗ. ОПИ. № 11205.
39. Ведомость населения волостей Новгородской земли 1884 г.//ЦГИА. Ф. 1290. Оп. 4. № 294.
40. Сведения о населенных местах Валдайского уезда Новгородской губернии 1897 г.//ЦГИА. Ф. 1290. Оп. 11. № 1456.
41. Список населенных мест Валдайского уезда Новгородской губернии//ЦГИА. Ф. 1290. Оп. 11. № 1447 а.
42. Ведомости о церквах Валдайского уезда 1914 г. Реестр церквам//НГОМЗ. ОПИ. № 11 294.
43. *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция, технология)//МИА. 1959. Т. 65.
44. *Гайдуков П. Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М., 1992.
45. *Романцев И. С.* О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Алфавитный указатель селений, при которых находятся археологические памятники, с кратким описанием последних. Новгород, 1911.
46. План пустоши Дорища. 1781 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № Д-52с.
47. План пустоши Дорища. 1848 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № Д-109с.
48. План пустоши Дорища. 1848 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № Д-110с.
49. План пустоши Дорища. 1848 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № Д-111с.
50. План Бухалово. 1781 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № Б-116к.
51. План д. Бухалово. 1847 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № Б-226с.

52. План д. Бухалово. 1847 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № 227с.
53. План д. Бухалово. 1847 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № 228с.
54. План д. Бухалово. 1847 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № 229с.
55. План д. Бухалово, 1847 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № 230с.
56. План пустоши Бухалова Гора. 1781 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № Б-76с.
57. План пустоши Пустки и Рябова Горки. 1783 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № П-98с.
58. План пустоши Пустки (Поддубье). 1783 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № П-99с.
59. План пустоши Пустки (двор помещиков). 1783 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № П-100с.
60. План пустоши Рядки (Ратки). 1780 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № Р-28с.
61. План пустоши Бороптина (Максимовка). 1781 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № Б-63с.
62. План пустоши Паршуково. 1781 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № П-92с.
63. План пустоши Суша. 1783 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № С-82с.
64. План пустоши Березья. 1781 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № Б-64с.
65. План пустоши Березья. 1847 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № Б-181с.
66. План пустоши Березья. 1847 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № Б-182с.
67. План пустоши Пещаница. 1781 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № П-92с.
68. План пустоши Пещаница. 1945 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № П-196с.
69. План пустоши Пещаница. 1845 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № 197с.
70. План пустоши Пещаница. 1845 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № 198с.
71. План села Вельцо. 1787 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № В-1с.
72. План деревни Мартюшина. 1781 г.//РГАДА. Ф. 1354. Оп. 276. № М-7с.
73. Карта Валдайского уезда. 1895 г.//ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. ОК, № К 3-Зап./2-28.
74. *Кольчатов В. А.* О времени заселения Ижорского плато//Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
75. *Лесман Ю. М.* Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато//Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
76. *Конецкий В. Я.* Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья//НИС. Вып. 3 (13) 1989.
77. *Платонова Н. И.* Укрепленные поселения Лужской волости//Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991.

Институт археологии РАН,
Москва

V. A. BUROV

CONCERNING THE FOUNDATION OF ZHABNA RURAL CENTRE OF NOVGOROD REGION

Summary

Zhabna rural centre was situated on the south of Novgorod region in Valdai. Novgorod census book of Derevskaya pjatina (Novgorod administrative region) of 1495-1501 contains a detailed description of Zhabna centre and its district consisting of 14 villages. The historical and archaeological studies of these settlements helped to find out their history since the foundation time up to the 20th century. Zhabna, the administrative centre of the volost (small rural district), was founded in the 2nd half of the 12th cent. At this time there were five villages founded in the 12th cent., the earliest one appeared at the beginning of the 10th cent. The 14th-15th centuries saw a well developed system of the villages. The author marks out three stages of the settling in the watershed: the 10th, 12th and 14th-15th centuries. At the end of the 16th cent. during the reign time of Ivan the Terrible the great crisis led to the total desolation of Zhabna district. The renaissance began only at the end of the 17th cent., but even in the 18th cent. the number of the houses here was lesser than that one in the 15th cent.

Ю. Б. ЦЕТЛИН

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕГО ГОНЧАРСТВА

Опыт как бы берет явление в свои руки и пускает в ход то одно, то другое и таким образом в искусственных, упрощенных комбинациях определяет истинную связь между явлениями. Иначе сказать, наблюдение собирает то, что ему предлагает природа, опыт же берет у природы то, что он хочет.

И. П. Павлов

В последние два десятилетия значительно возрос интерес к экспериментальному подходу в изучении археологических источников [1, с. 271; 2, с. 181; 3, с. 76—85; 4, с. 46, 48]. Особенно наглядно это проявилось в сфере исследования древних производств, в частности гончарного. Этот процесс имеет объективную причину и связан с растущей неудовлетворенностью исследователей теми результатами, которые дает «наблюдение» как метод изучения остатков материальной культуры. В отличие от естественных наук в археологии как науке исторической, возможности применения метода эксперимента, с одной стороны, более ограничены, а с другой — весьма специфичны. Этим и объясняется тот факт, что отмеченная активизация интереса к этому средству познания имеет пока короткую историю.

Как во всяком новом деле, на практике у археологов наблюдается значительное разнообразие в подходах и правилах проведения экспериментальных исследований. В целом ряде случаев такие попытки при изучении разных сторон древнего гончарства оказываются не вполне корректными. Это заставляет предпринять опыт краткого систематизированного изложения основных вопросов, касающихся существа экспериментального подхода, общих правил его применения, а также тех обязательных требований к построению эксперимента, без соблюдения которых он не может быть квалифицирован как «научный».

Общеизвестно, что непосредственное изучение любых объектов материального мира осуществляется с помощью двух основных групп методов. К первой относятся различные методы «наблюдения» за изучаемыми объектами, а ко второй группе принадлежат столь же различные методы «экспериментирования» с ними. В чем же заключается главное отличие тех и других методов друг от друга?

«Наблюдение» как метод познания состоит в пассивном изучении объекта, т. е. в сборе о нем той или иной информации в естественных условиях. При этом производятся разнообразные описания и измерения объекта, выделение его характерных черт, выяснение на основании анализа этих черт его принадлежности к определенному классу подобных объектов и т. д. и т. п.

«Экспериментирование» как метод познания, напротив, состоит в активном изучении объекта. Это основное, что отличает его от «наблюдения». Активность изучения проявляется здесь в помещении изучаемого объекта в специально созданные для этого условия, где он испытывает целенаправленные и контролируемые воздействия, создаваемые по инициативе исследователя [5, с. 6, 7].

Всякому эксперименту предшествует наблюдение объекта, в ходе которого осуществляется его анализ, т. е. логическое расчленение на составные части —

© Ю. Б. Цетлин, 1995 г.

выявление структуры объекта. Затем последовательно выбираются разные стороны этого объекта (элементы структуры), которые далее изучаются в особых условиях, где новую информацию о них оказывается возможным получить в наиболее «чистом» виде. Внимание при этом фиксируется на том, как меняется та или иная черта изучаемого объекта при изменении внешних факторов, т. е. изучаются особенности ее проявления в разных условиях.

Допустимо говорить о существовании двух основных видов эксперимента. В экспериментах первого вида имеет место активное изучение непосредственно самого реального объекта, а в экспериментах второго вида — его искусственного аналога (модели), в которой отражены прежде всего именно те свойства, на каких сосредоточено в данный момент внимание исследователя.

Например, для определения температуры обжига сосуда в некоторых случаях можно использовать простой эксперимент. Берется несколько черепков от него, которые затем обжигаются при разных конечных температурах с определенным шагом, скажем, через 50 или 100°. В этом случае внешний облик образцов, обожженных при меньшей температуре, чем сосуд, останется без изменений, а у того образца, который испытает воздействие более высокой температуры, он изменится определенным образом. На основании этого эксперимента можно заключить, что температура обжига сосуда была ниже, чем у последнего образца, но выше, чем у того, который ему предшествовал в испытываемой серии. В этом случае активному изучению подвергается сам реальный сосуд, точнее, небольшие части его.

Другой пример. Для изучения составов формовочных масс керамики в случае необходимости могут быть сделаны экспериментальные образцы (т. е. искусственные аналоги, модели) с разными видами примесей в разной концентрации. Выяснение состава формовочной массы реального сосуда будет осуществляться путем сравнения его с этими экспериментальными образцами. При этом вид примеси будет определяться и описываться на качественном уровне, а ее концентрация в формовочной массе — на количественном.

При изучении древнего гончарства источником обращения к научному эксперименту может выступать не только археологический материал, но и данные этнографии. Последние дают в наше распоряжение, например, значительно более широкий спектр технологических приемов, применявшихся гончарами, чем тот, который известен сегодня по данным археологии. Это же касается и приемов использования посуды в разных сферах жизни человека. Вполне очевидно, что в настоящее время только небольшая часть тех и других приемов может быть доказательно реконструирована по керамике из раскопок. Поэтому в ходе научного эксперимента может ставиться задача моделирования отдельных приемов работы гончара, известных по этнографии, но неизвестных по археологии. Итогом такого эксперимента должно быть создание системы признаков, по которым случаи использования мастером данного конкретного приема труда могут быть выявлены при анализе древней посуды.

Исходя из существа этого метода, можно назвать наиболее важные его свойства: 1) возможность изучения не всего объекта, а некоторой его части, которая искусственным образом изолируется от множества факторов, влияющих на объект в целом; 2) возможность изучения свойств реального объекта не только по самому этому объекту, но и по его искусственному аналогу (модели); 3) возможность целенаправленного изменения условий эксперимента и строгого контроля их соблюдения (в частности, возможность целенаправленного изменения — ускорения или замедления — скорости протекания изучаемых процессов); 4) возможность неоднократного повторения эксперимента в одних и тех же (или разных) условиях для накопления статистических данных о неслучайном характере фиксируемых зависимостей; 5) возможность сопоставления экспериментальных данных с результатами, полученными в ходе изучения объекта путем его непосредственного наблюдения.

Таким образом, применение метода эксперимента позволяет выявить более

глубокие связи и зависимости между разными явлениями или отдельными сторонами одного явления, чем это было доступно в результате простого наблюдения.

Научный эксперимент следует отличать от так называемого «квазиэксперимента» (т. е. «вроде-бы-эксперимента»), которым он сегодня иногда подменяется на практике. Таким «квазиэкспериментом» является *предметная имитация* (внешняя аналогия) изучаемого явления. При таком подходе исследователь ориентирован на достижение эффекта внешнего сходства экспериментального и археологического образцов, а не на выяснение именно той причины, которая действовала в данном конкретном случае на данный конкретный сосуд. Например, сосуд из раскопок имеет однотонно черную поверхность, которую исследователь стремится воспроизвести опытным путем на экспериментальном сосуде, не учитывая при этом, что такой эффект может быть достигнут в результате действия самых разных причин: задымливания, обваривания, чернения, окрашивания поверхности сосуда и т. д. и т. п. Здесь научная задача, состоящая в поиске причины данного конкретного явления, подменяется ненаучной задачей — стремлением достичь внешнего сходства между экспериментальным и древним сосудами. Это не позволяет квалифицировать «предметную имитацию» как особое средство изучения какого-либо реального явления.

Опираясь на предшествующие рассуждения, можно предложить следующее определение самому понятию научного эксперимента. Итак, *научный эксперимент — это система взаимосвязанных операций для эмпирического исследования реальных объектов и явлений или их искусственных аналогов (моделей), причем те и другие рассматриваются в специально созданных условиях, облегчающих их изучение.*

Поскольку эксперимент является «особым средством научного познания», то обращение к нему должно быть обусловлено тем, что в ходе изучения реального объекта сложились такие условия, при которых дальнейшее движение вперед без его применения стало невозможным. Что же это за условия, которые лежат в основе любого научного эксперимента? Таких условий три. Рассмотрим их последовательно.

Первое условие — предварительный анализ изучаемого явления средствами наблюдения (описание, измерение, сравнение и проч.). Без такого предварительного изучения не может возникнуть сама необходимость применения «особого средства познания», каким является эксперимент.

Вторым условием обращения к эксперименту является возникновение противоречивой ситуации в познании. Именно в ходе предварительного изучения объекта или явления в нем обнаруживаются некие черты, которые оказывается невозможным объяснить на основе только «наблюдательных» средств познания и уже имеющихся знаний. В этом случае надежда на разрешение возникшей «противоречивой ситуации» связана с обращением к научному эксперименту.

Третьим условием, без которого невозможно перейти к эксперименту, является выработка рабочей гипотезы для того, чтобы, во-первых, дать более или менее вероятное объяснение сложившейся противоречивой ситуации; во-вторых, указать возможный выход из нее; в-третьих, путем сопоставления экспериментальных данных с результатами изучения реального объекта оценить потом, насколько верным является даваемое ею объяснение изучаемого явления. Таковы три обязательных условия любого научного эксперимента.

Поскольку научный эксперимент представляет собой, как было определено выше, «систему взаимосвязанных операций», то одним из наиболее существенных вопросов, связанных с его применением на практике, является вопрос о его *структуре*. Она должна быть инвариантной, т. е. строго обязательной, независимо от вида изучаемого объекта и целей исследования.

Структура научного эксперимента включает восемь или девять обязательных исследовательских задач [1].

1. **Определение цели эксперимента.** Как правило, целью любого эксперимента является специальная проверка той гипотезы, которая была выдвинута исследо-

[1] Исследовательская задача № 3 реализуется только в экспериментах второго вида, когда изучение того или иного явления ведется не по самому реальному объекту, а по его модели.

вателем для объяснения неясностей, обнаружившихся при «наблюдательном» изучении реального объекта. Иногда исследователем выдвигаются не одна, а две альтернативных гипотезы и с помощью эксперимента решается, какой из них следует отдать предпочтение.

2. **Формулирование задач эксперимента,** т. е. составление минимального перечня элементарных вопросов, на которые нужно получить ответы для того, чтобы цель эксперимента могла быть достигнута. Здесь сложность представляют три момента: а) выделение именно элементарных вопросов, так как только на такого рода вопросы эксперимент может дать достаточно однозначные ответы; б) определение именно минимально необходимого числа таких вопросов, чтобы сделать сам эксперимент обозримым и доступным для полной реализации; в) выяснение оптимальной последовательности их разрешения, при которой результаты решения каждой предыдущей задачи проясняют способ решения последующей.

Как показывает практика, наиболее оптимальный способ организации эксперимента состоит именно в последовательном (поэтапном) решении «цепочки» взаимосвязанных друг с другом элементарных задач. Попытка параллельного (одновременного) решения нескольких исследовательских задач при кажущейся экономии сил и времени ведет к практически бесконтрольному разрастанию эксперимента вширь.

3. **Определение вида искусственного аналога (модели) изучаемого явления.** Здесь решается вопрос о том, каким должен быть экспериментальный образец, который исследуется в ходе эксперимента, какую он должен иметь форму, размер и другие параметры. Очевидно, что он должен отражать по возможности именно те характеристики, на которых будет сосредоточено внимание исследователя в соответствии с поставленными целями и задачами. Важно подчеркнуть, что при моделировании разных элементов и приемов конструирования сосудов особенно существенно, чтобы размеры моделируемых деталей были сопоставимы с аналогичными в реальном сосуде. Несоблюдение этого правила может привести к существенному искажению облика технологических «следов», возникающих на экспериментальной модели.

Здесь же решается вопрос о наиболее целесообразной и желательно единой системе маркировки (шифровки) экспериментальных образцов.

4. **Определение условий проведения эксперимента.** Выделение «минимально необходимого числа вопросов», которые подлежат изучению (о чем шла речь выше), требует обязательного «очищения» исследуемого явления от действия множества случайных факторов, которые не влияют непосредственно на решение поставленных вопросов. Для этого в изучаемом явлении необходимо выделить три группы факторов: а) факторы, которые способствуют решению исследовательской задачи; б) факторы, которые этому препятствуют; в) факторы, которые являются в этом смысле индифферентными. Для определения условий проведения эксперимента необходимо прежде всего отвлечься от последней группы факторов, затем постараться исключить действие факторов второй группы и, наконец, основное внимание сосредоточить на факторах первой группы. Если этого не сделать, что искомые зависимости могут оказаться скрытыми за множеством особенностей случайного характера. Эта исследовательская задача является одной из наиболее сложных.

5. **Определение процедуры испытаний реального объекта или его модели.** В рамках этой задачи должен быть решен вопрос о том, в ходе каких испытаний можно наиболее полно и легко получить ответы на те вопросы, которые решаются с помощью данного эксперимента. Здесь важно определить, во-первых, содержание испытаний, во-вторых, их последовательность.

6. **Определение перечня необходимых технических средств (приборов и оборудования) для проведения намеченных испытаний реального объекта или его модели.** При решении этой задачи выясняется материальная обеспеченность всех этапов эксперимента. Если таковая отсутствует и достать нужный прибор

не представляется реальным, то приходится либо искать возможность воспользоваться этим прибором где-то на стороне, либо направить свои усилия на поиск какого-то альтернативного пути решения данной исследовательской задачи. В противном случае сама возможность проведения данного экспериментального исследования становится проблематичной.

7. Определение видов снимаемой информации, способов и правил ее фиксации. В ходе каждого этапа испытаний реального объекта или его модели мы получаем ту или иную конкретную информацию, которая должна определенным образом учитываться и сохраняться. Это может делаться в специальных журналах в виде записей, рисунков, схем, таблиц, фото- и кинодокументов или фиксироваться на дискете компьютера и т. п. Важно в данном случае, чтобы способ организации этой экспериментальной информации был достаточно хорошо продуман, исходя из характера и специфики решаемых исследовательских задач.

8. Определение правил анализа и обобщения получаемой информации на всех этапах экспериментального исследования, включая форму итогового представления этих данных. Вполне очевидно, что правила анализа и обобщения получаемой информации должны быть нацелены на доказательство взаимно однозначного соответствия этой информации и тех явлений, которые были объектом экспериментального исследования и которые эта информация должна характеризовать. В том случае, если экспериментальные данные имеют количественную форму, очень важно бывает найти корректный способ оценки величины их случайных колебаний, т. е. установить объективные пределы, в рамках которых они будут характеризовать именно данное изучаемое явление, а не какое-либо иное. (Широко вошедшие в практику чисто статистические методы исчисления доверительных интервалов отражают сугубо формальный подход к проблеме, см., например, [6, с. 216].)

9. Заключение об истинности (или ложности) исходной гипотезы (или гипотез), которые проверялись в ходе эксперимента. На данном этапе производится сопоставление совокупности признаков, зафиксированных в ходе эксперимента и при изучении реального объекта. Если те и другие признаки оказываются достаточно сходными, то можно предполагать, что сходны и причины, приведшие к их возникновению, а если эти признаки различны между собой, то в основе их, вероятнее всего, лежат и разные причины. Соответственно в первом случае исходную гипотезу допустимо оценить как «истинную», а во втором случае — как «ложную» (более подробно об этом будет сказано ниже).

Как уже отмечалось, эти задачи обязательно возникают и решаются в ходе научного эксперимента, т. е. образуют его внутреннюю структуру. Хотя все они тесно связаны между собой, общая последовательность их решения отражает внутреннюю логику экспериментального исследования.

Важным этапом организации научного эксперимента является составление *программы* его осуществления. В ней находят отражение планируемые исследователем способы решения основных задач, входящих в структуру эксперимента. Такая программа выполняет роль как бы «руководства» по конкретному эксперименту. Качественное составление программы эксперимента обеспечивает высокую продуманность действий исследователя на всех этапах экспериментальной работы. Напротив, поверхностное выполнение этой работы, как правило, создает только видимость успешного решения поставленных исследовательских задач и часто делает бесполезными затраты сил, времени и средств на организацию и проведение самого эксперимента.

В качестве иллюстрации приведу некоторые очень краткие выдержки из «Программы экспериментального изучения органических компонентов формовочных масс древней глиняной посуды», работа по которой ведется в последние годы в лаборатории «История керамики» Института археологии РАН. В ней даются конкретные примеры тех вопросов, которые приходится решать в рамках каждой из девяти исследовательских задач, образующих структуру экспериментального исследования.

1. Цель. Широко известна древняя керамика с органическими добавками в составе формовочной массы. Поэтому в качестве цели исследования была поставлена разработка методики изучения культурных традиций составления таких масс из смеси глины и органических добавок.

2. Основная задача — разработка методик определения органической примеси: а) ее вида; б) состояния; в) концентрации. Знание этих трех параметров позволит сформулировать понятие о конкретной культурной традиции в этой области технологии, т. е. достичь цели экспериментального исследования.

3. Вид модели. В данном случае в качестве искусственных аналогов реальных сосудов могут выступать экспериментальные образцы одинаковой формы и размера, изготовленные из глины с разными добавками органических веществ (каких веществ — это вопрос сугубо конкретный), находившихся в разных состояниях (например, во влажном или сухом измельченном) и введенных в глину в разной концентрации.

4. Условия эксперимента. В качестве примера назову только два. Поскольку наиболее характерной чертой керамики с добавками органических веществ является ее повышенная пористость, то необходимо, во-первых, учесть влияние собственной пористости природных глин; во-вторых, зависимость пористости черепка от температуры его обжига. Это достигается следующими способами. Прежде всего путем испытаний выявляются группы природных глин разные по степени пористости и выясняются те характерные особенности, которые позволяют различать их в обожженном состоянии. Далее все экспериментальные и археологические образцы с органической примесью обжигаются в одинаковых условиях и при одной и той же температуре, выбранной с таким расчетом, чтобы она была выше, чем температура обжига большей части археологической керамики, но ниже, чем температура спекания большинства легкоплавких глин, которыми по преимуществу пользовались древние гончары. Такой «вторичный» обжиг позволяет устранить особенности пористости древней керамики, зависящие от температуры ее обжига, и сделать сопоставимыми друг с другом не только образцы древней посуды, но и их экспериментальные аналоги.

5. Процедура испытаний. Исходя из основного свойства керамики с органическими добавками в формовочной массе (ее повышенной пористости), процедура испытаний образцов включает широкий комплекс приемов определения их водопоглощения и связанных с ним свойств.

6. Необходимые приборы и оборудование. Основными техническими приспособлениями для проведения данного экспериментального исследования являются специальные формы для изготовления экспериментальных образцов, муфельная печь для обжига, микроскоп, аналитические весы, микрокалькулятор или персональный компьютер и некоторые другие средства.

7. Виды информации, правила ее фиксации и учета. Очевидно, что здесь будет иметь место сочетание качественной и количественной информации. Последняя, как уже ясно, будет касаться характеристики разнообразных проявлений пористости и других свойств экспериментальных и археологических образцов керамики. Учет такой информации удобно вести в различного рода таблицах.

8. Правила анализа и обобщения информации. Выработка этих правил подчинена одной общей идее, а именно: в результате их применения мы должны получить возможность различать образцы керамики с разными видами органических добавок, которые находились в разном исходном состоянии и были введены в формовочную массу в разной концентрации. Конкретные способы ведения этой работы могут быть предварительно намечены только в самой общей форме, которая конкретизируется непосредственно в ходе экспериментального исследования.

9. Оценка истинности исходной гипотезы производится в данном случае путем специального комплекса мер, к которым относится сравнительное изучение археологических и экспериментальных образцов керамики по одной и той же методике, а также изучение контрольных экспериментальных серий, состав

формовочной массы которых неизвестен непосредственно самому исследователю, ведущему эксперимент.

Таковы некоторые существенные моменты рабочей программы данного конкретного экспериментального исследования.

Однако всякая программа эксперимента не является чем-то незыблемым и раз и навсегда данным. Поскольку элементарные задачи эксперимента, сформулированные в пункте 2 его структуры, решаются последовательно, то полученная по каждой такой задаче информация может вызвать необходимость некоторой коррекции последующих шагов эксперимента, т. е. последующей части программы. Обычно это осуществляется путем уточнения исходной гипотезы, что автоматически ведет к необходимости уточнения всех последующих элементов структуры проводимого экспериментального исследования.

Обобщив изложенные выше положения, можно наметить основные этапы проведения научного эксперимента: I — выдвижение объяснительной гипотезы (или гипотез) об изучаемом явлении, которая нуждается в экспериментальной разработке и проверке; II — составление рабочей программы эксперимента; III — выполнение рабочей программы эксперимента; IV — оценка истинности (или ложности) исходной гипотезы.

В ходе такой оценки могут быть получены три вида ответов: 1) исходная гипотеза подтвердилась, т. е. цель эксперимента достигнута; 2) исходная гипотеза опровергнута, причины исследуемого явления не выяснены, и поэтому цель эксперимента не достигнута; 3) полученные данные являются альтернативными, т. е. они не позволяют сделать однозначного вывода о правильности или ошибочности исходной гипотезы. Два последних вида ответа оцениваются как «отрицательный» результат эксперимента. В этом случае исследование продолжается и проходит следующие этапы. I — корректировку исходной гипотезы; II — корректировку программы эксперимента; III — выполнение новой (уточненной) программы эксперимента; IV — оценку истинности (или ложности) новой гипотезы.

В ходе экспериментального изучения конкретной научной проблемы такого рода «возвраты» на исходную позицию происходят, как правило, неоднократно.

Следующим важным вопросом, который подлежит обсуждению, является вопрос *об объективных критериях оценки истинности исходной гипотезы.* Напомню, что такая гипотеза была призвана объяснить причины возникновения тех специфических особенностей (черт, следов, признаков), которые были зафиксированы при изучении реального явления или объекта и происхождение которых нельзя было установить однозначно на основе уже имеющихся знаний.

Общеизвестно, что основным критерием истинности научного познания является практика. Когда речь идет об экспериментальном исследовании древнего гончарства, оценка истинности гипотезы осуществляется путем сравнительного анализа «следов» (признаков и т. п.), возникающих в глине в ходе эксперимента и имеющихся на изучаемом древнем сосуде. Здесь важно подчеркнуть, что речь идет не о сравнении отдельных следов или какого-то одного признака на экспериментальном и археологическом сосуде, а о сопоставлении всей системы признаков или следов, формирующейся в результате применения тех или иных навыков труда при изготовлении или последующем использовании готового изделия. Если те и другие «следы» совпадают по основным параметрам, то это является *необходимым*, но еще не достаточным *условием* для заключения об истинности проверяемой гипотезы. Только когда удается показать, что такого рода «следы» не могут в принципе возникнуть на посуде под действием каких-либо иных причин, допустимо говорить о соблюдении условий и *необходимости*, и *достаточности* для строгого заключения об истинности выдвинутой гипотезы.

Однако на практике почти любые заключения такого рода все-таки сохраняют вероятностный характер, т. е. невозможно уверенно утверждать, что они будут выполняться во всех без исключения случаях. Это обусловлено тем, что обычно удается добиться выполнения только «необходимого» условия, указывающего на

истинность проверяемой гипотезы, но весьма редко оказывается возможным удовлетворить в ходе исследования требования и необходимости, и достаточности.

В заключение полезно рассмотреть, какие особенности имеет метод научного эксперимента при разных исследовательских подходах к источнику. В археологическом источниковедении могут быть выделены три таких подхода, которые, хотя и сосуществуют друг с другом длительное время, отражают тем не менее разные этапы развития взглядов исследователей на остатки материальной культуры как особые источники информации о прошлом человеческого общества.

Первый подход целесообразно назвать «эмоционально-описательным». Для него характерны определения типа «изящный сосуд высоких пропорций с приземистым туловом». На этом этапе источник рассматривается как некий целостный «образ», который сравнивается с другим таким же «образом», а полученные результаты уже затем трактуются с позиций общей этнографии, жизненного опыта и здравого смысла каждого конкретного исследователя.

Второй подход — «формально-классификационный» [7, с. 13—17] — предусматривает описание источника в виде максимально детализированного «набора» или «пучка» признаков. Например, при использовании кода И. С. Каменецкого фрагмент венчика античной амфоры предстает в следующем виде: «Т-67-IV-С-810/Ам-св-пр/4-5-2-2-6/14-9-18-4-360» [8, с. 118]. Формальный характер описания проявляется здесь в том, что выделяемые и анализируемые признаки характеризуют объект как некую «завершенную данность», а не как «момент деятельности» древнего человека. В данном случае первоначальная объективная целостность источника оказывается утраченной. Основной причиной обращения исследователей к этому подходу было желание объективизировать описание источника и унифицировать сравнительный их анализ за счет уменьшения влияния субъективных факторов. В настоящее время бурное развитие этого подхода связано с интенсивной компьютеризацией археологической науки.

Третий подход к источнику назван мною «историко-культурным» [7]. Здесь любой источник, в том числе и керамика, рассматривается как материализованный результат действия определенных культурных традиций, бытовавших в конкретном древнем коллективе. Соответственно перед исследователем стоит задача выделить и изучить эти культурные традиции, а через них и историю того общества или коллектива, где они возникли и развивались. Культурные традиции общества, представляющие собой устойчивые нормы поведения его членов, в конкретной трудовой деятельности проявляются через систему навыков труда (или более широко — через систему правил деятельности). Поэтому, в отличие от предыдущего случая, при историко-культурном подходе основной ячейкой информации для описания источника служит не некий формальный «признак», а определенный «навык труда» древнего мастера. Таким образом, изучаемый объект предстает перед нами не как «пучок признаков», а как определенным образом организованная система навыков труда, примененных для его создания. Например, в соответствии с системой А. А. Бобринского (см. [9, с. 272; 10; 11]) описание глиняного сосуда будет включать:

I. В области технологии: 1) навыки отбора и обработки основных видов исходного сырья; 2) навыки составления формовочных масс; 3) навыки конструирования сосуда (создание начина, полого тела и формообразование); 4) навыки механической обработки поверхностей сосуда; 5) навыки придания сосуду прочности и водонепроницаемости и т. п.

II. В области форм сосудов: 1) навыки соблюдения общей пропорциональности формы сосуда; 2) навыки соблюдения пропорциональности отдельных частей формы сосуда; 3) навыки создания структуры формы сосуда («костяка»); 4) навыки создания «оболочек» формы сосуда и т. д. и т. п.

Конечно, понятие «навык труда» является собирательным. Навыки труда реконструируются исследователем по тем «следам», которые сохранились в (или на) готовом изделии. Эти «следы» вполне могут быть названы и «признаками». Но коренное отличие этих «признаков» от используемых при формально-клас-

сификационном подходе состоит в том, что они являются *системно организованными*, поскольку выступают индикаторами определенных «навыков труда», которые в свою очередь включены в те или иные «культурные традиции». При таком исследовательском подходе целостность описания источника на любом уровне его анализа обеспечивается системностью самих навыков труда и культурных традиций как устойчивых способов человеческой деятельности.

Совершенно очевидно, что при использовании «эмоционально-описательного» подхода к источнику, где (как указывалось выше) господствующими аргументами исследователей являются этнографические примеры и собственный здравый смысл, потребность в экспериментальном изучении его проявиться еще не может.

Такая потребность возникает только при втором и третьем исследовательских подходах к изучаемому источнику. Специфика использования метода научного эксперимента обусловлена здесь различиями в содержании основных исследовательских задач и в видах фиксируемой информации. Если при «формально-классификационном» подходе основной исследовательской задачей является классификация керамического материала по тем или иным морфологическим или физико-техническим признакам (например, наклон венчика, цвет излома и поверхности, микротвердость, пористость, химический состав черепка и т. п.), то при «историко-культурном» подходе она состоит в реконструкции конкретных навыков труда и культурных традиций по тем или иным «следам» их реализации древними мастерами. Соответственно в первом случае сравнение экспериментальной модели и древнего изделия ведется по сугубо формальным показателям, а во втором, напротив, по особенностям следов целенаправленной деятельности, возникшим в результате сходных причин как на экспериментальной модели, так и на изучаемом древнем изделии.

Не вызывает сомнений, что в обоих случаях может быть получена информация, полезная для изучения прошлого, но в первом случае она носит вспомогательный, служебный характер, ее роль в историко-культурных реконструкциях может быть только косвенной, а во втором случае эта информация непосредственно ориентирована на решение задач исторического характера. Очевидно, что в зависимости от особенностей общего исследовательского подхода к материалу в ходе эксперимента может быть получена информация, характеризующая два разных по глубине уровня раскрытия содержания изучаемого исторического источника.

Таким образом, метод научного эксперимента может стать мощным средством целенаправленного познания прошлого. Поэтому есть основания полагать, что в будущем его роль будет расширяться. Это делает особенно актуальным сегодня специальную разработку методических принципов его использования в археологических исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Малинова Р., Малина Я.* Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох. М., 1988.
2. Экспериментальная археология. Вып. 1. Тобольск, 1991.
3. *Васильева И. Н., Салугина Н. П.* Роль эксперимента в изучении древнего гончарства (к постановке проблемы). О составлении программы экспериментального изучения формовочных масс // Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения). Тез. докл. Всесоюз. науч. археол. конф. 11—16 февраля 1991 г. Куйбышев, 1991.
4. *Васильева И. Н., Салугина Н. П., Цетлин Ю. Б.* Экспериментальное изучение древнего гончарства // Природа. 1993. № 12.
5. *Алексеев И. С.* Эксперимент // Большая Советская энциклопедия. Т. 30. М.: Сов. энциклопедия, 1978.
6. *Федоров-Давыдов Г. А.* Статистические методы в археологии. М., 1987.
7. *Цетлин Ю. Б.* Основные направления и подходы к изучению технологии древней керамики за рубежом // Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения). Тез. докл. Всесоюз. науч. археол. конф. 11—16 февраля 1991 г. Куйбышев, 1991.
8. *Каменецкий И. С., Мариак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. Возможности формализованного подхода. М., 1975.

9. *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
10. *Бобринский А. А.* О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.
11. *Бобринский А. А.* Оболочки функциональных частей глиняной посуды // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991.

Институт археологии РАН,
Москва

J. B. TSETLIN

PROBLEMS OF THE SCIENTIFIC EXPERIMENT IN THE ANCIENT POTTERY STUDIES

Summary

The article deals with a short description of some specific methodological and methodical problems of the archaeological experiments especially in the ancient pottery studies. The author considered this theme to be important because of the growing interest among the archaeologists to this subject as well as the nearly full absence of the special methodical works. The author marks out two main types of experiment the one with the real object and the one with its artificial model. He also offers the concept of the scientific experiment "structure" including 8 or 9 necessary tasks. They always appear and should be solved during any scientific experiment. They include the experiment aim, its tasks, the choice of the real object artificial model, experiment conditions, the way of the tests, the list of the necessary technical means, the determination of the kinds of the information and the rules of its fixation, the rules of this information analysis and finally they help to answer if the idea is true or not. The author pays a special attention to the working program of the scientific experiment using as an example the studies on some cultural traditions of the texture making. The author analyses the dependence of the scientific experiment method and the scientific information of the common investigation approach to the ancient ceramic studies.

И. В. КАЛИНИНА, Е. А. УСТИНОВА (ГАДЖИЕВА)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧЕЛЮСТЕЙ ЖИВОТНЫХ ДЛЯ ОРНАМЕНТАЦИИ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ

Данная работа является продолжением технологической классификации неолитической — энеолитической керамики уральского региона. Нами было экспериментально определено восемь способов работы зубчатыми (гребенчатыми) штампами. Однако штампами не все гребенчатые орнаменты удалось смоделировать: очевидно, использовались какие-то иные зубчатые орнаментиры. Аналог одному орнаменту, встречающемуся на керамике Прикамья и Зауралья, был нами выполнен челюстью соболя [1]. Как позже выяснилось, Л. П. Хлобыстин полагал возможным использование для орнаментации сосуда Йоркутинской стоянки п-ова Ямал «челюсти мелкого хищника» [2, с. 80].

Была проделана серия опытов для проверки предположения, что непонятные до сих пор с технологической точки зрения орнаменты выполнялись челюстями разных животных. Исходя из фаунистических остатков, встречаемых на археологических памятниках уральского региона, можно предположить, что могли применяться челюсти хищных, копытных, грызунов, зайцеобразных и насекомоядных. Из опытов были исключены челюсти копытных и медведя ввиду их массивности, а также мелких млекопитающих, размеры зубов которых не соответствуют орнаментам на рассматриваемой керамике[1].

Технологический анализ орнаментации включает определение орнаментира и способа работы им. Способ орнаментации характеризуется положением орудия и его кинематикой. Поскольку кинематика для восьми способов орнаментации уже определена и опознается на археологических фрагментах, экспериментально требовалось установить, каким участком и при каком положении челюсти наносился орнамент.

Череп состоит из кальвариума, включающего верхнюю челюсть и две кости нижней челюсти (рис. 1). Орнаментирами могут служить их фронтальные и латеральные части. Фронтальными частями нижней (н. ч.) и верхней (в. ч.) челюстей возможна работа вершинами зубов к орнаментируемой поверхности — естественное положение (е. п.) (рис. 2, *1*), вершинами зубов от нее — перевернутое положение (п. п.) (рис. 2, *2*); латеральными частями нижней челюсти — вершинами зубов у хищных (рис. 2, *3*), внутренним краем жевательной поверхности у грызунов и зайцеобразных (рис. 2, *4*).

Использование челюстей ограничено морфологическими особенностями зубного аппарата. У млекопитающих зубы неоднородны по форме, дифференцированы на резцы (I), клыки (C), предмоляры (P) и моляры (M) (рис. 1). Число зубов у разных отрядов подвержено значительным колебаниям. В зубной формуле, принятой в систематике, рядом с буквенным символом проставляется количество зубов с каждой стороны: в числителе — в верхней челюсти, в знаменателе — в нижней [3, с. 32, 33].

[1] В работе были использованы учебные коллекции кафедры зоологии позвоночных биолого-почвенного факультета ЛГУ. Мы благодарим сотрудников кафедры И. М. Сапроненкову, старшего преподавателя Ю. В. Широкова, доцента Л. А. Несова и сотрудника Зоологического института АН СССР Г. Ф. Барышникова за консультации и практическую помощь.

© И. В. Калинина, Е. А. Устинова (Гаджиева), 1995 г.

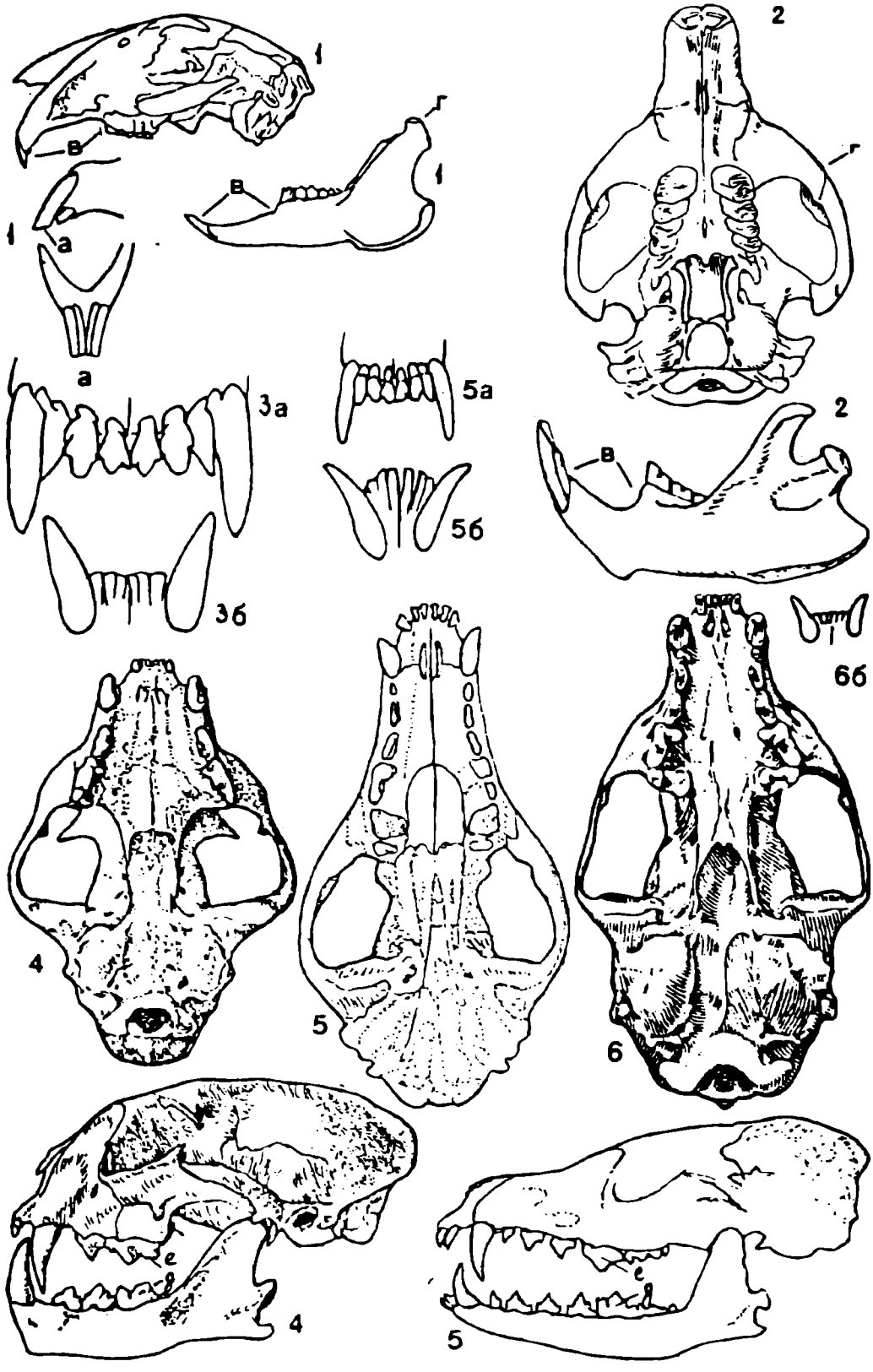

Рис. 1. Верхние и нижние челюсти млекопитающих: *1* — заяц: *1а* — передние резцы; *1б* — внутренний резец; *1в* — диастема; *2* — бобр: *2в* — диастема; *2г* — подглазничная кость; *3* — волк: *3а* — фронтальная часть верхней челюсти, фронтальная часть нижней челюсти; *4* — рысь: *4е,д* — хищнические зубы; *5* — лисица: *5а* — фронтальная часть нижней челюсти; *5б* — фронтальная часть верхней челюсти; *5е,д* — хищнические зубы; *6* — куница: *6б* — фронтальная часть нижней челюсти

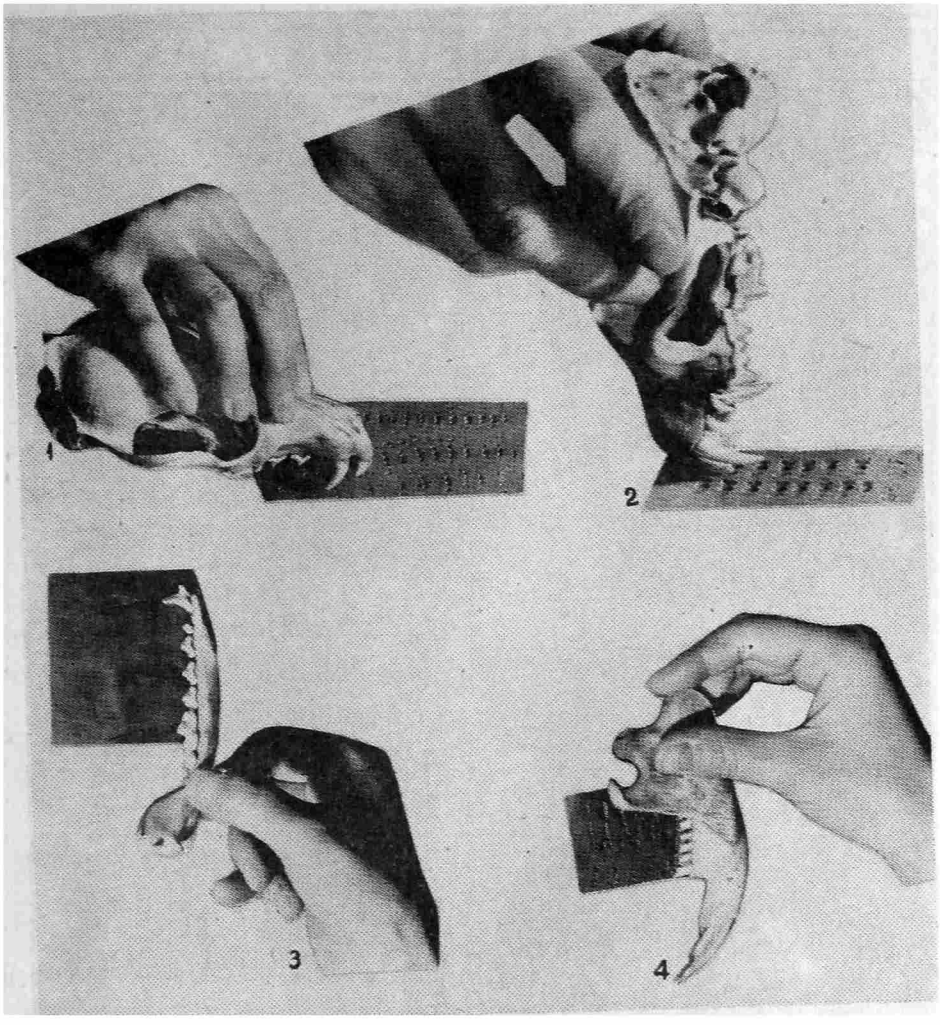

Рис. 2. Положение челюстей при орнаментации: *1* — положение челюстей в естественном положении при работе фронтальной частью; *2* — положение челюсти в повернутом положении при работе фронтальной частью; *3* — положение челюсти при работе латеральной частью вершинами зубов; *4* — положение челюсти при работе латеральной частью внутренним краем жевательной поверхности

Отряд зайцеобразных $\left(I\,\frac{4}{2}\,C\,\frac{0}{0}\,P\,\frac{3}{2}\,M\,\frac{3}{3}=28\right)$ характеризуют две пары резцов, расположенных одна позади другой. Клыков нет. Резцы поперечно-уплощенные, с заостренным режущим краем. Между резцами и коренными зубами диастема. Коренные зубы складчатые (рис. 1, *1*). В отряд входит одно семейство зайцы, челюстями которых смоделированы орнаменты (рис. 3, *1—9*).

При работе фронтальной частью верхней челюсти более короткие внутренние резцы не пропечатываются. Передние резцы имеют бороздку, преимущественно посередине (рис. 1, *1а*), поэтому в отпечатках в е. п. видно до четырех зубчиков (рис. 3, *2, 4, 5*). Нижняя челюсть распадается на две половины, работа возможна лишь одним резцом.

Использованию латеральной части верхней челюсти препятствует форма черепа и выступающие резцы (рис. 1, *1*). Нижняя челюсть с относительно высокой зубной частью. Конфигурация латеральной части челюсти позволяет работу только внутренней ее поверхностью: при небольшом угле наклона пропечатывается край жевательной поверхности и край альвеол (рис. 3, *3*), при увеличении угла наклона пропечатывается резец и сочленовный отросток челюсти (рис. 3, *1*).

Отряд грызунов $\left(I\,\frac{1}{1}\,C\,\frac{0}{0}\,P\,\frac{2-1}{2-1}\,M\,\frac{3-1}{3-1}=22-12\right)$ характеризуют два сильно выдающихся резца. Резцы в форме изогнутых стамесок или долот. Эмаль по-

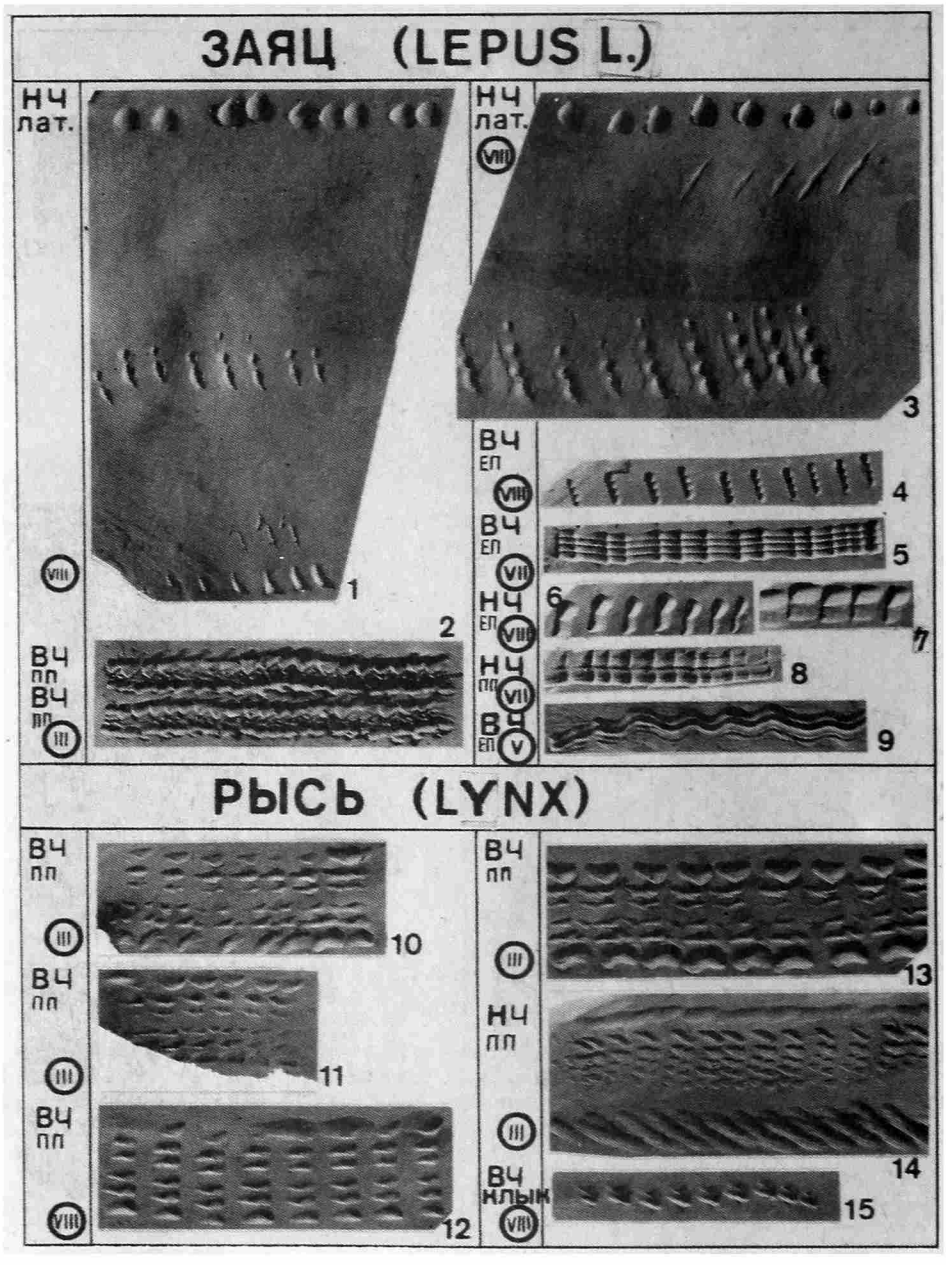

Рис. 3. Экспериментальные образцы: *1—9* — челюстью зайца; *10—15* — челюстью рыси

крывает только переднюю сторону резцов. Резцы являются постоянно растущими и самозатачивающимися. Между резцами и коренными зубами диастема, длина которой не меньше длины ряда коренных зубов. Коренные зубы складчатые, высококоронковые, подвержены изменениям — стираются до альвеол (рис. 1, *2*).

Орнаменты смоделированы челюстями речного бобра (рис. 4, *1—5*). При работе фронтальной частью получаются двузубые отпечатки, один зубчик в которых, как правило, крупнее. Морфологические варианты и бороздчатость ложа оттисков определяет выкрошенность резцов (рис. 4, *1—6*, *10—12*).

Подглазничная кость мешает использовать латеральную часть верхней челюсти (рис. 1, *2г*). Работа возможна половиной нижней челюсти, внутренним краем жевательной поверхности зубов. Оттиски сильно варьируют, зубчики в оттисках невыразительные. Дугообразная форма зубного ряда — увеличение размеров зубов к переду — позволяет получить оттиски разной длины (рис. 4, *7—9*, *13—15*).

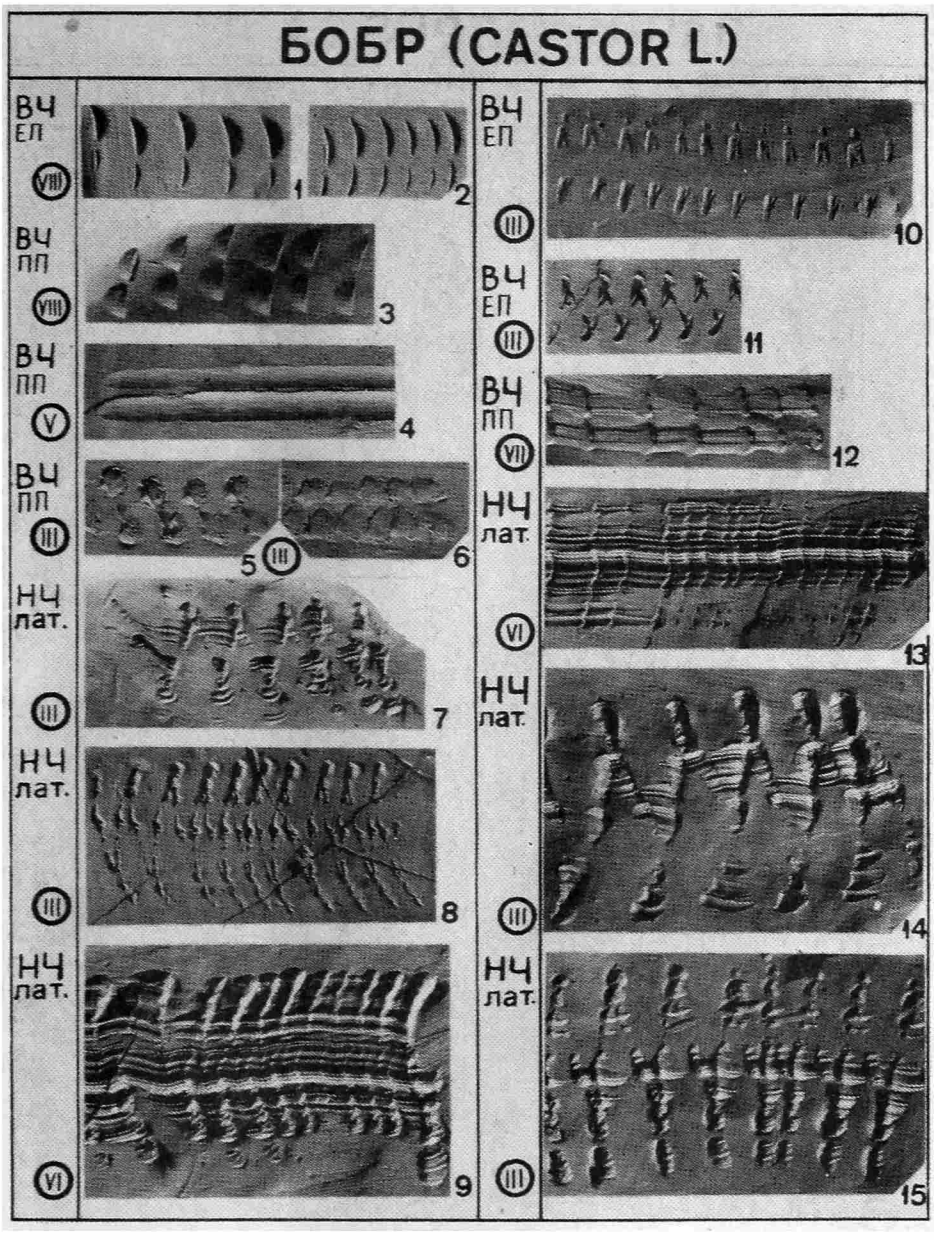

Рис. 4. Экспериментальные образцы: *1—15* — челюстью бобра

Отряд хищных $\left(I\ \frac{3}{3-2}\ C\ \frac{1}{1}\ P\ \frac{4-3-2}{4-3-2}\ M\ \frac{4-2-1}{4-3-2-1} = 48-28 \right)$ характеризуют развитые клыки, разной величины и степени изогнутости. Клыки чаще конусовидные или трехгранные. Резцы относительно невелики. Среди коренных зубов резко выделяются размерами два острых трехбугорчатых так называемых хищнических зуба — P^4 и M_1. Коренные зубы режущего типа (рис. 1, *3—6*).

Орнаменты смоделированы челюстями семейства куньих — куницы, выдры, барсука, росомахи; семейства собачьих — лисицы, песца, волка; семейства кошачьих — рыси (рис. 3, *5—8*). Зубы сравнительно невелики. Между длиной резцового ряда и размерами этих животных нет прямой зависимости, меньше диспропорция в длине латеральных частей.

Оттиски фронтальной частью в е. п. характеризуются следующими признаками. У тупомордых (куницы, выдры) резцы в одной плоскости, поэтому в оттисках до шести зубчиков, при пропечатывании боковых резцов крайние зубчики в оттисках крупнее (рис, *5, 1, 2, 5—9, 13, 16, 18, 19, 23, 24*). У остромордых (росомахи, барсука, лисицы, песца, волка) боковые резцы на изгибе челюсти и

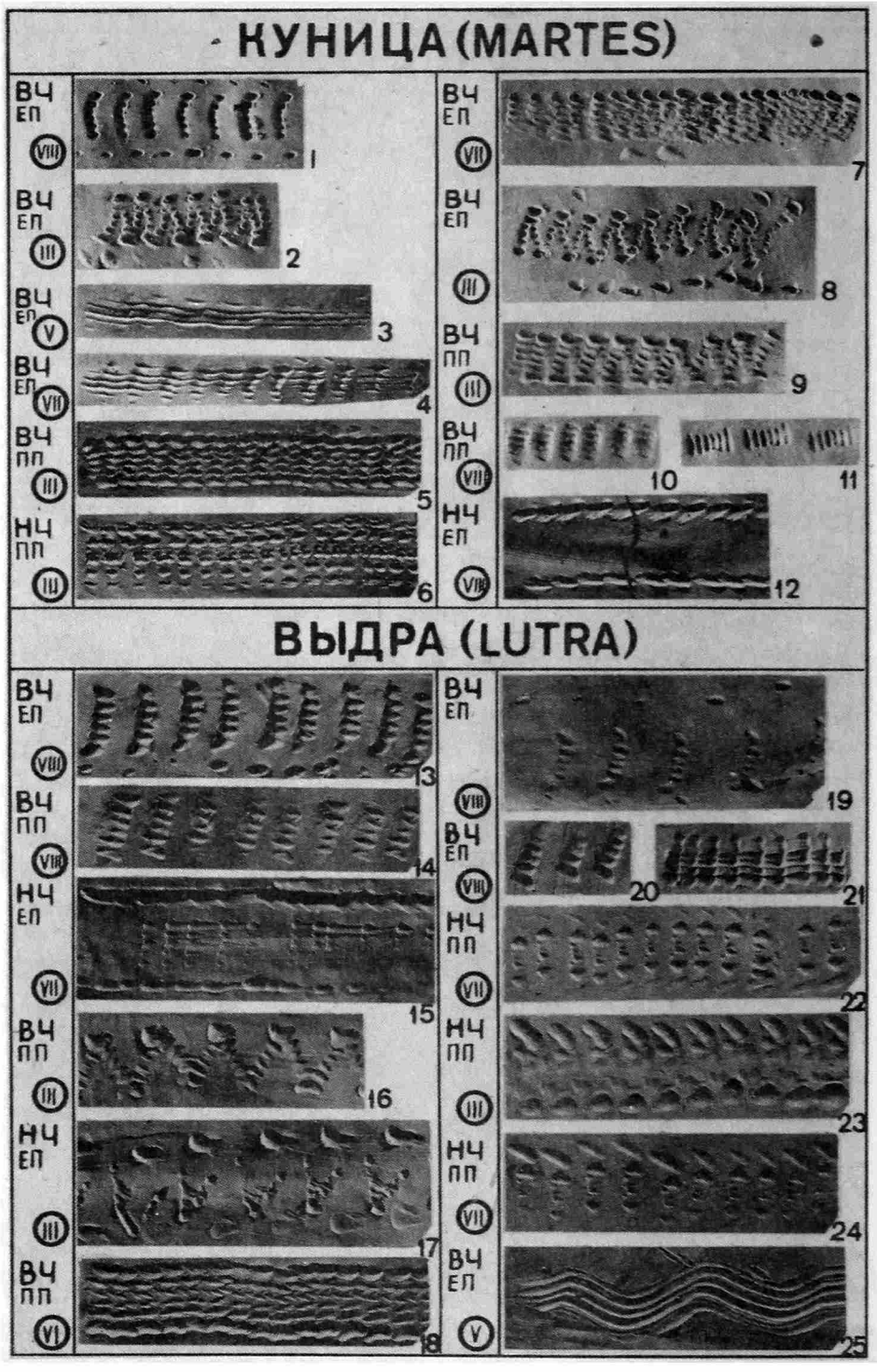

Рис. 5. Экспериментальные образцы: *1—12* — челюстью куницы; *13—25* — челюстью выдры

пропечатываются только при прокатывании (рис. 6, *7*, *10*; рис. 7, *9*, *13*). В оттисках без прокатывания отпечатывается не более четырех зубчиков, при прокатывании — до шести зубчиков, оттиски изогнутые, крайние зубчики меньше (рис. 6, *2*, *7*; рис. 7, *1*, *3*, *10*, *12*). У круглоголовых (рыси) клыки не позволяют получение оттисков. При положении, близком перпендикулярному, клыки не пропечатываются (рис. 6, *7*; рис. 7, *3*, *12*). При оттискивании клыков наряду с отпечатками резцов получаются отдельные ряды наколов или «отступающие линии» (рис. 5, *1*, *2*, *7*, *8*, *13*, *19*; рис. 6, *1*, *2*, *10*; рис. 7, *1*, *10*, *14*, *16*). Так как зубы в

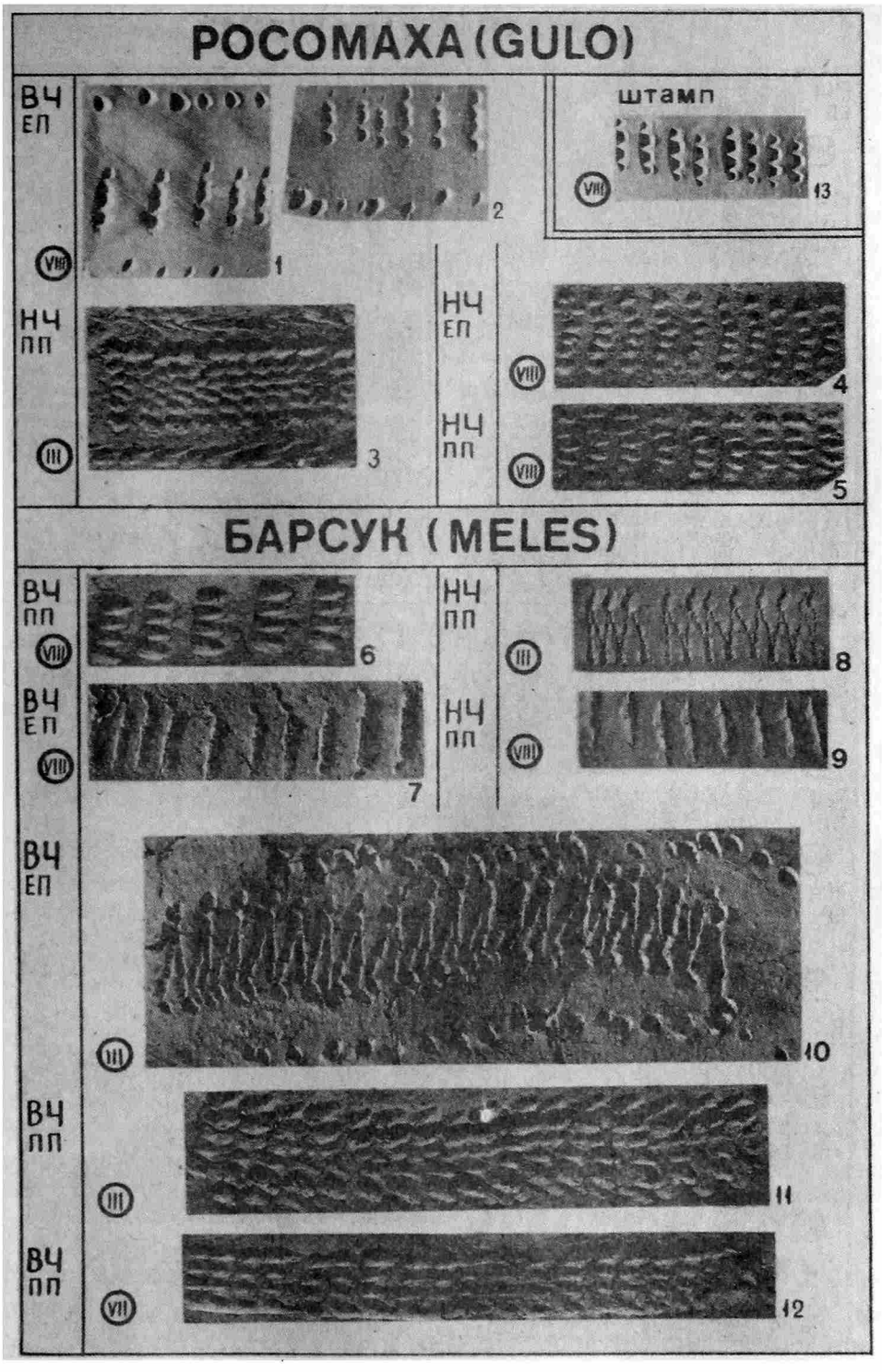

Рис. 6. Экспериментальные образцы: *1—5* — челюстью росомахи; *6—12* — челюстью барсука

альвеолах подвижны, при протаскивании линии отпечатков непараллельны (рис. 8, *11*).

В положении п. п. длина зубчиков в оттиске увеличивается (рис. *5*, *5*; рис. 6, *3*, *5*, *6*, *11*, *12*; рис. 7, *2*, *4*, *8*, *11*). Без прокатывания челюстью тупомордых не пропечатываются клыки (рис. 6, *5*, *6*, *11*, *12*); а остромордых — даже не все резцы (рис. 7, *4*; рис. 8, *9*).

Фронтальная часть нижней челюсти у́же (рис. 1, *3б*, *5б*, *6б*). В естественном положении челюсти боковые резцы пропечатываются у всех хищников (рис. *5*, *17*; рис. 7, *15*), но в п. п. у остромордых — только при прокатывании (рис. 6,

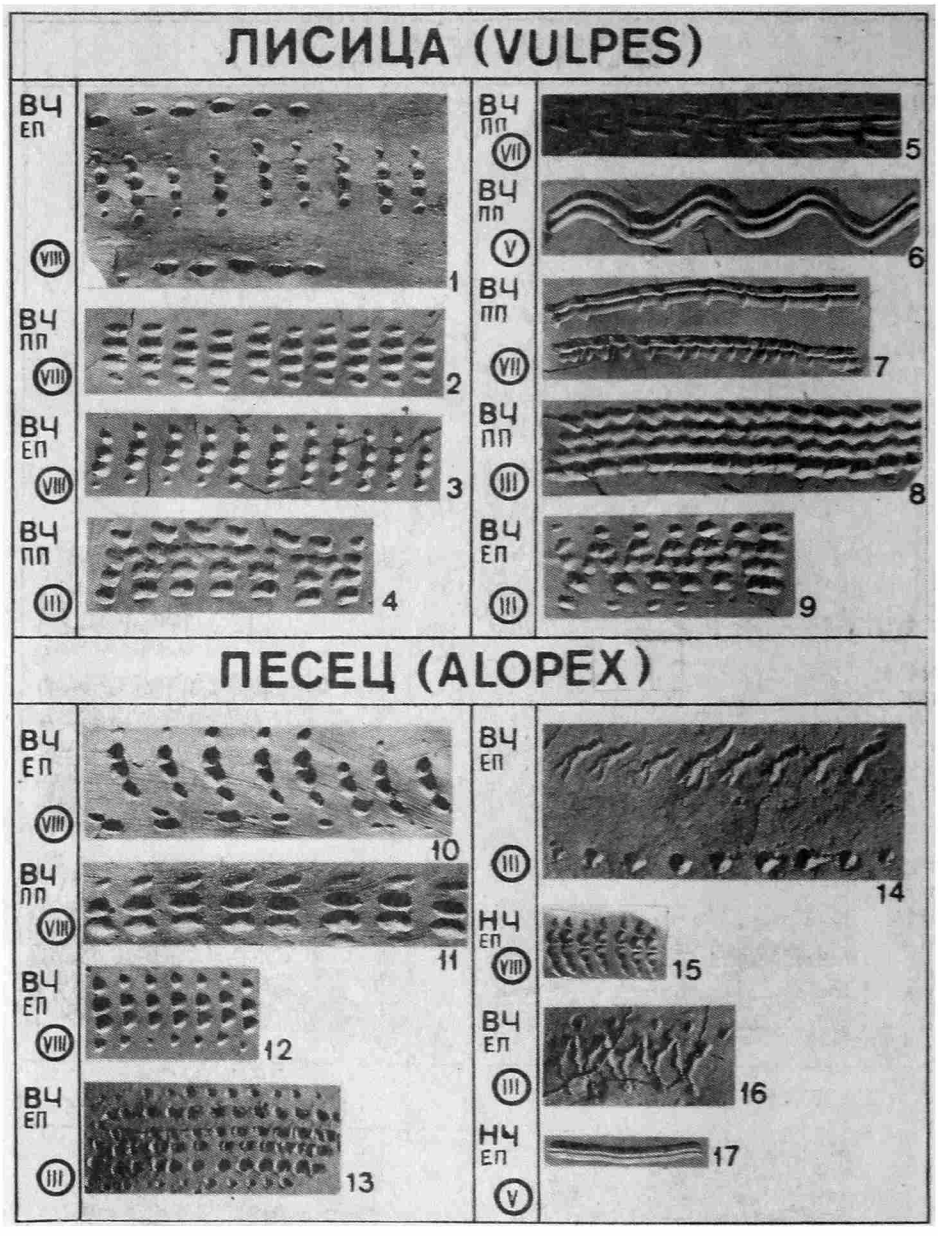

Рис. 7. Экспериментальные образцы: *1—9* — челюстью лисицы; *10—17* — челюстью песца

3—5; рис. 8, *4*). Резцы этих хищников мельче, различаются по формам и размерам. Клыки не параллельны, поэтому отпечатки их как бы выполнены с разным наклоном орнаментира (рис. 3, *14*; рис. 5, *12, 23*).

Если происходит расщепление зубов по оси, перпендикулярной телу челюсти, оттиски получаются двузубые (рис. 8, *5, 6*).

При работе латеральной частью челюсти в орнаментации участвуют клык и выступающие вершины коренных зубов. Из-за значительного расстояния между ними отпечаток не производит впечатления одного оттиска. Работе латеральной частью мешает угловой отдел челюсти. Не исключено использование челюстей с отсеченными отростками, которые встречаются среди археологических материалов.

Морфология оттисков позволяет идентификацию их на уровне отряда животных. Некоторую информацию о семействах можно получить по форме отпечатков резцов в е. п.: округлость зубчиков отличает оттиск резцового ряда семейства собачьих (рис. 7, *1, 3, 10, 12, 13*), что обусловлено специфической формой

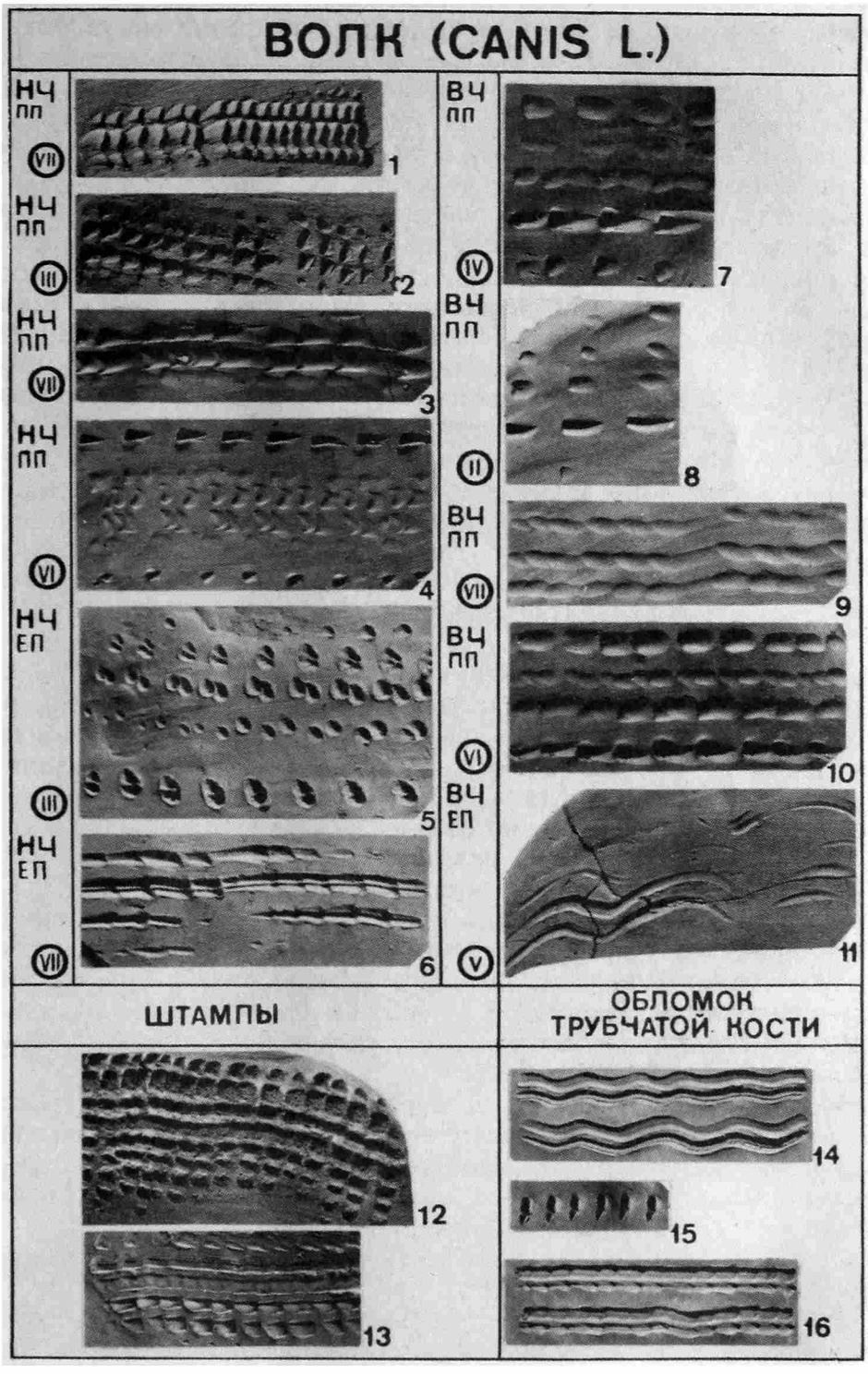

Рис. 8. Экспериментальные образцы: *1—11* — выполнены челюстью волка; *12—13* — штампами; *14—16* — обломком трубчатой кости

резцов верхней челюсти этих животных (рис. 1, *3а, 5а*); в семействе куньих барсук выделяется наличием двух бороздок на резцах, пропечатываемых в оттисках (рис. 6, *10*). Для определения рода существенны длина оттисков и расстояние между зубчиками. При метрических сопоставлениях археологических образцов следует учитывать, что у разных родов животных географическая, половая, возрастная и индивидуальная изменчивость неодинаково проявляется в зубном аппарате. В послеплейстоценовое время наблюдается тенденция уменьшения, а у бобра, наоборот, увеличения размеров и пропорций зубов [4].

Орнаменты, выполненные другими орудиями, по форме могут быть близки челюстным (рис. 6, *13*; 8, *12—16*). Заключение об использовании челюстей возможно по совокупности признаков оттиска: форме отпечатков, количеству зубчиков в оттиске, которое не может превышать определенного по зубной формуле максимума, их последовательности, расстояниями между зубчиками, соотносимыми с положением зубов в челюсти.

На фрагментах археологических сосудов представлены не отпечатки тех или иных зубов, а специфические орнаменты. Экспериментальная работа челюстями показала широкие возможности использования их в качестве орнаментиров. В целом разными челюстями выполнима орнаментация всеми способами, установленными для зубчатых штампов: штампованием (I), прокатыванием (II), шаганием (III), шаганием с прокатыванием (IV), протаскиванием (V), шаганием с протаскиванием (VI), отступанием (VII), накалыванием (VIII) (рис. 3—8). Вместе с тем анатомическое строение челюстей не только накладывает ограничения на выбор способа орнаментации, но и определяет в ряде случаев единственно возможное положение челюсти относительно поверхности сосуда. При изменении угла наклона штампа меняется форма зубчиков в оттисках, при изменении угла наклона челюсти — не только форма зубчиков, но и морфология оттиска в целом: появляются или исчезают отпечатки отдельных зубов и незубчатых частей челюсти (рис. 3, *1*, *3*; *5*, *22*, *24*; 6, *1*, *2*; 7, *1*, *3*).

Челюстные орнаменты, как правило, выполнены в технике накалывания. Для челюсти наклонное положение зубов «естественно»: при перетирании пищи на коренных зубах челюсть движется в стороны и при этом находится в наклонном положении, что соответствует положению орнаментира при отступании и протаскивании; при откусывании кусков пищи челюсть движется сверху вниз, как при орнаментации штампованием, но рабочей поверхностью резцов является не плоскость, как у штампа, а острый режущий край. Для выполнения штампами накалывания, отступания, протаскивания требуется дополнительное усилие для удержания их в наклонном положении к поверхности сосуда. И напротив, для штампов целесообразно применение штампования, шагания, прокатывания — способов, при которых пропечатывается вся рабочая поверхность орнаментира. По мнению одного из авторов (И. К.), способы орнаментации накалыванием, отступанием, протаскиванием генетически восходят к работе челюстями еще в докерамическую эпоху.

Челюстные орнаменты выявлены на керамике следующих памятников.

Орнаменты челюстями зайца: поселение Сумпанья III — фронтальной частью верхней челюсти резцами в п. п. шаганием (рис. 9, *1*), в е. п.— отступанием (рис. 9, *2*), в е. п.— накалыванием (рис. 9, *3*), в е. п.— накалыванием и в п. п.— шаганием с протаскиванием (рис. 9, *4*).

Орнаменты челюстями бобра: поселение Сумпанья IV — фронтальной частью резцами в е. п.— накалыванием (рис. 9, *5*), в е. п.— шаганием (рис. 9, *10*), латеральной частью нижней челюсти шаганием с прокатыванием (рис. 9, *9*), поселение Сумпанья VI — латеральной частью нижней челюсти — шаганием с прокатыванием (рис. 9, *6*, *8*, *11*), шаганием (рис. 9, *12*); поселение Геологическое VII — фронтальной частью резцами в е. п.— шаганием (рис. 9, *7*); поселение Алымский Бор III (инв. № 2381 КА УрГУ), Носовская (инв. № 99 КА УрГУ) и Малокылвиская (инв. № III КА УрГУ) стоянки — латеральной частью нижней челюсти — шаганием с прокатыванием.

Орнаменты челюстями куницы (соболя): поселение Юрьино IV — фронтальной частью верхней челюсти в п. п.— шаганием (рис. 10, *4*); поселение у оз. Грязного — фронтальной частью верхней челюсти в е. п.— накалыванием (рис. 10, *5*); поселение Полуденка I, II — фронтальной частью верхней челюсти в е. п.— шаганием (рис. 10, *6*, *7*); поселение Полуденка I — фронтальной частью верхней челюсти в е. п.— накалыванием (рис. 10, *7*), латеральной частью — протаскиванием (рис. 10, *7*); поселение у оз. Исетского (по фотографии В. Я.

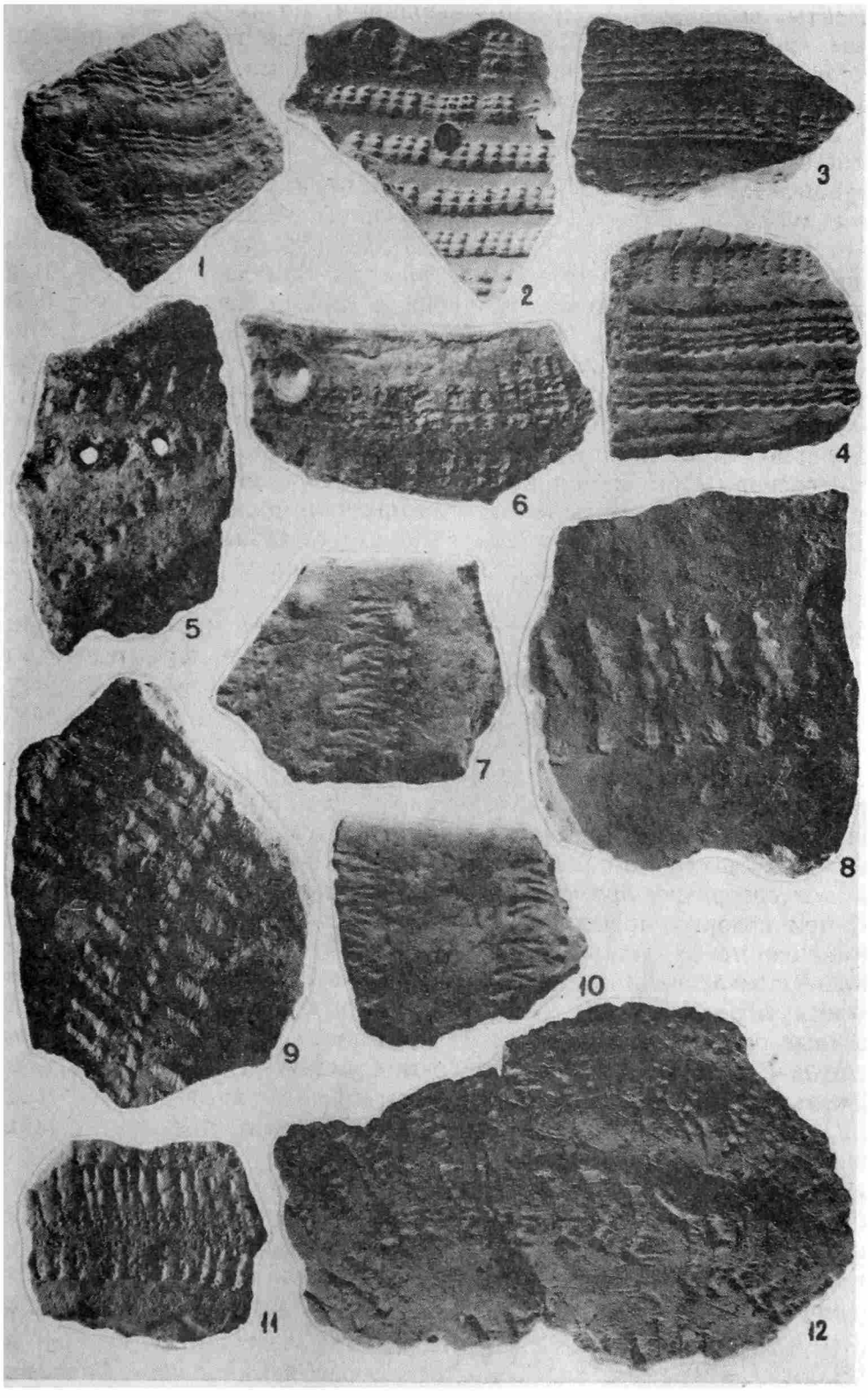

Рис. 9. Фрагменты керамики с челюстным орнаментом: *1—4* — заяц; *5—12* — бобр (*1—4* — поселение Сумпанья III; *5, 9, 10* — поселение Сумпанья IV; *6, 8, 11, 12* — поселение Сумпанья VI; *7* — поселение Геологическое VII)

Толмачева из фотоархива ЛОИА АН СССР III 13910) — фронтальной частью верхней челюсти в е. п.— шаганием (рис. 10, *1—3*).

Орнаменты челюстями лисицы или песца: поселение Юрьинское — фронтальной частью верхней челюсти в е. п.— накалыванием (рис. 11, *1*), в е. п.—

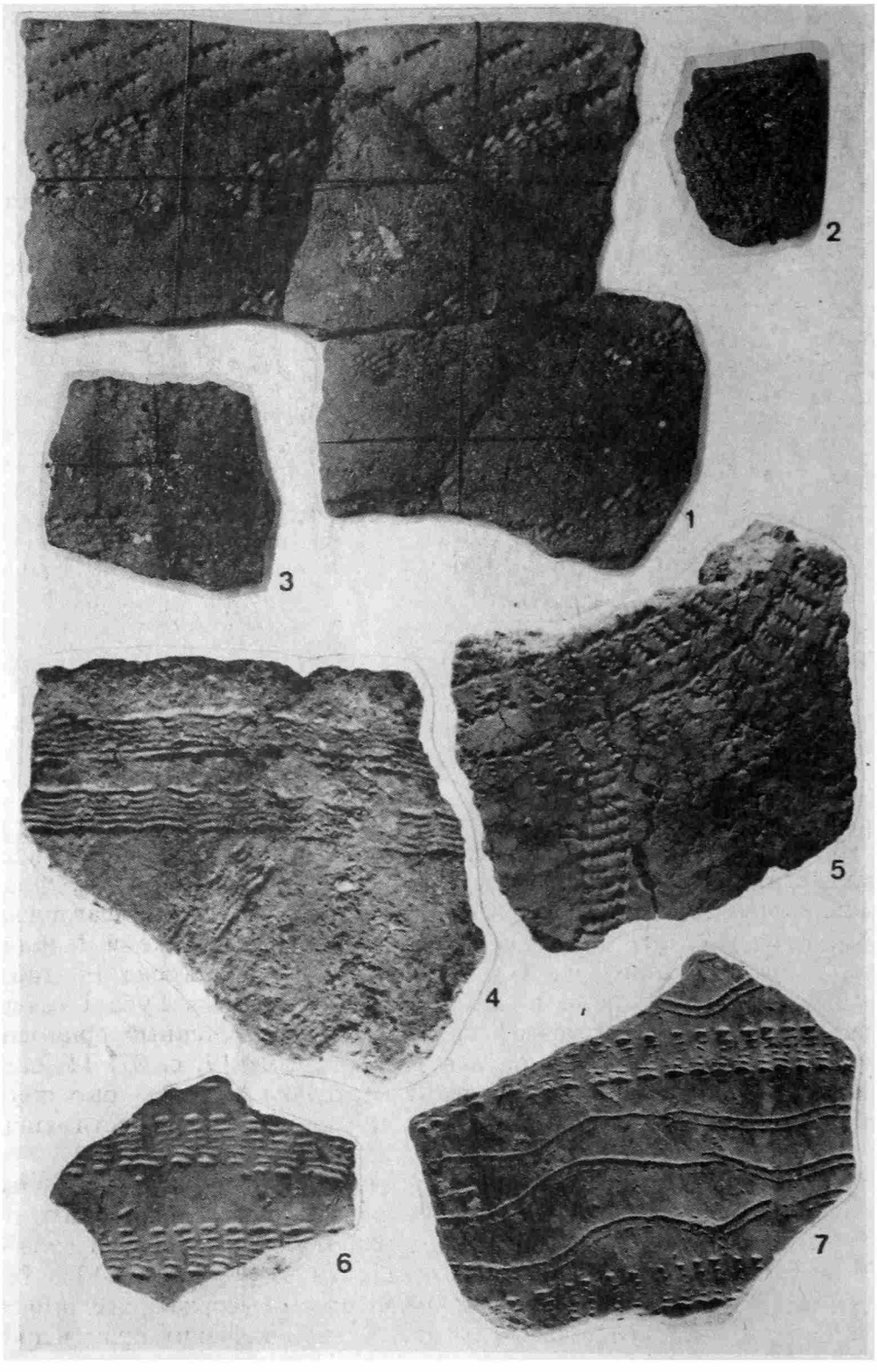

Рис. 10. Фрагменты керамики с челюстным орнаментом: *1—7* — куница (соболь) (*1—3* — поселение у оз. Исетского; *4* — поселение Юрьино IV; *5* — поселение у оз. Грязного; *6—7* — поселение Полуденка I)

накалыванием и шаганием (рис. 11, *3*); поселение Сумпанья II — фронтальной частью верхней челюсти в п. п. прокатыванием (рис. 11, *2*).

Практика публикации керамического материала в графическом исполнении не позволяет выявить необходимые для идентификации признаки: фотографии керамики относительно редки и невысокого качества. И все же отметим

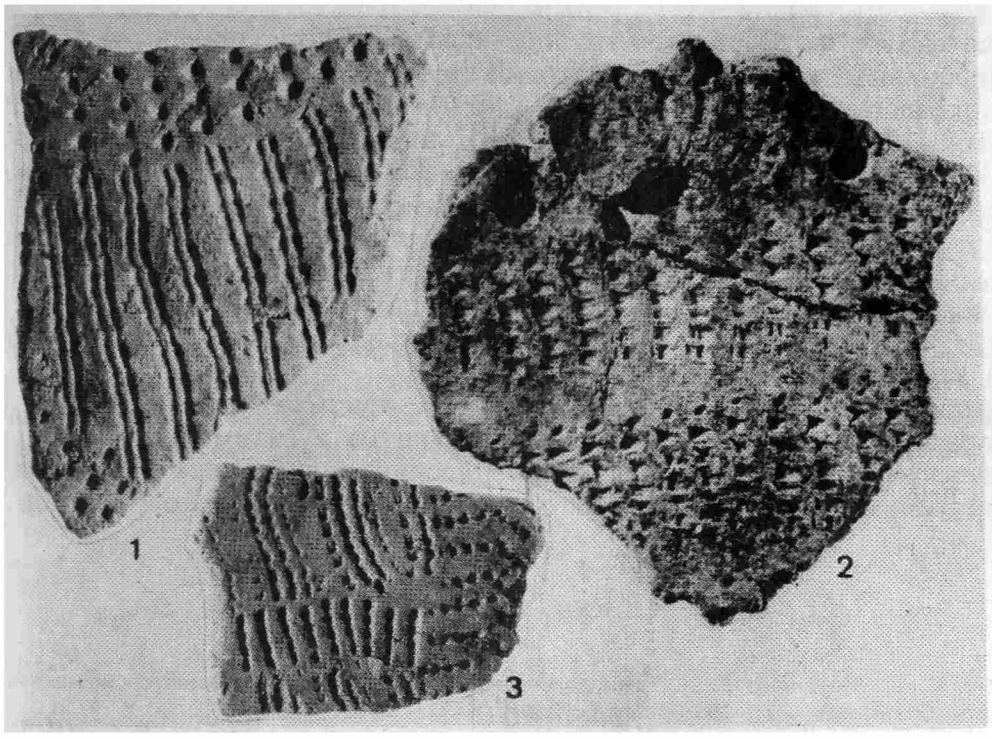

Рис. 11. Фрагменты керамики с челюстным орнаментом: *1—3* — лисица или песец (*1, 3* — поселение Юрьинское; *2* — поселение Сумпанья II)

использование фронтальной части челюсти хищника в е. п. шаганием на поселении Чащиха (Восточное Зауралье) [5, рис. 3, *7*], челюстью лисицы или песца в е. п. накалыванием на Йоркутинской стоянке полуострова Ямал [2, рис. 32] в е. п. накалыванием [6, табл. XX, *12*; 7, табл. XX, *19*] и шаганием [6, табл. XX, *7*; 9, рис. 21, *9*] на III Старомазиковой стоянке в Марийском Поволжье, в е. п. шаганием на Цага I Кольского полуострова [9, табл. II, *7, 13, 20*; 10, рис. 2, *3*], в п. п. на поселении Нерпичья Губа I северного побережья Кольского полуострова [11, рис. 7, *6*]. Отмеченный орнамент на керамике Кольского полуострова назван «тесемочным» [9, с. 87; 11, с. 125]. Как «тесемочный» — оттиснутый тесьмой в несколько прядей — был понят В. А. Городцовым орнамент, выполненный фронтальной частью челюсти хищника в е. п. шаганием с прокатыванием [12, с. 617, табл. X, *16*].

Керамика с челюстным орнаментом встречается от Зауралья до Кольского полуострова. Наиболее широко представлены рода куницы и лисицы или песца. Возможно, использование челюстей бобра ограничено памятниками типа Сумпанья IV в бассейнах рек Северная Сосьва, Тавда и Конда [13]. Однако специальной работы по идентификации не проводилось, выборка археологического материала нерепрезентативна, не отражает реальной картины применения челюстей для нанесения орнаментов.

Технологический анализ вносит коррективы в устоявшиеся принципы классификации орнаментов. Принято рассматривать оттиск штампа как неделимый элемент орнамента [14, с. 4], оттиск же челюсти дискретен и включает морфологически разные отпечатки (рис. 3—8). При работе фронтальными и латеральными частями челюстей орнаменты будут неодинаковыми: челюстью хищников возможно нанесение зубчатых, незубчатых или комбинированных оттисков; челюстью грызунов — двузубых и зубчатых; резцами верхней челюсти и молярами нижней челюсти зайца — зубчатых и комбинированных, резцами нижней челюсти — двузубых оттисков.

Гребенчатая и негребенчатая группы керамики рассматриваются в настоящее время либо как соответствующие хронологическим этапам эволюционного развития археологических культур [15, с. 9—10; 16, с. 53; 17, с. 41—48; 18, с. 158—163; 19, с. 40—92; 20, с. 200—201], либо как сосуществующие традиции [2, 21, с. 46—52, 22; 24, с. 33—35; 25, с. 60, 61; 26, с. 32, 33]. Между тем челюстями гребенчатые и негребенчатые орнаменты (мотивы, по Н. Н. Гуриной [14, с. 6]) получаем одновременно. Ряды «отступающей палочки» или отдельных наколов, чередующиеся с рядом «гребенки», могут быть выполнены фронтальной частью челюстей хищников — клыками и резцами (рис. 3, *14*; *5*, *1*, *8*, *15*, *17*, *19*, *22—24*; 6, *1*, *3*, *10*; 7, *1*, *10*; 8, *4*), либо молярами и сочленовым отростком челюсти зайца (рис. 3, *1*, *3*).

Признание челюстей животных в качестве орнаментиров позволяет в ином ракурсе рассмотреть проблемы генезиса, развития и взаимодействия традиций неолитической орнаментации. Технологический анализ дает новый материал для осмысления орнаментации как явления этнокультурного порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Калинина И. В., Устинова Е. А.* Технологическая классификация орнаментов неолитической — энеолитической керамики уральского региона//АСГЭ. 1989. Вып. 30.
2. *Королев Ю. Г., Хлобыстин Л. П.* Йоркутинская стоянка на полуострове Ямал//КСИА. 1969. Вып. 115.
3. Млекопитающие фауны СССР. Ч. 1. М.; Л., 1963.
4. *Паавер К.* Формирование териофауны и изменчивости млекопитающих Прибалтики в голоцене. Тарту, 1965.
5. *Раушенбах В. М.* Новое поселение эпохи неолита в Среднем Зауралье//Тр. ГИМ. 1966. Вып. 40.
6. *Халиков А. Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья в эпоху неолита и бронзы//Тр. Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 1960.
7. *Халиков А. Х.* Неолитические племена Среднего Поволжья//МИА. 1973. № 172.
8. *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л., 1972.
9. *Гурина Н. Н.* Древние памятники Кольского полуострова//МИА. 1973. № 172.
10. *Гурина Н. Н.* О некоторых общих элементах культур древних племен Кольского полуострова и их соседей//Палеолит и неолит. Л., 1986.
11. *Шаяхметова Л. Г.* Ранненеолитическое поселение Нерпичья Губа I//Палеолит и неолит. Л., 1986.
12. *Городцов В. А.* Русская доисторическая керамика//Тр. АС. Т. 1. М., 1901.
13. *Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П.* Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды//ВАУ. 1984. Вып. 17.
14. *Гурина Н. Н.* О некоторых методах обработки неолитической керамики//КСИА. 1988. Вып. 193.
15. *Раушенбах В. М.* Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы//Тр. ГИМ. 1956. Вып. 29.
16. *Берс Е. М.* Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963.
17. *Чернецов В. Н.* К вопросу о сложении уральского неолита//История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
18. *Бадер О. Н.* Уральский неолит//МИА, 1970. № 166.
19. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
20. *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980.
21. *Третьяков В. П.* Ранненеолитические памятники Среднего Поволжья//КСИА. 1972. Вып. 131.
22. *Габяшев Р. С.* Неолит Нижнего Прикамья: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Казань, 1978.
23. *Гусенцова Т. М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1981.
24. *Калинина И. В.* О сосуществовании в Прикамье двух неолитических культур//СГЭ. 1984. Вып. 49.
25. *Ковалев В. Т.* О схемах развития неолита лесного Зауралья//ВАУ. 1981. Вып. 15.
26. *Арефьев В. А.* Прочерченно-накольчатая керамика неолитических поселений Тагильского Зауралья//ВАУ, 1980. № 18.

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

I. V. KALININA, E. A. USTINOVA (GADZHIEVA)

THE USE OF THE ANIMALS JAWS IN THE ORNAMENTATION OF THE ANCIENT CERAMICS

Summary

The article deals with the morphology of the "jaw ornaments" on the ceramic from the Urals region. They were made by the jaws of the animals lived in the region. The task was to established through the experiment which part of a jaw and which position of it was used for the ornamentation. The impressions morphology that can be determined by the anatomical peculiarities of the animal teeth helps to identify the animals orders. It is possible to determine their family and sometimes their genus analysing the impressions proportions and the shapes of the teeth. It is possible to draw a conclusion only after the analysing of all the indications. There is no any special work about the "jaw" ornamentation on the ceramic. Nevertheless the known data testifies to the fact that this kind of ornamentation were spread also beyond the Urals.

Дискуссии

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ: СТРУКТУРА, СЕМАНТИКА И СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

(введение в дискуссию, часть II)

Интерес археологов к материалам из погребений и к погребальному обряду объясняется тем, что традиционно это один из основных археологических источников, опираясь на анализ которого, мы реконструируем историю, быт, духовную и материальную культуру, идеологические представления, социальное устройство, уровень развития общества, его традиционность и подверженность влияниям извне и т. д., т. е. весь спектр вопросов, который мы пытаемся решить с большими или меньшими основаниями для воссоздания истории общества, погребальные памятники которого мы исследуем. Именно поэтому редколлегия «Российской археологии» вновь решила осветить на страницах журнала ряд аспектов этой важной и сложной проблемы. Если в первом раунде дискуссии (см. Российская археология, 1993, № 1, с. 76—112) речь шла как об общих вопросах изучения погребального обряда в современной археологии, так и о социальной значимости данных из погребений, то в этом номере читатель познакомится с более конкретными и углубленными разработками в рамках той же большой темы.

В. С. Ольховский в статье «Погребальная обрядность и социологические реконструкции» обращает внимание археологов на необходимость четкого определения содержания основных терминов и понятий типа «погребение», «погребальный памятник» и «погребальный обряд». Выявление структуры исчезнувших обществ древности по данным погребальной обрядности относится, как справедливо подчеркивает автор, к числу реконструкций высшей степени сложности, так как погребальная обрядность отражает комплекс религиозно-мифологических представлений, связанных не только (и не столько) с реально существующим, но и с ирреальным (мифологическими «этим» — земным и «тем» — потусторонним, загробным) мирами.

И. Л. Кызласов в своей работе «Погребальный обряд и уровень развития общества. От отдельного к общему» демонстрирует большие возможности сочетания этнографических и археологических источников при анализе и интерпретации погребального обряда. Очень важен, на мой взгляд, вывод автора о том, что у одного поселка современных хакасов имелось по нескольку (два-три) одновременно действующих кладбищ. Это должно существенно поколебать традиционное убеждение археологов в господстве в древние времена простейшей схемы: одно поселение — один синхронный с ним могильник.

Во введении к предыдущему раунду дискуссии «Погребальная обрядность» я упомянул о необходимости комплексного междисциплинарного подхода к данной проблематике, отметив при этом большую роль антропологических исследований. И мой призыв не остался без ответа. В настоящем номере журнала публикуются статьи В. Н. Федосовой и А. Е. Кислого, посвященные использованию данных физической антропологии не только для понимания самого погребального обряда,

© В. И. Гуляев, 1995 г.

но и для всякого рода социологических интерпретаций и реконструкций исчезнувших человеческих обществ. Археологам пора осознать те огромные возможности, которые дают им на уровне общих заключений или выводов новые методы и направления физической антропологии: от простых поло-возрастных определений антропологи давно уже перешли к «популяционному анализу расовых признаков», палеодемографии, палеопатологии, анализу групп крови (ДНК) и т. д., и т. п.

В заключение мне хотелось бы обратить внимание коллег на необходимость в дальнейшем обсудить на страницах нашего журнала и других специальных научных изданий *действенность* наиболее современных методов, применяемых в российской и зарубежной археологии при изучении и интерпретации погребений и погребальной обрядности: например, региональный («макро» и «микро») анализ расселения древнего человека (включая все выявленные синхронные поселения и могильники, культовые места, дороги, каналы и др.), пространственное размещение могил внутри отдельного могильника или кладбища (с целью выделения семейных, родственных, поло-возрастных, социальных групп), изучение пищевого рациона по костям и зубам погребенных, палеодемография и палеопатология. Наконец, в практике российских археологов совершенно неизученным остается вопрос о причинах (или факторах), обусловивших локализацию (местонахождение) курганных могильников разных эпох на местности и их истинное назначение (символизм). Неизвестным остается и то, чем определялась степень удаленности конкретного могильника от ближайшего к нему одновременно существовавшего поселения.

В западной археологической литературе высказывается мнение, что «погребальные холмы» (те же курганы) отмечали собой очень важные концептуальные и физические границы между отдельными группами древнего населения. Так, в Ирландии VII в. н. э. их использовали в качестве «маркеров», «отметок» при выработке законов о собственности на землю (R. Chapman, K. Randsborg. 1981. P. 17). К. Ренфрю упоминает мегалитические гробницы из Западной Европы, которые служили своего рода «территориальными знаками», и говорит, что наличие захоронений с костями предков на данной земле дает, по-видимому, их потомкам серьезное право на владение определенной территорией (C. Renfrew. Megaliths, territories and populations/Ed. S. J. De Laet//Acculturation and continuity in Atlantic Europe. Brugge: De Tempel, 1976). Однако решить успешно эту проблему археологи смогут лишь в тесном сотрудничестве с этнографами.

В. И. Гуляев

В. С. ОЛЬХОВСКИЙ

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ

Стремление археологов извлечь максимум исторической информации, содержащейся в исследуемых ими памятниках, а также интерпретировать ее вполне оправдано как спецификой самих памятников, так и нередким отсутствием источников иного рода. Погребальные памятники, как известно, привлекают особое внимание исследователей вследствие своей многочисленности и очевидной значимости для современников (создателей), анализируются традиционными,

© В. С. Ольховский, 1995 г.

естественнонаучными и математическими методами. Получаемые при этом результаты используются чаще всего для реконструкции религиозно-мифологических воззрений и социальной структуры исследуемого общества, хотя и интуитивно, и путем логических построений большинство исследователей пришло к выводу, что в погребальных памятниках содержится большой объем и иной информации [1; 2, с. 7, 8; и др.], позволяющей, в частности, с разной степенью достоверности реконструировать этнические, культурные, лингвистические и другие особенности создателей определенных групп погребальных памятников. Но если последние заключения в той или иной форме нередко оспариваются, то наличие заключенной в погребальных памятниках именно социологической информации безоговорочно признается подавляющим большинством специалистов [3—8; 9, с. 149—176; и др.]. Эмпирическим подтверждением данного заключения обычно служит факт сосуществования однокультурных погребальных памятников, различающихся степенью «богатства» и иными особенностями; это позволяет исследователям выделять захоронения «царей», «рядовых общинников», «жрецов», «рабов» и др., а не только мужчин, женщин и детей. Правда, с почти единодушной уверенностью в прямом отражении прижизненного социального статуса умершего в принадлежащем ему погребальном комплексе резко контрастирует и иная, менее популярная точка зрения — о том, что погребальные обряды не отражают древние социальные структуры, не способствуют их познанию либо даже искажают истинную картину (см.: [2, с. 10, 11]).

В последнее время при осуществлении разного рода социологических реконструкций все шире используются результаты обработки массового археологического материала (в том числе происходящего из погребальных комплексов) по специальным программам на ЭВМ. При этом могут возникнуть (и возникают) вопросы о правомерности использования погребальных памятников для извлечения именно социологической информации, правомерности социологических заключений и реконструкций вообще, пригодности для этого той или иной методики; немаловажен вопрос и о степени соответствия создаваемых реконструкций исторической реальности. Речь идет, таким образом, о гносеологическом аспекте изучения погребальных памятников, верификации используемой при этом методики, об экспертизе получаемых результатов.

Для решения поставленных задач необходимо по возможности полно ответить на следующие вопросы: 1. Какое же конкретное содержание вкладывают исследователи в базовые археологические понятия погребение, погребальный обряд, погребальный памятник? 2. Что имеют в виду исследователи — археологи, говоря о социальной структуре палеообщества? 3. Содержит ли археологический объект (а также обрядность, мифологическая система) социологическую информацию и если да, насколько она всеобъемлюща? 4. Возможно ли извлечение содержащейся в археологическом памятнике (погребении) социологической информации и если да, то какова методика такого извлечения (процедура социологической интерпретации)?

1. Погребальная обрядность и погребальные памятники

До последнего времени в археологической литературе наблюдается определенный разнобой в трактовке понятий «погребение», «погребальный памятник», «погребальный обряд». Выборочный анализ данных трактовок [10, с. 65, 66] позволил прийти к следующим заключениям: а) одним и тем же термином нередко обозначаются понятия, различные по содержанию и объему; б) для обозначения одного понятия иногда используются разные термины; в) как правило, отсутствуют четкие и исчерпывающие дефиниции по содержанию и объему рассматриваемых понятий; г) используемые термины обычно не образуют логически корректной системы, хотя объективно такая система необходима.

К примеру, понятие «погребальный обряд» в археологической литературе трактуется по крайней мере трояко.

Согласно первой трактовке, погребальный обряд есть совокупность инвентаря, способа захоронения и устройства могилы [9, с. 150, рис. 17], т. е. материальных фиксируемых элементов. В данном случае погребальный обряд фактически напрямую отождествляется с погребальным памятником — погребением, подвергаемым археологическому исследованию. Следуя данной трактовке, процессом выкапывания могильной ямы придется признать... могильную яму (или лопату, если таковая сохранилась?), процессом тризны — остатки кострища и костей животных; перевозку умершего к месту захоронения придется отождествить с телегой и т. д.

Согласно другой точке зрения, погребальный обряд состоит «из одобренных традицией ритуальных действий, происходящих до похорон, в момент похорон и после них... С другой стороны, он включал материальные элементы, характеризующие общественное положение умершего: погребальное сооружение, набор погребального инвентаря, сюда входит и поза умершего... Совокупность ритуальных действий и материальных элементов представляет стандартный (традиционный) погребальный обряд любой археологической культуры» [2, с. 6].

Приведенная трактовка погребальной обрядности привлекательна своей внешней «всеохватностью»; в отличие от первой, отождествляющей погребальный обряд и погребальный памятник, ее можно назвать «интегрирующей» трактовкой. С логической же точки зрения объединение процесса (ритуальных действий) с материальными объектами (инвентарь и т. д.) и даже субъектами (погребенные) в данном случае некорректно [1]. Между тем данная трактовка имеет весьма широкое распространение в археологической литературе прежде всего потому, что позволяет «плавно» перейти от обрядности — ритуальных действий к материальному объекту — погребальному памятнику. Однако указанный переход в действительности представляет собой простую операцию подмены одного понятия (погребальный обряд) другим (погребальный памятник) путем отождествления их содержания. При этом возникает закономерный вопрос: если оба понятия синонимичны по содержанию, зачем для их обозначения используются разные термины? Таким образом, данная «интегрирующая» трактовка практически является лишь слегка завуалированной первой — «отождествляющей» трактовкой погребальной обрядности. Причина популярности данной трактовки, очевидно, связана и с тем, что она дает «теоретическое» обоснование считать исследование погребальных памятников полноценным изучением погребальной обрядности, а реконструкцию погребальной обрядности свести в лучшем случае к реконструкции погребального памятника.

И для «отождествляющей», и для «интегрирующей» трактовок характерно крайне огрубленное, неполное представление о содержании и структуре погребальной обрядности, понимаемой обычно как механический набор «информационных блоков», элементов, признаков и т. д.

Суть третьей точки зрения состоит в четком разграничении понятий «погребальный обряд», «погребальный памятник» и др. по их содержанию и объему. При этом обряд трактуется только как процесс, а погребение (погребальный памятник) — как материальный результат данного процесса [11, с. 18—20]. Вариант системного подхода ко всей группе понятий, связанных с погребальной практикой, предложен в одной из моих работ [12], выводы которой иллюстрируются следующей графической схемой (рис. 1). При этом устанавливается, что погребением следует считать специально оформленное место захоронения останков

[1] К менее существенным недостаткам данной трактовки относится включение в понятие «погребальный обряд» бесспорно поминальных действий, отделенных во времени и часто в пространстве от погребальных действий. Остается неясным, почему перечисленные «материальные элементы» характеризуют именно общественное положение умершего, хотя тот же автор выделяет в обряде шесть информационных блоков, из которых лишь три относятся к социальной сфере [2, с. 7, 8].

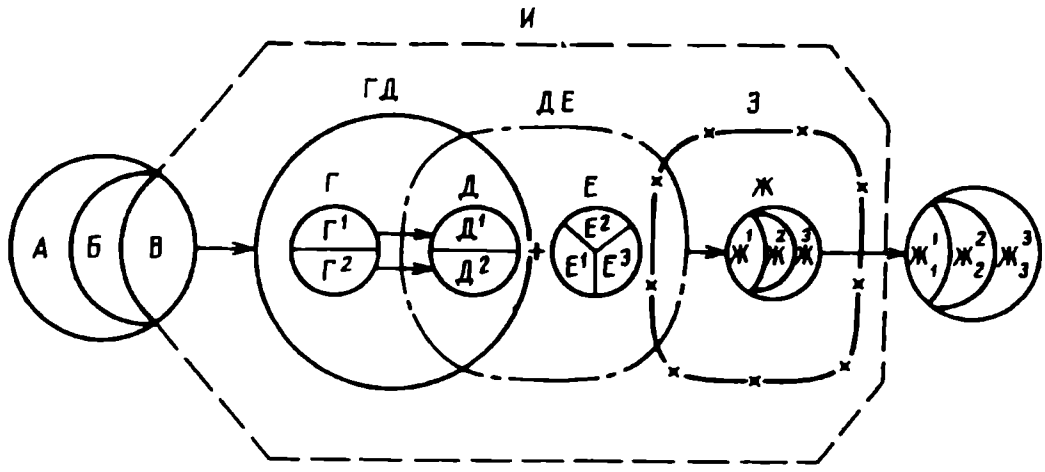

Рис. 1. Схема структуры и взаимосвязи понятий, связанных с погребальной обрядностью. *А* — идеология; *Б* — религиозно-мифологическая система; *В* — представления о тафологических, некрологических, морологических обычаях и нормах; *ГД* — погребальная обрядность (ПО); *Г* — идеологическая сфера ПО: $Г^1$ — семантический уровень идеологической сферы ПО; $Г^2$ — процессуальный уровень идеологической сферы ПО; *Д* — практическая сфера ПО (обрядовые действия): $Д^1$ — символические действия, $Д^2$ — стереотипные действия; *Е* — внеобрядные действия: $Е^1$ — произвольные (целесообразные ненормированные), $Е^2$ — утилитарные (целесообразные нормированные); $Е^3$ — стандартные (стереотипные утилитарные = обычаи); *ДЕ* — погребальная практика (некросфера) ≈ моросфера; *Ж* — погребальный памятник: $Ж^1$ — погребение, $Ж^2$ — погребальный комплекс, $Ж^3$ — погребальная группа; *З* — тафосфера; $Ж_1$ — погребальный памятник — археологический объект; *И* — культ (погребальный, умерших)

человека (животного), а погребальным памятником — сохранившиеся к моменту раскопок остатки погребения. Погребальный же обряд — это совокупность ритуально-практических действий, совершаемых (в соответствии с несущими религиозно-мифологическую нагрузку нормами) с целью захоронения умершего. Таким образом, погребальный обряд есть процесс, включающий ряд специфических и сложных действий (акций), а погребение (погребальный памятник) есть материальный фиксируемый результат осуществления погребального обряда.

Достаточно очевидно, что погребальный (и любой другой) обряд, представляющий собой последовательность определенных действий, объектом собственно полевого археологического исследования быть не может вследствие и своей специфики, и хронологического разрыва между моментами совершения и исследования. Соответственно погребальный обряд, вопреки широко распространенному мнению [13 и др.], не может и не является археологическим источником; таковым является лишь его результат — погребальный памятник [2]. В работах же, посвященных формализованно-статистическим методам обработки материалов погребений, обычной является следующая некорректность: говоря об акциях (этапах) погребального обряда, фактически работают с элементами погребального памятника (использование своеобразного «модуль-эквивалента» — количества затраченного на каждую акцию труда — сглаживает, но не устраняет отмеченное логическое противоречие). Подобная подмена не столь безобидна: порой она служит основанием, на котором возводится здание социологической реконструкции.

Таким образом, погребальный обряд по определению не может полностью отразиться в своем результате — погребении, а тем более в погребальном памятнике, поврежденном многовековым процессом естественного разрушения; изучение же погребального памятника далеко не равнозначно изучению погребальной обрядности. Данное обстоятельство необходимо учитывать при разного рода социологических интерпретациях погребальных памятников.

[2] Однако обряд может быть этнографическим источником, подвергаясь этнографическому изучению «вживую», в письменном или устном изложении.

2. Социальная структура: понятийно-терминологический аспект

Среди проблем, встающих перед исследователями погребальных памятников в ходе «социологических изысканий», особое место занимают и общетеоретические проблемы генезиса и эволюции человеческого общества, формирования и развития социальных организмов — семьи, рода, фратрии, племени и т. д. Практика показала, что, казалось бы, универсальные социологические схемы и понятия (формация, класс и др.) не всегда исчерпывающе и однозначно определяют сущность реконструируемых этнокультурных общностей, в частности дофеодальных. Это закономерно привело к появлению и использованию в археологической литературе таких терминов, как раннеклассовое общество (отношения), общество переходного типа и т. д., содержание которых определялось нередко на интуитивном уровне. Хотя в последние годы здесь достигнут определенный прогресс [14 и др.], полной унификации понятийно-терминологического аппарата в ближайшие годы вряд ли следует ожидать. Пока же при характеристике реконструируемой структуры конкретного общества обычно используют термины: социальная группа, прослойка, слой, а также знать, аристократия, рядовое население, беднота, неимущие, рабы и т. д., не обосновывая выбор именно этих терминов. За критерий же стратификации, как правило, принимается степень «богатства» погребения, в лучшем случае приведенная к общему знаменателю — количеству затраченного на их создание труда.

Не менее сложная терминологическая ситуация возникает при переходе от общего к частному — изучению конкретного палеообщества, уровень социально-экономического развития которого бывает известен, как правило, лишь приблизительно. Возникает вопрос правомерности оперирования стандартным терминологическим набором применительно к обществам с разным уровнем развития. Один из предлагаемых вариантов разрешения терминологических трудностей сводится к следующему: «При реконструкции социальной структуры древних обществ по данным погребального обряда необходимо пользоваться терминологией, разработанной этнографами, хотя там, где это возможно (раннеклассовые общества), следует использовать терминологию, взятую из письменных источников, которая точнее отражает реальную социальную иерархию первых государственных образований» [2, с. 15]. При кажущейся простоте данная рекомендация трудноисполнима. Прежде всего неясно, как быть с большим количеством догосударственных образований бесписьменного периода. Столь же неясно, какую из относительно хорошо известных социально-терминологических схем (вавилонскую, древнекитайскую, древнеиндийскую и т. п.) следует применять, например, при изучении носителей катакомбной, срубной, карасукской и других культур. Использование же этнографической терминологии в этих случаях еще менее реально ввиду возможной «модернизации» исторической действительности.

К весьма интересным результатам привела попытка установить, какое конкретное содержание вкладывают археологи в понятие «социальная структура». Выяснилось, что под изучением социальной структуры палеообщества, как правило, понимается выделение половозрастных, имущественно-дифференцированных (по степени «богатства») и семейно-брачных групп (например: [2, с. 8—16; 15 и др.]). Особое внимание при этом уделяется очень богатым («царским»), реже — рядовым погребениям. Выявленная разнообразными методами неоднородность исследуемого массива погребений в заключительных разделах подобных работ обычно интерпретируется как единственная реальная структура данного социального организма.

Между тем в любом обществе (социуме) по крайней мере с эпохи неолита существовало и в разной степени функционировало несколько «социальных структур».

1. *Половозрастная структура* — древнейшая социальная структура, отражающая естественное деление общества на группы по полу (мужчины, женщины) и возрасту (дети, подростки, взрослые, старики). Влияние данной структуры как

организующего фактора жизнедеятельности индивида и общества бесспорна и ощутима уже с первых этапов этно- и социогенеза вплоть до современности.

2. *Семейно-брачная социальная структура* зарождается в ходе социогенеза и отражает эволюцию форм семьи и брака. Влияние данной структуры на погребальную обрядность, отражавшееся, в частности, в ряде элементов погребального памятника, характере и виде захоронений, планиграфии кладбищ, сомнений не вызывает.

3. *Ранговая дифференцирующая социальная структура* отражает деление общества на группы (слои, касты и т. д.), различающиеся их местом (рангом) на иерархической вертикали. Практически же принадлежность индивида к определенной ранговой группе предопределяла его потенциальную возможность влиять на распределение власти, благ и привилегий внутри социума и отчасти вне его. Яркое проявление вертикальной стратификации — появление социальной верхушки (вожди, цари, аристократия), среднего слоя (полноправных) и низов (неполноправных членов общества). Ранговая структура отчетливо проявляется в погребальных памятниках подавляющего большинства этнических общностей (особенно с эпохи неолита).

4. *Имущественная дифференцирующая социальная структура* отражает различия между членами одной либо разных ранговых групп по степени «богатства». В отличие от вертикальной ранговой структуры она является преимущественно «горизонтальной». Очевидно, имущественное положение индивида в определенной степени было связано с его социальным рангом (статусом), но степень такой зависимости в разные исторические периоды варьировалась, судя по имеющимся данным, в значительных пределах. Можно предположить, что, в отличие от ранговой, имущественная дифференцирующая структура обычно не оформлялась в письменной либо иной другой форме. Если ранговая дифференциация подчеркивала общие, объединяющие людей в группу признаки, то имущественная — их индивидуальность в сфере распределения «богатства».

5. *Профессиональная дифференцирующая структура*, возникшая с момента зарождения общественного разделения труда, обусловлена ростом его специализации и развитием технологии. Несомненна связь данной структуры с другими — ранговой и т. д.— структурами, однако она достаточно специфична и временами проявляется весьма ярко (захоронения литейщиков, кузнецов, купцов и т. д.). На развитом этапе своего существования она нередко в той или иной форме четко организована (профессиональные семейные кланы и др.).

6. *Религиозно-конфессиональная структура* предполагает наличие в социуме одной либо нескольких группировок, различающихся религиозными установками. Такие группировки могут быть либо поли-, либо моноэтничными по составу. Так, исповедовать, например, ислам могли представители разных этносов. Вместе с тем внутри моноэтничной религиозной группы вполне могли существовать секты и течения, отличающиеся особенностями своей доктрины от господствующего вероучения, а также вообще «чужеродные» в этническом и религиозном плане группы. Подобные различия, безусловно, находили отражение и в погребальной практике. Так, в эллинистических некрополях Северного Причерноморья достаточно четко выделяются погребения представителей чуждых этнокультурных групп (скифов, тавров и т. д.) благодаря сохранению ими основных элементов собственных погребальных традиций.

7. *Мифологическая социальная структура* обусловлена существованием (как правило, на бытовом уровне) древних мифопоэтических представлений о «божественном» происхождении конкретного этноса либо его составляющих — семей, родов и т. д. Подобные представления, как правило, не закреплялись «законодательными» актами, а существовали в виде устойчивого легендарного предания. Данная структура может отчасти совпадать, например, с ранговой или религиозной, но может проявляться и в виде аномалии — отрицания или инверсии ранговой или иной структуры в течение определенного, строго установленного периода кризиса (момент смены вождя, смерти, новогоднего праздника и т. д.).

В такие периоды возможно временное устранение реальных ранговых, имущественных и других градаций, осознание единства социума (группы) и имитирование иной, идеальной структуры, отраженной в мифах и легендах. Наиболее вероятна реализация данной структуры именно в религиозно-обрядовой сфере, в частности, и в погребальной практике.

Подчеркнем, что все вышеперечисленные структуры являются бесспорно социальными. При их изучении следует учитывать следующие обстоятельства: а) возникновение указанных структур отражает этапы социогенеза, поэтому в разные периоды жизни конкретного общества роль каждой такой структуры была различна и, соответственно, в разной степени отражалась в погребальных обрядах; б) данные структуры в рамках конкретного социального организма, как правило, сосуществовали, поэтому следует предполагать синхронное отражение в погребальной практике сразу нескольких «социальных структур»; в) помимо перечисленных, не исключено существование (и отражение в погребальной обрядности) и иных, синхронных перечисленным социальных структур.

3. Социоинформативность мифологической системы и обрядности

Выявление структуры исчезнувших обществ по данным погребальной обрядности относится к числу реконструкций высшей степени сложности. Это в первую очередь связано с тем, что погребальная обрядность отражает комплекс религиозно-мифологических представлений, связанных не только (и не столько) с реально существующим, но и с ирреальными (мифологическими «этим» — земным, и «тем» — потусторонним, загробным) мирами, и реализует часть их, связанную с проникновением в «тот» мир и обитанием там умершего либо его души. Любая религиозно-мифологическая система содержит также элементы, характеризующие социальную сферу «этого» и «того» мифологических миров (семейно-брачные отношения богов и героев, иерархия богов и т. д.). Член древнего социума, проживавший в реальном физическом мире, воспринимал его прежде всего как мир реально-мифологический. Пространственно-временной континуум и другие элементы реально-мифологического («этого») мира, естественно, отличались от мира реального (физического) и, возможно, «того» (мифологического потустороннего) мира, однако, степень этого отличия в конкретной религиозно-мифологической системе могла быть разной. В любом случае полного соответствия структур (в том числе социальных) мифологического и реального миров ожидать не следует. Нередко, наоборот, между ними существует пропасть, которую с немалыми трудностями должен преодолеть умерший. Означает ли это полную нетождественность миров? Нет, они во многом сходны и связаны (нередко и буквально — например, мостом); элементы мифологического мира, в том числе характеризующие социальную сферу, в определенной степени соответствуют элементам мира реального даже в том случае, если содержание идеологической сферы погребального обряда (рис. 1) предполагает изменение социального статуса умершего в процессе его «передвижения» в потусторонний мир или по достижении последнего.

На вопрос, какой же мир — мифологический или реальный — является образцом, а какой — «слепком» в бытовосприятии древнего человека, существуют взаимоисключающие точки зрения. На наш взгляд, в определенной мере обе они содержат зерно истины.

Мифологическое восприятие мира, свойственное всем этносам на ранней ступени развития, очевидно, более консервативно и инертно, чем развивающиеся реальные социально-экономические условия. С течением времени все религиозно-мифологические системы должны были приходить (и, несомненно, приходили) в более или менее заметное противоречие с реальностью: менялся уровень технологии, общественные и семейные отношения и т. д. Смягчить эти противоречия без ломки всей мировоззренческой системы можно было либо путем «внедрения» в нее (систему) новых, отражающих реальность элементов (новых

героев, событий и др.), либо путем видоизменения элементов традиционных (придания новых функций старым богам и т. д.). Но и в этом случае полное тождество было недостижимо: реальный мир эволюционировал, отдаляясь от иллюзорно-мифологического, но в то же время продолжая быть с ним в тесной связи и в чем-то завися от него. В реальной жизни это приводило, вероятно, к сохранению, например, атрибутов старой, освященной традицией общественной структуры и институтов при фактическом изменении их содержания. Так, «мифологизированные» (нашедшие отражение в мифе) социальные группы могли сохранять старые названия и символы, на деле превратившись в нечто иное; при этом мифологическое родство и единство членов каждой группы могло проявляться, например, в период осуществления религиозных ритуалов, праздничных церемоний, войн и т. д. Таким образом, вполне вероятно расхождение не столько по форме, сколько по содержанию между «мифологической» (идеальной, древней) и реальной (современной, живой) социальными структурами. Степень этого расхождения зависела от ряда объективных причин; прямое же противоречие между ними неизбежно вело к трансформации старой либо принятию новой религиозно-мифологической системы, формированию новой мировоззренческой модели и, соответственно, к изменению ритуалистики. Отдельные уцелевшие элементы старой системы в случае включения их в новую приобретали характер рудиментов либо наполнялись иным содержанием.

Итак, религиозно-мифологические системы действительно содержат социоинформативные элементы, но не столько реального, сколько реально-мифологического мира. В погребальном же обряде среди прочих реализуются социоинформативные элементы не только реально-мифологического, но и «потустороннемифологического» мира, вероятно, в основном совпадающие между собой, но лишь отчасти — с элементами мира реального, с реальной структурой живого социума. Тем не менее, данные погребальной обрядности можно привлекать для реконструкции социальной структуры палеообщества, но не абсолютизируя их, и в качестве одного из источников после соответствующей обработки, анализа и верификации. Необходимо помнить, что обряды (в частности, погребальные) в силу своей специфики отражают реальность не буквально (зеркально), а через сложную, искажающую реальность (с точки зрения современного человека) призму мифологизма. По мере удаления в глубь времени степень такого искажения, очевидно, увеличивается, при приближении к современности — становится менее заметной, сближаясь с реально существующими структурами.

4. Социоинформативность погребальных памятников

Подавляющее большинство исследователей-практиков признает правомерность получения определенных социологических заключений путем анализа археологических материалов, в частности, погребальных памятников. Просмотр многочисленных публикаций по данной тематике позволяет сделать ряд наблюдений.

1) Хотя анализу на социоинформативность подвергаются погребальные памятники и именно на этом основании создаются социологические схемы, авторы обычно пишут о социологической интерпретации погребального обряда, социальных реконструкциях по данным погребальных обрядов и т. д. Таким образом, анализируются элементы погребальных памятников (материальные остатки), а не акции погребального ритуала, идет оперирование фактами, а не реконструируемыми действиями. Помимо того, что в цитированных формулировках о социологической интерпретации произведена подмена понятий (см. выше), здесь оказывается фактически пропущенным целый этап исследования — реконструкция погребального обряда на основе анализа погребальных памятников,— требующий не только математических операций и не только с погребальными памятниками.

2) Многие исследователи искренне убеждены, что социологическая информация заключена непосредственно в погребальных памятниках либо их элементах, что они (памятники) суть слепки, отражения некогда существовавших реальных

социальных структур, что позволяет напрямую связывать их как следствие и причину. Вряд ли это верно. На наш взгляд, социологическая информация является по преимуществу информацией «второго порядка», напрямую она входит в содержание элементов погребального памятника весьма редко. Таким элементом, например, может быть надгробная стела с письменным указанием социального статуса погребенного, предмет, определенно связываемый с единственной социальной категорией (скипетр, корона и т. д.). Социологическая информация, подобно металлу в руде, включена в структуру погребального памятника опосредствованно и находится в «связанном» виде. Выделение ее требует ряда специальных, и не только чисто статистических, операций. Выражения же типа «социологическая классификация погребений» (как и «этническая принадлежность погребений, керамики» и т. д.) являются нонсенсом, ибо погребение (как археологический памятник), в отличие от погребенного, не является членом социума и не может обладать ни социальным статусом, ни этнической принадлежностью.

3) При рассмотрении программ анализа погребений на социоинформативность заметно стремление исследователей максимально увеличить число анализируемых элементов (и, что естественно, число самих памятников). При этом характер набора элементов несомненно свидетельствует, что социоинформативными априори признаются практически все фиксируемые в ходе раскопок элементы погребальных памятников: погребальные и намогильные сооружения, инвентарь, останки погребенных и т. д. Правомерность же именно такого «глобального» подхода к выбору элементов обычно не обосновывается. Подразумевается, что с увеличением набора анализируемых элементов растет степень достоверности создаваемых социологических реконструкций.

4) В программах палеосоциологических исследований обычно пропускается такой существенный этап, как предварительный анализ элементов погребального памятника на социоинформативность, т. е. серьезная критика исходных посылок. Достаточно очевидно, что элементы погребальных комплексов социоинформативны в разной степени; среди них наверняка должны быть «нейтральные», практически не несущие социологической информации элементы. Именно они, очевидно, создают информационный «шум», затрудняющий получение реконструкций, близких к прошлой действительности. Работа по выявлению максимально социоинформативных и отсеву «нейтральных» элементов скорее всего должна включать не только комбинаторно-статистические операции (что иногда делается), но и специальную теоретическую разработку. Обязательность такого этапа предопределена и множественностью факторов, влияющих на погребальную обрядность, в числе которых факторы общего религиозного фона, обстоятельств смерти и т. д. [10, с. 74]. На «машинно-математическом» уровне решить задачу к а ч е с т в е н н о й дифференциации элементов погребального памятника без привлечения сравнительных данных (письменные источники, этнография и др.) невозможно. На практике же пропуск именно данного этапа исследования нередко приводит к тому, что все выявленные статистические закономерности объявляются социально значимыми, существование их объясняется проявлением только социального фактора (чаще всего — делением палеообщества на классы, слои, прослойки и т. д.). Социальный фактор, конечно, оказывал заметное влияние на содержание погребальной обрядности и формирование облика погребального памятника, но приписываемая ему глобальность, во-первых, затрудняет выявление специфических проявлений именно этого фактора, и во-вторых, делает почти невозможным изучение влияния на обряд большой группы иных, столь же важных «несоциальных факторов».

5) Понимая под социальностью всю совокупность общественных отношений (формы связей на уровне индивидов, семей, более крупных объединений и т. д.), а не только строй, структуру конкретного общества, следует ожидать нарастания в ходе эволюции человеческого общества «социальности» в материальной и духовной сферах и количественно, и качественно (по степени сложности). С этой точки зрения условная степень «социальности», например, мезолитических

погребальных памятников будет отличаться от степени социальности памятников обществ с развитой стратификацией и государственностью.

Таким образом, уровень социально-экономического развития общества, влиявший на сферу общественного сознания, не мог не отразиться (хотя бы частично и опосредствованно) на погребальной (и иной) обрядности и не запечатлеться в погребальных памятниках. При этом вряд ли будет ошибочным предположение, что одни и те же либо сходные элементы погребальных комплексов в разные исторические эпохи могли обладать разной «социальной нагруженностью». Так, традиционные, общие для всего социума элементы погребальных комплексов с течением времени могли закрепляться лишь за некоторыми членами общества либо социальными группами. Возможность такого диахронического переосмысления социальной значимости элементов погребальных комплексов, но без изменения их содержания должна непременно учитываться. Практическая реализация этого возможна путем уменьшения хронологического диапазона исследуемых памятников, деления совокупности памятников на максимально возможное число хронологических групп и исследования их по отдельности с последующим сопоставлением результатов.

6) В процессе палеосоциологических исследований активно используется понятие «богатство (погребенного)» [16 и др.]. Именно «богатство», как правило, рассматривается в качестве основного и объективного критерия социодифференциации. Воплощением же «богатства» признается погребальный инвентарь — совокупность предметов, помещенных вместе с умершим и сохранившихся (полностью или частично) в погребении к моменту раскопок.

Инвентарь поддается и качественной (ассортимент предметов), и количественной оценке, что позволяет использовать для его анализа самые разнообразные методы. Так, «богатство» инвентаря в археологических публикациях определяется: разнообразием (ассортиментом) представленных предметов; редко встречаемыми, явно престижными предметами; самим фактом наличия в погребении вещей; количеством или весом металлических изделий, найденных в захоронении, и т. д. Выделенные таким образом «бедные, стандартные и богатые захоронения» признаются «источником социологических реконструкций» [2, с. 15]. Однако отметим, что погребальный инвентарь в соответствии со спецификой религиозного мышления в первую очередь рассматривался как средство обеспечения успешного перехода в «мир иной» и существования в нем, а не как знак определенного социального ранга погребенного; об этом свидетельствуют, в частности, почти либо полностью безынвентарные захоронения выдающихся членов социума (ямная и другие культуры). Таким образом, господствующая религиозно-мифологическая концепция являлась главным фактором, определяющим наличие и основной «набор» погребального инвентаря. При помещении же в могилу предметов вполне мог учитываться и характер прижизненной деятельности умершего, и его социальный ранг. Очевидно, по мере развития ранговой и имущественной дифференциации погребальный инвентарь все в большей степени «социологизировался», отражая, помимо прочего, уровень имущественного достатка погребаемого и принадлежность его к определенной социальной группе.

7) В работах последних лет, имеющих отношение к палеосоциологическим реконструкциям, все более активно используется понятие «трудовые затраты». При этом по фиксируемым материальным остаткам (объему и степени сложности погребального и намогильного сооружений, количеству и качеству погребального инвентаря и т. д.) подсчитывается количество реального и овеществленного труда (в человеко-днях или человеко-часах), затраченного в ходе определенного этапа либо всего цикла погребального ритуала. Считается также, что количество трудозатрат на захоронение определенного человека регламентировалось его прижизненным статусом: чем более высокую ступень в социальной иерархии занимал погребенный, тем с большей пышностью его хоронили.

Введение «критерия трудозатрат», несомненно, полезно, так как дает возможность довольно объективно оценивать и сравнивать самые разные погребальные комплексы. При этом, однако, следует обратить внимание на следующие обстоятельства.

1) Фиксируемые затраты на создание погребального комплекса составляют лишь определенную (порой значительную) часть затрат на погребальный ритуал в целом. Часть акций ритуала, не оставивших материальных следов или не зафиксированных в ходе раскопок, но потребовавших затрат человеческого труда и ресурсов, остается при этом не оцененной.

2) Выполнение одних и тех же операций в обществах, стоявших на разных ступенях технико-экономического развития, очевидно, требовало и разных трудовых затрат. Данный факт необходимо учитывать при сравнении асинхронных либо синхронных, но разнокультурных памятников.

3) Представления о престижности, богатстве и трудовом эквиваленте, который требовалось использовать в ходе погребального ритуала, в каждой этнической среде были своими и далеко не всегда совпадали. Определялись эти представления господствовавшей религиозно-мифологической концепцией, а также экономическими возможностями общества, степенью его поляризации и т. д. Так, представления о долгом пути, который должен преодолеть умерший для достижения «того света», предполагали помещение в могилу всего необходимого для путешествия, в частности, личного имущества и нередко средств передвижения (конь, повозка). Представления же о моментальном переселении либо реинкарнации умершего, возможно, делали погребальный инвентарь ненужным. Таким образом, обществам с одинаковым уровнем социально-экономического развития и близкими социальными структурами, но разными религиозно-мифологическими концепциями могли принадлежать совершенно разные по степени богатства и количеству трудозатрат погребальные памятники. К тому же «иррациональность» древних идеологий нередко проявлялась и в бесполезных (с современной точки зрения) и часто непосильных затратах большого количества трудовых и материальных ресурсов на погребальные, поминальные и иные ритуалы [17]. Иногда подобные затраты могли болезненно отражаться на благосостоянии отдельных семей, социальных групп или общества в целом, ибо были обременительными, несоизмеримыми с реальными экономическими возможностями.

Итак, трудозатраты на возведение погребального памятника, являясь объективным, но не абсолютным критерием социального статуса погребенного, могут не коррелироваться с реальным экономическим потенциалом, могут отражать не реальную, а «посмертно-мифологическую» ипостась умершего в соответствии с господствующими религиозно-мифологическими установками.

Подведем итог. Интересующая нас социоинформация, безусловно, содержится в погребальных памятниках, но в опосредствованном, преломленном и неполном виде вследствие специфики древнего мировоззрения и недостаточной информативности (сохранности) источника — погребальных памятников. Универсальный критерий определения социального положения умершего вряд ли существует, что объясняется динамизмом связи основных — имущественного и рангового — статусов индивида в пространстве и во времени (так, сближение их следует ожидать в достаточно развитых стратифицированных обществах; в до- и раннеклассовых обществах расхождение между ними может быть значительным). Извлечение заключенной в погребальных памятниках социологической информации требует ряда операций по реконструкции погребального памятника, погребальной обрядности с привлечением всех доступных сравнительных материалов (сведений о религиозно-мифологической системе, нарративных письменных источников, этнографических данных и т. д.).

5. О методике социологических реконструкций по данным погребальной обрядности

В последние годы значительная работа в данной области проделана сотрудниками археологических учреждений Киева, Москвы и других центров. Не вдаваясь в детальный анализ, отметим, что и традиционные, и относительно новые (формализованные) методы обработки погребальных памятников предполагают их расчленение на признаки, установление статистической значимости каждого

признака, определение степени взаимосвязи признаков, выделение на этом основании групп погребений. При этом явно или неявно постулируется, что «погребальный обряд отображает прижизненное социальное положение индивида... На основании данных погребального обряда можно реконструировать социальный статус индивида» [18, с. 191, 192]. Рассмотрим вышеописанный процесс исследования поэтапно.

Одной из важнейших операций по подготовке погребального памятника к аналитическому исследованию является его расчленение на ряд элементов (признаков, черт и т. д.). Подобное расчленение вполне допустимо и, более того, совершенно необходимо, ибо погребальный памятник есть структурно сложный объект. При этом нельзя упускать из виду, что анализу подвергается объект, в значительной мере поврежденный воздействием природной среды (нередко и человека) и к моменту исследования утративший часть своих элементов. Таким образом, погребальный памятник в источниковедческом плане далеко не идентичен погребению в момент его совершения. Столь очевидный факт не заслуживал бы упоминания, но важен вывод: погребальный памятник не является источником, всесторонне и исчерпывающе отражающим явление. Столь же неполными могут быть и основанные на анализе погребальных памятников реконструкции, в частности, социологические.

Следующей операцией обычно является оценка статистической значимости признака, осуществляемая различными методами. При этом, как правило, выделяются признаки всеобщие, частные и единичные. Всеобщие (качественные, но не количественные) признаки, на наш взгляд, социологической информации практически не несут; частные и единичные значительно более социоинформативны. Затем производится группировка признаков в совокупности и категории совокупностей; выборка разбивается на группы, объединяемые степенью (уровнем) сходства. Последняя операция именуется «социологической классификацией погребений» [18, с. 192]. Выявленные статистически группы признаков-элементов (модели) интерпретируются как слои, прослойки, касты и т. п. подразделения стратифицированного общества; на основании этого реконструируется структура изучаемого общества.

Возникает вопрос: действительно ли выявленные группы признаков отражают конкретную социальную структуру и если да, то насколько точно?

Достаточно ясно, что в итоге статистико-комбинаторных операций выявляется не социальная структура, а определенное количество более или менее полных «и д е а л ь н ы х» м о д е л е й погребальных комплексов. Введение и учет мерных признаков и трудозатрат позволяет ранжировать модели по «богатству» либо «трудоемкости». При этом действительно вполне логичным выглядит соотнесение «бедных» моделей с представителями низших слоев общества, а богатых и «трудоемких» — с представителями высших, что можно признать свидетельством социальной неоднородности, стратификации общества.

Но только ли социальный фактор является причиной сложения выявленных моделей (групп)? Очевидно, нет. Так как к анализу привлекается обычно максимально возможное количество признаков (элементов), среди последних следует ожидать наличие и ряда значимых, но «социально нейтральных» признаков, которые обрабатываются вместе с социоинформативными, будучи неопознанными. В итоге срабатывает машинный закон ввода — вывода: что ввели (недифференцированный, не проверенный на социальную нагрузку набор признаков), то и получили (модель — «сплав» признаков, несущих информацию не только о социальном статусе, но и об этноплеменной принадлежности, обстоятельствах смерти погребенных, религиозной концепции и т. д.). Получаемые модели, таким образом, имеют прямое отношение не только к сугубо социальной, но и к другим сферам жизни палеообщества. Возможно, именно этим обстоятельством объясняется «рыхлость» некоторых моделей (=социальных групп): в случае понижения или повышения заданного порога — степени близости — они либо дробятся, образуя ряд сходных моделей, либо сливаются в более однородную

совокупность. Предварительный отсев социально-нейтральных признаков, очевидно, сделал бы получаемые модели более устойчивыми.

Кроме того, наличие в любом палеообществе сразу нескольких синхронных «социальных структур» (см. выше) предопределяет «рыхлость» любой социальной реконструкции, построенной на основе выделения «неотсепарированных» моделей. Получаемая таким образом картина в действительности является интегрированным сплавом — результатом наложения друг на друга нескольких социальных структур конкретного палеообщества, из которых одна или две, возможно, являются определяющими, а другие — менее заметными.

Итак, выявляемые формализованно-статистическими методами «модели» погребений (иногда их неточно именуют моделями или типами погребальных обрядов) свидетельствуют об определенной неоднородности изучаемого общества. В определенной мере они (модели) действительно маркируют различные социальные группы. Вместе с тем специфика исходного материала (погребальные памятники), особенности его анализа, учет особенностей мировоззрения и ритуалистики древних [19] не позволяют безоговорочно и «напрямую», без специальной коррекции, отождествлять систему полученных моделей с реконструируемой социальной структурой. Модель — не слепок определенной социальной группы, содержание ее более широко и многогранно, а иногда и не столь определенно; она скорее ориентир, подлежащий дальнейшему анализу и верификации.

Специалисты, вероятно, со временем разовьют и усовершенствуют методику извлечения заключенной в погребальных памятниках социологической информации. Возможно, такая методика будет сложным процессом анализа и синтеза источников разного рода, включающим, к примеру, следующие этапы: а) объективное и по возможности полное восстановление облика (структуры, содержания) погребального памятника; б) статистико-комбинаторный анализ всех элементов (признаков) погребального памятника; выделение и анализ социоинформативных признаков; создание системы «идеальных моделей» погребений; оценка трудозатрат; предварительная реконструкция «сакрально-погребальной» социальной структуры; в) всесторонний палеоантропологический анализ костного материала; г) реконструкция погребального обряда (его процессуального уровня); д) реконструкция части религиозно-мифологических представлений о месте и роли личности (умершего, первопредка, культурного героя и т. д.) в «реально-мифологическом» и в «потусторонне-мифологическом» мирах, о взаимоотношениях между личностями. В итоге — реконструкция «мифологической» социальной структуры на основе данных письменных источников, лингвистики, изобразительного искусства, сравнительного религиоведения, реконструированной погребальной обрядности и др.; е) реконструкция «гипотетической» социальной структуры на основе данных об уровне экономического развития общества, количестве и плотности населения, хозяйственно-культурного типа, этнографических параллелей и т. д.; ж) реконструкция реальной и конкретной (ранговой или иной) социальной структуры путем корреляции мифологической (д), гипотетической (е) и сакрально-погребальной (б) социальных структур с результатами палеоантропологического исследования (в).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Павленко Ю. В.* Поховальний ритуал і проблеми дослідження макроетнічних спільностей (до постановки питання)//Поховальний обряд давнього населення України, Київ. 1991.
2. *Алекшин В. А.* Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока). Л.: Наука, 1986.
3. Совещание по вопросу реконструкции общественных отношений по данным погребений и могильников//Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 2. Л., 1972.
4. *Лебедев Г. С.* Погребальный обряд как источник социологической реконструкции//КСИА. 1977. Вып. 148.

5. *Добролюбский А. О.* О принципах социологической реконструкции по данным погребального обряда//Теория и методы археологических исследований. Киев: Наук. думка, 1982.
6. *Мышкин В. Н.* Погребальная обрядность и некоторые ее функции в древнем обществе (к проблеме исследования социальных структур)//Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Тез. докл. конф. Куйбышев, 1990.
7. *Алекшин В. А.* К изучению социальной структуры ранних кочевников Средней Азии (по материалам могильников)//Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1975.
8. *Плетнева С. А.* Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности//РА. 1993. № 4.
9. *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976.
10. *Ольховский В. С.* Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий//СА. 1986. № 1.
11. *Леонова Н. Б., Смирнов Ю. А.* Погребение как объект формального анализа//КСИА. 1977. Вып. 148.
12. *Ольховский В. С.* Погребальная обрядность (содержание и структура)//РА. 1993. № 1.
13. *Алекшин В. А.* Погребальный обряд как археологический источник //КСИА. 1980. Вып. 167.
14. *Павленко Ю. В.* Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев: Наук. думка, 1989.
15. *Бунятян Е. П.* Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV—III вв. до. э.). Киев: Наук. думка, 1985.
16. *Антонова Е. В., Раевский Д. С.* Богатство древних захоронений (К вопросу о роли идеологического фактора в формировании облика погребального комплекса)//Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев: Наук. думка, 1984.
17. *Черных Е. Н.* Проявления рационального и иррационального в археологической культуре (к постановке проблемы)//СА. 1982. № 4.
18. *Генинг В. Ф., Бунятян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А.* Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наук. думка, 1990.
19. *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Социальная реальность — идеология — погребальный комплекс (к проблеме соотношения)//Конф. «Идеологические представления древнейших обществ». Тез. докл. М., 1980.

Институт археологии РАН,
Москва

V. S. OLKHOVSKY

THE FUNERAL CEREMONIES AND THE SOCIOLOGICAL RECONSTRUCTIONS

Summary

The author analyses the problems of the ancient social structures reconstructions. The analysis is based on the studies of the burials. The author considers these reconstructions to be possible only after all the sources (linguistic, anthropological, ethnographic) are analysed. He offers the following method of the sociological reconstruction. 1. Impartial reconstruction of the burial contents and structure. 2. Statistical and combinative analysis of all the burial elements, the exposure of the sociological indications, the making of the system of the "ideal burials", the estimation of the labour expenditures, the reconstruction of the sacral funeral social structure. 3. The full palaeoanthropological analysis. 4. The funeral ceremony reconstruction. 5. The reconstruction of the religious and mythological ideas about the man's place and role in the "other mythological" world and the "real mythological" one, and as a result the reconstruction of the "mythological" social structure based on the analysis of the written sources, linguistics, paintings and the reconstructed funeral ceremony etc. 6. The reconstruction of the "hypothetical" social structure based on the standard of a society development, the quantity and density of population, the economic and cultural type etc. 7. The reconstruction of the real and concrete social structure based on the correlation of the mythological (5), hypothetical (6), and sacral funeral social structures with the palaeoanthropological investigation results.

И. Л. КЫЗЛАСОВ

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И УРОВЕНЬ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. От отдельного к общему

Во время экспедиционных работ в подтаежной зоне Южной Сибири автору довелось наблюдать одну интересную особенность современной погребальной практики хакасов.

На реках Тёе и Еси (левых притоках р. Абакан) у одного и того же поселка одновременно существует несколько небольших действующих кладбищ. Так, у улуса Илиморова (рис. 1, *1*) их два, и они отделены друг от друга расстоянием около 5 км. Несколько километров разделяет и два кладбища улуса Сафронова (рис. 1, *2*).

На первый взгляд, подобные, далеко отстоящие от поселка и друг от друга кладбища могли возникнуть в не столь давнюю пору в результате неоднократно административно проводившихся укрупнений колхозных и совхозных поселений. Жители былых мелких селений свозились в более крупные деревни, а места прежнего обитания забрасывались. Продолжали лишь действовать прежние кладбища, так как многие старики желали покоиться на родине. Эта причина, например, сохраняет и сегодня действующим кладбище на горе Кёк хая близ некогда существовавшей деревеньки на р. Есь — в 5 км выше улуса Сафронова. Сюда приезжают для погребения и поминовения умерших люди не только из Сафронова, но и из нескольких соседних, более отдаленных поселков с р. Малая Есь.

Однако описанная ситуация явно не в состоянии объяснить все известные случаи существования нескольких обособленных кладбищ близ современных поселков хакасов-таежников. Приведенные причины никак не могут быть распространены на такие кладбища, которые расположены близко друг от друга. Так, три кладбища улуса Нижняя Тёя (рис. 1, *3*) размещены на разных холмистых мысах одной и той же старой промоины против улуса Политова (рис. 1, *4*). Только разветвлениями одного оврага разделены три самостоятельные кладбища пос. Усть-Чуль (рис. 1, *5*).

Поскольку на всех этих кладбищах продолжаются захоронения, то, вероятно, для понимания причин их существования более существенна другая присущая им особенность. Расспросы местных жителей и надписи на крестах могил свидетельствуют о былой фамильной принадлежности каждого такого обособленного кладбища, служившего местом упокоения ближайших родственников — разных поколений одной семьи. Единую группу могил могут образовывать и различные семейные рода (например, Комозаковы и Пахтаевы из Илиморова улуса). Но и люди, носившие общую фамилию, нередко покоятся на разных кладбищах своего поселка (как Боргояковы из Илиморова). В последнем случае выясняется, что они принадлежали к разным ветвям рода.

По-видимому, перед нами пережитки традиции фамильно-родовых обособленных кладбищ. Это находит объяснение в давнем обычае хакасов-горцев селиться в соответствии с родственными связями и вполне соотносится с былой малочисленностью жителей прежних таежных аалов. Думается, что описанная черта хакасского быта нуждается в неотложном этнографическом изучении. Однако следует полагать, что и археологический интерес к ней не может быть ограничен лишь необходимым составлением планов размещения и фиксацией фамильного

© И. Л. Кызласов, 1995 г.

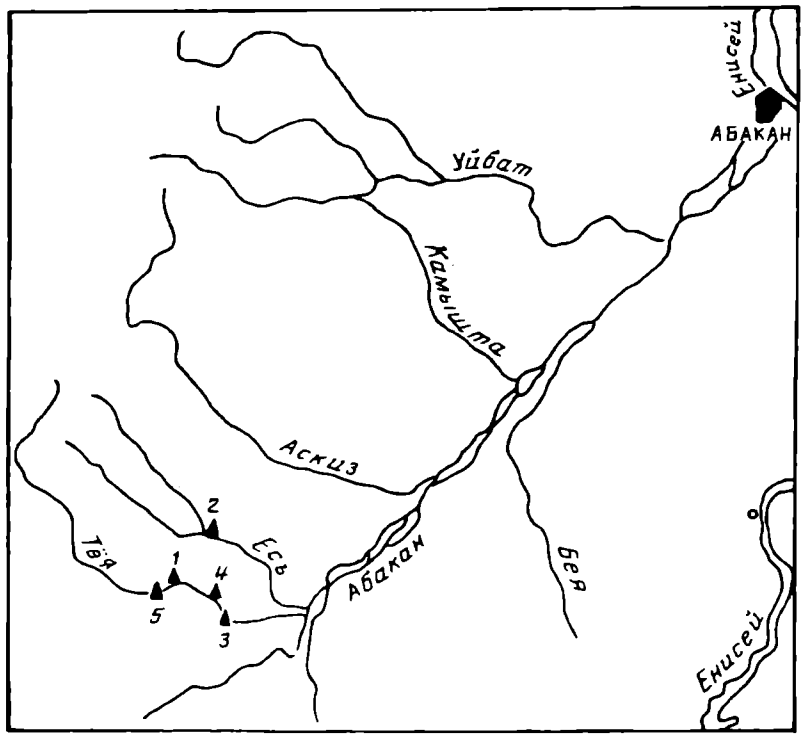

Рис. 1. Размещение хакасских улусов с описываемыми кладбищами: *1* — Илиморов; *2* — Сафронов; *3* — Нижняя Тёя; *4* — Политов; *5* — Усть-Чуль

состава таких кладбищ, что в недалекой перспективе, несомненно, создаст возможности для довольно редких по точности данных археолого-антропологических изысканий.

Здесь речь идет о другом. В Хакасии уже давным-давно нарушена система родового расселения, и жители одной деревни принадлежат к самым различным территориальным группам. Для описываемой подтаежной территории мы находим документы, указывающие на такое положение уже по крайней мере в 1836 г. [1, с. 281]. Причем во второй четверти XIX в. в прямом смысле слова разнородный состав населения одного поселка не воспринимался как необычное явление. Статистические сведения начала XX в. свидетельствуют, что улусы двух- и трехродового состава составляют здесь 2/3 общего числа поселений [2, л. 27]. Необходимо учитывать также, что то, что мы ныне вслед за этнографами называем родом у хакасов (сеок, сӧӧк), в действительности не являлось кровно-родственной общиной, хотя и сохраняло многие пережиточные патриархальные черты и особенности.

Уже на заре средневековья, в погребальных склепах таштыкской культуры (I в. до н. э.— V в. н. э.), встречены захоронения людей, которые, видимо, относились к различным этническим группам, различавшимся и по своему происхождению, и по хозяйственным занятиям. Как известно, свидетельства высокогорного таежного оленеводства найдены в склепе Сырского чаатаса, расположенного в степи [3, с. 76—78, 99, 132—134, 162]. Привлечение письменных источников приводит к заключению, что население Присаянья уже тогда подчинялось не родо-племенному, а военно-административному членению: на десятки, сотни, полутысячи, тысячи [4, с. 25, 26]. Местное же средневековье знало весьма развитую и разветвленную чиновничье-государственную систему.

В описанном современном случае форма погребальной практики хакасов — топография кладбищ и их внутренняя планировка — уже никак не отражает достигнутый обществом уровень социального развития. Обособленное захоронение однофамильцев и кровных, а в большинстве своем даже и не кровных родст-

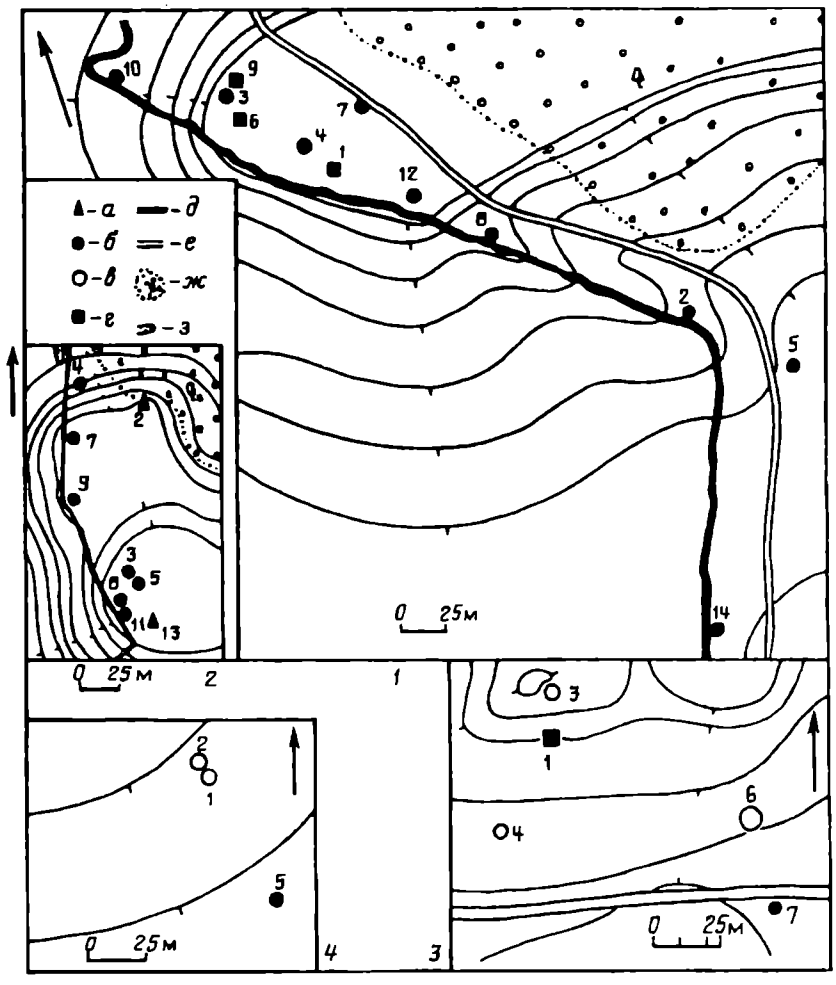

Рис. 2. Планы аскизских могильников Оглахты III (*1*), Оглахты II (*2*), Самохвал II (*3*) и Самохвал I (*4*) по И. Л. Кызласову, см. [6].
а — курганы эйлигхемского периода; *б* — курганы оглахтинского периода; *в* — курганы черновского периода; *г* — курганы каменского этапа; *д* — средневековая оборонительная стена; *е* — грунтовая дорога; *ж* — роща; *з* — остатки средневекового рва. На этих планах опущены археологические объекты иного характера и культурной принадлежности

венников является очень далеким воспоминанием, глубоким пережитком былого, давно пройденного обществом этапа родовых отношений и экзогамных браков.

Археологический взгляд на описанные могильники хакасских горцев, можно полагать, привел бы большинство исследователей к заключению, во-первых, о существовании в оставившем их обществе традиций малых поселений, а во-вторых, о его семейно-родовом устройстве, главенстве больших патриархальных семей и т. п. Примеров подобного анализа погребальных полей, внешне сходных с описанными кладбищами, в нашей литературе известно довольно много.

Между тем приведенные случаи из сегодняшней жизни, как представляется, наводят на мысль о том, что погребальный обряд в целом, пожалуй, отражает не одновременный ему уровень развития общества, а уже в какой-то степени пройденный этим обществом этап развития — обряд отстает от жизни. Такой вывод, думается, не противоречит общеизвестному положению о чрезвычайной консервативности погребального обряда и должен быть учтен при оценках конкретного археологического материала в качестве исторического источника.

Изучение древностей бассейна Среднего Енисея позволяет предложить аналогию описанной системе хакасских кладбищ, помогающую понять хронологическую глубину современного явления.

Могильники аскизской культуры конца X — XVII в. [5] обычно состоят из очень небольшого числа курганов (наиболее часто — до 10, редко — немногим

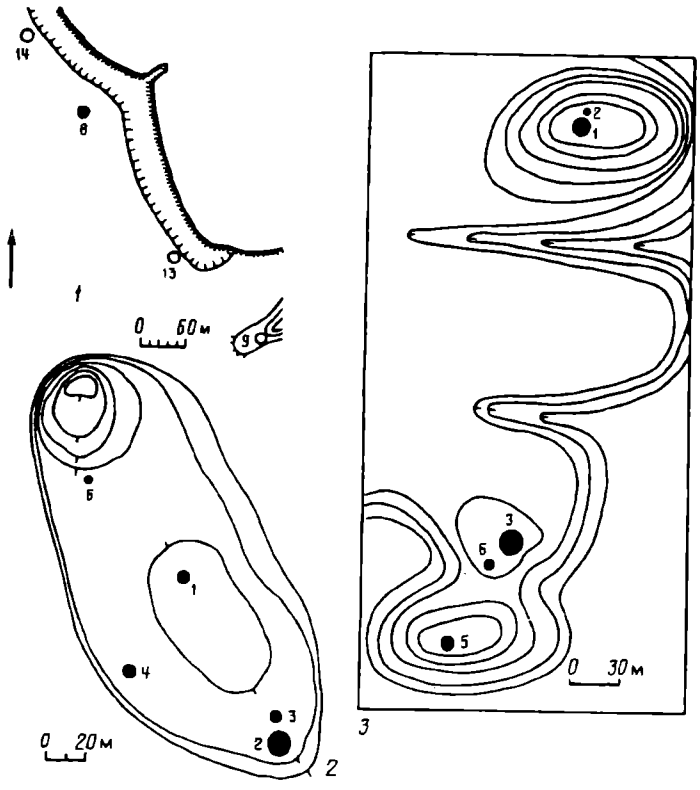

Рис. 3. Планы аскизских могильников Хара хая II (*1*), Кизек тигей (*2*) и Све таг (3) по Л. Р. Кызласову, см. [5]. На этих планах опущены археологические объекты иного характера и культурной принадлежности (условные обозначения см. рис. 2)

больше) и содержат главным образом мужские захоронения. Поскольку эти погребения всегда воинские, то такая археологическая ситуация объяснялась в литературе как свидетельство существования у средневековых хакасов традиции устройства воинских могильников в соответствии с разделением их армии на десятки.

Приведенные выше этнографические материалы позволяют предложить иное объяснение. Оно стало возможным после разработки подробной хронологии аскизских материалов конца X—XIV в., позволяющей часто определять их относительную датировку с точностью до одного поколения [6]. По-видимому, аскизские могильники являлись семейными кладбищами, на которых погребались мужчины-воины.

В пользу такого понимания свидетельствует не только внешнее сходство средневековых курганных групп с современными хакасскими кладбищами, но и обычная разновременность курганов в каждом аскизском могильнике. Судя по полностью раскопанным памятникам, несмотря на малочисленность объектов, в каждом могильнике всегда есть курган, сооруженный раньше остальных и, вероятно, положивший начало всему могильнику.

Так, в группе Оглахты II (рис. 2, *2*) есть два кургана (№ 2, 13), относящиеся к концу X — началу XI в. (эйлигхемский период малиновского этапа), близ которых размещены пять курганов середины и второй половины XI в. (№ 3, 4, 5, 8, 11 — оглахтинский период малиновского этапа). Здесь же находятся три женских захоронения XI в. (№ 7, 9, 14) (обоснования датировок этих и всех последующих захоронений см. [6]). В группе Оглахты III (рис. 2, *1*), исключая четыре женских кургана середины XI — начала XII в. (№ 5, 7, 8, 10), насчитывается четыре кургана с мужскими захоронениями этого периода (№ 2, 3, 4, 12) и три кургана XIII—XIV вв. (№ 1, 6, 9 — каменский этап). В могильнике Самохвал I (рис. 2, *4*) один курган середины XI — начала XII в. (№ 5) сопровождают два погребения XII — начала XIII в. (№ 1, 2 — черновский период малиновского этапа). В группе Самохвал II (рис. 2, *3*) один женский курган XI в.

(№ 7), три мужских XII — начала XIII в. (№ 3, 4, 6) и еще один XIII в. (каменский этап). В группе Хара хая II (рис. 3, *1*) один курган относится к середине XI — началу XII в. (№ 8) и три кургана принадлежат к XII — началу XIII в. (№ 9, 13, 14). В могильнике Тербен хол один курган начала XI в. (№ 3), другой — середины XI в. (№ 5), третий — XII — начала XIII в. (№ 1) и четвертый — середины XIII в. (№ 2). В группе Тиренг хол один курган относится к концу X — началу XI в. (№ 3), в то время как четыре других — к XII в. (№ 1, 2, 5, 6).

Рассмотренные семь курганных могильников, можно полагать, вполне убедительно демонстрируют поэтапное сложение каждого средневекового аскизского кладбища. Необходимо упомянуть и имеющиеся исключения. Могильники Кизек тигей (рис. 3, *2*) и Све таг (рис. 3, *3*) содержали только археологически одновременные курганы, датируемые XI в. В каждой группе их было пять, но Све таг вполне может восприниматься как два близко расположенных могильника с двумя и тремя курганами.

Приведенными данными об 11 курганных группах фактически исчерпывается перечень полностью раскопанных аскизских могильников конца X—XIII в., имеющийся в литературе. По-видимому, эти средневековые материалы позволяют, в пределах известных сегодня источников, определить время появления на Среднем Енисее семейных обособленных могильников, позднюю пережиточную форму бытования которых встречаем в описанных современных кладбищах хакасов.

Необходимо отметить, что именно тысячелетие назад в условиях аскизской культуры появляется и традиция расположения погребений на вершинах сопок, горных полках и седловинах, столь характерная для современных хакасских кладбищ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993.
2. *Богданов М. Н.* Род и его значение в жизни минусинских и ачинских инородцев//Рукописный фонд Красноярского краеведческого музея, № 5724(09)/496.
3. *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960.
4. *Кызласов Л. Р.* История Южной Сибири в средние века. М., 1984.
5. *Кызласов Л. Р.* Курганы средневековых хакасов (аскизская культура)//Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
6. *Кызласов И. Л.* Аскизская культура Южной Сибири X—XIV вв.//САИ. 1983. Вып. Е3-18.

Институт археологии РАН,
Москва

I. L. KYZLASOV

THE FUNERAL CEREMONY AND THE STANDARD OF A SOCIETY DEVELOPMENT

Summary

The author investigates a modern ceremony of the Khakasses living in the mountains (the Southern Siberia, the Sayan-Altai plateau). The same village uses three detached cemeteries (fig. 1) which is connected with the family and kindred relationship. But there are no any system of the family and clan settlements in the Middle Yenisie region. This point of view has been already supported by the written souces since the beginning of the 19th c. The archaeological data and the chronicles prove it even for the Early Middle Ages. The author draws a conclusion that in a whole the funeral ceremony doesn't reflect a simultaneous standard of a society development, but is a little bit behind it. The ceremony testifies to one of the previous stages in a society development and belong to the retrospective historical sources which should be regarded as a "post factum" thing. Askizskaya culture population also had the detached family cemeteries. It is proved by the dating of the barrows forming seven fully excavated burial grounds of the end of the 10th — 14th centuries (fig. 2, 3). At this time the people began to make the burials on the hills and tops of the mountains which is also typical for the modern Khakass cemeteries.

В. Н. ФЕДОСОВА

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ ДЛЯ ПАЛЕОСОЦИАЛЬНЫХ РЕКОНСТРУКЦИЙ

Палеосоциальные реконструкции как самостоятельный раздел археологического исследования представляют собой тему, широко открытую для дискуссий. Дискуссионны и теоретико-методическая, и реконструктивно-аналитическая части этой темы. Небесспорность моделей социального устройства древних обществ, разрабатываемых на основе археологических данных, определяет необходимость привлечения дополнительных данных, подтверждающих или опровергающих возводимые теоретические конструкции. В ряду источников дополнительной информации не последнее место занимают антропологические данные.

Нельзя сказать, чтобы антропологическая литература изобиловала исследованиями, специально посвященными моделированию социального устройства древних обществ на основе чисто биологической (антропологической) информации. Те немногие работы, которые оперируют терминологией типа «палеосоциальные реконструкции», «социальная стратификация общества» и т. п., за редким исключением (см., например, [1, 2]), интересны скорее как методические разработки, нежели как самостоятельные завершенные исследования. По этой причине, а также из-за действительно небольшого числа подобных исследований в антропологической литературе, по крайней мере последнего десятилетия, предлагаемая вниманию читателя работа не является всеохватывающим и детальным обзором всей имеющейся по этому поводу литературы, а представляет собой скорее комментарий к возможностям, которыми обладает антропологическая информация, с соответствующими литературными примерами. При этом автор постарается дать оценку практической стороне использования каждой конкретной методики.

Начать, наверное, следует с широко распространенных в антропологии и методически самым тщательным образом разработанных краниологических и одонтологических исследований. Ни один могильник, который дает более или менее многочисленную краниологическую серию, как правило, не остается вне поля зрения палеоантропологов. Палеоантропологическая информация — это действительно источник исторических сведений, по-своему уникальный. Уникальность его определяется прежде всего тем, что он может не соотноситься напрямую с чисто археологическими реалиями (археологической культурой, имеющей этнические определители). Более того, получаемая палеоантропологами информация опирается на популяционный анализ данных. Это отнюдь не означает отсутствия аналитических сведений по конкретным индивидам — просто при построении научно обоснованных заключений требуется информация определенного уровня обобщения. Поэтому создание схем социальной структуры общества, идущих от индивидуальной расовой идентификации, вряд ли возможно. Антропологический анализ краниологических и одонтологических данных позволяет давать оценку интенсивности протекания процессов этнической дифференциации в анализируемых группах населения, а именно, насколько гомогенно по расовому составу представленное в данном конкретном могильнике население, идет ли процесс смешения с иноэтничными (иного расового состава) группами. Если палеоантропологи фиксируют процессы смешения населения, то анализируется характер

© В. Н. Федосова, 1995 г.

и вероятное время начала иноэтничного влияния на рассматриваемую группу. Используются специальные методы оценки характера смешения населения (механическое смешение, или та или иная мера метисации).

Все вышесказанное, конечно, прекрасно известно любому археологу, и нет нужды доказывать необходимость привлечения информации подобного рода для первоначального анализа социального устройства общества. И нет, наверное, необходимости в перечислении палеоантропологических научных публикаций (их множество). Любая статья с краниологическим или одонтологическим анализом серийных материалов из могильников является источником информации об этногенетических процессах в определенном регионе.

Несмотря на знание археологами общих принципов использования палеоантропологической информации, зачастую возникают некоторые недоразумения, вырастающие из недопонимания ими целевой направленности палеоантропологического анализа. До сих пор, в частности, приходится сталкиваться с переоценкой возможностей антрополога при анализе индивидуальных данных. Аналитическая мощность индивидуальной расовой диагностики невелика, и никогда не следует обольщаться по поводу индивидуальных характеристик, даваемых антропологом. Они являются промежуточным звеном в логическом построении популяционного анализа расовых признаков, который действительно имеет научную значимость [3—5]. Антропологи работают с серийным материалом, поэтому всегда следует помнить о том, что с увеличением числа используемых в антропологическом анализе индивидуальных данных растет обоснованность предлагаемых антропологом выводов. Безусловно, исключения делаются для материалов уникальных, существующих в единичных экземплярах, которые приходится анализировать на уровне индивидуальной изменчивости, что каждый раз требует от специалиста-антрополога определенной осторожности при построении окончательных выводов.

Археологами редко используются результаты одонтологического анализа серийных материалов из могильников. Одонтологический анализ в большей мере, чем краниологический, опирается на генетическую информацию. Зубы действительно более консервативны в отношении сохранения устойчивой во времени информации — одонтологические признаки иногда более ярко, чем краниологические, выявляют как субстратную основу популяции, так и наслоения, связанные со смешением.

В качестве последнего замечания относительно исследования популяционной структуры населения хотелось бы упомянуть и о других методах, дающих неплохие результаты. Это анализ неметрических (дискретно-варьирующих) признаков и палеосерологический анализ. Анализ дискретно-варьирующих признаков в краниологии стал нормой и используется в современных исследованиях практически наравне с классической измерительной методикой, подтверждая, углубляя и расширяя информацию, полученную традиционным образом. Хотелось бы указать в этой связи на прекрасные работы А. Г. Козинцева, Г. Чесниса, А. А. Мовсесян, С. Г. Ефимовой [6—9].

Анализ дискретно-варьирующих признаков посткраниального скелета также дает интересную картину возможностей популяционного анализа генетической дифференциации (см., например, [10]), однако он практически не используется в отечественных исследованиях — видимо, в силу априорного мнения о самодостаточности информации, получаемой другими методами.

Очень перспективны и чрезвычайно интересны палеосерологические исследования, непосредственно анализирующие генетическую информацию — группы крови (см., например, [11—20]). Однако они пока что трудоемки, сложны и дорого обходятся, особенно в условиях отсутствия лабораторно-технической базы для их выполнения. Подробнее о некоторых других возможностях палеосерологического и неметрического методов анализа остеологических серий будет сказано ниже.

Другой аспект общих палеосоциальных реконструкций широкого масштаба

касается установления качественного характера взаимоотношений между группами населения — мирного сосуществования, военных конфликтов и т. п. Заключения относительно социальных взаимодействий групп населения делаются на основе палеопатологического анализа частоты и характера травматических поражений в популяциях [21] (подробнее об остальных точках приложения палеопатологического анализа для палеосоциальных реконструкций с комментариями относительно методов см. ниже).

Анализ социальной структуры древних обществ немыслим без характеристики демографического состояния палеопопуляций. Об этом свидетельствует активное «освоение» археологами этой тематики, разработка материалов конкретных могильников в рамках обсуждения различных вопросов социальной организации древнего населения (например, [22]), создание различных археологических моделей реконструкций демографического состояния древних обществ (см., например, [23—26]).

Сама по себе палеодемография, будучи молодой наукой, имеет совершенно самостоятельный статус, определяемый, с одной стороны, четко разработанными методами анализа палеоантропологических данных, с другой стороны, отдельной серьезной проблематикой (обзоры см. [27—30]). Палеодемографический анализ активнее всего используется для характеристики биологического статуса популяции [29, 31, 32]. Популярны демографические модели как источник реконструкции широких картин социальных явлений и исторических процессов движения населения (см., например, [33, 34]). В качестве примера зарубежного исследования такого рода можно привести изучение социальной структуры мезолитического населения Западной Европы, в котором по антропологическим, палеодемографическим и археологическим данным выявляются этнические группы, по мнению авторов, реально существовавшие на территории Западной Европы в эпоху мезолита [35]. Выявляемые этнические группы, по приведенным оценкам, занимали территорию площадью от 178 до 623 км^2, плотность населения составляла 0,03—1,35 человек на 1 км^2. Продолжительность существования этносов в эпоху мезолита, по подсчетам авторов, составляла от 670 до 1780 лет.

Вместе с тем демографический анализ является важным этапом реконструкции социальных процессов в конкретных популяциях. В идеале подобный анализ совмещается с археологической и палеоантропологической информацией, что дает любопытные результаты. Так, небесспорны, но чрезвычайно интересны реконструкции Р. Я. Денисовой, установившей патрилокальную структуру родовой общины населения низовьев Даугавы эпохи бронзы. Реконструкции основаны на внутригрупповом анализе краниологических данных, анализе этнических атрибутов погребального комплекса захороненных, а также анализе топографии погребений в Кивуткалнском могильнике [2]. Анализ средней продолжительности жизни людей, погребенных на отдельных площадях могильника, показал странную изменчивость этого показателя в нескольких поколениях мужчин. Самые древние захоронения характеризовались более высокой продолжительностью жизни мужчин по сравнению с последующими поколениями. Эти факты, а также некоторые другие детали анализа топографии и демографии погребенных в Кивуткалнском могильнике позволили автору предположить активное участие мужского населения в межплеменных военных конфликтах, причем не столько первого поколения поселенцев, сколько второго и последующих поколений [36].

Другим примером дотошного анализа демографических данных, давшего интересную информацию для палеосоциальных реконструкций, может быть исследование американского археолога Л. А. Бек [37]. Автор анализировала материал из более 1000 погребений 23 памятников комплекса захоронений Копена периода Среднего Вудленда. Нет ничего неожиданного в анализе археологической информации (структура погребений, топографическое положение погребений в могильнике, ассоциированные структуры и т. п.), так же, как нет ничего необычного в самом анализе демографических показателей (обычный анализ структуры смертности погребенных). Однако на примере одного из памятников

комплекса Копена, имеющего наилучшую сохранность хорошо представленных по численности антропологических материалов, удалось выявить несколько неожиданных деталей. Так, сама необычная сохранность остеологических материалов, когда детские скелеты возраста до 12—14 лет имели идеальную сохранность и были представлены практически полно, в то время как скелеты взрослых индивидов и подростков после 12—14 лет были весьма фрагментарны, заставили автора выдвинуть вполне логичное предположение о существовании различий в обряде захоронения, связанных с принадлежностью захораниваемого к определенной возрастной группе. Автор предположила, что умерший, достигший статуса «взросления», подвергался некоему воздействию, которое впоследствии могло способствовать быстрому разрушению тела в почве. Возможно, что подобное влияние оказывал минеральный пигмент (свинецсодержащий минерал), которым окрашивали тело покойного и в состав которого входили соединения серы, образовывавшие при соприкосновении с почвенными водами серную кислоту, губительно действовавшую на мягкие и твердые ткани тела. И в самом деле, кусочки свинецсодержащего минерального пигмента были обнаружены только в непосредственной близости от взрослых субъектов старше подросткового возраста и никогда — рядом с детьми. Даже если отмеченный факт необычной сохранности скелетных материалов объяснялся какими-то другими причинами, само предположение о наличии причин, связанных с обрядом захоронения, в данном случае вполне обоснованно.

Тот же автор, анализируя всю доступную археологическую и демографическую информацию, сумела установить территориальную дифференциацию в социальной структуре обществ, оставивших могильники комплекса Копена. Анализ могильников, расположенных на востоке, дал основания для утверждения о существовании демократической системы, в которой основой структурирования общества являлась возрастная иерархия. Погребения в западных могильниках комплекса Копена демонстрировали такую меру структурной неравноценности, которая подразумевала более сложную степень вертикальной дифференциации, нежели только возрастная [37].

Следующий уровень палеосоциальной реконструкции — установление родовых и семейных групп и кланов. При всей ограниченности своих возможностей, антропология и здесь может дать полезную информацию.

Установление родовых и семейных групп по топографии погребений и особенностям погребального обряда обычно сопровождается желанием археологов с помощью антропологов проверить какими-либо методами семейное и фамильное родство погребенных. Подобная задача антропологу, владеющему методикой определения дискретно-варьирующих признаков (в отечественной антропологии распространена методика определения дискретно-варьирующих признаков на черепе, см. выше) вполне выполнима. Методика была предложена в конце 50-х — начале 60-х годов [38, 39], использовалась неоднократно, модифицировалась и давала хорошие результаты по выделению семейных групп [40—42]. В одной из последних работ на эту тему [43] используются данные метрических и неметрических краниологических характеристик (всего 196 параметров). Для 40 черепов между каждой парой индивидов вычисляются «расхождения» по метрическим признакам. Позиционные параметры распределения внутри- и межгрупповых расстояний оцениваются с использованием непараметрических критериев. Проверка различных статистических гипотез позволила авторам утверждать наличие морфометрического и морфологического сходства между группами погребений, что является, по их мнению, выражением родства (вероятно, патрилокального).

Не менее интересные примеры дает отечественная криминалистическая практика. При анализе генеалогического родства внутри представителей семей дискретно-варьирующие признаки черепа дают отчетливую картину генетического сходства между родителями и детьми.

Простота методики и техническая доступность ее осуществления делают ее

предпочтительной в отечественных исследованиях такого рода. Однако нельзя не упомянуть палеосерологическую методику (о ней также речь шла выше), хотя бы потому, что она более выгодна в отношении использования остеологических материалов плохой сохранности, нежели при иных методах. В качестве примера исследования подобного рода можно привести попытку палеосерологической проверки заключений, сделанных на основе метрических характеристик и индексов, относительно установления генеалогического родства между погребенными в одном склепе индивидами [44].

Выявление родственных отношений между индивидами успешно производится палеопатологами. Патологические изменения скелета, связанные с наследственными заболеваниями, являются основой для методических разработок подобного рода (например, [45, 46]). Техническое исполнение данной методики довольно простое — визуальное наблюдение патологий. Однако само освоение методики требует специфических медицинских и биологических знаний, поэтому работать с этой методикой может только специально подготовленный специалист-палеоантрополог.

Следующий раздел палеосоциальных реконструкций, где антрополог может оказаться незаменимым, касается установления социального статуса погребенного: социального ранга и профессиональной принадлежности.

Установление социального ранга по морфологическим критериям методически основано на показателях, характеризующих прижизненное физическое развитие индивида,— параметры развития скелета, реконструированные длина и вес тела и т. п.,— зависящее в большей мере от сословной принадлежности индивида (а именно, от качества питания). Статистическая достоверность различий между группами погребенных разного социального ранга (выделяемых на основе археологических критериев) служит основанием для утверждения о подлинности существования таких групп. Внутригрупповой антропологический анализ подобного рода очень распространен в зарубежных исследованиях (например, [47—49]).

Чрезвычайно плодотворен при установлении социального статуса палеопатологический метод. Наиболее проста в употреблении методика установления пораженности кариесом. Специальная проверка этой методики (антропологоэтнографическое исследование современного населения) на примере трех племен пигмеев (охотников) Центральной Африки и группы земледельческого населения банту показала, что этнические, половые, социальные группы, потребляющие более углеводную пищу, характеризуются большим процентом кариеса [50]. Так, более высоким процентом кариеса характеризуются женщины по сравнению с мужчинами-охотниками, нелидеры по сравнению с лидерами того же пола, этнические группы земледельцев по сравнению с охотниками, в диете которых мясо составляет 49% [50]. Исследования, подобные этому, позволили использовать кариес для выявления в древнем населении групп, различающихся по социальному рангу. Как пример можно привести сообщение об исследовании состояния зубов у индивидуумов, захороненных в могильниках X—XII вв. на территории Венгрии [51]. На основании различий в проценте встречаемости кариеса в двух сериях автор предполагает существование различий в рационе этих групп и, как следствие, в социальном ранге индивидуумов, принадлежащих сравниваемым группам.

Другой аспект использования палеопатологий при установлении социального статуса погребенных относится к ситуациям, когда фиксируются тяжелые поражения или уродства у лиц, доживающих до зрелого или преклонного возраста. Считается, что наличие подобных тяжких поражений «маркирует» специфический высокий социальный (вероятно, сакральный) статус погребенного — больные, не имевшие такого статуса, погибали, как правило, в раннем возрасте [52]. Например, специфический высокий социальный статус предполагается у ряда индивидуумов, отягощенных тяжкими врожденными и приобретенными хроническими поражениями скелета, погребения которых были обнаружены при прокладке траншеи в Ново-Иерусалимском монастыре [53].

Еще одним методическим приемом установления социального статуса погребенных, опирающимся на палеодиетарные реконструкции, является анализ микроэлементов скелета. Различия в уровне стронция (характеризующего преимущественно углеводную диету) между несколькими группами погребенных в древнеиндейском могильнике Чалькацинго, позволили исследователям выявить различия в социальном статусе в данных группах: это оказалось осуществимым в ситуации, когда, на первый взгляд, никаких указаний на возможность выявления социального ранга погребенных не было [54]. Другой пример демонстрирует выявление сословных различий по уровню содержания свинца в костной ткани — свинец «маркирует» преимущественно мясную диету, разная интенсивность потребления мясной пищи качественно характеризует различия в социальном статусе погребенных [55]. Определение микроэлементного состава костной ткани является хорошо опробованной в современных палеоантропологических исследованиях методикой (см. подробнее [56]), однако, к сожалению, весьма дорого обходящейся из-за технически сложного лабораторного оснащения.

Профессиональная принадлежность погребенных может быть определима либо анализом уровня палеопатологий в популяции, либо по микроэлементному составу костной ткани. Различия в уровне «профпатологий» в зависимости от рода деятельности — проблема, хорошо известная в медицине. Багаж информации, накопленный медициной, успешно используется при характеристике рода деятельности древнего населения: наверное, уже можно считать классическими разработки американских авторов, посвященные различиям в пораженности некоторыми заболеваниями групп охотников-собирателей и земледельцев (число отдельных работ огромно, сводку см. [57, 58]). Вполне реально исследование «профпатологий» в палеопопуляции в связи с определенным родом занятости населения [59].

Ремесленная деятельность, сопровождаемая контактом с разного рода химическими соединениями (красителями, дубящими веществами, металлами и т. п.), приводит к накоплению в организме человека (и в том числе, в костной ткани) специфических химических элементов и соединений, уровень которых определяется при анализе микроэлементного состава костной ткани. Такие разработки есть для популяций, контактировавших со свинцовыми и цинковыми изделиями (анализ литературы подробнее см. [59]).

Приведенные выше примеры методических разработок, известных в палеоантропологии и применимых для разного уровня социальных реконструкций, сами по себе, очевидно, не дают всей полноты представления о социальном устройстве древних обществ. Если палеосоциальные реконструкции возможны, антропологическая информация позволяет рассматривать некоторые важные аспекты их осуществления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Lane R. A., Sublett A. J.* Osteology of social organisation: Residence pattern//Am. Antiquity. 1972. V. 37.
2. *Денисова Р. Я.* Этнические процессы и социальная структура общества//Денисова Р. Я., Граудонис Я. Я., Гравере Р. У. Кивуткалнский могильник эпохи бронзы. Рига: Зинатне, 1985.
3. *Алексеев В. П.* О некоторых положениях теории расового анализа//Вопр. антропологии. 1962. Вып. 9.
4. *Алексеев В. П.* Популяционная структура человечества и историческая антропология//СА. 1970. № 3.
5. *Алексеев В. П.* Проблема расы в современной антропологии//Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л., 1980.
6. *Козинцев А. Г.* Этническая краниоскопия. Л., 1988.
7. *Чеснис Г.* Фенетические взаимоотношения средневековых восточных славян по дискретным признакам черепа//Вопр. антропологии. 1990. Вып. 84.
8. *Мовсесян А. А.* К вопросу о генетических предпосылках формирования древнерусской народности//Вопр. антропологии. 1990. Вып. 84.
9. *Ефимова С. Г.* Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1991.

10. *Saunders S. R.* The development and distribution of discontinuous morphological variation of the human infracranial skeleton. XXI. Ottawa: Nat. Mus. of Canada, 1978.
11. *Lengyel I. A., Nemeskeri J.* Application of biochemical methods to biological reconstructions//Zeit. Morph. Anthr. 1963. B. 54.
12. *Borgognini S.* Dimostazione della presenza di alcuni constituenti fondamentali delle sostanze gruppospecifiche ABO in ossa di diverza antichita//Atti. Soc. Tosc. Sc. Nat. 1968. N 75.
13. *Перевозчиков И. В.* Определение групп крови А, В, О у населения Евразийских степей I тыс. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 1974.
14. *Antonutto G., Melato M.* Histological and immunochemical investigations on the organic substance present in human bones of the Iron age//J. Hum. Evol. 1979. V. 8.
15. *Borgognini S., Paoli G., Paremti R.* On the possibility of the MN blood group determination in human bones//J. Hum. Evol. 1979. V. 8.
16. *Lengyel I. A.* Blood group distributions, preserved genetic information in some early Hungarian Middle Age cemeteries//J. Hum. Evol. 1979. V. 8.
17. *Gurtler G. L., Jager V., Gruber W., Hillmar I., Schobloch R., Muller P. K., Ziegelmayr G.* Presence of proteins in human bones 200, 1200 and 1500 years of age//Human Biology. 1981. V. 53.
18. *Ascenzi A., Brunori M., Citro G., Zito R.* Immunological detection of hemoglobin in bones of Ancient Roman Times and of Iron and Eneolithic Ages//Proc. Nation. Acad. Sci. 1985. N 82.
19. *Paoli G., Francalacci P., Del Santo M. T., Borgognini Tarli S. M.* ABO blood typing in Italian medieval skeletons: absorption-eluition and haemoagglutination inhibition techniques//Homo. 1986. H. 37.
20. *Danubio M., Mancinelli D.* Indagine paleoserologica sulle necropoli abruzzesi di Campovalano (X—III sec. a. C.) e Sulmona (III—II sec. a. C.)//Antropologia Contemporanea. 1988. V. 11. № 3—4.
21. *Walker P., Newlett B.* Dental health diet and social status among central African foragers and farmers//Am. Anthropol. 1990. V. 92. № 2.
22. *Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И.* Хвалынский энеолитический могильник. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990.
23. *Hassan F. A.* Determination of the size, density and growth rate of hunting-gathering populations//Population, ecology and social evolution/Ed. S. Polgar. Mouton, Paris, 1975.
24. *Hassan F. A.* Demographic archaeology//Advances in archaeological methods and theory/Ed. M. B. Schifer. V. 1. New York; San Francisco; London: Ac. Press, 1978.
25. *Hassan F. A.* Demography and archaeology//Annual review of anthropology. 1979. N 8.
26. *Schacht R. M.* Estimating past population trends//Annual review of anthropology. 1981. N 10.
27. *Acsadi G., Nemeskeri J.* History of human life span and mortality. Budapest, 1970.
28. *Weiss K.* Demographic models for anthropology//Mem. of the Soc. for Am. Archaeology. 1973. № 27.
29. *Алексеева Т. И., Федосова В. Н.* К определению продолжительности жизни в палеопопуляциях//Санологические проблемы демографии. (В печати).
30. *Мовсесян А. А.* Палеодемография Чукотки//Вопр. антропологии. 1978. Вып. 73.
31. *Романова Г. П.* Демографический анализ палеоантропологических материалов могильника Лебеди III//Археологические открытия на новостройках: Древности Северного Кавказа/Ред. И. С. Каменецкий. Вып. 1. М., 1986.
32. *Романова Г. П.* Опыт палеодемографического анализа условий жизни населения степных районов Ставрополья в эпоху ранней бронзы//Вопр. антропологии. 1989. Вып. 82.
33. *Кислый А. Е.* Реконструкция демографической структуры населения степей Северного Причерноморья III—II тыс. до н. э. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1989.
34. *Гей А. Н.* Опыт палеодемографического анализа общества степных скотоводов эпохи бронзы: По погребальным памятникам Прикубанья//КСИА. 1990. Вып. 201.
35. *Newell R. R., Constandse-Westermann T. S.* Testing an ethnographic analogue of mesolithic social structure and the archaeological resolution of mesolithic ethnic groups and breeding populations//Proc. Kon. Ned. Acad. Wetensch. 1986. B89. № 3.
36. *Денисова Р. Я.* Палеодемография и история формирования Кивуткалнского могильника//*Денисова Р. Я., Граудонис Я. Я., Гривере Р. У.* Кивуткалнский могильник эпохи бронзы. Рига: Зинатне, 1985.
37. *Beck L. A.* Redefining Copena: A regional analysis of mortuary patterns in «Southern Hopewell». A Ph. D. Diss. Evanston; Illinois, 1990.
38. *Ascadi G., Nemeskeri J.* Palaodemographische probleme am beispeil des fruhmittelalterlichen graberfeldes-von Halimbaq-Cxeres Kom. Veszprem Ungarn//Homo. 1957.
39. *Nemeskeri J., Harsanyi L., Ascadi G.* Methoden zur diagnose des Lebensalters von Skelettfunden//Anthropol. Anz. 1960. № 24.
40. *Ortner D. J., Corrucini R. S.* The skeletal biology of the Virginia Indians//AJPA. 1976. V. 45.
41. *Sjovold T.* A method for familial studies based on minor skeletal variants//Ossa. 1976—1977. V. 45.
42. *Strouhal E., Jungwirth J.* Paleogenetics of the late Roman-early Bizantine cemeteries at Sayala, Egyptian Nubia//JHE. 1979. № 8.
43. *Bondioli L., Corrucini R. S., Macchiarelli R.* Familial segregation in the iron age community of Alfedena, Abruzzo, Italy, based on osteodental trate analysis//AJPA. 1986. V. 71.
44. *Ullrich H.* Interpretation morphologisch-metrischer ahnlihkeiten an ur- und fruhgeschichtlichen skeletten in verwandtschaftlicher hisicht//Z. Archaeol. 1969. № 3.
45. *Geivall N. G., Henschen F.* Two late skeletons with malformations and close family relationship from ancient Corinth//Opuscula Atheniensia. 1968. № 8.

46. *Capasso L.* Familiar relationship reconstruction in the burials «circles» of the Alfedena necropolis (Iron Age: L'Aguila, Italy) using the mobility and topographic distribution of non-malignant osseus neoplasm//Ossa. 1985—1986. N 12.
47. *Spence M. W.* Residential practices and the distirbution of skeletal traits in Teotihuacan, Mexico//Man. 1974. № 9.
48. *Owsley D. W., Bennett S. M., Jantz R. L.* Intercemetery morphological variation in Arikara orania from the Morbridge site (39WW1)//Am. J. Phys. Anthop. 1982. № 58.
49. *Bartel B.* Collective burial and social organization: A multivariate analysis of human population from early Bronze Age western Trukey//J. Medit. Anthropol. Archaeol. 1980. № 1.
50. *Walker P. L.* Cranial injuries as evidence of violence in prehistoric California//Am. J. Phys. Anthrop. 1989. № 80.
51. *Pap I.* Oral pathology and social straification in the Hungarian Middle Ages//Ann. His. Natur. Mus. Nat. Hung. 1986. № 78.
52. *Dettwyler K. A.* Can paleopathology provide evidence for «compassion»?//Am. J. Phys. Anthrop. 1991. V. 84.
53. *Антипина Е. Е.* Индивидуальные особенности скелетов, обнаруженных при прокладке траншеи на территории Ново-Иерусалимского монастыря в 1980 г.//Молодые ученые и основные направления развития современной биологии. Мат-лы конф. молодых ученых МГУ.— Деп. в ВИНИТИ № 5272-85. 1985.
54. *Schoeninger M. J.* Diet and status at Chalcatzingo: some empirical and technical aspects of strontium analysis//AJPA. 1979. V. 51.
55. *Aufderheide R. G.* Lead in bone II: Skeletal — lead content as an indicator of lifetime lead ingestion and social correlates in an archaeological population//AJPA. 1981. V. 55. № 3.
56. *Козловская М. В.* Изменчивость минерального компонента костной ткани (по остеологическим материалам): Дис. ... канд. биол. наук. М.: МГУ, 1987.
57. *Cohen M. N., Armelagos G. L. (Eds.).* Paleopathology at the origins of agriculture. Orlando, 1984.
58. *Бужилова А. П.* Изучение физиологического стресса у древнего населения по данным палеопатологии//Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций/Ред. В. П. Алексеев. 1992.
59. *Бужилова А. П.* Опыт социально-экологических реконструкций с привлечением данных палеопатологии (на примере средневекового населения Хрепле)//Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы/Ред. Т. И. Алексеева. М., 1993.

Институт археологии РАН,
Москва

V. N. FEDOSOVA

THE POSSIBILITIES OF THE PHYSICAL ANTHROPOLOGY IN THE PALAEOSOCIAL RECONSTRUCTIONS

Summary

The article deals with a critical review of some classic and modern palaeoanthropological elaborations in the palaeosocial reconstructions. The methodical problems of the investigations of the palaeopopulations social interactions (ethnic, political, demographic processes) as well as the questions of the rank and professional reconstructions of an individual status are under discussion.

А. Е. КИСЛЫЙ

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ МОДЕЛИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ

Среди научного наследия акад. В. П. Алексеева выделяется цикл работ, посвященных палеодемографии, нашедших признание не только у коллег — археологов, палеодемографов, историков, но и у экономистов-демографов. Написаны они в тот период, когда массовые находки и определения палеоантропологических материалов позволили обратиться к проблемам древнего народонаселения многим специалистам. По истечении определенного времени очевиден поисковый, пробный характер некоторых из них. Большинство работ В. П. Алексеева в этом направлении отличалось новизной и оригинальностью, а также интуитивно верной постановкой и решением ряда вопросов, которые в аналогичной литературе еще не поднимались.

Проблемы палеодемографии достаточно сложны. Они требуют соединения познаний в области археологии, палеоантропологии, демографии и демографической статистики. До настоящего времени многие исследователи исчисляют среднюю продолжительность предстоящей жизни по палеоантропологическим определениям возраста на основе построения так называемых таблиц смертности, не сомневаясь в полноценности итогового показателя [1, с. 4—5]. Между тем принципиально разная процедура составления таблиц смертности демографическим методом (современный прием) и методом смертных списков (что и применяется в палеодемографии) в случае очень высокой детской смертности предполагает получение разных результатов [2]. Подчеркнем, что это не зависит от полноты и точности вводимых данных: здесь исследователь имеет дело с результатами, полученными в разных «системах отсчета».

Метод смертных списков подразумевает проведение вычислительных операций только с данными о возрастах смерти. Схематически можно представить определенную совокупность лиц, приравненную к числу 100. От этой совокупности в каком-то режиме и с определенной временной регулярностью (через год, пять, десять — в зависимости от «периода» таблицы смертности) уходит какой-то процент доживающих до конкретного возраста. Полученный график или колонка цифр становится основой для последующих расчетов. Современные методы составления таблиц смертности, основанные на оперировании не только числами умерших, но и числами живущих, дают возможность получить иной итоговый показатель, который более соответствует представлению о средней продолжительности жизни [2]. Конечно, это затрудняет сравнение результатов, получаемых разными методами, но совершенно не исключает возможности самостоятельной работы с палеодемостатистическими материалами.

М. В. Птуха в своей работе «Очерки по статистике населения», ставшей классикой подобного рода исследований в СССР и за рубежом, писал, цитируя немецкого демографа и статистика Р. Бека, усовершенствовавшего (1884 г.) таблицы смертности: «Взяв данные о всех умерших в течение данного времени и заполнив на их основании общую схему представления, получают таблицу, напоминающую по внешнему виду таблицу смертности... Так как правильный общий результат может быть получен только из сравнения живых и умерших,

© А. Е. Кислый, 1995 г.

то все абсолютные числа, которые относятся к различию возрастов, пригодны только для того, чтобы вызывать ложные представления» [3, с. 166].

В. П. Алексеев первый среди палеоантропологов обратил внимание на ошибку, которая допускается при смешивании таких понятий, как средний возраст смерти и средняя продолжительность предстоящей жизни. Фактически при оперировании палеоантропологическими определениями пола и возраста получаем показатель, близкий к среднему возрасту смерти. На заре становления демографической статистики в XVII—XVIII вв. демографические таблицы также составлялись на основе данных смертности. Однако реальную картину возрастного состава населения такие таблицы отражают только при определенной структуре демографических показателей. «Поэтому в демографии и были предложены разнообразные способы вычисления подлинно возможной (читай — непременно всегда увеличенной по сравнению со средним возрастом смерти) в потенциальной перспективе продолжительности жизни» [4, с. 310].

В огромном отличии получаемого в палеодемографии показателя от искомого легко убедиться, использовав статистически достоверные данные для конца XIX в. по Всероссийской переписи 1897 г. и составив на одних и тех же материалах две таблицы смертности — методом смертных списков и демографическим методом. К примеру, для Украины 1897 г. «продолжительность жизни», полученная методом смертных списков (по числам умирающих), составила 18 лет, тогда как современные методы дают 35,8 лет. Интересно, что разница между этими цифрами приближается по своему значению к «стандартной поправке» в 15 лет, которую В. П. Алексеев предлагал для коррекции [4, с. 311].

Естественно, такая поправка не может быть приемлемой во всех случаях, но важно понимание сути получаемых данных при оперировании ими в археологической литературе и возможной степени их отличия от реальной картины.

Среди самых безнадежных проблем палеодемографии В. П. Алексеев выделял проблему вычисления среднего возраста смерти всего населения от «0» лет. Решая ее, он наряду с другими исследователями обращается к сбору и изучению информации о процентном соотношении числа детских и взрослых скелетов в разных могильниках [4, с. 306; 5, с. 11]. Далее им предлагается, на наш взгляд, очень корректное и единственно возможное решение — исследовать средний возраст смерти всего населения, накапливать данные об этом показателе для разных периодов с целью дальнейшей работы с ними после получения достаточного объема статистических материалов, но в сводных, обобщающих работах использовать для сравнения прежде всего самый надежный показатель среднего возраста смерти взрослых [4, с. 308, 311; 5, с. 19].

В монографической работе «Палеодемография СССР» В. П. Алексеев еще в 1972 г. сделал важный шаг к обобщению и осмыслению разрозненных палеодемостатистических данных от мезолита до средневековья [5]. Поставленная им цель — обнаружить в этом материале системность и закономерность — актуальна сегодня особенно, так как получены не только новые палеоантропологические определения возраста, но и выработаны новые возможные подходы к их анализу.

Вниманию читателей предлагается демостатическая модель развития населения с эпохи мезолита до эпохи ранней государственности по региону, позволяющему вследствие накопления данных провести такое исследование,— Северному Причерноморью. Для представления общей картины затрагивается и более широкий круг источников (таблица). Работа построена в основном на тех показателях, которые определяются как наиболее достоверные,— это средний возраст смерти и прежде всего средний возраст смерти взрослого населения.

С целью определения общего направления деморазвития Северного Причерноморья в указанное время дадим краткую характеристику отдельных периодов. Эпоха допроизводящего хозяйства, которая представлена мезолитическими могильниками Васильевка I, III, IV и Волошское,— это время, в рамках которого археологи повсеместно в различных регионах знают сравнительно небольшое число поселений. Факт уже отмечен с точки зрения палеодемографии [5,

Таблица используемого материала

№ п.п.	Время, памятник, культура	Источник	Количество данных о возрасте смерти
1	Мезолит — Васильевка I, III, IV, Волошское (VII—VI тыс. до н. э.)	[6, с. 24] [7, с. 19—30]	44
2	Ранний неолит — Чатал-Гуюк, Анатолия (вторая половина VII — первая половина VI тыс. до н. э.)	[8, с. 78]	84
3	Неолит — Вольнянка, Вовниги, Дереивка, Ясиноватка, Никольское, Капуловка (первая половина IV тыс. до н. э.)	[7, с. 19—30]	351
	Эпоха бронзы:	[9, с. 101, 128, 174] и Каталог антропологических коллекций ИА АН УССР	
4	ямная культура		583
5	катакомбная культура		707
6	срубная культура		228
7	Скифы (Акташский могильник) IV—III вв. до н. э.	[10, с. 250]	317
8	Неаполь Скифский, II—I вв. до н. э.— рубеж I—II вв. н. э.	[11, с. 32]	111
	Позднескифские могильники рубежа н. э.:	[12, с. 60]	
9	Николаевка-Козацкое		151
10	Золотая Балка		68
11	Смертность населения Украины 1887 г.	[13, табл. 899]	678 611
12	Смертность татарского населения Крыма, 1897 г.	[14, с. 150]	5491

с. 315]. Кризис мезолитического присваивающего хозяйства, как известно, был преддверием неолитизации экономики. Эпоха неолита на Украине не дает еще повсеместного и достаточно широкого развития производящих форм хозяйства. В южных районах речные долины осваиваются быстрее, чем участки открытой степи, удаленные от речных пойм и оазисов лесостепи, где этот процесс приходится на период бронзового века [15, с. 38]. Таким образом, «процесс овладения производящими формами хозяйства — земледелием и скотоводством... достигает в эпоху бронзы наибольшей интенсивности» [16, с. 358]. Однако формы ведения хозяйства продолжают претерпевать изменения. В условиях степей скотоводство выделяется как более производительная отрасль, что завершается сложением экономики кочевых племен (скифы). Анализ археологических источников, в том числе и подсчет количества памятников на разных этапах, показывает, что на протяжении бронзового века (ямная, катакомбная, срубная культуры) наблюдается рост численности населения. Особым этапом является переход от сабатиновского времени к белозерскому, т. е. ко времени поздней бронзы, когда прекращается жизнь на поселениях, уменьшается их количество [17, с. 14]. Этот факт, с одной стороны, рассматривается как смена населения, а с другой — очевидна решающая роль срубной культуры Левобережной Украины и сабатиновской культуры в сложении белозерской [17, с. 151]. По нашему мнению, противоречия снимаются, если иметь в виду не смену населения при переходе к белозерской культуре в каких-то значительных масштабах, а естественный процесс изменений в типе воспроизводства населения при переходе от бронзового века к раннему железному в предполагаемых условиях аридизации климата [18, с. 30].

По сравнению с предыдущими этапами развития производящего хозяйства скифское и сарматское время можно рассматривать в какой-то мере как логическое завершение определенного периода. При достигнутом уровне развития производительных сил создаются условия для классовой дифференциации общества. Однако в среде кочевников процесс классообразования и создания государственности не получил должного развития в силу экстенсивного характера кочевнической экономики. Социально-экономические отношения консервируются на уров-

не раннеклассовых [19, с. 41]. Этот момент нельзя не учитывать при демоэкономических реконструкциях. Разнообразие скифского мира отражено в разнообразных памятниках — от собственно кочевнических до памятников земледельческого населения Скифии. Естественно предположить, что материалы скифских могильников должны представлять как половозрастную структуру населения нового этапа демографического развития, так и структуру населения, очень близкую к прошлым эпохам. Акташский курганный могильник IV—III вв. до н. э. (Крым) представляет рядовое население Скифии времени ее расцвета, а могильники Золотая Балка и Николаевка-Козацкое (Нижнее Поднепровье) принадлежали потомкам осевших скифов, преимущественно земледельцев рубежа н. э. К этим позднескифским могильникам примыкают могильники II—I вв. до н. э.— рубежа I—II вв. н. э. эллинизированного скифского городища Неаполь — столицы позднескифского царства в Крыму. В целом это время сужения территории расселения скифов [20, с. 241].

Для дальнейшего анализа сравним показатели среднего возраста смерти взрослых по разным эпохам, полученные на основании антропологического определения возраста погребенных. Поскольку такие определения приведены в литературе в различных возрастных интервалах, для сравнения наиболее удобным оказалось их разбить по 10-летним группировкам, начиная с 15—18 лет. На основании данных были построены краткие таблицы смертности методом смертных списков, что в конечном итоге и дало следующие показатели фактически среднего возраста смерти населения: мезолит — 26,4; неолит — 22,1; ямная культура — 20,6; катакомбная культура — 22,4; срубная культура — 22,5; Ак-Таш — 20,7; Неаполь Скифский — 25,8; Николаевка-Козацкое — 29,5; Золотая Балка — 27,6 лет.

Заметим, что для позднебронзового времени (белозерская культура) на фоне предшествующей срубной культуры наблюдается некоторое повышение среднего возраста смертности на 2,7 года [9, с. 90]. В целом доступные материалы по белозерскому времени сравнительно небольшие, поэтому они используются без перерасчета, так, как они приведены в литературе [1].

Обращает на себя внимание, что в период предполагаемого роста численности населения (неолит — эпоха бронзы) продолжительность жизни взрослой части населения падает. Этот факт надежно установлен В. П. Алексеевым с привлечением статистического материала не только по Северному Причерноморью, но и по другим территориям СССР [5, с. 19, рис. 1]. При переходе к раннему железному веку снова отмечается повышение изучаемого показателя.

Нами отмечалось, что падение среднего возраста смерти взрослого населения в период бытования ямной, катакомбной и срубной культур связан с повышенной женской смертностью в раннем генеративном возрасте, стимуляцией высокой рождаемости [21, с. 113—127]. Демоэкономически этот процесс объясняется необходимостью прироста населения в условиях недостаточного развития вещественной части производительных сил нового, производящего хозяйства, когда отрасли присваивающей экономики не могли уже удовлетворить потребности общества. Экономическая потребность в детях, фиксируемая для аграрного экстенсивного хозяйства даже в XIX в. («дети не радость, а необходимость в

[1] Опубликованные в последнее время данные по продолжительности жизни в белозерское время с составлением таблицы смертности (*Сегеда С. П., Литвинова Л. В.* Антропологический материал из могильника белозерской культуры у с. Кочковатое//Древности степного Причерноморья и Крыма. Сб. науч. трудов. Запорожье: Изд-во ЗГУ, 1991. С. 180—187) вряд ли можно полноценно использовать хотя бы потому, что согласно таким расчетам вероятность умереть (специальный показатель, который по своей природе практически всегда, а тем более для детского возраста, составляет какую-то величину) для первобытного населения в 0—7 лет оказалась равной «0»! Несостоятельность данных такой таблицы очевидна, так как все ее показатели взаимосвязаны. К сожалению, в последнее время составление таблиц смертности на антропологических материалах без представления о сути выполняемых математических операций превращается в занятие, которое без должной критики может дезинформировать читателя. Естественно, названная работа не единственная, которая грешит такой вольностью обращения с таблицами смертности.

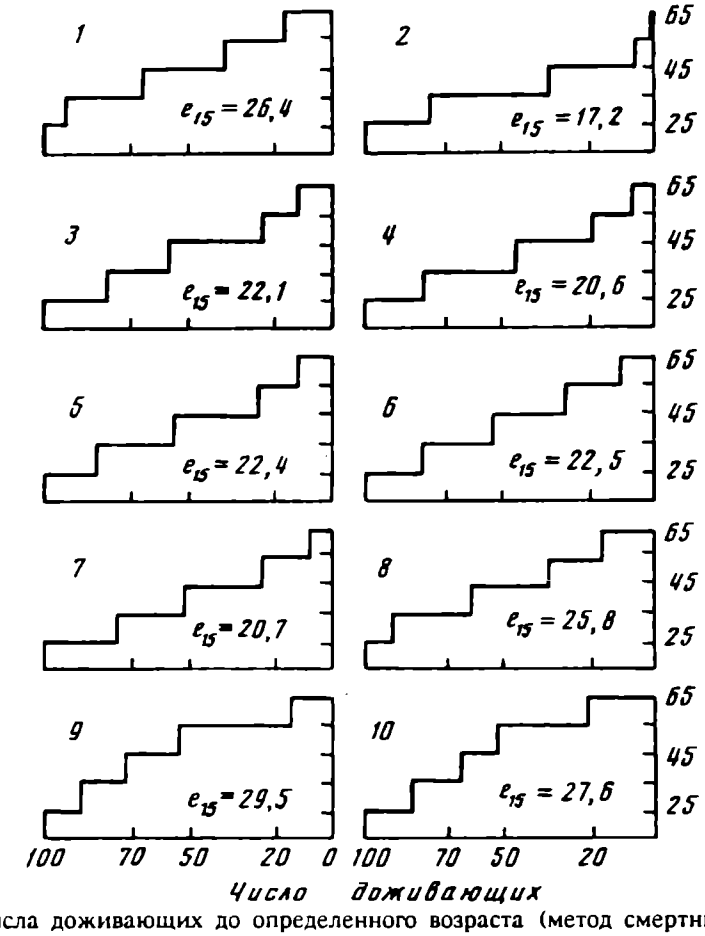

Рис. 1. Числа доживающих до определенного возраста (метод смертных списков) *1* — мезолит Украины; *2* — Чатал-Гуюк (Анатолия); *3* — неолит Украины; *4* — ямная культура; *5* — катакомбная культура; *6* — срубная культура; *7* — скифы Акташа; *8* — Неаполь Скифский; *9* — Николаевка-Козацкое; *10* — Золотая Балка

хозяйстве» [22, с. 97]), особенно была ощутима на начальных этапах его становления.

Однако женская генеративная сверхсмертность представляет собой в целом частный случай в общей картине повышения относительного количества умерших в молодом возрасте в условиях быстрого роста численности населения. К примеру, во многих регионах мира (Восточное Средиземноморье, Юго-Восточная Европа, Северная Африка, Япония, некоторые районы Северной Америки) при переходе к производящему хозяйству наблюдалось падение продолжительности жизни на 1—4 года [23, с. 451, 452]. При этом падение среднего возраста смерти женщин было характерно лишь в случаях особых трудностей в развитии новой системы хозяйства. Важно учесть, что экономика степного, пустынно-степного, горно-яйлажного хозяйства была акцентирована в первую очередь на приток в производство мужской рабочей силы [21, с. 120]. Повышение темпов прироста населения на начальных этапах неолитической революции или в условиях усложненного становления производящего хозяйства — это не только отражение некоторой возможности увеличения плотности населения или освоения новых территорий, но и появление необходимости увеличения трудового потенциала для нужд становящейся новой экономической системы.

Рассмотрим графики распределения чисел доживающих по возрастам, начиная примерно с 15 лет для разных эпох (рис. 1). Периоды, для которых по эмпирическим данным, а именно археологическим остаткам, можно ожидать прирост населения, отличаются более пологой линией графика дожителей, увеличением количества населения в ранних возрастах (неолит Украины, ямная, катакомбная,

срубная культуры, скифы Ак-Таша). Показателен график, составленный по материалам ранненеолитического могильника Чатал-Гуюк (Анатолия), представляющего «наиболее развитый центр неолитической культуры на Ближнем Востоке» [24, с. 79]. Здесь средний возраст смерти населения (17 лет) был еще ниже, чем в период неолита на Украине, доживаемость до старших возрастов также более низкая, хотя плотность населения и его прирост был гораздо более высоким. Таким образом, было бы ошибкой связывать уменьшение численности населения с падением средней продолжительности жизни или рост численности населения в эпоху неолита с увеличением продолжительности жизни, как это чаще всего предполагается [7, с. 30; 25, с. 239]. Парадокс заключается в том, что в растущем населении увеличивается относительное количество детей или «контингент носителей небольшого числа прожитых лет». Так как каждый ребенок вносит в общую сумму лет меньшее число, чем пожилой, а требует разделения их при подсчете среднего возраста жизни и на себя, то прямое прибавление в населении детей уменьшит, а не увеличит общую продолжительность жизни. Значит, скачок в росте продолжительности жизни — достояние уже нового времени, когда рождается и умирает небольшое количество детей, а доля стариков, несущих большие цифры прожитых лет, большая. Но такое население практически не растет. Поэтому и является ошибкой представление, что в древности возможно было значительное увеличение количества жителей и значительный рост продолжительности жизни как параллельные явления. Подчеркнем также второй частный вывод, который следует из сказанного. Падение продолжительности жизни населения при переходе к производящему хозяйству, о чем шла дискуссия в литературе [5, с. 21; 23, с. 451], имеет четкое статистическое обоснование.

Таким образом, начало изменений в возрастной структуре было связано с неолитизацией экономики, с началом революции производящего хозяйства [2]. Эпоха неолита и особенно бронзовый век в Северном Причерноморье — это период ускоренного роста численности населения, когда формируется возрастная пирамида с более острыми углами у основания.

Как в таком случае с точки зрения демоэкономики понимать падение прироста населения в позднебронзовое время (белозерская культура), а затем в позднескифское время? Естественно, процесс исторического развития не мог быть однозначным. Предположим следующее альтернативное развитие. В случае достижения определенной плотности населения в Северном Причерноморье в результате развития производящего хозяйства в эпоху неолита — бронзы можно было бы ожидать сложение условий перехода к раннеклассовому обществу. Соответственно появились бы новые импульсы к приросту населения и потребности в таком приросте. Реализация этого происходит за счет появления большего числа дожителей первоначально в ранних возрастах, и следовательно, возрастает доля тех, кто был носителем небольшого числа прожитых лет. Отсюда картина падения продолжительности жизни. Но заключительный этап эпохи бронзы дает обратную картину. В условиях экстенсивного степного хозяйства Северного Причерноморья в эпоху неолита — бронзы не был создан достаточный демоэкономический потенциал. Ухудшение климата к концу эпохи повлекло за собой падение прироста населения и как следствие этого — фиксируемое повышение продолжительности жизни.

Далее экономика производящего хозяйства в степях как бы начинает новый виток в своем развитии, изменяется тип хозяйства (переход к кочевничеству) в силу невозможности интенсивного развития комплексного земледельческо-ско-

[2] По мнению автора существует необходимость разработки концепции демографических перемен, связанных не только с переходом от присваивающих форм экономики к производящим, что в общем связывается с понятием «неолитическая революция» [23, с. 444; 25, с. 243], но и в целом с процессом утверждения новой социально-экономической системы, знаменующей переход к более прогрессивной организации труда и новому типу воспроизводства населения. Это достигается уже в классовом обществе. А значит, необходимо понятие революции производящего хозяйства, окончанием которой является появление новой системы производства средств к жизни и производства человека.

товодческого хозяйства. Медленно идет процесс создания высшей производительности труда на основе организации производства классового общества, что частично достигается в скифское время. В позднескифское время после очередного ускоренного прироста населения снова отмечается на половозрастной структуре эффект увеличения количества населения старших возрастов (рис. 1, *8—10*).

Таким образом, по мере изложения нами дважды проделан экскурс из глубин праистории к цивилизации. Во-первых, предпринят обобщенный анализ демоперемен и тех представлений об этапах ускорения или замедления роста численности населения, которые уже сложились в науке и, как правило, нашли отражение в археологической литературе. Во-вторых, прослежен путь перемен, которые отразились на палеодемостатистических материалах. У нас нет иного пути для выработки общей модели структуры древнего населения, кроме как сравнение реального археологического материала и тех осколков палеодемостатистической информации (фрагментов от настоящей, полной демостатистической информации), которая попадает в руки демографов.

Так как статистика демографических закономерностей имеет свою внутреннюю логику, то возможно проведение на этом уровне аналогий между демографическими показателями, цифровыми данными, графиками и др., относящимися как к эпохе первобытности, так и к новому времени, если доказано, что и в первом случае, и во втором демопроцессы заставляют нас обращаться (прибегнуть) к одинаковым математическим приемам для характеристики роста или убывания исследуемых структур.

Обнаруженный процесс эволюции возрастной структуры в рамках прохождения революции производящего хозяйства предвосхищает на более «низком» уровне (т. е. в более ранних возрастах) некоторые моменты тех процессов, которые зафиксированы на значительных статистических материалах при демографическом процессе современности. Этот вопрос имеет принципиальное значение для понимания демопроцесса в целом, а без этого невозможны какие-либо подходы к реконструкциям демографического развития в первобытную эпоху, поэтому кратко остановимся на сути фиксируемых свойств двух этапов демоисторического развития.

В демографии система перемен, связанных с изменением типа демоисторического развития, получила название демографического перехода [26; 27; 28, с. 115, 473]. Можно выделить демопереход, связанный с революцией производящего хозяйства и демопереход нового времени, вызванный промышленной революцией и индустриализацией. В начале демоперехода нового времени имеем так называемое стационарное население, которое предполагает постоянные и равные числа рождений и смертей, отсутствие прироста населения и неизменность возрастной структуры [28, с. 447]. Далее начинается этап роста численности населения и он описывается моделью стабильного населения, согласно которой коэффициенты рождаемости и смертности постоянны, но не равны, и население изменяется в геометрической прогрессии. Порядок вымирания, а значит и структура населения, неизменны [28, с. 439]. В период стабилизации или перехода к стационарному типу происходят наиболее динамичные перемены в возрастной структуре.

С окончанием демографического перехода нового времени снова уравновешиваются числа рождений и смертей, но не просто уравновешиваются, а становятся очень небольшими для начальных этапов жизни индивидов. Половозрастная пирамида этого времени имеет прямые, вертикальные очертания боковых линий, но во время прохождения практически всего демоперехода, как и до него, пирамида имела пологие боковые грани. Иными словами, наиболее существенные изменения в половозрастной структуре в странах, переходящих к современному типу демографического развития, происходят на втором этапе демографического перехода, когда уменьшается рождаемость, относительно увеличивается количество населения старших возрастов и значительно растут показатели продолжительности жизни. Для нас это важно подчеркнуть, так как именно заключительные

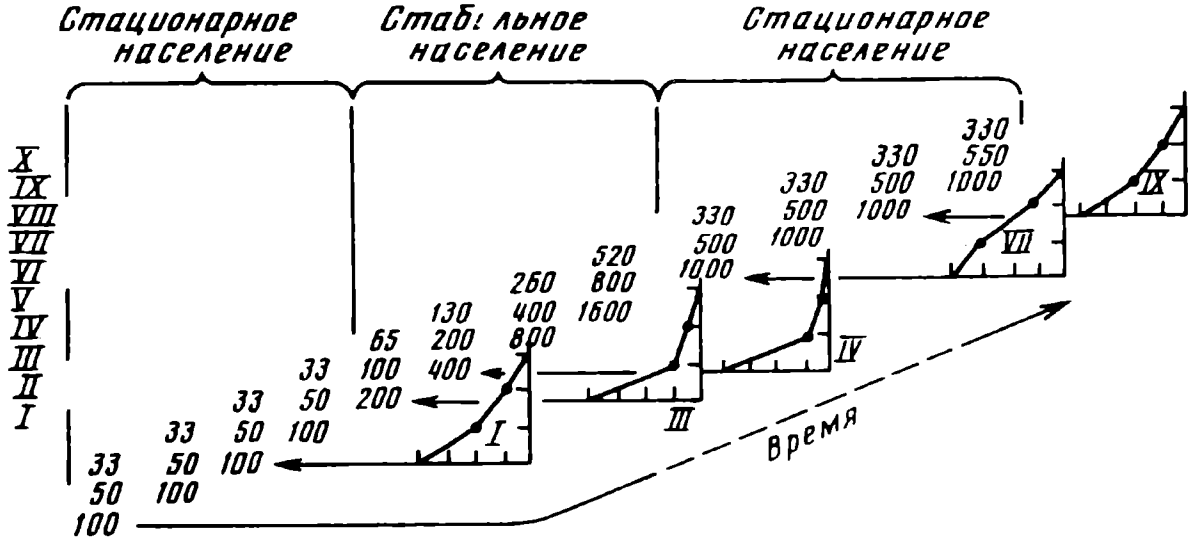

Рис. 2. Принципиальная схема эволюции возрастной структуры населения в период прохождения революции производящего хозяйства. *I—II* — мезолит, стационарное население; *III* — стабилизация, процесс становления новой возрастной структуры: условное увеличение населения в 2 раза с каждым новым поколением; *IV—VI* — неолит, эпоха бронзы, стабильное растущее население с неизменной возрастной структурой; *VII—VIII* — переход к стационарному населению; процесс становления новой возрастной структуры; *IX—X* — стационарное население нового уровня после прохождения революции производящего хозяйства

этапы демографических переходов древности и современности отличают их наиболее существенно.

На этапе демографического перехода революции производящего хозяйства уменьшение смертности и рождаемости не могло еще достигнуть такого уровня, когда возрастная пирамида получает фактически вертикальные очертания боковых линий при нулевом приросте населения, как это стало характерным для современного типа демографического развития. Система демовоспроизводства зарождающегося классового общества была связана с аграрным хозяйством, с необходимостью высокой рождаемости при столь же высокой смертности. Такой баланс рождаемости и смертности на протяжении веков существования традиционного типа воспроизводства населения давал фактически нулевой прирост [27, с. 11]. Отсюда следует, что развивающееся в это время население в наибольшей мере соответствовало модели стационарного населения, но имело возрастную пирамиду не с характерными, почти прямыми углами у основания, а с широким основанием и острыми углами [2].

Эта особенность деморазвития периода завершения революции производящего хозяйства логически вытекает из последующих трансформаций в возрастной структуре. Известно, что традиционному типу воспроизводства населения была присуща возрастная структура с большой долей детских возрастов.

Далее, используя оговоренные выше условия и анализ конкретного материала, предлагаем условную схему изменений возрастной структуры в период революции производящего хозяйства (рис. 2). Она выполнена на основе модели стабильного воспроизводства с положительным приростом. Условно возьмем увеличение населения в 2 раза с каждым новым поколением, что, естественно, спрессовывает хронологические рамки схемы (показано пунктиром). Порядок вымирания по возрастам согласно модели стабильного населения остается неизменным: до 15 лет умирало 15% родившихся, к 30 годам — 35% от живущих в 15-летнем возрасте. Эти цифры обусловлены наиболее вероятной смертностью населения в эпоху раннего производящего хозяйства. По свидетельству многих этнографов (Л. Кшивицкий, В. И. Козлов, В. П. Шнирельман), до 15 лет умирало 40—50% родившихся [23, с. 447]. Вторая предложенная цифра — 35% получена по палеоантропологическим данным ямной, катакомбной и срубной культур.

Колонки цифр по вертикали показывают порядок вымирания с 15-летним интервалом каждого нового поколения, а колонки цифр по горизонтали — сложившуюся возрастную структуру в тот или иной конкретный период (рис. 2). Графики, введенные в схему, наглядно демонстрируют эволюцию возрастной структуры. Такая схема показывает, как меняется возрастная структура населения в тот или иной период, преобразуясь постепенно от стационарной к стабильной и далее (вертикали) в зависимости от того, как от «0» лет постепенно вводятся более высокие цифры (колонки по горизонтали).

Население мезолита (I) соответствует стационарному типу — отсутствует прирост населения, не изменяется порядок вымирания по возрастам. С началом этапа положительного прироста населения (увеличение чисел родившихся в 2 раза) начинается процесс стабилизации, который по предложенной схеме достигается через два поколения (II, III). Далее наступает период, когда темп роста полностью преобразовал возрастную структуру, возрастная пирамида приобретает более острые углы у основания (IV—VI). Колонки цифр по горизонтали IV—VI демонстрируют, что после достижения стабилизации возрастная структура остается неизменной, хотя население продолжает расти в геометрической прогрессии. Население, растущее в геометрической прогрессии, при неизменных числах живущих тем быстрее убывает, чем больше темп прироста. Это и объясняет, например, почему население Чатал-Гуюка по сравнению с населением Северного Причерноморья в эпоху неолита — бронзы росло более высокими темпами при более низкой продолжительности жизни.

Относительная численность старших возрастных групп может возрастать вследствие уменьшения рождаемости, что показано примером VII. Это период возвращения к структуре стационарного населения (VIII). Далее следует собственно стационарное население (IX). В реальном населении на этом этапе может изменяться порядок вымирания по возрастам. Однако вряд ли это происходило в значительных масштабах, так как данные по исторической демографии, относящиеся к началу демографического перехода, связанного с промышленной революцией, снова показывают возможность детской смертности до 40—60%. К примеру, на Украине в 1887 г. до 15 лет умирало 67% родившихся [13, табл. 8, 9], а среди мусульманского населения Крыма в 1897 г.— 48% [14, с. 150]. Интересно также, что продолжительность жизни населения (средний возраст смерти), полученная в результате составления таблиц смертности по методу смертных списков, для Украины 1887 г. составила 18 лет, а для мусульманского населения Крыма 1897 г.— 25 лет. Это вполне сопоставимо с аналогичными показателями для первобытного общества.

Для сравнения стационарного населения эпохи мезолита и рубежа н. э. показателен также факт очень близких значений среднего возраста смерти взрослого населения: мезолитического — 26,4 года и позднескифского — 25,8—29,5 года. Правда, население позднескифского времени не дает представления о полностью завершившемся демографическом переходе к новой системе воспроизводства, так как не представляет общество с законченными процессами классообразования и сложения государственности.

Главный итог такого моделирования — представление условных чисел живущих для разных эпох в динамике, что отражает реальные события в населении и коррелируется (сопоставляется) с таблицами смертности от мезолита до эпохи классообразования, составленными по археологическим, палеоантропологическим материалам. Подобно тому как составлены модельные таблицы в разных вариантах для современности, уже сегодня возможна работа по составлению модельных таблиц для древней эпохи и периода первого демоперехода с учетом особенностей разных культурно-хозяйственных типов.

Дополнительно в заключение отметим.

1. Палеодемостатистические данные, имеющиеся сегодня в нашем распоряжении, позволяют начать новый этап в исследовании древнего населения —

моделирования половозрастной структуры населения на разных этапах его развития по наиболее характерным регионам.

2. Возрастная структура древнего населения (как и современного) представляет собой сложный, структурированный по периодам жизни на каждый данный момент и во времени механизм. Поэтому изменения в общих демографических показателях зависят не только от состояния населения в целом, но и от удельного веса в населении отдельных групп [29, с. 92]. В нашем случае это проявилось в понижении продолжительности жизни при увеличении в населении детского контингента.

3. Структура населения с высокой долей детских возрастов вызвана была к жизни экстенсивными условиями ведения производящего хозяйства на первом этапе революции производящего хозяйства. Такая структура, связанная с высокими темпами прироста населения, отвечает демоэкономическим условиям необходимости — а не только возможности — этого прироста вследствие неразвитости новой становящейся системы производства. Аналогичный эффект наблюдается также при освоении новых территорий, т. е. развитии производительных сил «вширь», что было характерно для зоны обширных степных пространств. Здесь уместно вспомнить одно из интересных замечаний акад. В. П. Алексеева о том, что «демографическая характеристика непосредственно связана со скоростью изменений многих социальных явлений» [30, с. 208].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Назарова Т. П., Потехина И. Д.* Антропологические материалы из могильников Юго-Западного Крыма. Киев: ИА АН УССР, 1990.
2. *Кислый А. Е.* Некоторые представления о возможности моделирования развития древнейшего населения//Демографические исследования. Киев: Наук. думка. 1992. Вып. 16.
3. *Птуха В. М.* Очерки по статистике населения. М.: Госполитиздат, 1960.
4. *Алексеев В. П.* Демографическая и этническая ситуация//История первобытного общества. Эпоха классообразования. М.: Наука, 1988.
5. *Алексеев В. П.* Палеодемография СССР//СА. 1972. № 1.
6. *Гохман И. И.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М.: Наука, 1966.
7. *Потехина И. Д.* К вопросу о продолжительности жизни человека каменного века на Украине//Древности Среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка, 1981.
8. *Angel J. L.* Earli neolitik skeletons from Čatal Hüjük: Demography and patologi//Anatolian Studies. 1971. V. XXI.
9. *Круц С. И.* Палеоантропологические исследования Степного Поднепровья (эпоха бронзы). Киев: Наук. думка, 1984.
10. *Покас П. М., Назарова Т. А., Дьяченко В. Д.* Материалы по антропологии Акташского могильника. Приложение//С. С. Бессонова, Е. П. Бунятян, Н. А. Гаврилюк. Акташский могильник скифского времени в Крыму. Киев: Наук. думка, 1988.
11. *Кондукторова Т. С.* Населення Неаполя Скіфського за антропологічними даними//Матеріали з анторопології України. 1964. Вип. III.
12. *Кондукторова Т. С.* Физический тип людей Нижнего Поднепровья на рубеже нашей эры. М.: Наука, 1979.
13. *Птуха М. В.* Вибрані праці. Київ: Наук. думка, 1971.
14. Движение населения в Европейской России в 1897 г. СПб: Изд. Центр. Стат. Комитета МВД, 1990.
15. *Отрощенко В. В., Болтрик Ю. В.* Культурно-хронологическое и территориальное распределение могильников Днепро-Молочанской степной области//Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наук. думка, 1982.
16. *Березанская С. С.* Эпоха бронзы на Украине//Археология Украинской ССР. Т. I. Киев: Наук. думка, 1985.
17. *Отрощенко В. В.* Белозерская культура//Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1985.
18. *Иванов И. В.* Изменение климата южной Украины в голоцене//Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1985.
19. *Бунятян Е. П.* О формах собственности у кочевников//Археология и методы исторических реконструкций. Киев: Наук, думка, 1985.
20. *Шульц П. Н., Зубарь В. М.* Памятники позднескифской культуры в Крыму//Археология Украинской ССР. Т. II. Киев: Наук. думка, 1986.
21. *Кислый А. Е.* Некоторые особенности смертности населения степей Украины в эпоху бронзы//Демографические исследования. Киев: Наук. думка. 1989. Вып. 13.

22. *Миронов Б. М.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в.//Брачность, рождаемость и смертность в России и СССР. М.: Статистика, 1977.
23. *Шнирельман В. А.* Демографические и этнокультурные процессы первобытной родовой общины//История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986.
24. *Мелларт Дж.* Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.: Наука, 1982.
25. *Шнирельман В. А.* Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов, собирателей//История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986.
26. *Пирожков С. И.* Демографические процессы и возрастная структура населения. М.: Статистика, 1976.
27. *Брук С. И.* Демографические взрывы и история//Второй семинар по исторической демографии. Тез. докл. Рига: Зинатне, 1977.
28. Демографический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1985.
29. *Валентей Д. И., Кваша А. Я.* Основы демографии. М.: Мысль, 1989.
30. *Алексеев В. П.* История и палеоантропология. Реконструктивные возможности палеоантропологических данных//Историческая наука. Вопросы методологии. М.: Мысль, 1986.

Крымский филиал Института археологии АН
Украины, Симферополь

A. E. KISLYI

PALAEODEMOGRAPHY AND THE POSSIBILITIES OF THE ANCIENT POPULATION MODELLING

Summary

The article deals with a new and poorly investigated problem of the palaeodemography: the model of changes in the age structure of the population during the preparations for the productive economy revolution and the revolution itself. The demostatistic analysis is based on the well known demographic appropriateness. The author gives simultaneously a historical picture of the changes in the demographic process and investigates the changes in the length of life from the Mesolithic till the Early Iron Age.

Публикации

В. К. ПЯСЕЦКИЙ

ОРИНЬЯКСКАЯ СТОЯНКА ЧЕРВОНЫЙ КАМЕНЬ НА РОВЕНЩИНЕ

В Дубновском районе Ровенской обл. в довоенные и послевоенные годы М. И. Островским было открыто значительное количество позднепалеолитических памятников. Собранные на них материалы обобщены Г. П. Григорьевым, выделившим здесь липскую культуру [1, с. 3—13; 2, с. 51—55; 3, с. 50, рис. 2]. В группу памятников липской культуры была включена стоянка Червоный Камень у с. Майдан [1, с. 7]. Эту стоянку открыл М. И. Островский в 1960 г. В 1960 и 1963 гг. им было собрано здесь свыше 250 обработанных кремней. Сколько найдено орудий — неизвестно. В эту коллекцию, по-видимому, были включены и некоторые находки, обнаруженные вблизи стоянки. По этой причине Г. П. Григорьев хотя и получил общее представление об индустрии, но оно, как теперь стало ясно, неполное и в некоторых случаях неадекватное.

Новые сборы на Червоном Камне, проведенные автором в 80-х годах, позволяют представить индустрию стоянки в наиболее полном виде.

Стоянка Червоный Камень находится в 2 км западнее с. Майдан, в пределах Майдан-Иловицкого известнякового плато, которое можно считать частью невысоких Кременецких гор. Это северный уступ Подольской возвышенности. От самой гряды гор плато отделено р. Иловица (бассейн Иввы и далее — Припяти).

К северу от плато простирается низменность Малого Полесья, отделяющая Волынскую возвышенность от Подольской. Превышение поверхности плато над низменностью около 80 м. Низменность врезана в толщу мела. Здесь развиты покровные эолово-делювиальные пески — генетические аналоги лессов возвышенностей. Северный уступ Подольской возвышенности имеет эрозионный характер и представляет собой типичный педимент.

Майдан-Иловицкое плато, как и во многих случаях северная часть Кременецких гор, почти лишены плейстоценового осадочного покрова. Лишь местами здесь развиты пески и супеси причерноморского (осташковского) горизонта, под которыми, как на стоянке Грядки в южных отрогах Волынской возвышенности, можно предполагать наличие бугского (калининского) лесса.

Ровность поверхности плато обусловлена горизонтальным залеганием сарматских известняков. Разрушение поверхности плато быстрее происходило в направлении с севера на юг. Северные склоны, по крайней мере в верхней своей части, также лишены плейстоценового покрова, они изрезаны оврагами и балками, а мысы часто далеко заходят в Малое Полесье. Южные склоны покрыты довольно мощным чехлом лессов, рельеф склонов здесь имеет более мягкие очертания.

Стоянка Червоный Камень находится на северном конце одного из выступов плато в урочище с одноименным названием (рис. 1). Название урочища происходит, видимо, от того, что на поверхности известняков часто можно наблюдать куски песачника, покрытые красноватым пустынным загаром.

Интересно отметить, что на северном конце мыса под сарматской плиткой

© В. К. Пясецкий, 1995 г.

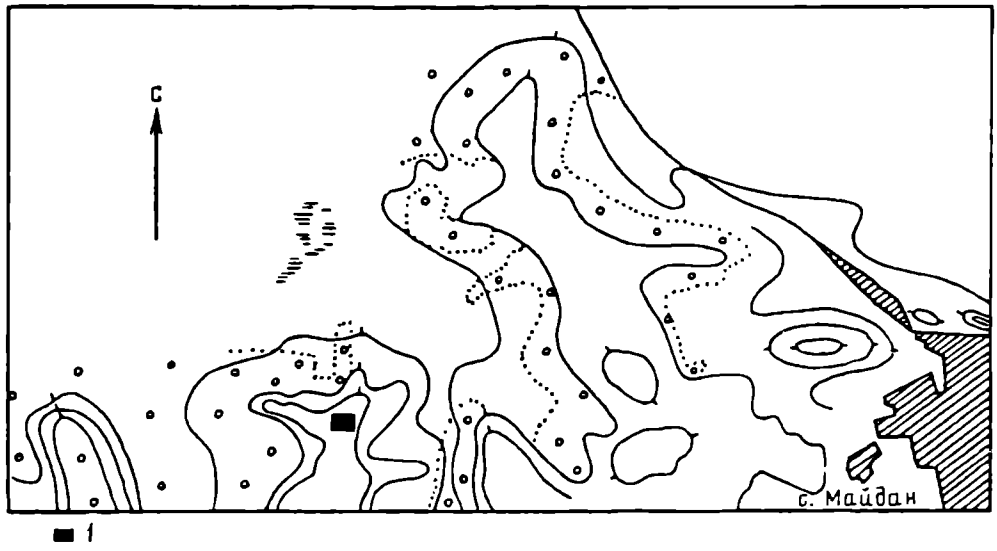

Рис. 1. План расположения палеолитической стоянки Червоный Камень (*1*)

имеется множество пещер, генезис которых суффозионно-провальный. Входы в пещеры в большинстве случаев завалены, а те, что открыты, имеют вид узких лазов. Некоторые из пещер довольно обширные, но недлинные. Перед пещерами находятся площадки. На дне пещер лежат довольно крупные глыбы известняка, обрушившиеся с кровли. Пещеры пока что остаются неисследованными, хотя по некоторым признакам они довольно древние.

На территории стоянки под маломощным почвенным покровом залегает сарматский известняк, местами выходящий на дневную поверхность.

Расщепленный кремень лежал в современной почве. В 70—80-е годы на месте стоянки появились небольшие карьеры по добыче известняка. Кремневые артефакты собраны в бортах карьеров и отвалах. Площадь стоянки около 150 × 100 м. Есть места, где концентрация кремней большая. Можно предположить, что стоянка посещалась древними людьми неоднократно, но какая-либо генетически чужеродная примесь среди кремневых изделий отсутствует.

Кремень, из которого изготавливались орудия труда,— меловый, принесен на возвышенность из долины. Изделия покрыты глубокой белой патиной.

Основные категории изделий и заготовок представлены в таблице.

Привлекает к себе внимание большое количество необработанных или почти не задетых обработкой обломков кремня. Этот факт наблюдается и на некоторых других стоянках района, например на стоянке Грядки. Объяснить его до некоторой степени можно обилием кремня в меловых толщах, но все же доставка кремня на возвышенность требовала значительных трудовых затрат. Обломков в действительности было меньше, так как многие из них несут следы растрескивания от воздействия природных факторов.

Интересно, что на стоянке найдено некоторое количество нуклеусов мустьерских типов. И это несомненно не механическая примесь. Кубовидных нуклеусов с бессистемным скалыванием не много. Все они мелкие, сильно сработанные — 4—5 см в поперечнике (рис. 2, *11*). Больше радиальных нуклеусов, они тоже мелкие — 4—8 см в поперечнике. Из 10 таких нуклеусов односторонних 6 экз. (рис. 2, *9*) и двусторонних 4 экз. (рис. 2, *10*). Можно предположить, что отщепы, снятые с упомянутых ядрищ, использовались в сиюминутных целях.

Радиальные нуклеусы известны на довольно ранних верхнепалеолитических стоянках. Найдены они в III слое Брынзен I, в Радомышле, Сунгире. Кубовидные — на стоянке Костенки 14 [4, с. 172, 176, 180, 184].

Верхнепалеолитические типы нуклеусов являются косоплощадочными, ударные площадки сформированы, как правило, одним сколом. Рабочая поверхность занимает в большинстве случаев до половины заготовки, иногда меньше (рис.

Основные категории кремневых изделий и сырья

№ п.п.	Категория	Количество, шт.	Количество, %
1	Обломки кремня	1055	42,0
2	Желваки	2	
3	Нуклеотидные обломки	103	4,1
4	Нуклеусы	89	3,6
	а) примитивные, безсистемные	4	
	б) радиальные	10	
	в) одноплощадочные, косоплощадочные	53	
	г) со снятием на узкой стороне заготовки, в основном косоплощадочные, с одной площадкой	14	
	д) пирамидальные	2	
	е) двухплощадочные	4	
	ж) со смежными площадками	1	
	з) мелкий клиновидный нуклеус для снятия микропластинок	1	
5	Отщепы	560	22,3
6	Пластины	79	3,1
7	Пластинки	3	
8	Чешуйки	45	
9	Реберчатые продольные сколы	5	
10	Реберчатые поперечные сколы	2	
11	Продольные массивные сколы с нуклеусов	13	
	Орудия с вторичной обработкой	171	6,8
12	Скребки	79	46,2
	а) нуклеусы-скребки, обработанные отщеповой техникой	11	
	б) кареноидные скребки, обработанные преимущественно ламеллярной техникой	38	
	в) скребки на отщепах	16	
	г) скребки на пластинах	14	
13	Струги	5	
14	Резцы	36	21,0
	а) боковые, вогнуторетушные, очень редко пряморетушные	18	
	б) угловые на сломе пластины	15	
	в) срединные	2	
	г) кареноидный резец	1	
15	Резец-скребок	1	
16	Острия	4	
17	Орудия с подтеской	7	
18	Скребла	11	
19	Скребла-ножи	1	
20	Обломки пластин с боковой ретушью	16	
21	Отщепы с ретушью	2	
22	Рубящее орудие	1	
23	Неопределимых и неоконченных орудий	8	
	Всего предметов	2502	

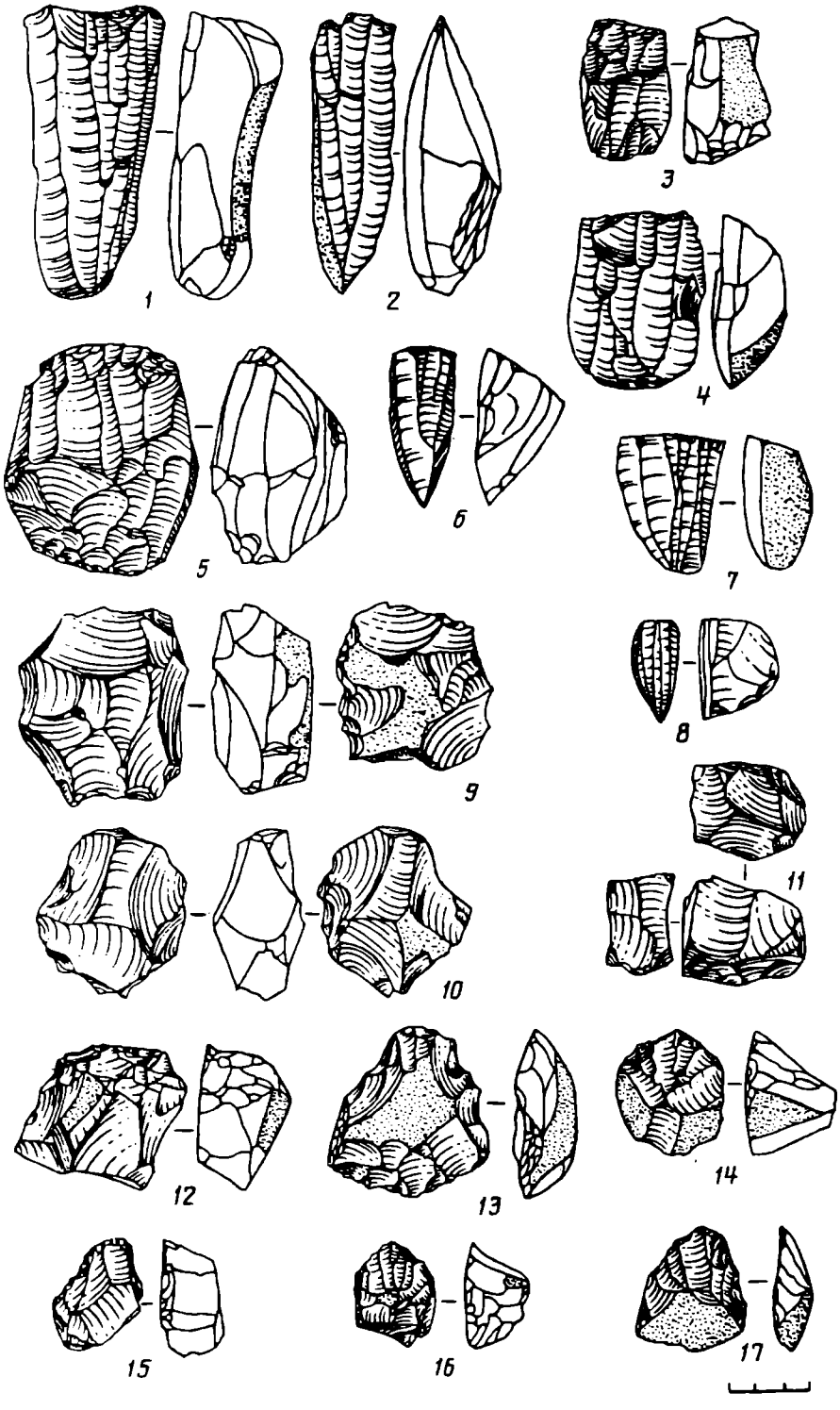

Рис. 2. Стоянка Червоный Камень. Нуклеусы и скребковые орудия труда

2, *1—8*). Из нуклеусов снимались пластины, реже отщепы. Среди нуклеусов со снятием заготовок на узкой торцевой стороне выделяется 8 косоплощадочных подклиновидных (рис. 2, *6*), но они отличаются от нуклеусов липского типа отсутствием специфической тонкой подработки основания.

Крупных нуклеусов мало (рис. 2, *1, 2*). Преобладают размером 4—6 см по оси скалывания. Особо нужно отметить мелкий косоплощадочный нуклеус со следами снятия микропластинок. Основание подработано, как у более крупных нуклеусов липского типа (рис. 2, *8*), хотя настоящие липские нуклеусы отсутствуют.

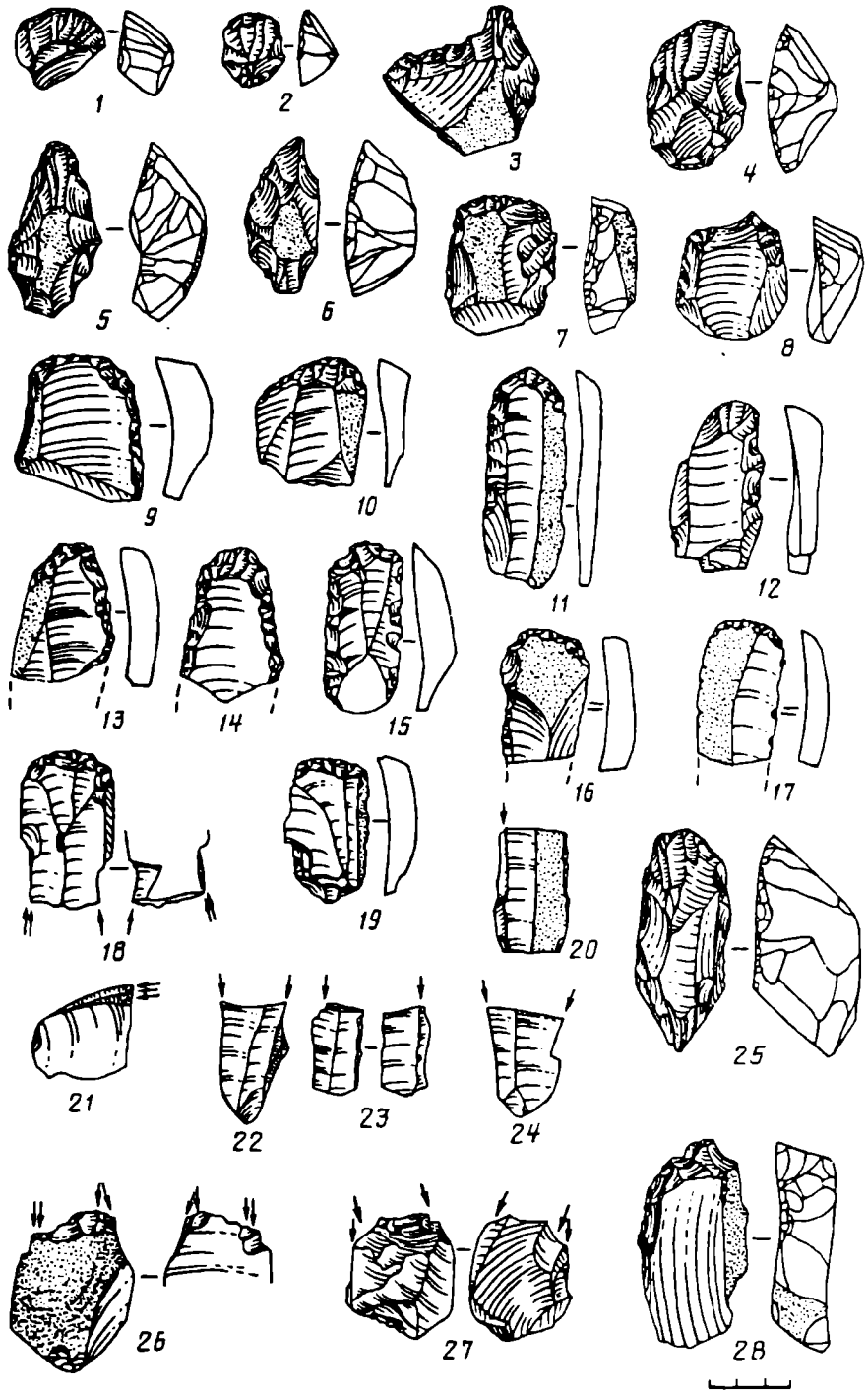

Рис. 3. Стоянка Червоный Камень. Скребки, резцы, струги

Отщепы — первичные и вторичные, преобладают вторичные.

Пластины — крупные и широкие, нередко довольно правильной формы.

Мелкие пластинки, по-видимому, смыты в долину, как и большинство чешуек, так как те, что остались, своими параметрами близки к отщепам.

Процент орудий достаточно высок, чтобы считать местонахождение стоянкой. Среди орудий со вторичной обработкой преобладают различные скребки. Часть из них — это так называемые нуклеусы-скребки, обработанные еще архаичной отщеповой техникой (рис. 2, *12, 13, 15*). Иногда на таких орудиях выделены рыльца (рис. 2, *13, 15*). Но преобладают кареноидные скребки, оформленные техникой снятия мелких пластинок. Орудия эти нередко имеют небольшие

размеры (рис. 2, *14, 16, 17*; 3, *1, 2*). Имеется скребок с носиком (рис. 3, *3*) и четыре настоящих ладьевидных скребков (рис. 3, *4—6*). Скребки на отщепах тоже в большинстве случаев имеют высокую форму (рис. 3, *7—9*), среди них — подокруглый крупный скребок. Хотя есть скребки на отщепах, ничем особым не отличающиеся от других (рис. 3, *10*). Для скребков на пластинах (рис. 3, *11—17, 19*) в большинстве случаев характерна крутая ретушь боковых краев. В редких случаях это так называемая ириньякская ретушь. У нескольких экземпляров рабочий край более узкий, чем основная часть скребка, и тем самым эти орудия приближаются к стрельчатым разновидностям (рис. 3, *12—14*). Но есть два настоящих стрельчатых скребка на нешироких пластинах. Всего несколько концевых скребков на пластинах не имеют боковой ретуши (рис. 3, *17, 19*). Один скребок билатеральный, немного поврежденный (рис. 3, *5*). Один из скребков комбинируется с угловыми резцовыми элементами (рис. 3, *18*).

Выделяются орудия, названные нами стругами — удлиненные в плане, очень высокой формы (рис. 3, *25, 28*).

Резцов меньше, чем скребков. В этой группе преобладают резцы на углу сломанной пластины (рис. 3, *20—24*), но они ничем не примечательны. Особый интерес представляют вогнуто-, реже пряморетушные боковые резцы на отщепах. Для них в большинстве случаев помимо боковых сколов характерны плоские (рис. 3, *26*; 4, *2*). Есть два экземпляра без боковых снятий, а резцовые сколы проходят по вентральной стороне изделия (рис. 3, *27*; 4, *1*). Некоторые из этих резцов неотличимы от проторезцов преориньяка Адлуна в Ливане [5, с. 135, рис. 19, *1, 9*], но схожесть эта имеет конвергентный характер. Билатеральный резец на пластине на одном конце боковой, пряморетушной, где боковые резцовые снятия комбинируются с плоскими резцовыми сколами. Латеральный конец орудия представляет собой угловой резец (рис. 4, *5*). Один из резцов имеет разнонаправленные негативы резцовых сколов (рис. 4, *6*). Срединных резцов всего два[1]. Это самая малочисленная в типологическом отношении группа резцов. Они отличаются грубостью и широкими резцовыми гранями (рис. 4, *7, 8*). Кроме того, имеется атипичный кареноидный резец на отщепе (рис. 3, *21*).

Острия немногочисленны, лишь одно орудие целое (рис. 4, *14*), от остальных остались обломанные концы. Острия оформлены крутой ретушью.

В коллекции имеется небольшое количество орудий с чешуйчатой подтеской (рис. 4, *9—13*). Но большинство из них недостаточно типично. Наиболее интересно орудие на обломке широкой пластины (рис. 4, *12*). На одном конце оно подтесано тонкими чешуйчатыми снятиями, направленными косо по отношению длиной оси орудия, а на другом конце подтеска более глубокая. Одно изделие с подтеской комбинируется со скребком (рис. 4, *13*).

Скребел достаточно много, но они атипичны, так как небрежно обработаны крупной крутой ретушью. Лучшие экземпляры скребел изображены на рис. 4, *15—17*. Имеется скребло-нож с полукрутой ретушью (рис. 4, *18*). Интерес представляет двустороннее обработанное рубящее орудие, имеющее пятку для захвата (рис. 4, *19*).

Остается открытым вопрос, были ли на стоянке пластиночки с затупливающей боковой ретушью.

Таков комплекс артефактов на стоянке Червоный Камень. Особенно характерно для этого комплекса наличие еще некоторого количества нуклеусов мустьерских типов, подавляющее количество в группе орудий кареноидных скребков, обработанных как отщеповой, так и, намного чаще, ламеллярной ретушью. Скребки на пластинах часто имеют боковую, иногда ориньякскую ретушь. Для некоторых скребков на пластинах характерно сужение по направлению к рабочему концу. Единичны стрельчатые скребки и скребки с носиком. Особенно оригинальны вогнуторетушные резцы. Но в коллекции, вопреки утверждения Г. П. Григорьева,

[1] Их было несколько больше, но часть из них утрачена при хранении в фондах Ровенского краеведческого музея.

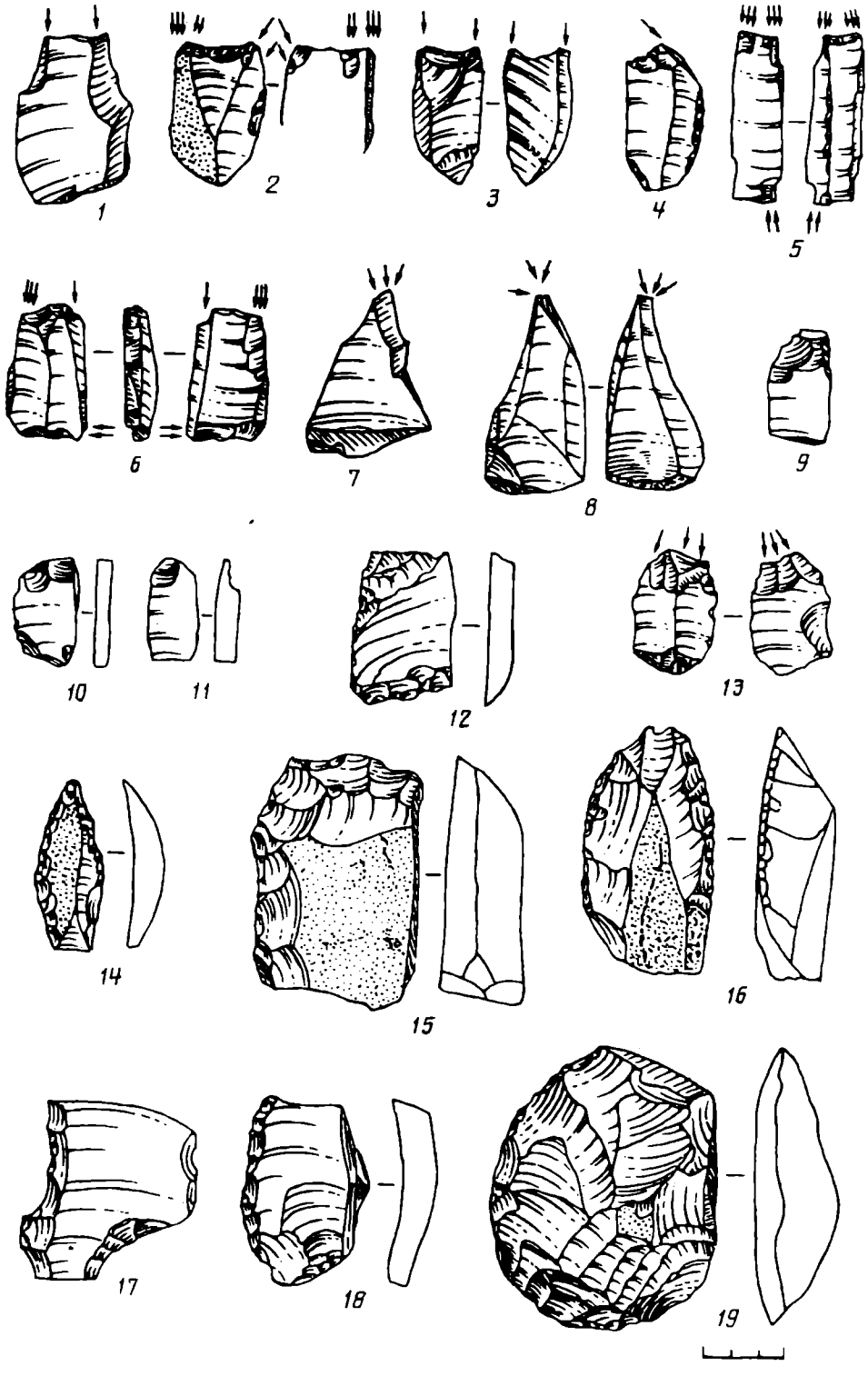

Рис. 4. Стоянка Червоный Камень. Резцы, орудия с подтеской, острие, скребла, рубящее орудие

преобладают не резцы, а скребки. Г. П. Григорьев также писал, что боковых резцов и срединных примерно поровну [1, с. 8], тогда как срединных в действительности совсем мало.

В целом можно говорить о том, что индустрия стоянки имеет ориньякские черты, но при этом следует только учесть, что инвентарь различных ориньякских стоянок будет в чем-то различен. Ниже увидим, что на ориньякских стоянках

Польши, расположенных даже по соседству, в комплексах орудий наблюдается значительное различие.

Не нужно особых доводов, чтобы отнести комплекс Червоного Каменя к развитому ориньяку.

Этот комплекс имеет несомненную генетическую связь с раннеориньякским комплексом стоянки Иваничи в Ровенском районе [6, с. 49—56], где тоже преобладают скребки, и, в частности, скребки-нуклеусы, обработанные ещё полностью отщеповой техникой. На Червоном Камене этот прием обработки уже почти изжит. Нет здесь архаичных скребков на отщепах, рабочий край которых имеет различные выступы и выемки. Сравнить резцы этих двух стоянок не представляется возможным, так как в Иваничах их найдено было слишком мало. Из Иваничей происходит обломок острия. Скребла там более выразительны.

Индустрия стоянки Иваничи (серебки) очень похожа на индустрию стоянки Краков — улица Спадзиста, стоянка С2 [7, с. 51—58]. Эта ориньякская (раннеориньякская, по нашему мнению) стоянка сопоставляется с рядом расположенной стоянкой С1, где ориньяк датируется временем 32 000 лет. Культурный слой стоянки Иваничи лежит в дофиновской (штильфрид В) погребенной почве. В Жорнове в этой же почве находится культурный слой, который относится к граветскому времени [8, с. 182—191]. По этой причине стоянку Червоный Камень можно датировать временем штильфрид В. Но нам теперь уже не кажется, что средний культурный слой Жорнова имеет прямую генетическую связь с местными ориньякскими индустриями.

Орудия труда Червоного Каменя отличаются от таковых на стоянке Мирогоща I (Поле Вотрубы), открытой М. И. Островским. В Мирогоще I нами найдено несколько типичных липских нуклеусов, чего нет в Червоном Камене. Правда, похожи здесь и там скребки на пластинах, но в Мирогоще есть низкие широкие скребки на отщепах, обломки орудий с пологой ретушью, найден только один кареноидный скребок, имеются крупные отщепы со сравнительно невысокой ретушью, найден обломок крупного односторонне обработанного тонкой солютрейской ретушью острия. Резцы боковые, косоретушные, только в одном случае с плоским сколом. Правда, на другом угловом резце резцовые негативы заходят на вентральную поверхность пластины. Все же отметим, что в Червоном Камене и Мирогоще найдено по одному экземпляру идентичных нуклеусов для снятия микропластинок. Это липские нуклеусы в миниатюре. Окончательные сравнения проводить еще рано, нужно регулярное пополнение коллекции из Мирогощи. А пока что генетическая связь комплекса Червоного Каменя и Мирогоши I остается недоказанной.

К сожалению, теперь недоступны исследования на стоянке Липа-Гстра, так как территория стоянки заросла лесом.

Представляется, что стоянка Мирогоща I моложе стоянки Червоный Камень. Помимо прочего, на это может указывать факт, что лежит она не на плато, а на его склоне, примерно в 20 м ниже края плато.

Еще более поздние стоянки района, относимые к мадленскому времени, в данном районе опускаются еще ниже и лежат всего в нескольких метрах над уровнем поймы. Довольно низко залегают и культурные слои стоянки липы VI (Глинище), относимые В. П. Савичем к мадленскому времени [9, с. 101].

Нет необходимости доказывать несходство инвентаря нижних позднепалеолитических слоев Молодовских стоянок (особенно Молодовы V) со стоянкой Червоный Камень. Это очевидно и без анализа. Можно только указать, что кареноидные скребки в единичных экземплярах есть в 10-м и 8-м слоях Молодовы V. Культурные слои 10 и 8 лежат в почве штильфрид В.

Г. П. Григорьев пишет, что по времени инвентарь Червоного Каменя можно сравнить со слоем 7 Молодовы V, так как в этом слое есть ножи с подтеской молодовского типа, встреченные в Червоном Камене [2, с. 53]. Но А. П. Черныш упоминает только об одном таком орудии в слое 7 [10, с. 37]. Орудия с

чешуйчатой подтеской широко известны в костенковско-городцовской культуре, культурные слои которой датируются временем штильфрид В [4, с. 183].

Типология орудий труда Червоного Каменя, а также стратиграфия Жорнова, указывают на то, что стоянку Червоный Камень следует датировать временем штильфрид В. В этом мы еще раз убедимся ниже, рассмотрев некоторые ориньякские комплексы Польши.

Так что, видимо, не случайно в финально-мустьерском комплексе Жорнова появляется боковой, вогнуторетушной резец, который так характерен для Червоного Каменя. Это не значит, что Червоный Камень и мустье Жорнова синхронны, но, возможно, в данном районе существовали более ранние стоянки, тесно генетически связанные с Червоным Каменем, одновременные жорновскому мустье.

Стоянки Иваничи и Червоный Камень — пока что практически единственные из известных ориньякские памятники на Украине, если не считать ориньякские стоянки в районе Берегово в Закарпатье [11, с. 32—41]. Но инвентарь береновских стоянок имеет мало общих черт с инвентарем Червоного Каменя. Поэтому попытаемся найти близкие аналогии инвентарю в более отдаленных районах.

В Болгарии почти все ориньякские слои обнаружены в пещерах, что, по-видимому, приводит к обедненности набора кремневых орудий (то же наблюдается и в Польше).

Слои пещеры Бачо-Киро не отличаются выразительностью инвентаря, хотя можно отметить высокие скребки на отщепах, обломки кремневых острий, отдельные кареноидные скребки [12, с. 34, рис. 16]. Беден инвентарь пещеры Темната и пещеры В. Левского и отличается от инвентаря Червоного Каменя. Среди малочисленной коллекции пещеры Пешт у Старо Село обнаруживается скребок, суживающийся к лезвию, и кареноидный скребок [12, с. 35—37].

По-видимому, богатые ориньянские слои на стоянках открытого типа в Болгарии еще не найдены, а по имеющимся данным делать какие-либо достоверные выводы невозможно.

В Молдове к ориньякским памятникам можно отнести Климауцы I. Здесь имеются архаические типы орудий — скребла, ножи с естественным обушком, удлиненные бифасы. Но есть тут и кареноидные скребки, скребки ладьевидные и с носиком [13, с. 14]. Эти факты, по нашему мнению, могут означать, что ориньякские индустрии (их носители) влияли на местную мустьерскую основу.

Примерно такой же набор орудий известен в Зеленом Хуторе в Нижнем Поднестровье, но без бифасов [14; с. 10, 11].

Об ориньянских памятниках Румынии можно узнать из работы М. Битири [15, с. 268], где речь идет о палеолите Оашской межгорной впадины в западных отрогах Карпат. На этих памятниках имеются скребки каренэ, килевидные, á museau, пластины с ретушью по всему контуру и др. Но отсутствуют классические для типичного ориньяка резцы бюске. В среднем слое Бойнешты, как и в Реметя-Шомош I и II (средние слои), Кэлинешты I (нижний слой) и Кэлинешты II, ведущие типы орудий — это скребки каренэ, ладьевидные, пластины с ретушью, часто по всему периметру, острия на пластинах. Резцов не много, они в основном срединные. Инвентарь, как видим, напоминает в значительной степени инвентарь Червоного Каменя, хотя и не идентичен ему.

Материалы Венгрии бедни, так как пока ориньякские слои найдены лишь в двух пещерах — Пешко и Ишталлошко [2, с. 41, 42].

Б. Клима считает, что ориньяк представляет конгломерат разных групп и проник в Среднюю Европу с юго-востока. Восточнословацкие ориньякские стоянки Барца I и II, Кехнец I и моравская стоянка Кшепице относятся к раннему ориньяку. Ориньякские стоянки (как и в других странах) лежат высоко над рекой. Богатый материал собран на стоянке Пшепице. Орудия несколько грубы, что объясняется, видимо, ранней фазой ориньяка, а также и тем, что они изготовлены из роговика. Ретушь на орудиях крутая, иногда типично ориньякская. Скребки встречаются чаще на отщепах, типичны скребки килевидные и с вы-

ступами. Преобладают срединные резцы. В Кшепице найдена широкая ретушированная пластина с подтеской.

В Новой Дедине в Моравии имеются килевидные скребки, скребки на укороченных пластинах. Некоторые высокие скребки имеют носик. Но на стоянках отсутствуют стратиграфические данные, в публикациях не указывается процентное соотношение тех или иных групп орудий [16, с. 85—98]. Со времени старых публикаций Б. Климы новых значительных стоянок, по крайней мерев Словакии, открыто, видимо, не было, так как Ю. Барта в последнее время только вскользь упоминает о тех же стоянках Барца II, да еще о Сеня I, отнеся их к интерстадиалу хенгело [17, с. 145]. Об этом интерстадиале нам уже приходилось писать, как и вообще о событиях, приведших к появлению верхнего палеолита в Европе [18, с. 122—125]. Поэтому можно датировать раннеориньякские стоянки Моравии и Словакии временем штильфрид В и, возможно, именно ранним его отрезком — временем арси, если учесть находки в Барца II угольков теплолюбивых деревьев, в частности дуба и рябины [19, с. 109].

Более определенны данные о стоянках Польши, относимых к собственно ориньяку [20. с. 118—127, 349, 371]. Эти стоянки сосредоточены главным образом в районе Кракова, в пределах Краковско-Ченстоховской возвышенности. Стоянки открытые, занимают экспонированные высоты, лессовые. В польских пещерах ориньякские слои отсутствуют, за исключением бедного комплекса кремневых изделий в пещере Замкова Дольна в Ченстоховском воеводстве. В пещере Мамутова в Краковском воеводстве кроме немногочисленных ориньякских кремневых орудий найдены острия типа Младечъ. Кстати, острия с расщепленной основой и типа Младечь, известные в ориньякских памятниках Европы, не могли появиться в результате конвергенции. Для этого были необходимы тесные контакты ориньякских общин.

На польских стоянках развита пластинчатая техника. Пластинчатые заготовки крупные и средние, очень редко встречаются мелкие пластинки. Среди орудий всегда много скребков, резцов и пластин с ретушью. Редко встречаются другие орудия. Скребки, обычно на пластинках без боковой ретуши, реже с боковой ретушью, часто ориньякской. Много кареноидных скребков, часто ладьевидных, обработанных ламеллярной ретушью. Реже скребки на пластинах, приостренные в рабочей части и с носиком. Есть массивные подокруглые скребки. Соотношение этих изделий разное. Например, на стоянке Пенкары II ладьевидных скребков не много, в противовес стоянке Краков-Звежинец I. Среди резцов преобладают срединные, не мало боковых косо- и вогнуторетушных, у многих имеются плоские негативы. Много кареноидных многофасеточных резцов, часто на грубых сколах. Они похожи на резцы бюске, но без характерных выемок у рабочей части. Встречаются угловые резцы на изломе пластины. Почти полностью отсутствуют острия и пластины с широкими выемками (здравцы). Иногда встречаются единичные микроретушированные пластинки. Стоянки датируются временем арси — штильфрид В. Дата для Пекары II около XXX лет — потепление арси, на что указывают теплолюбивые виды деревьев, в частности тис. Польские стоянки близки к моравской группе. Эта группа в типолого-статистическом отношении неоднородна, что подтверждается и в польских материалах. Есть стоянки, где больше резцов, чем скребков, при преобладании кареноидальных резцов (Краков-Звежинец; улица Спадзиста, стоянка С). В Кракове-Звежинец и Горе Св. Бронислявы больше высоких скребков, в том числе кареноидальных.

Особое место занимает комплекс Пекары II, где крупные пластинчатые заготовки и низкий процент скребков высокой формы, при преобладании скребков над резцами. Здесь есть боковые резцы с плоскими резцовыми сколами.

Пока что неясно, в чем причина некоторого (иногда значительного) несходства в инвентарях различных стоянок, расположенных вблизи друг от друга, и имеют ли эти расхождения хронологический характер.

Связь с Моравией и Словакией подчеркивают известные из польских комп-

лексов Закарпатские импорты — радиолярит и обсидан. Моравские стоянки тоже имеют польское сырье — верхнесилезское и юрское.

В Словакии на стоянках Барца I и II, Кехнец, Светла имеется свецеховский и юрский кремень.

Как видим, ориньякские стоянки Центральной и Южной Европы своим инвентарем часто во многом похожи друг на друга, хотя иногда наблюдаются и некоторые различия. Все они более-менее в геологическом отношении одновременны. Многие авторы подчеркивают, что ориньяк в Европе появляется внезапно и не имеет местной генетической основы. Можно говорить об ориньякской стадии, которая, однако, почти не затронула Восточную Европу.

Что касается стоянки Червоный Камень, то ее инвентарь наиболее похож на инвентарь стоянки Краков-Звежинец-I своими кареноидными скребками, скребками на отщепах и пластинах, боковыми резцами, которые, впрочем, не имеют плоских сколов подтески, хотя такие сколы есть в Пекарах II. Поскольку район Кракова через Сандомирскую котловину связан с грядой Росточья, протягивающуюся из Польши в район Львова и далее через Гологоры и Вороняки связан с Кременецкими горами, то именно из района Кракова в Кременецкие горы, видимо, и проникла какая-то группа людей — носителей ориньякских традиций. В Росточье и в Гологорах ориньякские стоянки еще не найдены, хотя эти места и перспективны для поисков. Дальнейшие поиски ориньякских (и других) стоянок затруднены из-за сильной залесенности Кременецких гор.

Проникновение через Карпаты носителей ориньякской техники из Центральной Европы мало вероятно, так как здесь, в отличие от территории Польши, отсутствуют легкодоступные горные проходы. Отметим еще, что на территорию Польши из Центральной Европы в более поздние времена, в эпоху неолита, неоднократно проникали значительные группы людей и затем расселялись и на территории Западной Украины.

Очень заметно, что ориньякские стоянки повсюду занимают районы предгорий, размещены на возвышенностях. Это обусловлено, видимо, не только типом хозяйственной деятельности, но и тем, что первично ориньяк возник в подобной же природной обстановке. По этой причине его практически нет в более низких местах ближе к Днепру и восточнее — в районе Костенок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Островский М. И., Григорьев Г. П.* Липская палеолитическая культура//СА. 1966. № 4.
2. *Григорьев Г. П.* Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л.: Наука, 1968.
3. *Григорьев Г. П.* Верхний палеолит//Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970.
4. *Рогачев А. Н., Аникович М. В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма//Палеолит СССР. М.: Наука, 1984.
5. *Коробков И. И.* Палеолит Восточного Средиземноморья//Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л.: Наука, 1978.
6. *Пясецкий В. К.* Оріньякська стоянка Іваничі на Волині//Археологія. 1988. № 64.
7. *Kozlowski J. K., Sobczyk K.* The upper palaeolithic site Krakow — Spadzista street C2. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellonskiego. Prace archeologiczne. Zeszyt 42. Warszawa; Krakow, 1987.
8. *Пясецкий В. К.* Средний культурный слой палеолитического местонахождения Жорнов//СА. 1991. № 4.
9. *Савич В. П.* Пізньопалеолітичне поселення Південно-Західної Волині. Київ: Наук. думка, 1975.
10. *Черныш А. П.* Эталонная многослойная стоянка Молодова V//Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. М.: Наука, 1987.
11. *Смирнов С. В.* Пізньопалеолітична стоянка Берегове I на Закарпатті//Археологія. 1974. № 13.
12. *Kozlowski J. K.* Badania nad przejsciem od srodkowego do gornego palleolitu na Balkanach. PA. T. 23. Wydawnictwo Polskiej Akademii nauk, 1975.
13. *Борзияк И. А.* Поздний палеолит Днестровско-Карпатского региона//Первобытные древности Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1983.
14. *Станко В. Н.* Поздний палеолит и сложение мезолита в степях Северного Причерноморья//Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. Киев: Наук. думка, 1980.
15. *Берзияк И. А.* Рец. на книгу M. Bitiri: Paleoliticul in Tara Oasului. Studiu archeologic. Centrul de informare si documentare in stiintele sociale si politice. Bukuresti, 1972//СА. 1976. № 2.
16. *Klima B.* Spučasny stan problematiki aurignacienu a gravettienu//AR. 1961. XIII. sešit 1.
17. *Барта Ю.* Палеолитические памятники Словакии//СА. 1985. № 2.

18. *Пясецкий В. К.* Мустьерский культурный слой палеолитического местонахождения Жорнов и некоторые вопросы стратиграфии палеолита//РА. 1992. № 3.
19. *Prošek F.* Szeletien na Slowensku//SA. Slovenska Akademia Vied. 1953a.
20. *Kozlowski J. K., Kozlowski S. K.* Epoka kamienia na ziemiach polskich. Państwowe wydawnictwo Naukowe. Warszawa, 1977.

Ровенская геологоразведочная экспедиция
ПГО «Северукргеология»

V. K. PJASETSKY

AURIGNAC SITE TCHERVONY KAMEN IN ROVNO REGION

Summary

The article deals with the artifacts from Tchervony Kamen site in Dubnovsky district of Rovno Region dated to the developed Aurignac. According to the analogies the site is dated to the Stillfried B time. The main tools are the carine scrapers, the number of the scrapers on blades is lesser. There are the scrapers with lug, close to the lancet ones and a very small number of the lancet scrapers. The canted burials and the more concave retouched side-burials prevail. There are some other types of tools. The artifacts have some genetic ties with the artifacts of the Early Aurignac Ivanichy site in Rovno district. The industry looks like the complex of tools from the Polish Krakow-Zvezhinets I site. The author suggests that a group of people moved from that very area to Rovno district.

А. Е. КРАВЦОВ, М. Г. ЖИЛИН

ОПЫТ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПЛАНИГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ БЕЛИВО-4Г-СЕВЕРНАЯ

Среди мезолитических памятников Волго-Окского бассейна преобладают стоянки, расположенные на надпойменных террасах и дюнах. В их культурных слоях, залегающих в рыхлых песках и супесях в непосредственной близости от поверхности, органические материалы не сохраняются. Источником для изучения этих стоянок являются кремневый инвентарь и остатки различных хозяйственно-бытовых объектов (кострищ, ям и др.), прослеживающиеся в виде углистых и цветовых пятен, интерпретация которых по данным визуальных наблюдений часто спорна. В публикациях, как правило, основное внимание уделяется описанию и типологическому анализу изделий из камня, что ограничивает результаты исследований определением культурной принадлежности и относительной хронологии памятников.

Между тем немногочисленные пока работы, посвященные функциональному анализу кремневого инвентаря мезолитических стоянок региона [1—3] и их сезонному функционированию [4], показывают, что информативные возможности имеющихся источников не исчерпаны. Представляется, что они могут быть расширены за счет сочетания ряда применяемых в археологии методов, которые в комплексе дают возможность выполнить анализ памятников, названный нами по двум основным элементам «функционально-планиграфическим». Он позволяет исследовать стоянку как сложный объект со своей структурой, связанной с организацией хозяйственно-бытовой деятельности ее обитателей и локализацией различных видов деятельности на площади поселения. Предлагаемый анализ применим к чистым археологическим комплексам, сформировавшимся, предположительно, в результате однократного заселения и раскопанным полностью или на значительной площади, и включает следующие элементы: 1) детальное визуальное изучение всех зафиксированных углистых и цветовых пятен, связанных с бытованием стоянки, выявление связей [5] между ними и их синхронности по ремонтажу сломанных изделий из камня, сколов и ядрищ, а также по специфической цветности кремня; 2) технико-типологический анализ каменного инвентаря; 3) трасологический анализ каменного инвентаря; 4) анализ распределения разнофункциональных орудий и предметов из камня, не имеющих следов использования (заготовок, отходов и т. д.) на площади стоянки; 5) анализ топографических особенностей стоянки и ее окружения (особенности местности и расположения близлежащих мезолитических памятников); 6) интерпретацию на основе комплекса полученных данных структурных элементов памятника и памятника в целом.

Для проведения предлагаемого анализа нами выбрана стоянка Беливо-4Г-северная, исследовавшаяся Подмосковным отрядом АЭ МИГМ под руководством А. Е. Кравцова в 1986—1987 гг. Она находится близ д. Беливо Орехово-Зуевского р-на Московской обл. и расположена на возвышенном участке площади боровой террасы на левом берегу р. Нерской и правом — ее притока р. Радомки в 200 м от устья последней; высотная отметка над меженным уровнем обеих рек — 4,5 м (рис. 1). Поверхность памятника не задернована, разрушается прогоном скота и развеивается; частично он поврежден скотомогильником.

© А. Е. Кравцов, М. Г. Жилин, 1995 г.

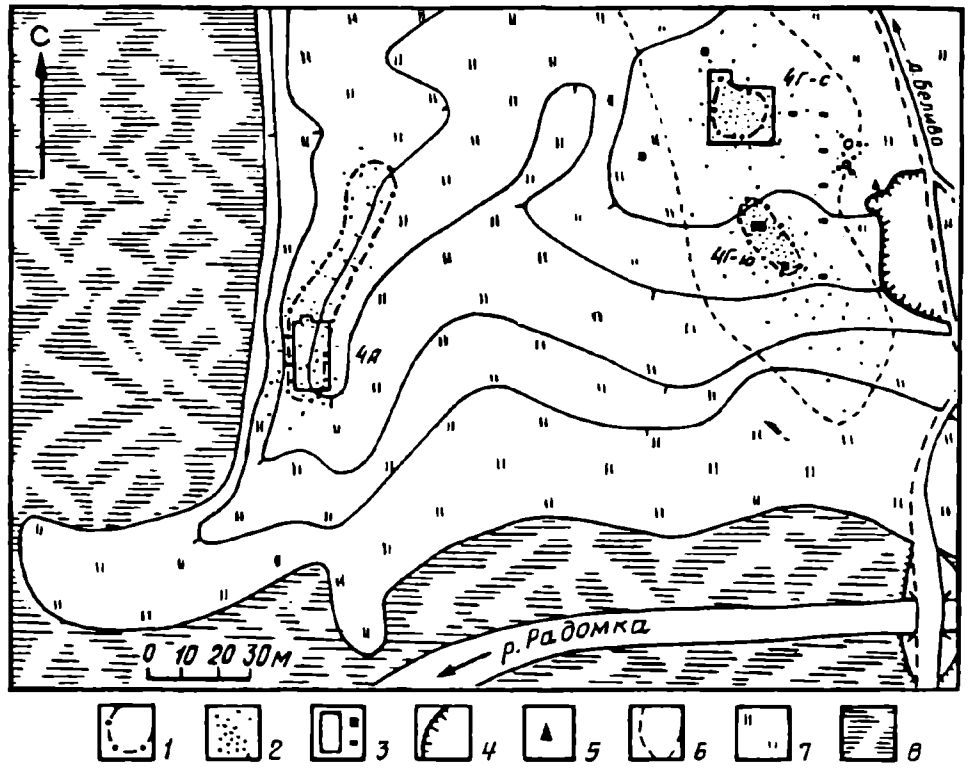

Рис. 1. Мезолитические стоянки Беливо-4Г-северная; 4Г-южная; 4А. План. *1* — границы стоянок; *2* — подъемный материал; *3* — раскопы, шурфы; *4* — карьер; *5* — зачистка; *6* — обнажение; *7* — луг; *8* — болото

На месте стоянки отмечено аморфное скопление расщепленных кремней площадью до 300 м², полностью перекрытое раскопом площадью 332 м². На местах единичных находок на поверхности к северу, востоку и западу от скопления заложена серия шурфов, из которых лишь в одном в 5 м восточнее раскопа встречен отщеп.

В 25 м южнее на пологом склоне к р. Радомке на высоте 3—3,5 м отмечено второе скопление кремней (рис. 1), овальное, 25 × 12 м, исследовавшееся в 1986—1987 гг. сборами и шурфами. Некоторые различия по цветности кремня и типологическому составу инвентаря позволяют считать, что оно соответствует однокультурной, но обособленной стоянке Беливо-4Г-южная[1], в данной статье не рассматривающейся. Стоянка Беливо-4Г-северная исследована раскопками практически полностью.

Так как памятник находится в пределах котловины выдувания глубиной до 40 см, стратиграфия приводится по зачистке стенки обозначенного на плане (рис. 1) карьера, находящегося на задернованном участке в 30 м к юго-востоку-востоку от раскопа. Описание слоев дается сверху вниз, указана мощность в см: 1) дерн — 2—4; 2) желто-серый рыхлый песок — дюна — 10—20; 3) серый гумусированный песок — погребенная почва I — 8—15; 4) желто-серый рыхлый песок — дюна — 15—30; 5) коричневато-серый гумусированный песок — погребенная почва II — 10—25; 6) белесый или рыжевато-белесый оподзоленный песок — 5—40; 7) рыжий или желто-рыжий песок — 8—25; 8) серо-желтый рыхлый песок — 10—45; 9) светло-серый или серо-бурый плотный песок с ортзандами, прокопанный на контрольных участках до глубины 230 см.

В раскопе три верхних слоя разрушены, четвертый сохранился обрывками, пятый представлен почти повсеместно, но имеет следы нарушений прогоном

[1] К такому же выводу пришла Е. В. Леонова, завершившая раскопки второго скопления и участка площади между скоплениями [6], подтвердившая указанные различия и отметившая отсутствие связей между скоплениями по ремонтажу и специфической цветности кремня.

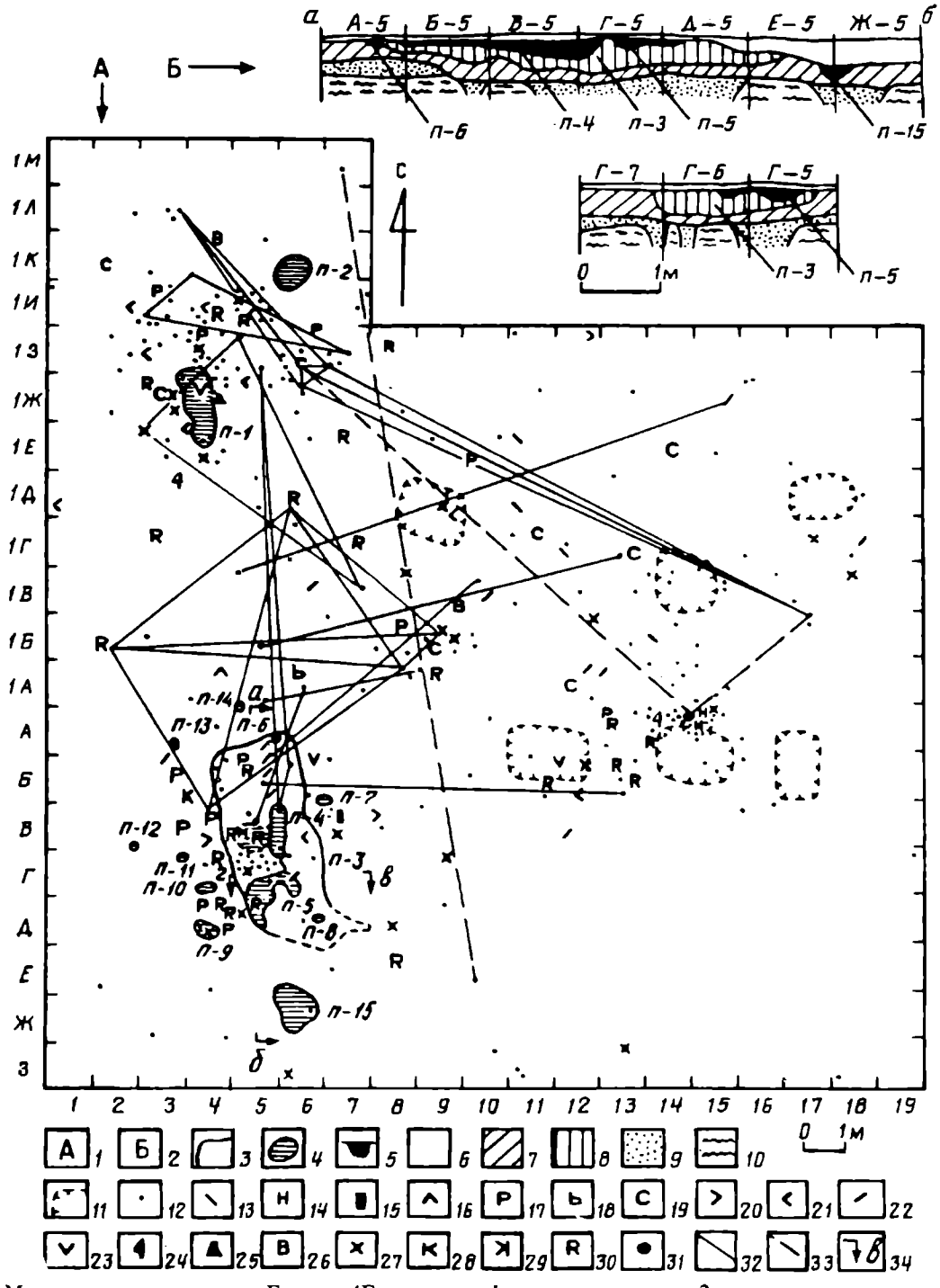

Рис. 2. Мезолитическая стоянка Беливо-4Г-северная. *1* — схема раскопа; *2* — разрезы микроскопления II; *3* — контур пятна 3; *4* — пятна 1—2, п. *4—15* — кострища и столбовые ямки; *5* — углистые пятна в разрезах; *6* — перевеянный песок (в разрезах); *7* — желто-рыжий песок; *8* — темно-рыжий песок; *9* — желтый рыхлый песок; *10* — серо-желтый песок с ортзандами; *11* — ямы скотомогильника; *12* — отщеп, осколок; *13* — пластина; *14* — технологический скол; *15* — отбойник; *16* — лощило; *17* — резец; *18* — резчик; *19* — скребок; *20* — скобель по кости; *21* — скобель по дереву; *22* — разделочный нож, вкладыш разделочного ножа; *23* — проколка; *24* — наконечник; *25* — трапеция; *26* — вкладыш охотничьего вооружения; *27* — орудие без следов использования; *28* — резец-резчик; *29* — резчик-пилка; *30* — резцовый отщеп; *31* — скопление сколов с одного нуклеуса; *32* — связи по ремонтажу; *33* — связи по цветности кремня; *34* — точки разрезов

скота, частично перевеян и отделен от поверхности слоем перевеянного песка мощностью 5—20 см. Нижележащие слои идентичны прослеженным в зачистке. Исключением является юго-западная часть раскопа, где разрушенными оказались слои 1—6 и под перевеянным песком залегал сразу желтовато-рыжий песок —

слой 7 зачистки. Отмеченная в зачистке погребенная почва I (слой 3) соответствует современному почвенному гумусу на площадке террасы, локально перекрытому позднейшей дюной.

Углистые и цветовые пятна, связанные с бытованием поселения (см. ниже), прослеживались в раскопе от кровли слоя подзола (слой 6), а в юго-западной части раскопа — после удаления перевеянного песка, в слое желто-рыжего песка (слой 7); верхняя их часть здесь перевеяна. Расщепленные кремни залегали в слоях 5—7, единичные — в перевеянном песке. Мощность горизонта залегания находок 45—50 см, максимум их распределения без выраженного пика приходится на глубину 30—40 см, соответствующую слою подзола. Около 70% найденных в раскопе артефактов обнаружено в трех микроскоплениях (рис. 2).

Микроскопление I округлое, площадью около 15 м^2, локализовано на квадратах 1Е-3—4; 1Ж-3—6; 13-2—7; 1И-2—5 (отдельные находки — на смежных квадратах). С ним сопряжены два кострища — углистые пятна 1 и 2, отмеченные на фоне оподзоленного песка. Первое овальное, 180 × 70 см, мощностью 55 см; в заполнении пять кремневых чешуек. Второе подокруглое, 60 × 70 см, в яме глубиной 37 см с четким котловидным профилем, находок в заполнении нет.

Микроскопление II — аналогичной формы и размеров, на кв. Б — 3—6; В — 4—8; Г — 4—6; Д — 4—5. С ним сопряжена группа пятен 3—15, выявленных на фоне желто-рыжего песка. Пятно 3 темно-рыжее, подовальное, вытянутое по линии ССЗ — ЮЮВ; юго-юго-восточная граница нечеткая, размеры 450 × 200 см; в разрезах линза мощностью 45 см, залегающая сразу под перевеянным песком; развеяна, очевидно, и верхняя часть пятна 3, а также других пятен, связанных с микроскоплением II. В центре пятна 3 находится углистое пятно 4 — деформированное корнем кострище 120 × 40 см мощностью около 30 см. Рядом, в южной части пятна 3, аморфное углистое пятно 5, 100 × 10—65 см, мощность линзы до 25 см. По периметру микроскопление оконтуривается небольшими, 15—50 см в поперечнике, овальными и округлыми слабоуглистыми пятнами 6—14; в разрезах более или менее отчетливо прослеживаются ямки глубиной от 5 до 25 см. С юга к микроскоплению II примыкает углистое пятно 15 — кострище размером 98 × 98 см; в разрезе прослежена яма с неровным дном глубиной 17 см от уровня выявления; верхняя часть ее развеяна (рис. 2).

По нашему мнению, пятно 3 связано с остатками легкого наземного жилища; пятно 4 — очаг; пятно 5 — выброс очажного заполнения; пятно 15 — кострище, устроенное снаружи жилища, возможно, перед входом, обращенным к р. Радомке. Предположительно с жилищем связаны и пятна 6—14, рассматривающиеся нами как ямки от столбиков или жердей каркаса, тогда пятно 3 не ограничивает жилища, а соответствует зоне интенсивной хозяйственно-бытовой деятельности в нем вокруг очага и в некотором удалении от стен, вероятно, наклонных.

Микроскопление III аморфно и выделяется менее отчетливо, чем первые два. Повышенная концентрация находок отмечалась на кв. 1А—14, 15; А — 13; Б — 11,13 и особенно А — 14,15, где на площади около 0,25 м обнаружено более 50 кремней. Прилежащий к микроскоплению III участок сильно поврежден скотомогильником.

Между различными участками вскрытой площади, в том числе микроскоплениями I—III, отмечено более 25 связей по ремонтажу изделий из камня, еще три — по специфической цветности кремня (рис. 2), что указывает на синхронность всех исследованных в раскопе объектов, которые могут рассматриваться как структурные элементы одного кратковременного поселения.

Небольшой, но выразительный комплекс инвентаря насчитывает 413 предметов из камня[2], из которых 343 найдено в раскопе, 70 — на поверхности. Использовался преимущественно непрозрачный моренный кремень желтого, красного, черного, серого, светло-серого цвета — 319 экз. Реже встречается более высококачествен-

[2] Коллекции МИГМ: оф. № 27643, 27976; вф № 13915, 13928.

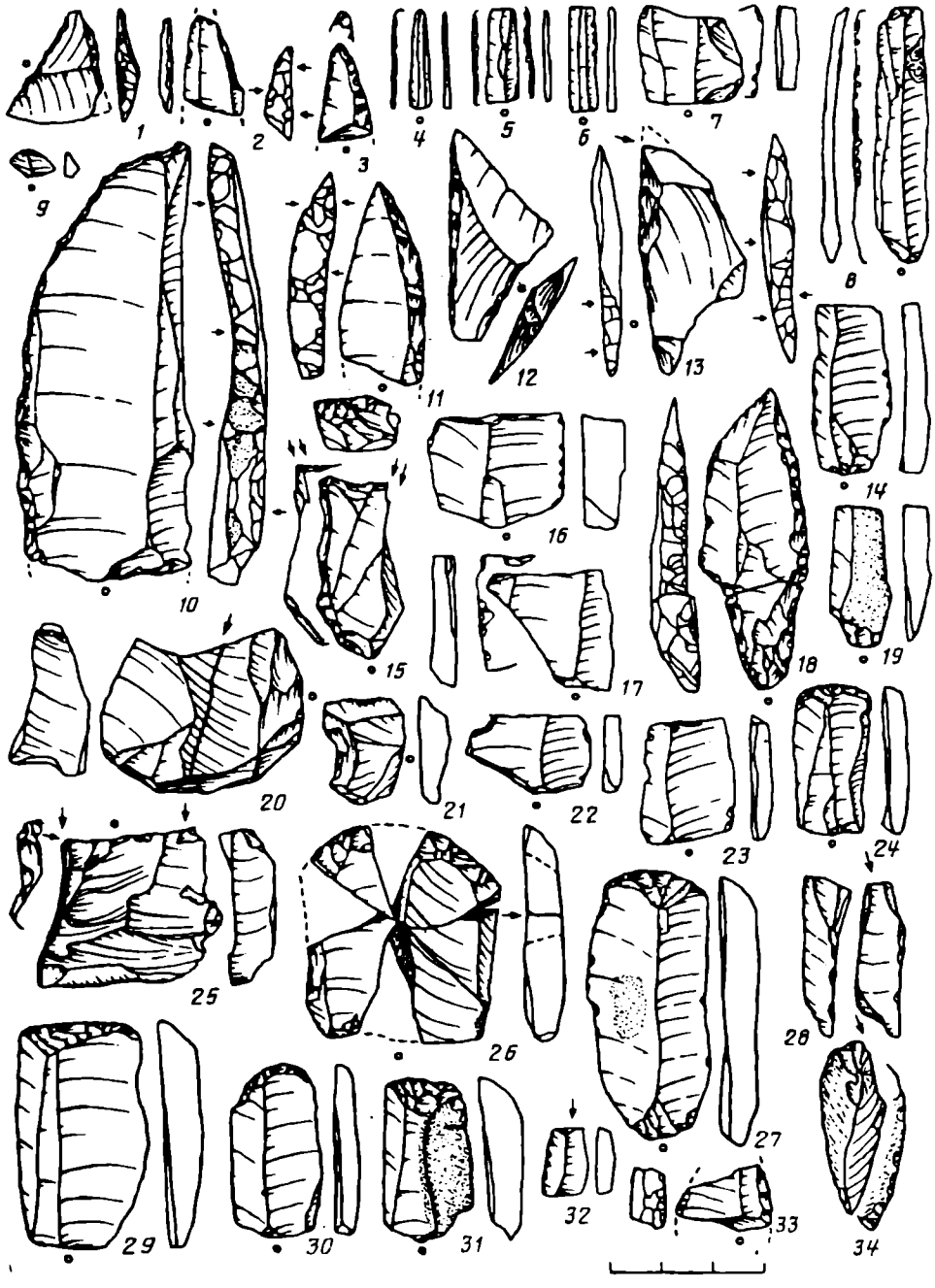

Рис. 3. Кремневый инвентарь

ный полупрозрачный патинизирующийся серый, серо-коричневый и розовый кремень — 87 экз. Единичны находки опоки, песчаника, гранита.

Нуклеусов не найдено. Технологических сколов три (0,7% в комплексе): скол с фасетированной площадки и две ребристые пластины, обработанные по одной грани. Еще два скола с площадок и аналогичная ребристая пластина использованы для изготовления орудий. Реконструируются ядрища от пластин с параллельными снятиями; по крайней мере, часть нуклеусов имели по две площадки. О размерах нуклеусов дают представление целые экземпляры пластин длиной от 37 до 84 мм.

Осколков и отщепов 280 (67,8%), пластин 22 (5,3%) (рис. 3, *6*, *14*, *19*; *5*, *6*, *13*), краевых отщепов резцов 30 (7,5%) (рис. 3, *28*, *32*, *34*), орудий 76 (18,4%). Кроме того, найдены отбойник из гранитной гальки и кусочек песчаника,

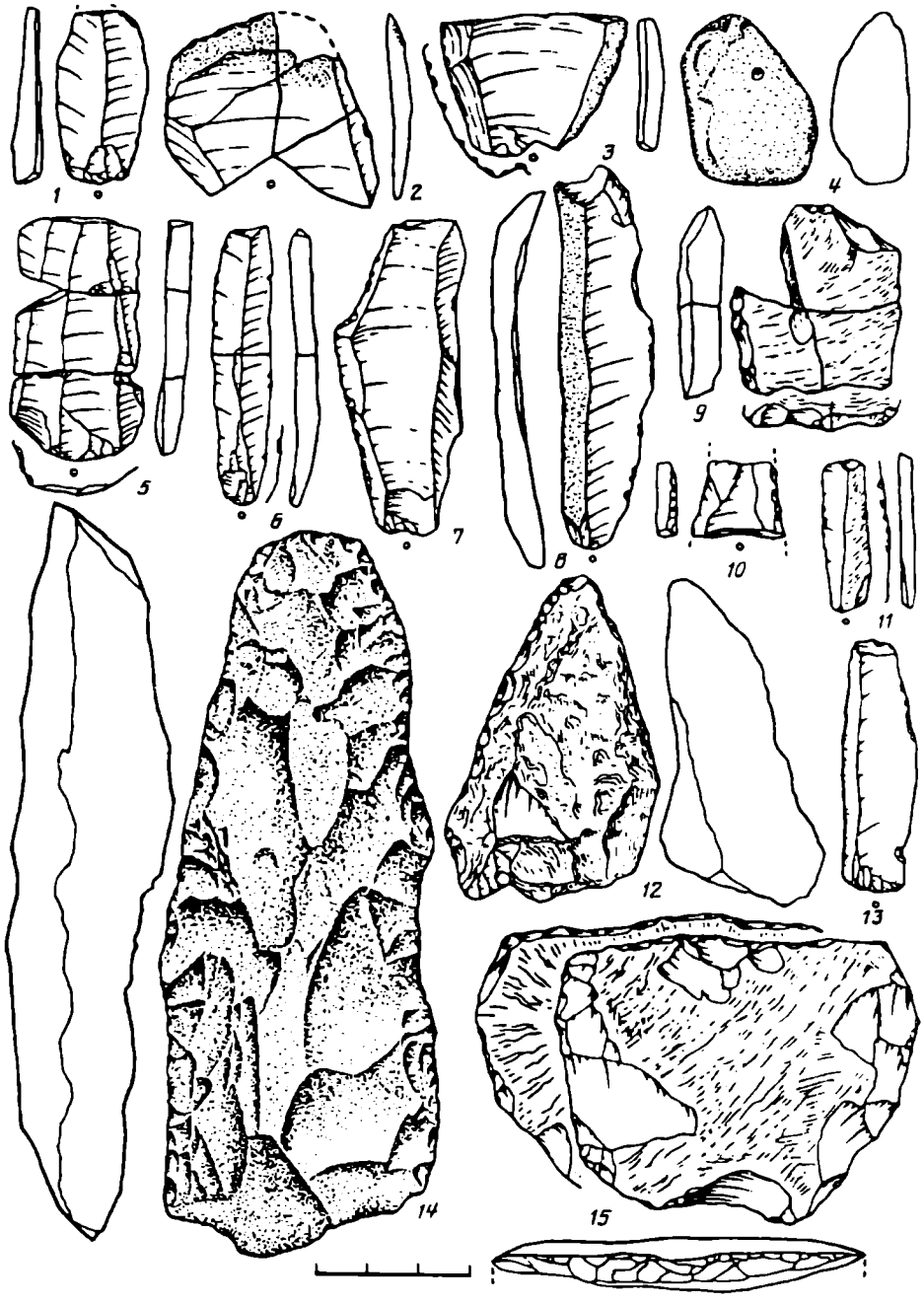

Рис. 4. Изделия из камня

заглаженный в результате утилизации с одной стороны (рис. 4, *4*), использовавшиеся без обработки.

Из 76 орудий морфологически выражены 47 (29 из пластин, 16 из отщепов, два из кусков кремня и опоки). К морфологически невыраженным отнесены девять пластин и пять отщепов с мельчайшей ретушью утилизации (рис. 3, *16, 17, 23*; 4, *2, 3, 5, 7, 8, 11*), пять отщепов (рис. 5, *19;* 4, *9*) и 10 типологически неопределимых обломков орудий (рис. 3, *33*; 4, *1, 10, 15*), обработанных регулярной краевой ретушью, в том числе три из пластин, четыре из отщепов, тип заготовки трех неясен.

Размеры (ширина, мм) сколов разных типов и орудий из них и их соотношение следующие. Отщепы/орудия из отщепов: менее 10 мм — 95/1 экз.; 10—20 мм — 66/2; 20—30 мм — 22/5; 30—40 мм — 17/10; 40—50 мм — 6/4; более 50 мм — 1/1; осколки, размер изделий неясен,— 74,7. Пластины/орудия из пластин: микропластины до 7 мм — 2/2 экз.; узкие пластины, 7—15 мм,— 13/4; средней

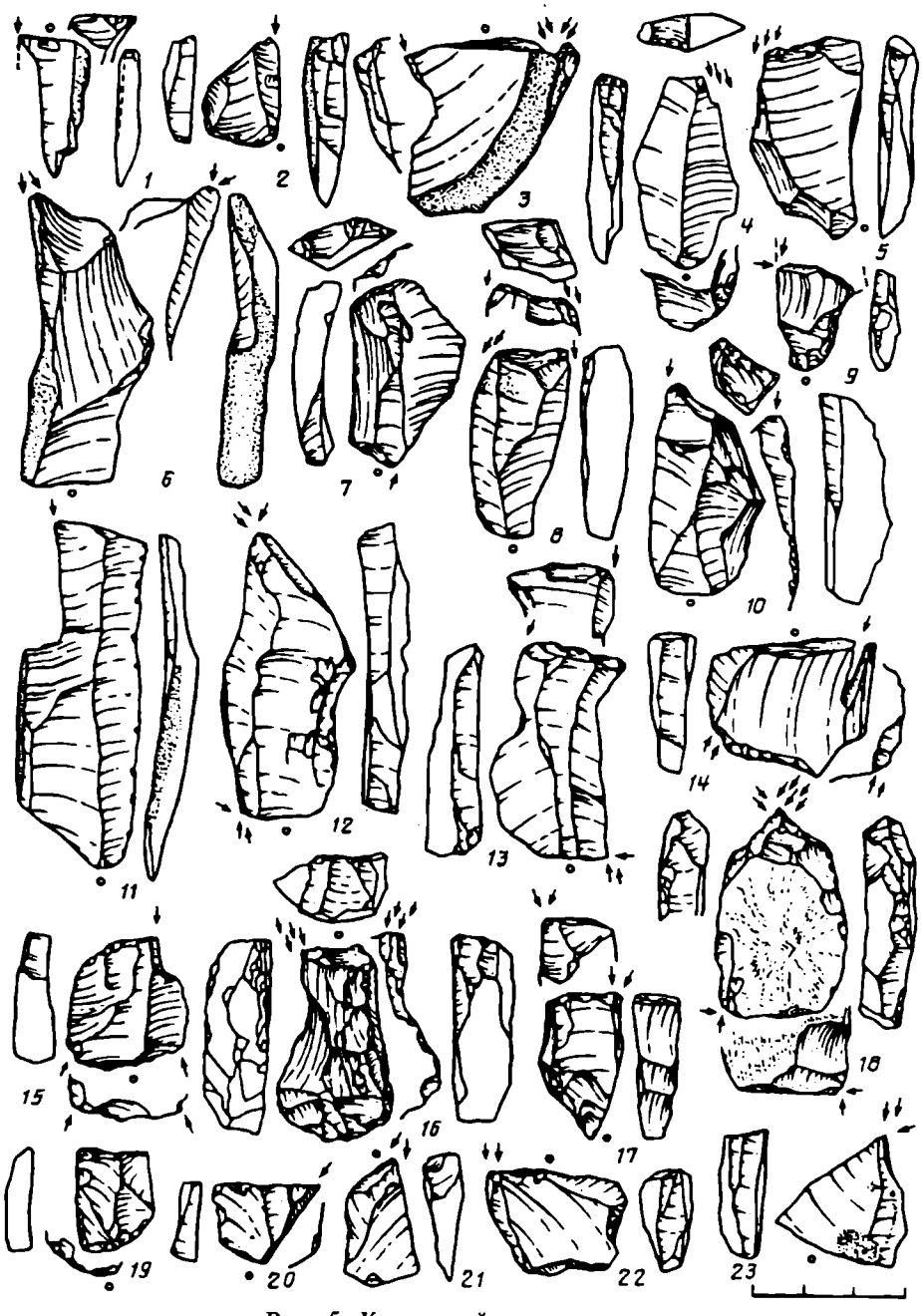

Рис. 5. Кремневый инвентарь

ширины, 15—20 мм,— 4/7; широкие, 20—25 мм,— 1/16; очень широкие, более 25 мм,— 3/11; осколки, размер неясен,— 1/1.

Прослеживается прямо пропорциональная зависимость между размерами отщепов и частотой их использования в качестве заготовки. Экземпляры менее 20 мм в поперечнике использовались в виде исключения, причем из трех типологически выделенных орудий этой размерности два, по данным трасологического анализа (см. ниже), без следов утилизации. Редки и орудия размером 20—30 мм. Таким образом, до 80% отщепов не могут рассматриваться как потенциальные заготовки и являются отходами обработки.

Среди пластин для изготовления орудий использовано 63%. Этот показатель выше, чем для большинства мезолитических памятников Мещеры независимо от их культурной принадлежности, например: для Беливо-4А и 4Б — 54 и 32% [7]; нижнего слоя Истока-1 [8] — 43%; Петрушино и Микулино [9] — 50 и 34%; Черная-1 [10], раскопы 1 и 2 — 50 и 54%. Наиболее полной утилизации

подлежали преобладающие в Беливо-4Г-северной широкие и очень широкие экземпляры, а также малочисленные микропластины. Реже использовались пластины средней ширины и особенно редко — узкие. За исключением одной узкой и трех микропластин, пластины неправильные. Приведенные наблюдения указывают на невысокую разрешающую возможность техники расщепления, ориентированной в первую очередь на получение широких пластин.

Среди типологически выделенных орудий преобладают резцы — 25 экз.: из пластин (включая ребристую) — 15; из отщепов (включая два скола с площадок нуклеусов) — 12. Резцов с неподработанной площадкой скола семь: три из пластин (рис. 5, *1, 11, 20*); четыре из отщепов (рис. 3, *20*; 5, *2, 3, 22*), включая поперечный. Резцов с площадкой, усеченной резцовым сколом («двугранных») шесть: два из пластин (рис. 5, *6, 12*), включая двойной со срединным и смещенным на угол заготовки лезвиями; четыре из отщепов (рис. 5, *9, 18, 21, 23*), также включая двойной многофасеточный со срединным и смещенным на угол лезвиями и одинарный из черешка сломанного наконечника стрелы. Резцов с ретушированной площадкой восемь: шесть из пластин (рис. 3, *15;* 5, *4, 7, 8, 10, 16*) — два косоретушных и четыре поперечноретушных; два из отщепов поперечноретушные (рис. 5, *5, 16*). Край поперечноретушного резца из ребристой пластины «обрублен» крупной ретушью по спинке (рис. 5, *16*). Четыре резца объединяют на одной заготовке лезвия разных типов. На пластинах: косоретушный — двойной с неподработанной площадкой (рис. 5, *15*) и косоретушный — двугранный со смещением (рис. 5, *13*). Из отщепов: поперечноретушный — с неподработанной площадкой и двугранный со смещением — с неподработанной площадкой (рис. 3, *25;* 5, *14*).

Таким образом, с учетом двойных и тройных резцов неподработанные, ретушированные и оформленные резцовыми сколами площадки представлены практически одинаково: 12, 11 и 10 экз. Из 33 резцовых лезвий 17 с широкими (свыше 4 мм) кромками, 10 с кромками средней (2—4 мм) ширины, одно с узкой; пять лезвий оформлено плоскими сколами, широкими (4) и средней ширины (1). Ширине кромок соответствуют размеры найденных краевых отщепов резцов: шириной более 4 мм — 23, 2—4 мм — 7 экз.

Скребков семь. Пять концевых из пластин: один с прямым, один с дугообразным, три с дугообразным скошенным лезвиями (рис. 3, *24, 27, 29 30, 31*). Еще один концевой скребок — микроформа из чешуйки (рис. 3, *9*). Концевой-боковой скребок из отщепа один, частично собран из пяти фрагментов (рис. 3, *26*). Оформляющая лезвия ретушь крутая.

Скобелей с дугообразными выемками, обработанными мелкой крутой ретушью, два (рис. 3, *21, 22*). Один из отщепа с мелкой выемкой шириной 12 мм; другой из пластины, сломанный по выемке.

Макросверло из куска кремня, лишь подправленного нерегулярной ретушью, одно (рис. 4, *12*). Правильная пластина с участком приостряющей ретуши по краю одна (рис. 3, *8*). Трапециевидный топор из опоки, обработанный двусторонней оббивкой, один (рис. 4, *14*). Обломок скошенного острия из пластины один (рис. 3, *2*).

Острий с дугообразным затупленным крутой встречной ретушью краем из пластин три. Два из них крупные — целое и обломок (рис. 3, *10, 11*); третье, также сломанное, меньших размеров, с ретушью утилизации на конце по брюшку (рис. 3, *3*). Микропластин с мельчайшей регулярной ретушью на брюшке, по одному и обоим краям — две (рис. 3, *4, 5*).

Косолезвийных наконечников стрел с боковой выемкой два — из отщепа и из пластины (рис. 3, *13, 18*); последний собран из двух обломков; из насада аналогичного наконечника сделан один из упоминавшихся резцов (рис. 5, *9*). Крупных высоких асимметричных трапеций из пластин две; первая (рис. 3, *12*) может рассматриваться как еще один косолезвийный наконечник, отличающийся от описанных выше отсутствием обработки на основании насада и лишь намечающейся боковой выемкой; вторая (рис. 3, *1*) слабоасимметричная, с утраченным

углом при длинном основании. Наконечники и трапеции обработаны крутой ретушью, в трех случаях по спинке, в одном — по брюшку и встречной.

По технико-типологическим признакам описанный комплекс инвентаря принадлежит к иеневской культуре [11]. Его специфические черты: 1) высокая пластинчатость комплекса орудий; 2) полное преобладание крутой ретуши при незначительности использования приостряющей и уплощивающей; 3) наличие острий с дугообразным затупленным краем, напоминающих позднепалеолитические; преобладание среди скребков концевых при отсутствии аморфных и различных форм с ретушью по периметру; многочисленность ретушных и двугранных резцов.

Неблагоприятные условия залегания культурных остатков не позволили датировать памятник методами естественнонаучных дисциплин. Однако по технико-типологическим характеристикам инвентаря он сопоставим с такими датированными палинологически стоянками, как Беливо-6В [12, 13], относящейся к пребореалу, и Ладыжино-3 [14, 15], получившей в 1992 г. по отобранной А. Е. Кравцовым колонке также пребореальную датировку[3]. На стоянке Беливо-4А, датированной радиоуглеродным методом в широком диапазоне 8,9—9,6 тыс. лет назад, т. е. концом пребореала — началом бореала, уже отмечается распространение шлифовки опоки [16]. В пределах пребореального периода следует датировать и стоянку Беливо-4Г-северная, что хорошо согласуется с аналогичной датировкой поздних памятников аренсбургского круга Северной Европы, содержащих в интентаре высокие трапеции, наконечники с боковой выемкой, оббитые рубящие орудия [17, с. 237, 241].

Описанный комплекс инвентаря была подвергнут трасологическому анализу[4], проведенному при помощи бинокулярного микроскопа МБС-1 по методике С. А. Семенова [18]. Удалось выявить следующие орудия (таблица).

На комбинированных орудиях встречены следующие сочетания лезвий (каждое представлено одним экземпляром): скребок с двумя лезвиями концевой-боковой на разделочном ноже с одним лезвием (по типологическому определению, концевой скребок — рис. 3, *29*); проколка с одним лезвием на наконечнике стрелы, сломанном при обработке (типологически — наконечник стрелы с боковой выемкой — рис. 3, *18*); то же на разделочном ноже с одним лезвием (типологически — обломок острия с дугообразным затупленным краем — рис. 3, *11*); то же на скобеле для дерева с одним лезвием (типологически — резец с неподработанной площадкой — рис. *5*, *20*); скобель с одним лезвием для дерева на обломке разделочного ножа с одним лезвием (типологически — обломок скобеля — рис. 3, *22*); резчик с одним лезвием — пилка с одним лезвием для дерева (типологически — резец с неподработанной площадкой — рис. *5*, *11*); резчик с двумя лезвиями на пилке с одним лезвием для дерева (типологически — обломок пластины с ретушью утилизации — рис. 3, *17*); резчик с двумя лезвиями — сверло с одним рабочим концом на разделочном ноже с одним лезвием (типологически — обломок острия с дугообразным затупленным краем — рис. 3, *3*); скобель с одним лезвием для кости/рога на строгальном ноже с одним лезвием для дерева (типологически неопределимый обломок орудия — рис. 4, *10*); резец с одним лезвием — резчик с одним лезвием для кости/рога на черешке наконечника стрелы (типологически — резец с неподработанной площадкой на черешке наконечника — рис. *5*, *9*); резец с одним лезвием для кости/рога на скобеле с одним лезвием для дерева (типологически — двугранный резец — рис. *5*, *6*); резчик с одним лезвием для кости/рога на скобеле для дерева (типологически — обломок пластины с ретушью утилизации — рис. 3, *16*). Исключая проколку, изготовленную из сломанного наконечника, и резчик-пилку из неиспользовавшегося резца (рис. 3, *18*; *5*, *11*), новые лезвия сделаны на пришедших в

[3] Палинологический анализ выполнен в ИА РАН Е. А. Спиридоновой. Пользуясь случаем, выражаем ей признательность.

[4] Выражаем благодарность Г. Ф. Коробковой и Н. Н. Скакун за помощь при проведении трасологического анализа.

Таблица

Функциональная классификация каменных орудий

Класс	Группа	Тип	Наименование орудия	Кол-во/% ко всем орудиям	То же с учетом комбинированных	То же с учетом многолезвийных
А			**Орудия охоты и разделки добычи**			30/28,8
	I		*Наконечники стрел*			5/4,8
		1	С острым концом	2/3,1	4/5,1	
		2	Поперечнолезвийные	1/1,5	1/1,3	
	II		*Вкладыши охотничьего вооружения*			
		1	С 1 лезвием	1/1,5	1/1,3	3/2,9
		2	С 2 лезвиями	1/1,5	1/1,3	
	III		*Разделочные ножи*			
			С 1 лезвием	6/9,3	10/12,8	
			С 2 лезвиями	4/6,2	4/5,1	
	IV		*Вкладыши разделочных ножей*			4/3,8
		1	С 1 лезвием	2/3,1	2/2,6	
		2	С 2 лезвиями	1/1,5	1/1,3	
Б			**Орудия для обработки шкур**			26/25,0
	I		*Скребки*			21/20,2
		2	С 1 лезвием, боковые	1/1,5	1/1,3	
		7	С 2 лезвиями, концевые-боковые	2/3,1	3/3,8	
		9	С 3 лезвиями, концевые-двойные боковые	4/6,2	4/5,1	
		12	Обломки скребков, тип неясен	2/3,1	2/2,6	
	III		*Проколки*			4/3,8
		1	С 1 лезвием	1/1,5	4/5,1	
	IV		*Лощила*			1/1,0
		1	С 1 рабочей поверхностью	1/1,5	1/1,3	
В			**Орудия для обработки дерева**			22/21,2
	I		*Скобели*			13/12,5
		1	С 1 лезвием	6/9,3	9/11,4	
		2	С 2 лезвиями	2/3,1	2/2,6	
	II		*Резцы и резчики*			5/4,8
		2	С 1 лезвием, резчики		1/1,3	
		4	С 2 лезвиями, резчики		2/2,6	
	III		*Строгальные ножи*			1/1,0
		1	С 1 лезвием		1/1,3	
	IV		*Пилки*			2/1,9
		1	С 1 лезвием		2/2,6	
	V		*Сверла*			1/1,0
		1	С 1 рабочим концом		1/1,3	
Г			**Орудия для обработки кости и рога**			25/24,0
	I		*Скобели*			5/4,8
		1	С 1 лезвием		1/1,3	
		2	С 2 лезвиями	2/3,1	2/2,6	
	II		*Резцы и резчики*			20/19,2
		1	С 1 лезвием, резцы	10/15,4	12/15,3	
		2	С 1 лезвием, резчики		2/2,6	
		3	С 2 лезвиями, резцы	3/4,5	3/3,8	
Д	I		**Орудия для обработки камня**			1/1,0
		1	Отбойник с одним рабочим концом	1/1,5	1/1,3	1/1,0
Ж			**Комбинированные орудия**	12/18,5		
	Итого:			65/100	78/100	104/100

негодность орудиях, ранее употреблявшихся в иной функции. На остальных изделиях следов работы не обнаружено.

Как видно из таблицы, основные классы орудий представлены почти одинаково, что позволяет считать стоянку Беливо-4Г-северная неспециализированной с полным производственным циклом. Хозяйство ее обитателей можно характеризовать как присваивающее, основную роль в котором играла охота и обработка ее

продуктов. О занятиях рыболовством и собирательством у нас данных нет, однако нет и оснований для исключения этих видов хозяйственной деятельности из числа возможных занятий обитателей стоянки.

Соотношение функции и морфологии изделий (кроме описанных выше комбинированных орудий) выглядит следующим образом. Отбойником служила необработанная гранитная галька. Наконечниками стрел — две трапеции и наконечник с боковой выемкой (рис. 3, *1, 12, 13*), в качестве вкладышей охотничьего вооружения использованы две микропластины, одна с мельчайшей регулярной ретушью по краю, другая без обработки (рис. 3, *4, 6*). Разделочными ножами являлись крупное острие с дугообразным затупленным краем (рис. 3, *10*), пластина с приостренным регулярной ретушью краем (рис. 3, *8*), отщеп и пластина с ретушью утилизации (рис. 4, *5*), пять пластин без обработки (рис. 3, *14*; 4, *6, 13*), обломок орудия из пластины с ретушированным углом при сломе (рис. 4, *1*). Вкладышами разделочных ножей — микропластина с мельчайшей регулярной ретушью по краям (рис. 3, *5*) и два обломка пластин с ретушью утилизации (рис. 3, *7*; 4, *11*). В качестве скребков использованы четыре концевых и концевой боковой скребок (рис. 3, *24, 27, 30, 31, 26*) (еще один скребок сломан, тип неясен — рис. 3, *33*), отщеп с ретушью утилизации и пластина без обработки (рис. 3, *19*). Проколкой служил краевой отщеп резца (рис. 3, *34*), лошилом — необработанная песчаниковая галька (рис. 4, *4*). Для скобления дерева применялись пластины (рис. 4, *3, 7, 8*) и отщепы, ретушь на которых появлялась в процессе утилизации, а для скобления кости — скобель с преднамеренно ретушированной выемкой (рис. 3, *21*) и резец из пластины, как резец не использовавшийся (рис. 5, *10*). Резцами для кости/рога служили 12 резцов разных типов (рис. 3, *20, 25*; 5, *1, 2, 5, 7, 12—15, 18, 23*) и отщеп с ретушью (резание осуществлялось необработанной кромкой) (рис. 5, *19*).

Не обнаружено следов работы на 24 изделиях со вторичной обработкой. Это восемь резцов (рис. 3, *15*; 5, *3, 4, 8, 16, 17, 21, 22*), микросребок (рис. 3, *9*), макросверло (рис. 4, *12*), топор (рис. 4, *14*), сломанное скошенное острие (рис. 3, *2*); «сечение» пластины с ретушью на углах (рис. 3, *23*), семь обломков орудий (рис. 4, *15*), четыре отщепа с ретушью (рис. 4, *9*).

На основании трасологического анализа сделана попытка выделения на площади поселения участков различного хозяйственно-бытового назначения. На план раскопа условными обозначениями были нанесены все обнаруженные изделия в соответствии с их трасологическими определениями (рис. 2). В случаях оформления лезвий орудий на изношенных лезвиях иной функции указывалась конечная функция орудия.

В микроскоплении I около пятна 1 обнаружено пять из девяти найденных в раскопе скобелей по дереву (к ним тяготеет и шестой — с квадрата 1Д-1), три резца по кости, проколка, два наконечника и вкладыш охотничьего вооружения, три сломанных скребка. Целые скребки отсутствуют; два обломка мелкие, морфологически невыраженные, что допускает утрату лезвий какой-либо иной функции; обломки третьего связаны по ремонтажу с фрагментом этого орудия, найденным в северо-восточной части раскопа. Представляется, что микроскопление I соответствует открытой площадке с двумя кострищами, на которой производилась в основном обработка дерева и кости, возможно, с целью изготовления и починки охотничьего вооружения. Необходимые в работе инструменты изготавливались на месте, в связи с чем здесь производились расщепление и вторичная обработка кремня.

В микроскоплении II, предположительно на полу жилища, оконтуренного ямками 6—14, найдено два вкладыша разделочных ножей и четыре разделочных ножа (пятый переоформлен в проколку), не представленных в микроскоплении I, и семь резцов по кости. Остальные орудия единичны: проколка, скобель по кости, скобель по дереву. На периферии микроскопления и прилегающих квадратах обнаружены резчик и скобель по кости (кв. 1А-6 и В-8), лощило для кожи (1А-4), отбойник (В-8), не использовавшийся в работе топор (В-8). Хозяйственную

специфику микроскопления II отражает преобладание резцов, изготавливавшихся и подправлявшихся на месте, и разделочных ножей, отсутствие скребков, наконечников и вкладышей охотничьего вооружения, малочисленность чешуек и отщепов. Разделочные ножи сосредоточены рядом с очагом, в основном к северу от него, что можно связывать с приготовлением здесь пищи. Кремень в жилище обрабатывался эпизодически, причем вне предполагаемого места приготовления пищи: некоторая концентрация мелких отщепов и чешуек наблюдается также у очага, но к юго-западу от него. Обработка кости производилась в западной половине жилища, в небольшом удалении от очага.

Микроскопление III соответствует открытой неотапливавшейся производственной площадке. Оно образовалось главным образом за счет утилизации одного ядрища желтого кремня с характерной ярко-красной прожилкой. Расщепление производилось на границе квадратов А-14 и А-15, но связанные с ним отходы встречались в радиусе 1—1,5 м от указанной точки. Кроме отщепов и пластин найдены и технологические сколы подправки. Подбираются лишь незначительные фрагменты нуклеуса, состоящие из двух-трех частей. Большинство полученных заготовок унесено со стоянки, некоторые использованы на поселении. Из отщепа, снятого с этого нуклеуса, сделан собранный из нескольких частей скребок (рис. 3, *26*), обломки которого обнаружены в микроскоплении I и на квадрате 1Б-17. Вероятно, сколы с него послужили заготовками для нескольких резцов из микроскоплений I и II и скребка, найденного на квадрате 1Г-13. В остальном специфика микроскопления III не выражена. Судя по находкам на его западной периферии наконечника стрелы, проколки, скобеля и резчика-пилки по дереву, резца по кости, краевых отщепов резцов (А-13, 14; Б-12, 13), здесь эпизодически выполнялись различные производственные операции.

Слабо насыщенная находками площадь в северо-восточной и центральной частях раскопа (кв. 1А-13 — 8—19), судя по наличию связей с микроскоплениями I и II, также входила в зону хозяйственной деятельности обитателей стоянки. Обработка камня здесь не производилась: ее отходы малочисленны и тяготеют к микроскоплению III. Найдено пять скребков (шестой — фрагмент орудия из микроскопления I) — все целые морфологически выраженные экземпляры, обнаруженные в раскопе, пять разделочных ножей, три резца по кости, по одному скобелю по кости и по дереву, вкладыш охотничьего вооружения. Вероятно, площадка использовалась для свежевания добычи и выделки шкур, что определяется по преобладанию необходимых для этого ножей и скребков.

Таким образом, важнейшие виды хозяйственно-бытовой деятельности дифференцированно распределяются на площади поселения между жилищем и специализированными открытыми производственными площадками. Структура поселения выражена достаточно отчетливо.

Стоянка Беливо-4Г-северная бытовала, вероятно, всего несколько дней. Ее кратковременность подтверждается следующими наблюдениями. Насыщенность слоя находками очень низкая — чуть более единицы на 1 м^2, тогда как на большинстве мезолитических стоянок Мещеры, включая памятники с выраженной планиграфией, указывающей на вероятную однократность заселения,— 10—15 кремней и более. На стоянке расщеплялось не более двух-трех нуклеусов, и только один из них (из микроскопления III) был использован в значительной мере. Большая часть снятых с него заготовок отсутствует и, очевидно, унесена при переходе обитателей стоянки на новое место. Значительная часть орудий попала на стоянку в готовом виде при ее заселении. Это относится к экземплярам из полупрозрачного серого, серо-коричневого и розового кремня, составляющим более 40% орудий. Отсутствуют не только соответствующие им ядрища и технологические сколы, но и крупные отщепы, а мелкие отщепы и чешуйки малочисленны. Соотношение орудий и отходов из высококачественного полупрозрачного кремня 1 : 1,3, тогда как для непрозрачного кремня среднего качества, обрабатывавшегося на стоянке,— 1 : 4. Несмотря на использование для просеивания грунта сеток с ячеей 2 × 2 мм, мельчайшие чешуйки, образовывавшиеся

при подправке лезвий скребков, единичны; поскольку необходимость периодической подправки скребков установлена экспериментально [19, с. 114—190], следует считать, что обработка шкур на стоянке была непродолжительной. Впечатление кратковременных производят кострища: их окраска не интенсивная, угольки в заполнении мелкие и редкие.

Судя по размерам единственного на стоянке жилища (около 15 м^2), она оставлена небольшим коллективом, который может соответствовать реконструируемой для мезолитических охотников и собирателей малой семье, насчитывавшей, по приводимым Л. Л. Зализняком данным, в среднем пять — семь человек [20, с. 130].

Наличие на кратковременной стоянке отапливавшегося очагом жилища говорит о ее бытовании в относительно холодное время года или в условиях довольно холодного климата. Однако хозяйственная деятельность протекала не только в жилище, но и на открытых производственных площадках, в том числе не имеющих кострищ, что вряд ли возможно зимой.

Стоянка Беливо-4Г-северная экспонирована на небольшой приток р. Нерской, находится в отдалении от края боровой террасы и занимает одну из самых высоких точек на местности. Ее расположение отлично от прочих местных мезолитических стоянок, лежащих на 1—1,5 м ниже, у края боровой террасы р. Нерской. Это может указывать на хронологический разрыв между памятниками или же на их бытование в разное время года. Учитывая позицию весьма близких к Беливо-4Г-северной по технико-типологическим признакам стоянок Беливо-6Би Беливо-6В, расположенных в 250—300 м южнее на более низких отметках у края боровой террасы, последнее предположение кажется более вероятным. Очевидно, стоянка Беливо-4Г-северная бытовала весной, во время высокого паводка.

Результаты, полученные при изучении стоянки Беливо-4Г-северная, показывают перспективность применения к мезолитическим памятникам Волго-Окского междуречья функционально-планиграфического анализа, который, по нашему мнению, позволяет подойти к созданию схематичных, но достаточно обоснованных исторических реконструкций конкретных поселений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бодунов Е. В., Воробьев В. М., Жилин М. Г.* Мезолитическая стоянка Красново-1//Археологическое исследование в Верхневолжье. Калинин: Изд-во КГУ, 1983.
2. *Жилин М. Г.* Результаты трасологического анализа каменного инвентаря стоянки Староконстантиновская-4//Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин: Изд-во КГУ, 1983.
3. *Кольцов Л. В., Жилин М. Г.* Мезолитическая стоянка Угольново-1//СА. 1987. № 3.
4. *Кольцов Л. В.* О сезонном функционировании мезолитических стоянок по материалам Волго-Окского междуречья//СА. 1985. № 3.
5. *Сергин В. Я.* Применение метода «связей» при археологических исследованиях//СА. 1984. № 1.
6. *Леонова Е. В.* Отчет о раскопках стоянки Беливо-4Г в Орехово-Зуевском р-не Московской обл. за 1989 г.//Архив ИА АН СССР. Р. –1.
7. *Леонова Е. В.* К характеристике иеневской культуры в бассейне р. Оки//Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Калуга, 1989.
8. *Сорокин А. Н.* Коллекция нижнего слоя стоянки Исток-1//Памятники каменного века бассейна р. Оки. М., 1988.
9. *Сорокин А. Н.* Мезолит Великих Мещерских озер//СА. 1984. № 1.
10. *Кравцов А. Е., Лозовский В. М.* Мезолитическая стоянка Черная-1 в Мещере//СА. 1989. № 4.
11. *Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья//Археология СССР. Т. 2. Мезолит СССР. М.: Наука, 1989.
12. *Леонова Е. В.* Отчет о работах Подмосковного отряда АЭ МИГМ в Орехово-Зуевском р-не Московской обл. в 1990 г.//Архив ИА АН СССР. Р. –1.
13. *Леонова Е. В.* Отчет о работах Подмосковного отряда АЭ МИГМ в Орехово-Зуевском и Балашихинском р-нах Московской обл. в 1991 г.//Архив ИА АН СССР. Р. –1.
14. *Фролов А. С., Жилин М. Г.* Новый памятник мезолита на Верхней Оке//СА. 1978. № 1.
15. *Жилин М. Г., Фролов А. С.* Мезолитическая стоянка Ладыжино-3 (по материалам раскопок 1976 и 1977 гг.)//СА. 1981. № 2.
16. *Кравцов А. Е.* К хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур//СА. 1991. № 2.
17. *Taute W.* Die Stielspitzen-Gruppen in Nordlichen Mitteleuropa, Köln, 1968.
18. *Семенов С. А.* Первобытная техника//МИА. 1957. № 54.

19. *Семенов С. А., Коробкова Г. Ф.* Технология древнейших производств. Л.: Наука, 1983.
20. *Зализняк Л. Л.* Население Полесья в мезолите. Киев: Наук. думка, 1991.

Институт археологии РАН,
Москва

A. E. KRAVTSOV, M. G. ZHILIN

THE FUNCTION AND PLANIGRAPHIC INVESTIGATIONS OF BELIVO-4G (NORTHERN) MESOLITHIC SITE

Summary

The article deals with the materials found on Belivo-4G (northern) site in Moscow region. The site belongs to lenevo type Mesolithic culture. The site was dated to the Pre-Boreal period by the analogies among the flint artifacts from the other sites dated with the help of the natural sciences methods. The site's structure connected with the inhabitants activity is also discussed. The authors analyse the traditional sources: the light dwelling and fires remains looking like a spots in the layer, flint artifacts and topographic observations. The data is confirmed by the typological and functional analysis as well as the planigraphic analysis of the site. The site is described as a non-specialised one with a full production circle connected with the hunting. The different kinds of activity can be differentiated between the dwelling and the open production grounds. The authors distinguish the places where the food was prepared, the bag was skinned, the skins were curried. The authors analyse the structure of the site, the peculiarities of its location and the topography of the similar neighbour sites and suggest that the site existed during the several days in the high spring flood time.

А. Н. АПАЛЬКОВ

НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В МЕЖДУРЕЧЬЕ СЕЙМА И СОСНЫ

Территория Курской области расположена в подзоне типичной лесостепи Среднерусской возвышенности [1, с. 4]. Восточный район области, лежащий в междуречье Сейма и Сосны, отличается от западного своими археологическими особенностями. Здесь в раннем железном веке по верхнему течению р. Сейм проходила граница между оседлыми и кочевыми племенами [2, с. 134]. К сожалению, в восточном районе не было изучено ни одного кургана скифского времени и известны лишь случайные находки предметов вооружения.

По сообщению Курского общества краеведения, на территории Советского района в конце 20-х годов крестьяне выпахивали обломки оружия [3, с. 128]. В фондах Курского областного краеведческого музея с начала XX в. хранились бронзовые наконечники стрел, возможно доставленные из тех же мест. До настоящего времени сохранилась только их небольшая часть. За последние 30 лет в музеи области поступило восемь мечей и кинжалов скифского времени. Часть из них была ранее опубликована [4, с. 130—133; 5, с. 210—212; 6, с. 69]. Ниже дается описание акинаков из поступлений последних лет.

Железный меч из с. Рогозцы Тимского района найден в 1974 г. при проведении земляных работ (рис. 1, *1*). Плоская рукоять снабжена брусковидным навершием и имеет насечки и желобок доходящий до начала клинка. У меча нет перекрестия. Клинок имеет форму сильно вытянутого треугольника, линзовидного в сечении. По его поверхности с обеих сторон проходят шесть долов. Меч хорошо сохранился, несмотря на сильную коррозию. Размеры меча (в см): общая длина — 55; длина клинка — 45; длина рукояти — 10; ширина рукояти — 2,1; длина навершия — 5,6; ширина навершия — 1,5; ширина клинка у перекрестия — 6; в средней части — 5,4.

По своей форме меч относится к типу синдо-меотских [7, с. 38], а судя по орнаментации рукояти, возможно, является изделие местных мастеров. Короткие мечи, аналогичные рогозецкому, встречены в меотском могильнике у станицы Пашковской [8, с. 304, рис. 5, *6*; 8, *10*]. Похожие экземпляры известны у сарматов и савроматов на Дону [7, с. 42, рис. 3, *1—5*]. Меч из с. Рогозцы, вероятно, происходит с этой территории, непосредственно примыкающей к бассейнам Сейма и Сосны, а датируется IV—III вв. до н. э.

В 1990 г. в Курский областной краеведческий музей был передан кинжал, случайно обнаруженный на берегу Линева озера (КОКМ 53080). По форме рукояти он принадлежит к типу мечей и кинжалов с брусковидным навершием и почковидным перекрестием [9, с. 47]. Кинжал изготовлен из железа и сильно корродирован (рис. 1, *3*). Рукоять его желобчатая, с двумя валиками подтреугольной формы. Клинок обоюдоострый, с резко суживающимися к концу лезвиями. В сечении он линзовидный, имеет два дола и проходящую между ними нервюру.

Размеры кинжала (в см): общая длина — 31,4; длина клинка — 20; длина рукояти — 11,4; ширина рукояти — 2; длина навершия — 5,2; ширина навершия — 1; длина перекрестия — 5,6; ширина перекрестия — 2,5; ширина клинка у перекрестия — 3; в средней части — 2,4.

Следующий кинжал происходит из Щигровского района, точное место находки

© А. Н. Апальков, 1995 г.

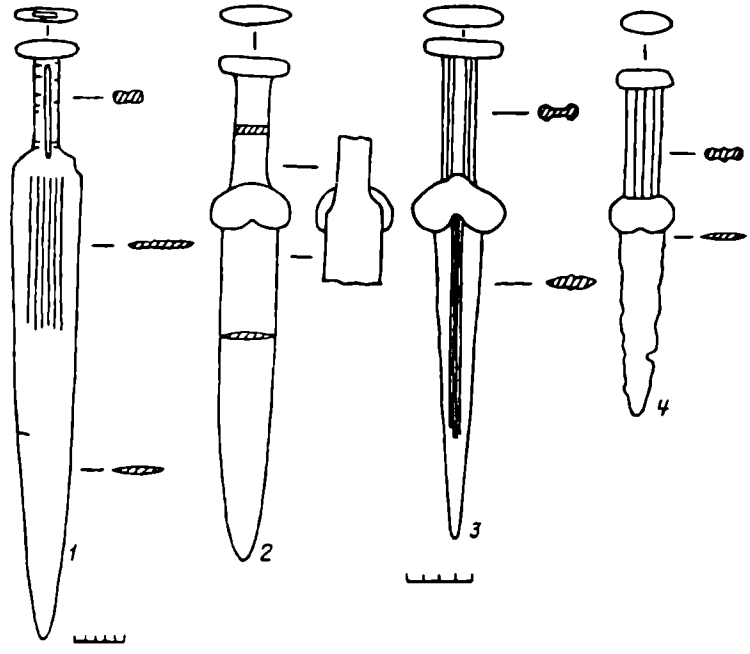

Рис. 1. Меч и кинжалы из музеев Курской обл. (*1—4*)

неизвестно (рис. 1, *2*). Кинжал имеет брусковидное навершие и почковидное перекрестие, которое сохранилось только с одной стороны. Рукоять кинжала плоская, клинок имеет форму вытянутого треугольника, линзовидного в сечении. Рукоять и клинок изготовлены из единой полосы железа. Размеры кинжала (в см): общая длина — 30,6; длина клинка — 20,6; длина рукояти — 10; ширина рукояти — 2; длина навершия — 4,2; ширина навершия — 1; длина перекрестия — 4,5; ширина перекрестия — 2,5; ширина клинка у перекрестия и в средней части — 3,5.

Аналогичен первым двум небольшой кинжал из фондов Курского областного краеведческого музея (КОКМ 53148). Он имеет разделенную на три выпуклых валика рукоять: два боковых — округлые, центральный — ромбовидный (рис. 1, *4*). Кинжал плохо сохранился из-за сильной коррозии, в особенности клинок. Рукоять имеет брусковидное навершие и почковидное перекрестие, состоящее из двух пластин.

Размеры кинжала (в см): общая длина — 21,3; длина клинка — 11,5; длина рукояти — 9,8; ширина рукояти — 2; длина навершия — 3,3; ширина навершия — 1,2; длина перекрестия — 4; ширина перекрестия — 2,2; ширина клинка у перекрестия — 2,7.

Кинжалы из Щигровского района и из фондов КОКМ принадлежат к первому типу I отдела согласно классификации А. И. Мелюковой [9, с. 47]. Таким образом, все три экземпляра относятся к раннескифской эпохе. Мечи и кинжалы такого типа были распространены как в Степной Скифии, так и в Лесостепи. Ближайшие аналогии кинжалы имеют на Левобережье Днепра в памятниках VII—VI вв. до н. э.: в Посулье [10, с. 88, табл. 1, рис. 1, 6; 11, с. 67], на Сумщине [12, с. 49, табл. 5; 13, с. 22], Харьковщине [14, с. 35, рис. 5, *5, 6*], Северном Донце [15, с. 35, рис. 6, *1, 3*] и Среднем Дону [16, табл. 17, *9—11*].

Определенный интерес представляют меч и кинжал из Томского и Советского районов, опубликованные Р. Ф. Ворониной [4, с. 131, рис. 1, *1, 8*]. После проведенной реставрации на их рукоятях выявились элементы звериного стиля. На навершии кинжала из с. Канищева прослеживаются изображения глаз, расположенные выше основания навершия и оформляющие его как когтевидное, а скорее в виде стилизованных головок орлов или грифонов, обращенных клювами

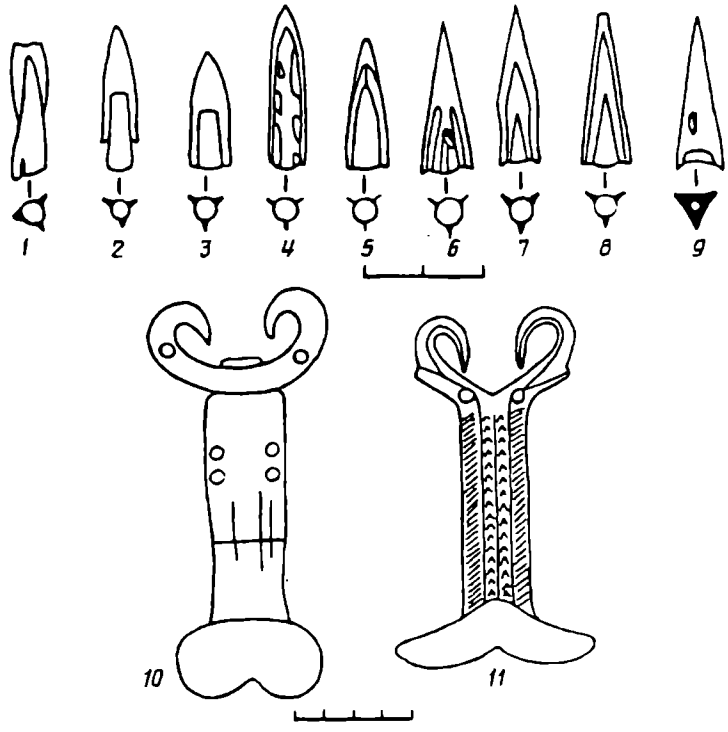

Рис. 2. Наконечники стрел (*1—9*) и рукояти акинаков, оформленные в зверином стиле (*10, 11*)

друг к другу (рис. 2, *10*). Аналогичные головки грифонов были распространены на зооморфных металлических крючках [17, с. 112, рис. 1, 2, с. 114, рис. 4, с. 116, рис. 7, *3, 6*]. Изображение грифонов известно и на перекрестии и навершии биметаллического кинжала из Мурзихинского могильника [18, рис. 2]. На самой рукояти прослеживаются две пары глаз и остатки линий, которые плохо сохранились. Такие изображения есть на мечах из Девене Врачанско [19, с. 108, рис. 1, 7], а также найденных у с. Журовки и Волковцы [9, табл. 20, *3, 12*]. Навершие меча из с. Афанасьевки изготовлено в виде головок орла с выделенным длинным клювом и надклювием, повернутых, как и в первом случае, друг к другу (рис. 2, *11*). Подобные головки орлов известны на наносниках из кургана 2 у с. Борзна [10, табл. XXXI, *12*] и из раскопок Бельского городища [20, с. 119, рис. 3, *20*].

Бронзовые наконечники стрел представлены различными типами (рис. 2, *1—9*). Количество предметов каждого типа в настоящее время установить невозможно. Все они классифицируются в зависимости от формы по таблице А. И. Мелюковой [9, рис. 1]. К VII—VI вв. до н. э. относится один фрагмент наконечника с шипом на втулке (рис. 2, *1*). Следующие четыре датируются VI—V вв. до н. э. (рис. 2, *2—5*). Два наконечника датируются V—IV вв. до н. э. (рис. 2, *6, 7*) и два — IV—III вв. до н. э. (рис. 2, *8, 9*). Некоторые из них представляют собой полуфабрикаты с необработанными краями (рис. 2, *8*). Широкая датировка и различная сохранность наконечников показывают, что они доставлены из разных мест.

В бассейне Сейма, где обитали оседлые племена скифоидной и юхновской культур не обнаружено ни одного кургана скифского времени. Это, очевидно, связано с особенностью погребального обряда земледельческих племен, не оставившего следов.

Находки мечей, кинжалов и наконечников стрел и междуречье Сейма и Сосны, вероятно, происходят из распаханных курганов, которые принадлежали кочевым племенам, обитавшим в конце VII—III вв. до н. э. в верховьях рек Сейм, Щигор, Тим, Кшень, Оскол и Олым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атлас Курской области. М., 1968.
2. *Липкинг Ю. А.* Городища эпохи раннего железного века в Курском Посеймье//МИА. 1962. № 113.
3. *Кононыхин Н.* Археологические изыскания в Советском районе//Изв. Курского общества краеведения. 1929. № 1—2.
4. *Воронина Р. Ф.* О некоторых кинжалах и акинаках Курской области//МИА. 1962. № 113.
5. *Пузикова А. И.* Акинак из с. Ключ Курской обл.//Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
6. *Апальков А. Н.* О находках раннескифских акинаков на территории Курской области//Археологічний збірник Полтавського краезнавчого музею. Полтава, 1992.
7. *Смирнов К. Ф.* О мечах синдо-меотского типа//КСИА. 1980. Вып. 162.
8. *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник у станицы Пашковской//МИА. 1958. № 64.
9. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов//САИ. 1964. Вып. Д1-4.
10. *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья: курганы Посулья. Киев: Наук. думка, 1969.
11. *Кулатова И. Н.* Раннескифский кинжал из нижнего Посулья//100-річчя Полтавського краезнавчого музею: м-ли ювіл. наук. конф. Частина друга. Археологія Полтавщини. Полтава, 1991.
12. *Кулатова І. Н.* Кинджал раннеьескіфського часу з Сумщини//Питання ареєології Сумщини. Суми, 1980.
13. *Кулатова И. Н.* Материалы по археологии Сумщины в собрании Полтавского краеведческого музея//Проблемы археологии Сумщины: тез. докл. обл. науч.-практ. конф. Сумы, 1989.
14. *Шрамко Б. А.* Из истории скифского вооружения//Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наук. думка, 1984.
15. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени бассейна Северского Донца//МИА, 1962. № 113.
16. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону//САИ. 1965. Вып. Д1-31.
17. *Гуляев В. И.* Зооморфные крючки скифского периода//МИА. 1969. № 151.
18. *Беговатов Е. А.* Биметаллический кинжал с зооморфной рукояткой из Мурзихинского могильника//СА. 1989. № 2.
19. *Мелюкова А. И.* К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства//Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
20. *Шрамко Б. А.* Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля//Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976.
21. *Алихова А. Е.* Древние городища Курского Посеймья//МИА. 1962. № 113.
22. *Пузикова А. И.* Раскопки городища Переверзево I в 1979 г.//КСИА. 1982. Вып. 170.

Курский музей археологии

A. N. APALKOV

THE SCYTHIAN TIME ARMS IN THE SEIM AND SOSNA RIVERS REGION

Summary

The author describes the swards, daggers (fig. 1) and the bronze arrow heads (fig. 2) found casually in the city of Kursk region. Nowadays they belong to the collections of Kursk regional museum. No one barrow of the Scythian type was found in the Seim river basin where the settled tribes of the Scythian type and Jukhnovo cultures lived. It is probably connected with the peculiarities of the agricultural tribes funeral ceremony which left no traces. The swards, daggers and arrow heads found in the Seim and Sosna rivers basin probably belonged to the ploughed barrows of the nomad tribes lived in the upper Seim, Shigor, Tim, Ksien, Oskol and Olym rivers basins at the end of the 7th-3rd centuries BC.

Б. Г. ПЕТЕРС, Е. В. ЧУХИНА

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РАСКОПОК ПАТРЕЯ 1985—1989 гг.

Исследование Патрейского городища проводилось Патрейской экспедицией ИА АН СССР в 1985—1989 гг.[1] [1, с. 151; 2, с. 140; 3, с. 34—36; 4, с. 134—136; 5, с. 95—97; 6, с. 71—73; 7, с. 80—82] в западной части пос. Гаркуша Темрюкского р-на Краснодарского края. В результате археологических работ на Патрейском городище было обнаружено 41 изделие, изготовленное из кости и рога животных, отходы косторезного производства и многочисленные остатки костей животных. Эти находки дополняют уже известные коллекции античных костяных изделий из Боспорского царства [8, с. 174—181] и Патрейского городища [2, с. 140, 9, с. 42, 122, 162, табл. III, *11*; 10, с. 242].

Проведенные нами раскопки показали, что сырьевая база по изготовлению массовых костяных изделий на Патрейском городище могла полностью удовлетворяться за счет собственных ресурсов. Это, конечно, не исключало ввоз отдельных изделий из кости из других регионов. Так, в слоях, относящихся к архаическому, классическому, эллинистическому, римскому и средневековому времени, на раскопах I, II, XI—XVI, XVIII—XXI было выявлено следующее количество особей животных[2] (таблица).

Для части костяных орудий удалось определить, что они были изготовлены из пясти, плюсны и таранной костей крупного рогатого скота, плюсны и таранной кости мелкого рогатого скота, из метаподии лошади, костей птиц и рогов животных.

Встреченные при раскопках Патрейского городища отходы производства, бракованные изделия, заготовки костяных изделий указывают на то, что на городище было развито косторезное производство и, возможно, существовали косторезные мастерские. Письменных источников по технологическому изготовлению костяных изделий не известно. Но можно предположить, что основные технологические процессы их изготовления были близки к современной кустарной обработке костяных изделий [11, с. 99—139], представляющей следующие основные этапы.

Просушка кости. Для того чтобы очищенная от мяса кость и рог не подвергались разрушению, растрескиванию и не коробились, нужно было их первоначально выдерживать при определенной влажности и температуре в затемненном месте.

Отбеливали кости (при необходимости удаления с ее поверхности неровной естественной окраски), вероятно, с помощью негашеной извести с последующей промывкой водой.

В дальнейшем производили ручную распиловку кости, вероятнее всего лучковой пилой.

В случае необходимости кость шлифовали пемзой или другими шлифовальными материалами.

Полировку кости производили мелом и водой с помощью волосяной щетки.

---

[1] Начальник Патрейской экспедиции ИА АН СССР 1985—1989 гг.— Б. Г. Петерс. В 1989 г. в экспедиции принимала участие в качестве археолога Е. В. Чухина.

[2] Определение костного материала было проведено в кабинете остеологии лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН канд. истор. наук В. П. Данильченко.

© Б. Г. Петертс, Е. В. Чухина, 1995 г.

Таблица

Видовой состав животных

Вид животных	Архаическое время	Классическое время	Эллинистическое время	Римское время	Средние века
Лошадь	24	28	7	59	45
Крупный рогатый скот	204	116	43	216	160
Мелкий рогатый скот	106	32	40	112	31
Свинья	37	21	36	22	13
Собака	8	1	289	80	6
Кабан	1	3	—	—	—
Лисица	—	—	—	5	3
Заяц	—	—	—	2	—
Волк	—	—	45	3	—
Выдра	—	—	—	5	—
Дельфин	—	—	1	—	1

Для склеивания костяных изделий применялись известные древним различные сорта клея.

Ажурная резьба могла выполняться на отдельных вставках, пластинах. В настоящее время для этих целей применяется втиральник, круглые напильники различных диаметров [11, с. 62—67].

Все костяные изделия из Патрея были разделены нами на четыре группы по их хозяйственному и культурному назначению: орудия ремесленного производства; орудия промыслов; орудия военного дела; предметы культурного назначения.

I группа — орудия ремесленного производства.

1. Костяные рашпили (рис. 1, *1—4*). Служили орудиями для обработки дерева, кости, кожи и т. д. При обработке могли подсыпаться различные тонкозернистые абразивные материалы.

Рашпиль, Патрей 1987, р-I, кв. 2, шт. 5, № 954 (рис. 1, *1*). Изготовлен из плюсны крупного рогатого скота, изделие целое, цвет кости темно-желтый. Тело кости — диафиз сточен с двух сторон вовнутрь. Поверх сточенности идут слегка наклонные, не всегда параллельные полосы насечек. Полосы составлены из вертикальных взаимно параллельных линий. С одной стороны до 28, с другой — до 37. Часть полос стерта, и поверх них нанесены новые. Окончание кости эпифизы также сточены. По результатам раскопок датируется второй половиной IV в. до н. э.

Рашпиль, Патрей 1986, р-I, кв. 11, шт. 6, № 1202 (рис. 1, *2*). Изготовлен из пясти крупного рогатого скота, изделие целое, цвет кости темно-желтый. Плоская часть диафиза кости сточена. На нем 28 полустертых полос насечек. С выпуклой стороны диафиза небольшая стертость по осевой части кости насечек нет, эпифизы с этой стороны не сточены. По результатам раскопок датируется IV в. до н. э.

Рашпиль, Патрей, 1988, р-I, кв. 3, шт. 12, зачистка, № 18 (рис. 1, *3*). Изготовлен из пясти крупного рогатого скота, обломок, сохранился нижний конец, цвет кости серовато-белый. Тело кости сточено вовнутрь с двух сторон. Поверх сточенности идут слегка наклонные, не всегда параллельные полосы насечек. Полосы составлены из наклонных глубоких коротких насечек. Часть полос стерта. Сохранившиеся эпифизы сточенности не имеют. По результатам раскопок датируется IV—III вв. до н. э.

Заготовка для производства рашпиля, Патрей, 1986, р-I, кв. 3, зачистка лестницы, № 1219 (рис. 1, *4*). Изготовлена из метоподия лошади, обломок, сохранился нижний конец, цвет кости светло-серый. Эпифиз кости сбоку срублен. Также частично сбоку срублен диафиз кости. Хорошо видны следы зарубок.

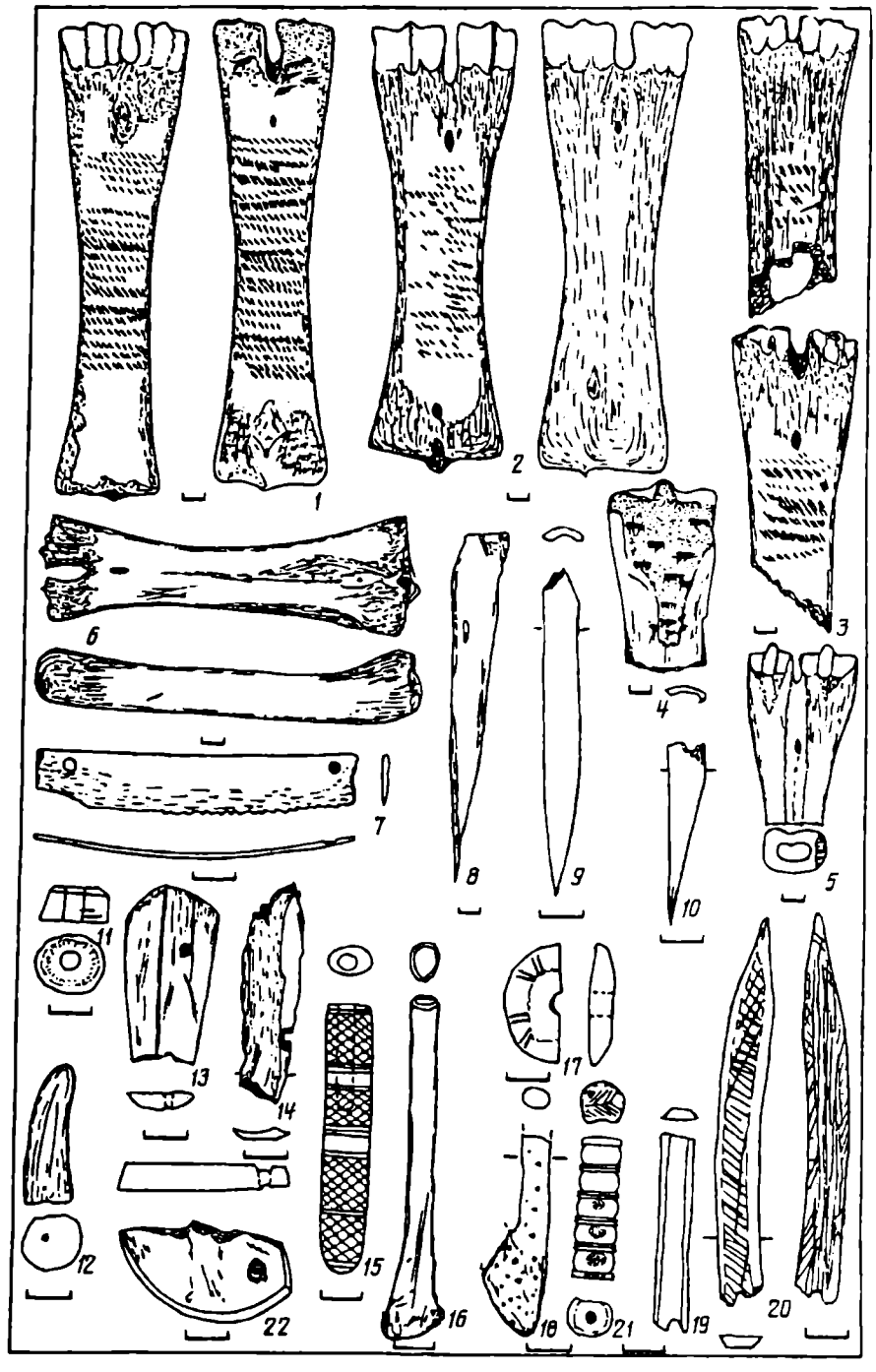

Рис. 1. Костяные изделия из раскопок Патрея 1985—1989 гг. *1—17* — орудия ремесленного производства; *18* — орудия промыслов; *19*, *20* — орудия военного дела; *21*, *22* — предметы культурного назначения

Работа по производству рашпиля не завершена из-за перелома кости. Производственный брак. По результатам раскопок датируется IV—III вв. до н. э.

Заготовка или отходы производства, Патрей, 1988, ПМ, № 127 (рис. 1, *5*). Изготовлена из плюсны крупного рогатого скота, обломок, сохранился нижний конец, цвет кости темно-желтый. Поперек кости следы распила на глубину 20 мм. Кость не допилена до конца 5 мм и сломана. Заготовка или отходы производства. По характеру сопутствующих находок датируется античным временем.

2. Костяные гладилки, могли служить для шлифования плоских деревянных поверхностей. Не исключено также предположение, трактующее их как средство

передвижения по льду залива, людей на одном коньке или в качестве полозьев для перемещения грузов по льду.

Гладилка или конек, Патрей, 1988, р-I, зачистка, № 1378 (рис. 1, *6*). Изготовлена из пясти крупного рогатого скота. Изделие целое, цвет кости светло-желтый. Диафиз и эпифизы сточены с одной стороны, составляют плоскую поверхность. На сточенности в углубленной части прослеживаются бороздки, идущие вдоль длинной части кости. Возвышающаяся часть эпифиза с обратной стороны имеет округлую сточенность. По результатам раскопок датируется IV в. до н. э.

3. Костяная пила, могла служить для перепиливания предметов небольшой твердости, дерева, размягченной кости (рис. 1, *5*) и рога.

Лезвие лучковой пилы, Патрей, 1987, р-V, кв. 1, шт. 5, яма 1, № 1064 (рис. 1, *7*). Изготовлена из ребра животного, обломок, кость желтого цвета. С одной стороны 19 зубьев, расположенных на расстоянии 45 мм. Высота зубьев 1 мм. Длина рабочей части пилы 45 мм, сохранившаяся часть 76 мм, высота пилы 8, толщина 1 мм. В горизонтальном направлении пила изогнута на 4 мм. У одного из краев сохранилось сквозное круглое отверстие диаметром 3 мм. Под отверстием от зубьев прослеживается срез. С другого края облом, с попыткой вторично просверлить кость, работа не завершена. Обломок пилы, который вторично не был использован. Датируется по фрагменту венчика килика Кассельской группы — 520—510 гг. до н. э.

4. Костяные шилья (рис. 1, *8—10*) служили для прокалывания кожи и материи, а также могли использоваться для нанесения отметок распила или контуров выкройки на дереве или коже.

Шило, Патрей, 1985, ПМ, № *555* (рис. 1, *8*). Изготовлено из обломка метоподия, цвет кости светло-желтый. На заостренной части следы рубящего инструмента. По характеру сопутствующих находок датируется античным временем.

Шило, Патрей, 1989, р-XVIII, шт. 5, № 79 (рис. 1, *9*). Изготовлено из обломка трубчатой кости животного, цвет кости светло-желтый. Вся поверхность отполирована. Верхняя часть обломана. Кость хорошо обработана и заострена. Около острия видны продольные полосы. Прослеживается местное производство. По результатам раскопок датируется I в. до н. э.

Шило, Патрей, 1989, р-XVII, шт. 3, № 24 (рис. 1, *10*). Изготовлено из обломка трубчатой кости животного, цвет кости темно-серый. По результатам раскопок датируется IV—III в. до н. э.

5. Часть ручки ножа (рог). Звено верхней части наборной ручки ножа, Патрей, 1985, р-I, шт. 10, № 1524 (рис. 1, *11*). Изделие целое, цвет кости желтый. Диаметр 14—16 мм, высота 8 мм. В центре сквозное отверстие — 4 мм. На боковой части граффити в виде двух врезных линий. По результатам раскопок датируется V в. до н. э.

Опил верхней части рога, отходы производства, Патрей, 1988, р-I, кв. 3, № 1181 (рис. 1, *12*). Цвет кости желтый. До конца не допилен, сломлен. В центре небольшое отверстие. Возможно, сначала рог был просверлен, а затем сделали пропил. По результатам раскопок датируется IV—III вв. до н. э.

6. Костяные накладные ручки ножей (рис. 1, *13*, *14*).

Ручка ножа с двумя сквозными отверстиями для крепления, с остатком железной заклепки, Патрей, 1988, ПМС, № 191 (рис. 1, *13*). Обломок, цвет кости серовато-белый. Сохранившаяся длина 40 мм, наибольшая ширина 30, наименьшая 25 мм, толщина до 5 мм. Одна сторона плоская, другая имеет овальную форму. Лицевая сторона заполирована, имеет по направлению продольной оси ножа две врезные линии, сужающиеся к острию. Верхняя часть накладки имеет овальное очертание, нижняя — облом. Заклепки находятся на расстоянии 25 мм. По характеру сопутствующих находок датируется античным временем.

Ручка ножа, Патрей, 1988, ПМ (рис. 1, *14*). Обломок изделия, цвет кости светло-серый. Поверхность грубо обработана, сквозное отверстие в верхней части

имеет диаметр 5, в нижней — 2 мм. Брак производства. По характеру сопутствующих находок датируется античным временем.

7. Костяные игольницы. Служили для хранения иголок.

Игольница, Патрей, 1986, р-I, кв. 11, шт. 5, № 1085 (рис. 1, *15*). Изготовлена из трубчатой кости животного. Изделие целое, не треснутое, цвет кости темно-желтый. Длина — 63 мм, в разрезе овальной формы наименьший наружный диаметр 7, наибольший — 10 мм. Один конец скругленный, другой плоский, в нем имеется отверстие диаметром 4, глубиной 22 мм.

На одной из сторон игольницы нанесен рисунок из взаимно пересекающихся врезных линий, образующих ромбы. Рисунок расчленен на три части двумя широкими неорнаментированными полосами. Изделие найдено вместе с фрагментами чернолаковой керамики VI—V вв. до н. э.

Игольница (или костяная рукоять ножа, или орудие для нанесения орнамента на керамику), Патрей, 1988, р-I, кв. 3, шт. 13, № 1743 (рис. 1, *16*). Изготовлена из трубчатой кости птицы. Длина 78 мм, с одной стороны естественное завершение кости, с другой — горизонтальный срез с овальным отверстием, наибольший диаметр 8, наименьший — 5 мм. У естественного окончания кости имеется граффити в виде четырех врезных полос. По фрагментам чернолаковой керамики датируется VI—V вв. до н. э.

8. Костяное пряслице, Патрей, 1989, ПМВ, № 233 (рис. 1, *17*). Изготовлено из кости животного. Цвет кости желтый. Диаметр 29, толщина 7 мм. В центре сквозное круглое отверстие диаметром 5 мм. Половина пряслица обломана. На поверхности с одной стороны парные врезные насечки. По характеру сопровождающих находок датируется античным временем.

II группа — орудия промыслов.

1. Костяные крючки. Находка их наряду с находками рыбьих, дельфиньих костей и створок раковин мидии указывает на развитие морского промысла у жителей городища.

Рыболовный крючок, Патрей, 1989, ПМ, № 30 (рис. 1, *18*). Изготовлен и кости животного. Изделие обломано, цвет кости светло-желтый. Сохранившаяся длина 45 мм. Крючок плоский односторонний. С одной стороны крючка по его поверхности для лучшего удержания наживки насверлены неглубокие отверстия. С другой стороны сохранена шероховатая часть пористой кости. По характеру сопровождающих находок датируется античным временем.

III группа — орудия военного дела.

1. Накладка лука, Патрей, 1988, р-I, кв. 2. Слой под подом горна I, № 1957 (рис. 1, *19*). Изготовлена из кости животного. Цвет кости темно-серый. Изделие сломано, сохранилась центральная часть накладки. Облом по краю отверстия, диаметр которого 5 мм. Длина 45, ширина 7, толщина 2 мм. С наружной стороны отполирована, с внутренней шероховата. По результатам раскопок датируется VI—V вв. до н. э.

Накладка лука, Патрей, 1989, р-XVII, шт. 3, № 24 (рис. 1, *20*). Изготовлена из кости животного. Сохранилась часть изделия длиной 90, шириной до 11, толщиной 3 мм. С внутренней стороны плоская заштрихованная поверхность. С наружной стороны — параллельные врезные линии. По результатам раскопок датируется III в. н. э.

IV группа — предметы культурного назначения.

1. Костяная наборная ручка зеркала. Костяное звено верхней части наборной ручки зеркала, Патрей, 1986, р-I, кв. 11, шт. 8, № 1476 (рис. 1, *21*). Изготовлено из слоновой кости. Изделие с боковой длинной стороны частично утрачено, цвет кости светло-желтый. Длина изделия 32, диаметр верхний 12, диаметр нижний 11 мм. Верхняя часть изделия плоская, слегка выгнута вверх. У края, сверху вниз, облом по сквозному продольному отверстию для крепления зеркала, которое проходило у самого края изделия. Верхний диаметр отверстия до 3 мм, нижний до 2 мм. Прослеживается облом вдоль всего продольного отверстия. В отверстии следы ржавчины. В центре нижней части (всего три звена) круглое отверстие,

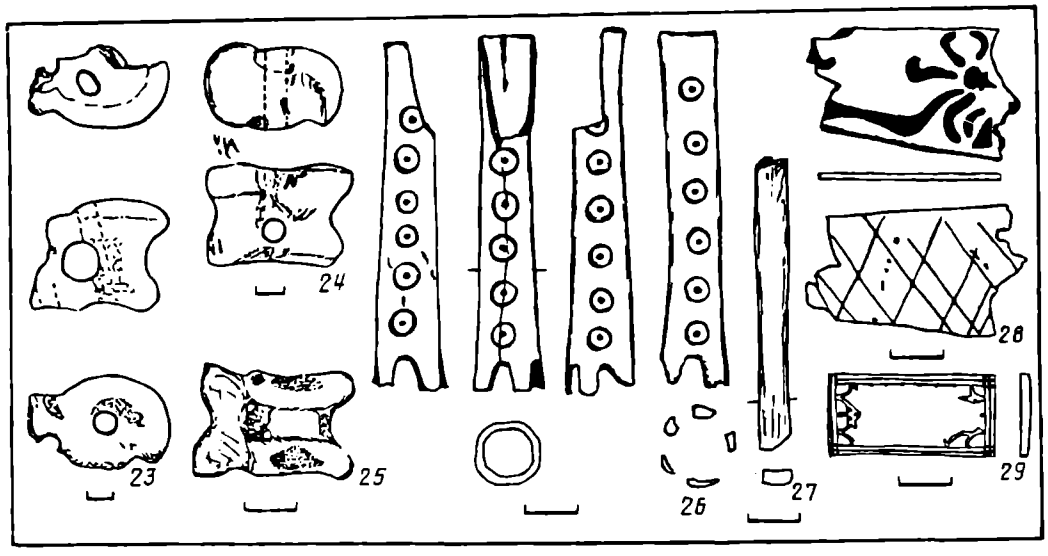

Рис. 2. Костяные изделия из раскопок Патрея 1985—1989 гг. *23—29* — предметы культурного назначения

глубиной 3, диаметром 2 мм, для стыка с другим звеном. Верхнее звено ручки зеркала изготовлено на токарном станке. С верхнего и нижнего края оставлены круговые выступы шириной 2 мм, между ними все пространство разделено на пять бочкообразных выступов, разделенных по окружности парными выступами. Сточенность костяной ручки прослеживается с противоположной стороны от сквозного продольного отверстия, она начинается с третьего бочкообразного выступа. Сточенность увеличивается к окончанию нижней части звена. По характеру изготовления резьбы изделие близко к изделиям VI в. до н. э. [9, с. 171, табл. X, *3*]. Предполагаем, что изделие привозное. По результатам раскопок датируется концом VI — началом V в. до н. э.

2. Игральные кости (рис. 1, *22*; 2, *23—25*). Игральная кость со следами обработки, Патрей, 1985, ПМ, № 490 (рис. 1, *22*). Изготовлена из таранной кости. Изделие обломано, цвет темно-желтый. Сточенный астрагал. У внешнего сточенного края находится сквозное отверстие, с одной стороны его диаметр 4 мм, с другой 1,5 мм. По классификации Б. Г. Петерса — тип 1, вид 2б [9, с. 81, 84, с. 180, табл. XVI, *1*, с. 181, табл. XVII, *3*, *10*, *12*]. Сточенные астрагалы широко были распространены в Северном Причерноморье в VI в. до н. э.— II в. н. э. [9, с. 179, 180, табл. XVI, *2*, *20*, с. 181, табл. XVII, *1—4*, *6*, *11*, *12*]. По характеру сопровождающих находок датируется античным временем.

Игральная кость, астрагал, Патрей, 1986, р-I, кв. 1, зачистка, № 1023 (рис. 2, *23*). Изготовлен из таранной кости крупного рогатого скота. Обломок темно-серого цвета. Игральная кость имеет в центре сквозное круглое отверстие диаметром 15 мм и два боковых сквозных и круглых отверстий диаметром 5 мм. Сверху астрагал покрыт черным лаком. По классификации Б. Г. Петерса — 3а, тип I, вид 3б, д [9, с. 81]. По характеру сопровождающих находок датируется античным временем.

Игральная кость, астрагал, Патрей, 1988, р-I, кв. 14, шт. 1, № 65 (рис. 2, *24*). Изготовлен из таранной кости крупного рогатого скота. Изделие целое, кость светло-желтого цвета. В центре — сквозное круглое отверстие диаметром 7 мм. От долгого употребления поверхность кости заполирована. На скругленной части кости граффити, насечка острым предметом. По классификации Б. Г. Петерса — тип I, вид 3б, г [9, с. 81]. По результатам раскопок датируется V в. до н. э.

Игральная кость, астрагал, Патрей, 1986, р-I, кв. 1, шт. 7, сл. 5, № 1475 (рис. 2, *25*). Изготовлен из таранной кости мелкого рогатого скота. Изделие [illegible], кость светло-желтая. Игральная кость сверху со следами сточенности и

с заполированной поверхностью. По классификации Б. Г. Петерса — тип I, вид I, а [9, с. 81]. По результатам раскопок датируется III в. до н. э.

3. Костяной обломок музыкального инструмента, мундштука флейты. Мундштук флейты, Патрей, 1988, ПМВ, № 207 (рис. 2, *26*). Изготовлен из плюсны мелкого рогатого скота, цвет кости желтый. Длина мундштука 70 мм. Более узкий конец мундштука подтесан. На нем прослеживаются следы прикуса зубов. Расширяющийся конец кости имеет пять продольных, суживающихся углублений. Мундштук имеет четыре грани, на которых продольно расположены шесть окружностей (диаметр 3—5 мм) с врезной точкой в центре. Расстояние между центрами окружностей неодинаково. Врезка сделана по циркулю. В нескольких местах циркуль сбился и прослеживаются части новых окружностей. Поверхность кости зашлифована. По результатам находок датируется античным временем.

4. Костяные инкрустационные пластинки и пластинки с врезным рисунком (рис. 2, *27*, *28*). Служили для украшения деревянных поверхностей шкатулок. Известна находка деревянного ларца, инкрустированного костяными пластинками, происходящего из плитовой могилы эллинистического времени в кургане у пос. Сенной [12, с. 147].

Инкрустационная пластина, Патрей, 1987, р-I, кв. 12, шт. 12, № 2136 (рис. 2, *27*). Изготовлена из кости животного, обломок, цвет кости светло-серый. Длина пластины 60, ширина 5, толщина 3 мм. Верхняя часть отполирована, с внутренней стороны и боков подтесана, с внутренней стороны сохранено трубчатое строение кости. По результатам раскопок датируется VI в. до н. э.

Инкрустационная пластина, Патрей, 1985, р-I, яма 1, шт. 13, № 1528 (рис. 2, *28*). Изготовлена из слоновой кости, три края обломаны, один сохранен, цвет кости светло-желтый. С наружной стороны отполирована, с внутренней стороны сохранена штриховка. Сохранившаяся длина 40, ширина 25, толщина 1,5 мм. Вдоль сохранившегося края высокохудожественный врезной рисунок стебля и цветка, сохранилось семь лепестков и часть лепестка другого цветка. Предполагаем, что изделие привозное. По результатам раскопок датируется III—II вв. до н. э.

Костяная стенка шкатулки ажурной резьбы, Патрей, 1985, р-I, шт. 5, яма 1, № 1270 (рис. 2, *29*). Изготовлена из слоновой кости, внутренняя часть резьбы выломана, цвет кости светло-желтый. Длина пластины 32, высота 15, толщина 2 мм. У пластинки сохранились полностью четыре боковые стороны. Внутренний орнамент сохранился частично. С наружной стороны пластина отполирована, с внутренней шероховата. Высокохудожественная ажурная резьба. Предполагаем, что изделие привозное. По результатам раскопок находка датируется III—II вв. до н. э. [3]

Таким образом, исследуемый нами материал свидетельствует о широком использовании на Патрейском городище костяных изделий. Основная масса изделий из костей животных — местного производства, о чем свидетельствуют заготовки этих изделий и брак при их производстве. Изделия, изготовленные из слоновой кости — инкрустационные пластинки, стенки шкатулок с ажурной резьбой, ручки зеркал — вероятно, были привезены в готовом виде из других центров, где широко использовалась при изготовлении бытовых предметов слоновая кость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Петерс Б. Г.* Работы Патрейской экспедиции//АО — 1985. М., 1987.
2. *Петерс Б. Г.* Раскопки Патрея//АО — 1986. М., 1988.
3. *Петерс Б. Г.* Раскопки Патрея. Древности Кубани (материалы семинара). Краснодар, 1987.
4. *Петерс Б. Г.* Исследования Патрея//I Кубанская археологическая конференция. Тезисы. Краснодар, 1989.
5. *Петерс Б. Г.* Исследования нижнего слоя Патрея//Проблемы исследования античных городов. М., 1989.

[3] О стратиграфии культурных слоев Патрея см. [13, с. 25—27].

6. *Петерс Б. Г.* Охранные научные работы в 1988 г. Патрейской экспедиции ИА АН СССР//Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. Тезисы. М., 1989.
7. *Петерс Б. Г.* Итоги работы Патрейской экспедиции ИА АН СССР 1985—1989 гг.//Древности Кубани (материалы научно-практической конференции). Краснодар, 1991.
8. *Кругликова И. Т.* Изделия из кости и рога, найденные при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг.//МИА. 1957. № 56.
9. *Петерс Б. Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.
10. *Башкиров Б. С., Мурыгина Н. Ф., Никонов И. Е.* Отчет о раскопках древнего города Патрея (1961—1962)//Проблемы экономического и политического развития стран Европы (из истории средних веков и древнего мира). М., 1964.
11. *Абросимова А. А., Каплан Н. И., Митлянская Т. Б.* Художественная резьба по дереву, кости и рогу. М., 1984.
12. *Сорокина Н. П., Воронов А. А., Усачева О. Н., Мелкумян Л. М.* Работы Ахтанизовского отряда Таманской экспедиции//АО — 1978. М., 1979.
13. *Петерс Б. Г.* Исследование городища Патрей в 1985—1989 годах//Материалы IV Научной конференции РНАН. М.: Вдохновение, 1993.

Институт археологии РАН,
Москва

B. G. PETERS, E. V. TCHUKHINA

THE BONE ARTIFACTS FROM PATREI EXCAVATIONS IN 1985-89

Summary

The investigations of Patrei fortified settlement were carried by Patrei expedition of the Institute of the Archaeology. The settlement is situated on the northern part of Taman bay near Garkushy village. The bone artifacts and their fragments were divided into groups according to their economic and cultural role: handicraft tools, weapon and cultural artifacts. The presence of the defective goods and the production remains testifies to the fact that the most part of the tools were made on that very place. Some artifacts made of ivory were probably imported from the other centres.

П. Е. ЗАХАРОВ, В. И. МОРДВИНЦЕВА

ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

В 1988 и 1990 гг. экспедицией Волгоградского государственного университета под руководством П. Е. Захарова были проведены раскопки в урочище Богодушанский Ерик Николаевского р-на Волгоградской обл. на берегу Волгоградского водохранилища. При обследовании берега в обрыве были обнаружены остатки древних захоронений раннесарматского времени, а на краю обрыва и в 25 м от него — всхолмления, вначале ошибочно интерпретированные как курганные насыпи и в ходе исследования (1990 г.) оказавшиеся остатками домов-полуземлянок. Почвенный анализ, проведенный научным сотрудником Института почвоведения и фотосинтеза РАН доктором биологических наук В. А. Демкиным, позволяет сделать вывод об отсутствии насыпи над обнаруженными погребениями и о возможном существовании здесь грунтового могильника. Образцы почв брались из профиля раскопа и тех могильных ям, границы которых прослеживались (№ 6 и 7). Погребенная почва — аналог современной (каштановая солонцеватая солончаковая с характерной призматической структурой горизонта B1 (рис. 1)). В засыпи раскопанных могильных ям полностью сформирована полнопрофильная почва с дифференциацией на генетические горизонты A1, B1, B2, вследствие чего установлены границы лишь тех ям, которые достигали карбонатного горизонта BC(Ca), который также аналогичен современному. Почвы подобного облика были характерны уже для I тыс. до н. э., и в последующее время почвообразовательный процесс протекал в этом же направлении, что подтверждается сравнительным изучением разновозрастных погребенных почв раннего железного века и средневековья, а также направлением развития почвообразовательного процесса на грунтовом материале насыпей этого же времени. Для формирования подобного почвенного профиля в засыпи раскопанных ям должно было пройти не менее 300—400 лет до того, как на этом месте образовался культурный слой. Таким образом, мы скорее всего имеем дело с грунтовым могильником, на территории Нижней Волги пока единственным для данной эпохи.

Под остатками дома обнаружен вырытый в древности ровик, проходящий полукольцом по площади раскопа (рис. 1), который, по всей вероятности, являлся границей грунтового могильника. Диаметр ровика по внешнему контуру — 17,4 м; по внутреннему — 11,6 м. Его наибольшая ширина — 4 м, наименьшая — 2,4 м, глубина — 1,8 м от современной поверхности. Вдоль внутренней стенки ровика оставлена ступенька высотой 15 см, нижняя часть ровика более чем наполовину заполнена грунтом, вынутым при его сооружении. На этом уровне обнаружены многочисленные обломки костей лошади (рис. 1, *а*), фрагменты керамики эпохи раннего железа, в том числе обломки гончарного красноглиняного тонкостенного сосуда (рис. 1, *б*; рис. 2, *3*), а также лепной горшок яйцевидной формы (рис. 1, *в*; рис. 3, *10*). Слой этой засыпки был утрамбован и отделялся от лежащего выше слоя тонкой прослойкой гумуса, смешанного с золой. Предположительно, ровик был сооружен к моменту совершения одного или нескольких погребений, заключенных в его пределах, после чего был частично засыпан, и на этом уровне найдены многочисленные следы поминок. По прошествии небольшого количества времени ровик был засыпан полностью.

© П. Е. Захаров, В. И. Мордвинцева, 1995 г.

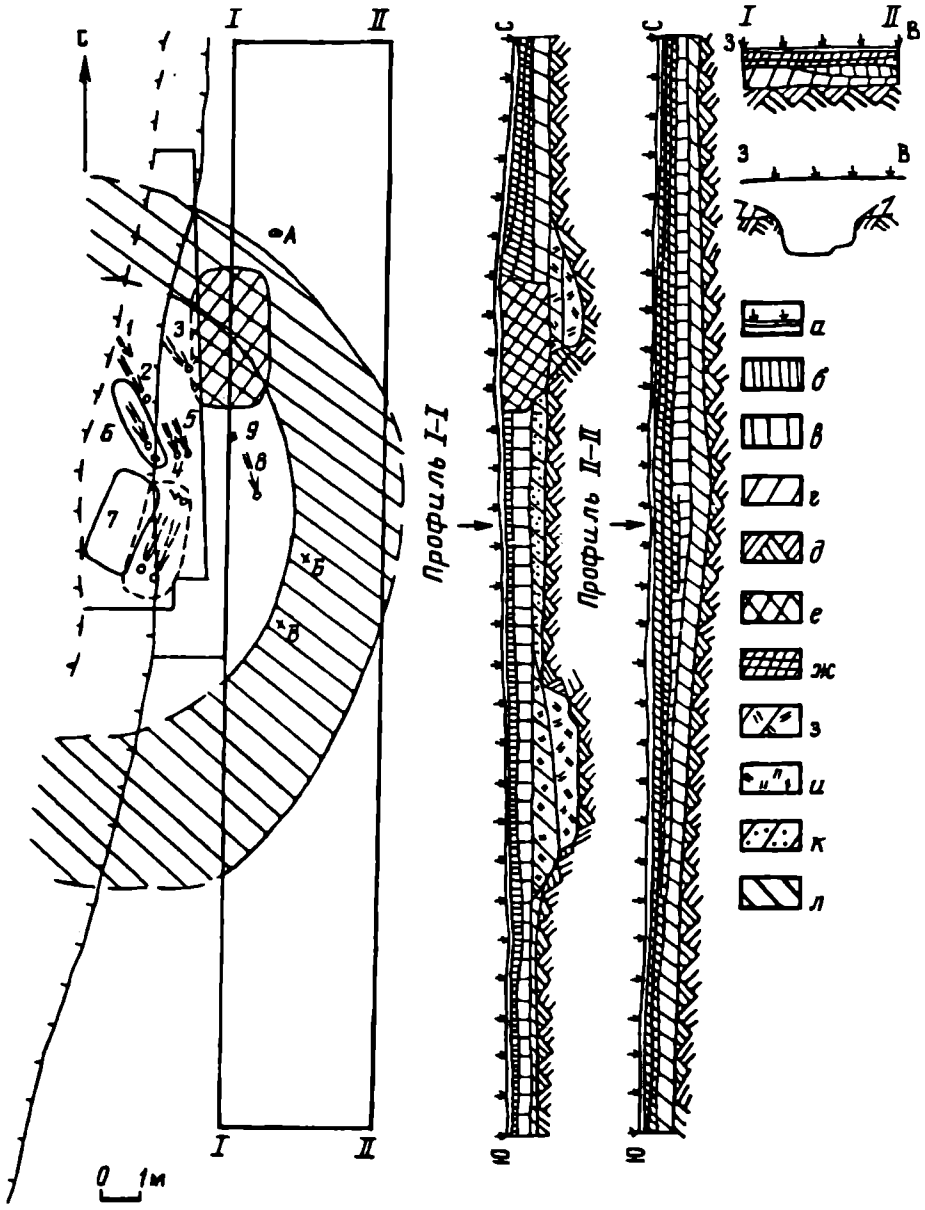

Рис. 1. План грунтового могильника. *1—9* — номера погребений. *а* — гумусный слой (горизонт А); *б* — суглинок/супесь (В1); *в* — светло-каштановый суглинок (В2); *г* — каштановый суглинок (ВС); *д* — материковая глина (С); *е* — перемешанный грунт (жилая постройка); *ж* — супесь с гумусированными прослойками; *з* — смешанный грунт (ВС и С); *и* — заполнение ровика (С); *к* — вкрапления карбонатов (ВС(Са); *л* — граница ровика

В сохранившейся части могильника обнаружено девять погребений, принадлежащих к раннесарматской культуре [1].

Погребение 1. На краю обрыва, на глубине 1 м от современной поверхности, обнаружен костяк ребенка 1—1,5 лет [2], который лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад (рис, 4, *1*). Около погребенного обнаружен развал глиняного лепного горшка с полосой зигзагообразного орнамента из трех прочерченных линий на плечиках (рис. 5, *1*) и обломки каменной плиты.

Рядом, на глубине 1,2 м от современной поверхности, находился костяк женщины 22—25 лет (*погребение 2*) на спине, вытянуто, головой на юго-восток. Череп находится отдельно от костей туловища, теменной частью вверх, нижняя

[1] Погребения 1—7 исследованы в 1988 г., 8—9 — в 1990 г.

[2] Все половозрастные определения сделаны научным сотрудником археологической лаборатории ВолГУ М. А. Балабановой.

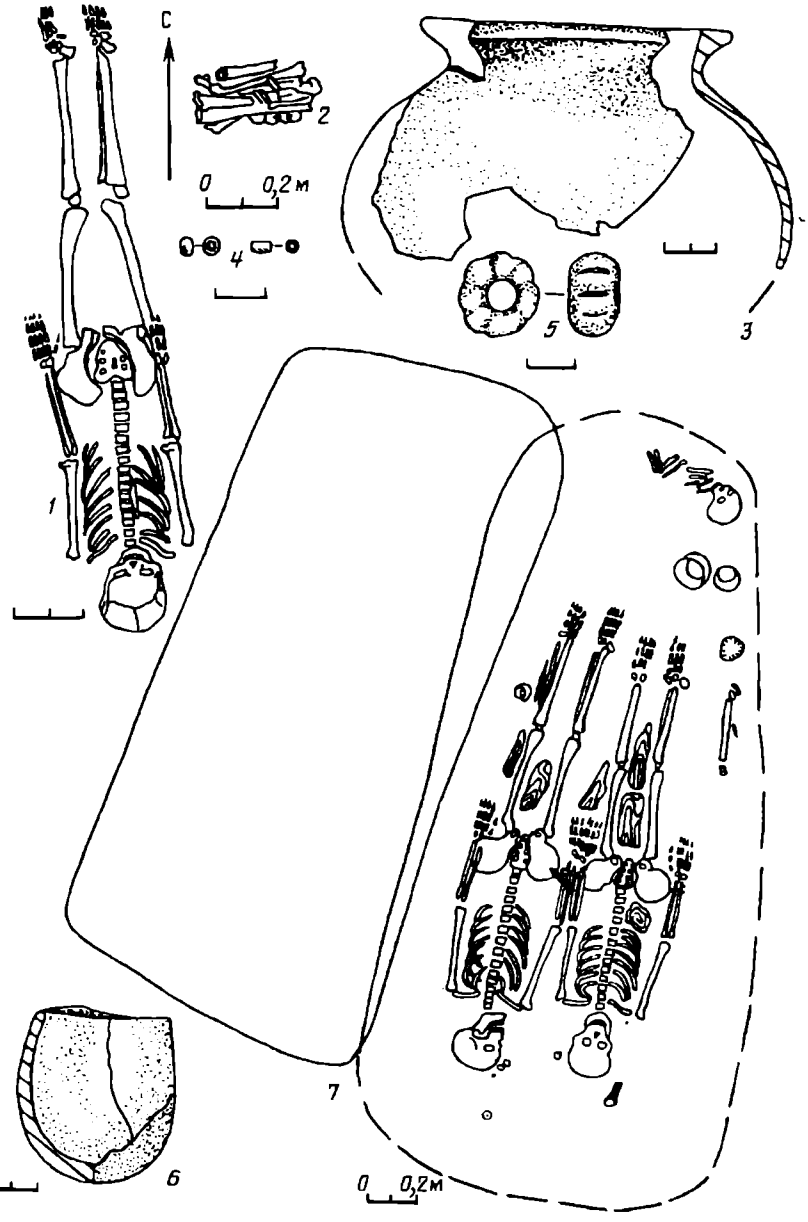

Рис. 2. Планы погребений могильника и вещи из них: *1* — погребение 8; *2* — погр. 9; *3* — сосуд из ровика; *4* — бусы из погр. 9; *5*, *6* — вещи из погр. 8; *7* — погр. 7

челюсть — на шейных позвонках (рис. 4, *2*). В области шеи погребенной собраны бусы из желтого (рис. 5, *2б, д, е, ж*), черного (рис. 5, *2, г*) и бесцветного (рис. 5, *2а, в, з*) стекла, часть из них — с внутренней позолотой (рис. 5, *2а, ж, з*), общей численностью 51 шт. Справа от костяка стоял лепной горшок (рис. 5, *4*), под которым находились ребра овцы. К этому же погребению относится глиняное пряслице (рис. 5, *3*).

Погребение 3. Захоронение ребенка 5—6 лет было совершено в деревянном гробовище на глубине 1 м от современной поверхности. Костяк лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток (рис. 4, *3*). В ногах стоял лепной сосуд с двойной волнистой линией по плечикам (рис. 6, *1*).

Погребение 4. Остатки костяка ребенка обнаружены на глубине 0,6 м от современной поверхности.

Погребение 5. Два детских костяка лежали на спине, вытянуто, головой на юго-восток. Восточный костяк принадлежал ребенку 10—11 лет, западный — ребенку 8—9 лет (девочка) (рис. 4, *5*). За головой девочки стоял лепной сосуд,

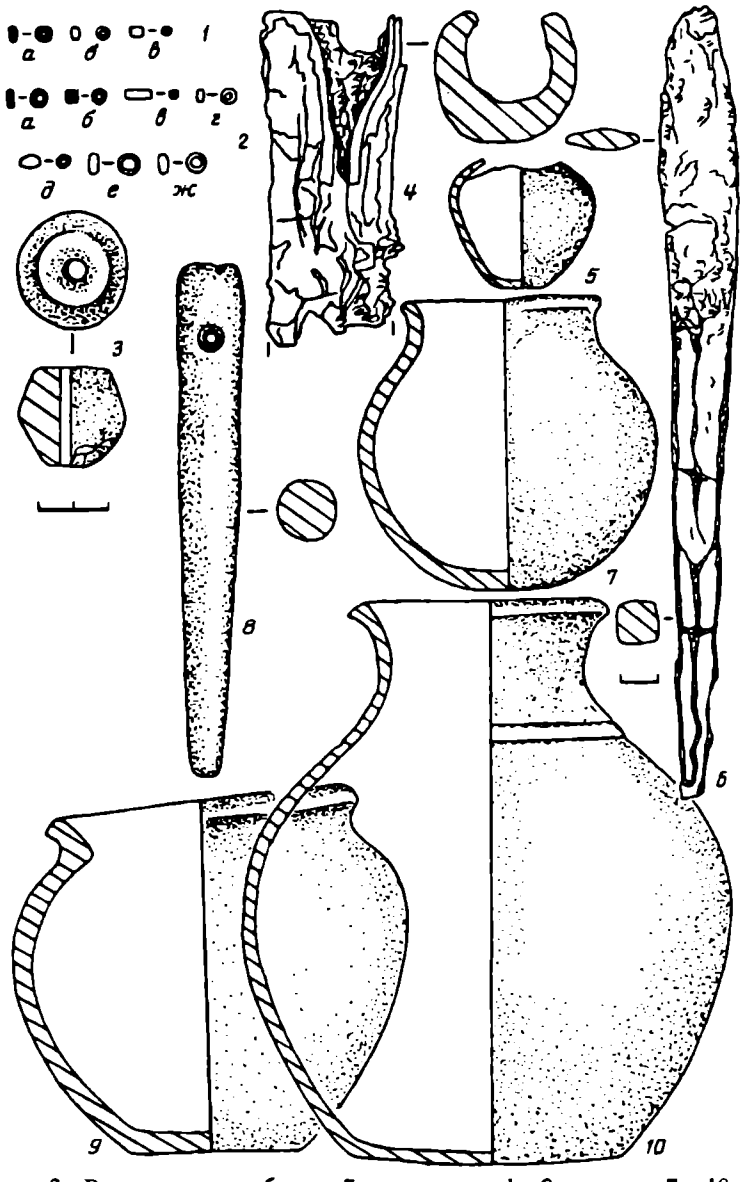

Рис. 3. Вещи из погребения 7 и ровика: *1—9* — погр. 7; *10* — ровик

сильно расслоившийся, форма и размеры его не восстанавливаются. В области шеи погребенной девочки собраны бусы желтого (рис. 5, *6б*), темно-синего (рис. 5, *6в*) и прозрачного (рис. 5, *7в*) стекла, в последнем случае с внутренней позолотой, а также бусина с перистым орнаментом (рис. 5, *7д*) и три глазчатых бусины (рис. 5, *6а*, *7 а*, *г*). Общее их количество — 16 штук. На запястьи левой руки ее найдены бусы зеленоватого (рис. 5, *5а*), голубого (рис. 5, *6б*), синего (рис. 5, *5г*), желтого (рис. 5, *5д*, *е*), коричневого (рис. 5, *5з*) и черного (рис. 5, *5ж*) стекла и одна гешировая бусина (рис. 5, *5в*) — всего 10 шт. Кроме того, в погребении обнаружены кости ног овцы в сочленении и кусок минеральной краски (охра).

Погребение 6. Могильная яма прямоугольно-удлиненной формы находилась под погребением 4 и была ориентирована по оси СЗ — ЮВ. Длина ямы 2,65 м, ширина 0,55 м, глубина от современной поверхности 1,65 м. На дне ямы в деревянной колоде лежал костяк молодой женщины (около 17 лет), на спине, вытянуто, головой на юго-восток. В колоде, за головой покойной, стоял небольшой лепной глиняный сосуд (рис. 6, *2*). На колоде находился второй лепной горшок больших размеров (рис. 6, *3*). В ногах погребенной, в гробовище, помещался

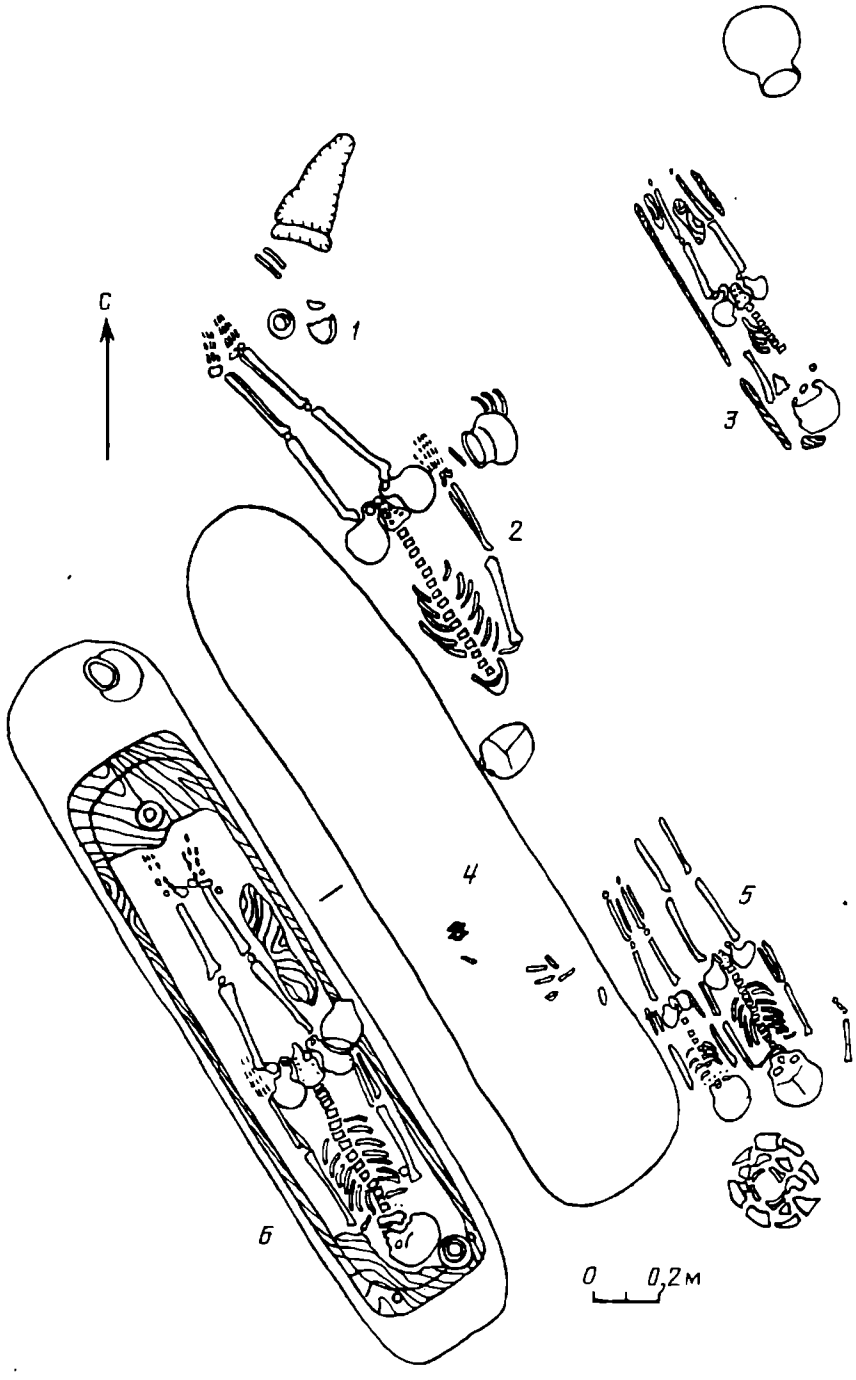

Рис. 4. Планы погребений могильника. Номера на рисунке соответствуют номерам погребений

миниатюрный лепной глиняный сосудик с отбитым в древности горлом (рис. 6, *5*). В северо-западной части ямы стоял еще один глиняный лепной горшок с орнаментом из прочерченных тройных дуг на плечиках (рис. 6, *4*). Два глиняных пряслица обнаружены на тазовых костях и в ногах погребенной (рис. 5, *8*, *11*). Справа от костяка лежали два кусочка реальгара.

У запястья правой руки найдены три стеклянные бусины глухого белого (рис. 5, *9а*), полупрозрачного белого (рис. 5, *9в*) и янтарного (рис. 5, *9б*) цветов. У голеней ног собраны бусы желто-зеленого (рис. 5, *10б*), желтого (рис. 5, *10в*, *д*, *е*), белого (рис. 5, *10ж*), янтарного (рис. 5, *10а*) и бесцветного с внутренним серебрением (рис. 5, *10г*) стекла, общим количеством 27 штук.

Погребение 7. Входная яма трапециевидного контура имела размеры

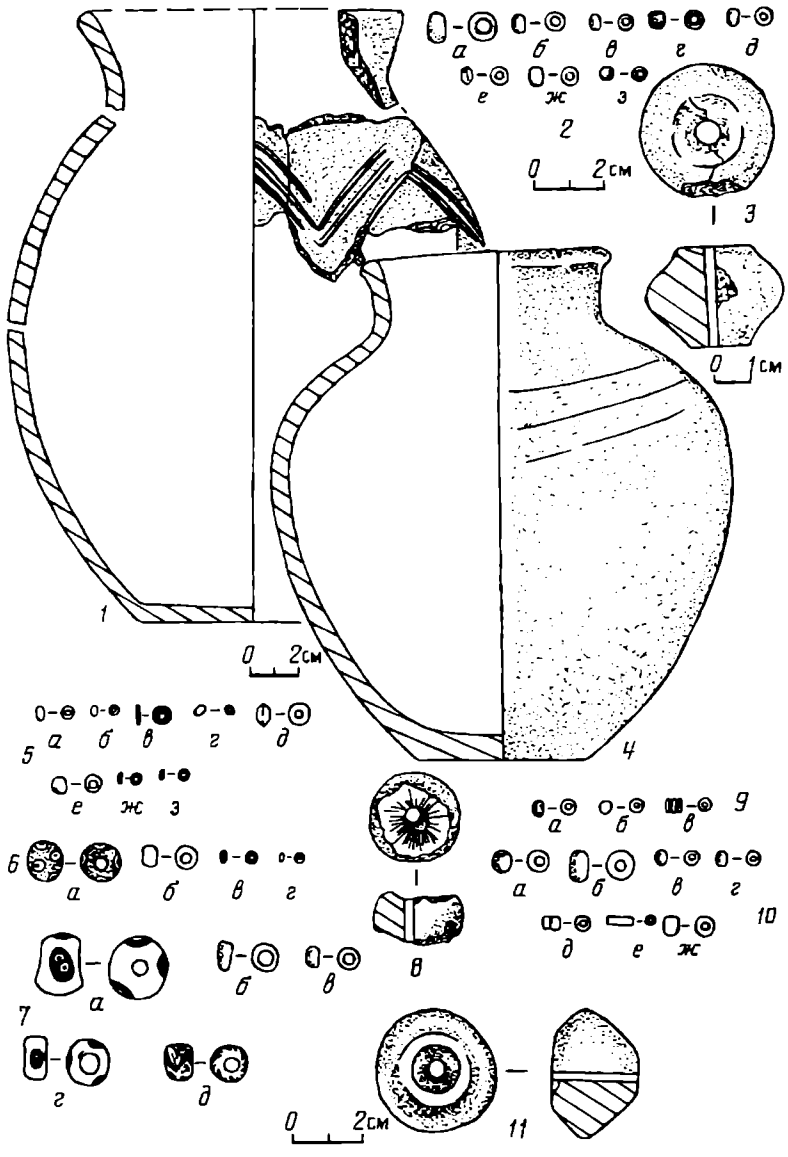

Рис. 5. Вещи из погребений: *1* — погр. 1; *2—4* — погр. 2; *5—7* — погр. 5; *8—11* — погр. 6

2,7×1,2 м, глубина ее — 1,5 м от современной поверхности. В восточной стенке ямы устроен подбой, высоту свода которого установить не удалось. Дно камеры было на 0,1 м ниже уровня дна входной ямы, ее длина 3 м, ширина 1—1,5 м. В подбое находились костяки трех погребенных: ближе к входной яме — костяк мужчины (старческого возраста, более 60 лет), рядом костяк женщины 20—22 лет, в ногах у них, у северо-восточной стенки камеры,— костяк ребенка 5—6 лет (рис, 2, *7*). Взрослые лежали на спине, вытянуто, головой на ЮЮЗ. Ребенок находился в скорченном положении, на спине, с подогнутыми ногами. На дне камеры прослежены следы подстилки из коры.

Справа от мужского костяка, на уровне пояса, лежал каменный оселок сигарообразной формы (рис. 3, *8*). Рядом с ним находились остатки сильно коррозированной прямоугольной железной пряжки. Слева, у колена, стоял маленький глиняный лепной сосудик (рис. 3, *5*). Рядом, вдоль голени левой ноги, лежал железный наконечник дротика с длинным, квадратным в сечении черешком и пером листовидной формы, линзовидным в сечении (рис. 3, *6*).

За головами покойных, ближе к юго-западной стенке ямы, обнаружено биконическое пряслице из песчаника (рис. 3, *3*). Слева, за головой женского скелета,

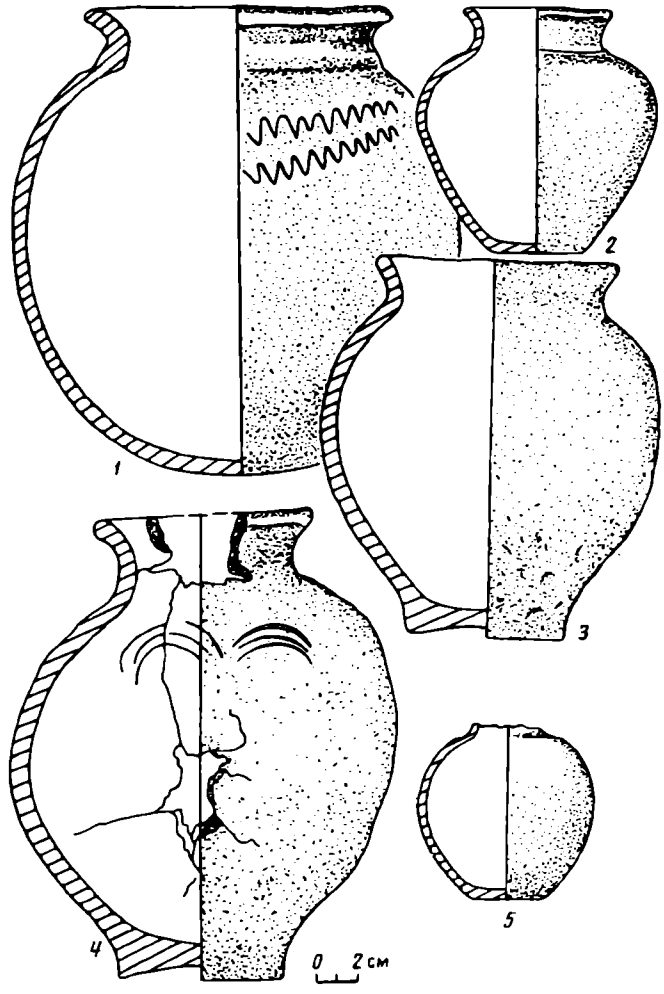

Рис. 6. Сосуды из погребений: *1* — погр. 3; *2—5* — погр. 6

лежала железная втульчатая пешня (рис. 3, *4*). Около черепов обоих покойных лежало по кусочку мела. Справа от женского костяка, у длинной стенки подбоя, находились кости ног овцы вместе с обломком небольшого железного ножика. Слева, в ногах погребенной женщины, лежал терочник из кварцита. Рядом стояли два глиняных лепных горшка (рис. 3, *7*, *9*). В области шеи погребенной собраны бусы из гешира (рис. 3, *2а*, *б*), желтого (рис. 3, *2в*, *д*, *е*, *ж*) и бесцветного стекла, общим количеством 18 шт. На запястьях рук найдены гешировые (рис. 3, *1а*) и стеклянные бусы желтого (рис. 3, *1б*) и белого цветов, а также бесцветные (рис. 3, *1в*). Всего 50 шт.

Погребение 8 обнаружено на глубине 1 м от современной поверхности, размеры и контуры ямы не прослеживались (рис. 2, *1*). Костяк женщины 35—40 лет лежал в вытянутом положении, на спине, головой на юго-юго-восток. У левого плеча погребенной обнаружены обломки глиняной лепной курильницы (рис. 2, *6*). У позвоночника, на уровне локтя, найдена стеклянная бусина темного мутного стекла (рис. 2, *5*).

Погребение 9 представляло собой скопление аккуратно сложенных обломков длинных и тазовых костей как минимум трех человек, извлеченных, по-видимому, из разрушенных при сооружении дома-землянки погребений. Сохранившаяся тазовая кость принадлежала женщине 18—20 лет. Среди костей найдены две бусины — молочно-белого (рис. 2, *4а*) и прозрачного лимонно-желтого (рис. 2, *4б*) стекла.

Погребальный инвентарь, обнаруженный в могильнике, чрезвычайно беден,

что несомненно свидетельствует о невысоком социальном статусе погребенных в нем людей. Основным его элементом являются плоскодонные сосуды, большинство из которых имеет многочисленные аналогии среди лепной керамики развитой раннесарматской культуры [1 , табл. VII, *19*, *30*; табл. X, *24*, *29*, *30*]. Из общей массы выделяются два сосуда (рис. 6, *3*, *4*), по форме напоминающие савроматские лепные горшки. Красноглиняный гончарный сосуд, обломки которого были обнаружены в ровике, возможно, был произведен в античных городах-государствах Северного Причерноморья, но его фрагментированность не позволяет сделать вывод о его типологической принадлежности (рис. 2, *3*).

Железный наконечник дротика из могилы погребения 7 принадлежит к категории инвентаря, довольно редко встречающейся у сарматов. Кроме того, по своему типу он черешковый, в то время как основная масса таких наконечников втульчатые,— богодушанский экземпляр практически не имеет себе аналогий в сарматском вещевом материале и поэтому не дает данных для датировки исследуемого комплекса.

Находкой с более или менее определенными хронологическими позициями являются бусы. Даты большинства типов, обнаруженных в погребениях могильника, очень широки. Основная их часть датируется в рамках IV—I вв. до н. э. Необходимо, впрочем, отметить, что найденные в погребении 6 округлые поперечно-сжатые бусы из белого глухого стекла (тип 2 по Е. М. Алексеевой) (рис. 5, *9а*) бытуют в основном в рамках I—II вв. н. э. [2, с. 63], а бусы продольной структуры с внутренним серебрением (рис. 5, *10г*) из того же комплекса (тип 1б по Е. М. Алексеевой) датируются римским временем и ранее рубежа эр не встречаются [2, с. 30].

Остальные находки (это в основном орудия труда) не дают узких дат и позволяют в лучшем случае установить их культурную принадлежность. Таким образом, по нашему мнению, могильник в целом должен датироваться рубежом эр.

Погребальный обряд описанных погребений также традиционен для раннесарматской культуры III—I вв. до н. э. В основном это простые грунтовые ямы. Погребенные ориентированы в южный сектор. Одной из важных конструктивных особенностей исследуемого комплекса является ровик. Как сооружение, входящее в состав сарматского грунтового могильника, ровик встречаются в низовьях Дуная — могильники у р. Алияга и с. Холмское Арцизского р-на Одесской обл. [3, с. 6—32], относимые авторами к позднесарматской культуре и датируемые концом II — первой половиной III в. н. э.

В границах богодушанского ровика, вполне возможно, могилы располагались по кругу. Эта тенденция вполне отчетливо прослеживается на плане могильника (рис. 1). Такая планировка захоронений часто встречается в курганах развитой прохоровской культуры. Подобные курганы представляют собой своеобразные кладбища родственников, на что неоднократно указывалось в литературе [4, с. 159; 5, с. 171 сл.]. Погребения, образующие в кургане систему, обычно не прорезают друг друга, хотя их число достигает нескольких десятков. Нередки случаи многократного использования могил и многоярусное расположение костяков. При этом более ранние захоронения не нарушаются. Все это вместе взятое наводит на мысль о том, что эти курганы действительно являлись кладбищами каких-то мелких семейно-родовых подразделений. Более того, эти кладбища обладали сложной внутренней структурой, возможно, отражающей принятую в данном обществе систему родства.

Не исключено, что грунтовый могильник у Богодушанского Ерика также являлся кладбищем подобного типа. Но, на наш взгляд, отсутствие насыпи над погребениями и конструктивные особенности могильника (ровик) говорят о существенных различиях между двумя этими видами памятников, хотя имеются и несомненные черты сходства.

Грунтовые могильники и курганы-кладбища того же хронологического и культурного диапазона известны на Северном Кавказе. Указывая на большую близость как по обряду, так и по вещевому материалу между Нижне-Джулатским

могильником и Чегемским курганом-кладбищем, Б. М. Керефов интерпретирует последний как грунтовый могильник [6, с. 68]. С ним не согласен А. С. Скрипкин, считающий, что «типологически как археологический памятник Чегемский курган и его погребения должны соответствовать своему названию» [7, с. 289]. В нашем случае мы также считаем, что типологически грунтовый могильник у Богодушанского Ерика отличается от весьма распространенных в последние века до н. э. курганов-кладбищ раннесарматской культуры.

Применительно к Северному Кавказу, грунтовые могилы соотносятся с местным населением, подвергшимся частичной ассимиляции иранскими племенами, освоившими этот регион в скифо-сарматское время; а подкурганные впускные захоронения — с пришлыми сарматами [6, с. 102]. Но мнение это недостаточно обосновано даже относительно Северного Кавказа. Тип обряда мог вполне диктоваться и другими причинами. Учитывая фрагментарность и единичность публикуемого памятника, вопрос о его месте среди древностей раннесарматской культуры пока остается открытым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры//САИ. 1963. Вып. Д1—10.
2. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. 1978. Вып. Г1—12. Т. 2.
3. *Гудкова А. В., Фокеев М. М.* Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I—IV вв. н. э. Киев, 1984.
4. *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М., 1975.
5. Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
6. *Керефов Б. М.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1988.
7. *Скрипкин А. С.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии/Рец. Керефов Б. М. Нальчик: Эльбрус, 1988//СА. 1991. № 3.

Областной краеведческий музей, Волгоград
Волгоградский государственный университет

P. E. ZAKHAROV, V. I. MORDVINTSEVA

THE SARMATIAN TYPE BURIAL GROUND IN THE LOW VOLGA RIVER REGION

Summary

The early Sarmatian time burial ground was excavated by the Volgograd State University expedition in 1988-90. It has survived only partially. The grave goods and the funeral ceremony of the burials are typical to the developed early Sarmatian culture of the last centuries BC. This burial ground differs from the other early Sarmatian sites and first of all by its constructive peculiarities: the absence of the mound of any kind over the burials and the ditches of a peculiar types with the remains of the funeral ceremony. At the same time this single burial ground doesn't let us connect it with some ethnic or social group of the Sarmatian population.

Л. В. СЕДИКОВА

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ IX ВЕКА ИЗ РАСКОПОК ВОДОХРАНИЛИЩА В ХЕРСОНЕСЕ

В 50-е годы XX столетия экспедицией ГИМ под руководством Н. В. Пятышевой было открыто городское водохранилище Херсонеса. Бассейн входил в комплекс построек, примыкавших к 13-й куртине оборонительных сооружений.

Впервые строительные остатки на данном участке были выявлены во время земляных работ Военного ведомства в 1885 г. [1, с. 37], в 1898 г. исследование участка было продолжено К. К. Косцюшко-Валюжиничем [2, с. 113—119].

В 50—70-е годы Н. В. Пятышевой было раскопано большое общественное здание, термы и частично исследована засыпь водохранилища [3, с. 114]. Строительство комплекса на основании техники кладки исследовательница датировала 30-ми годами IX в. и связывала с деятельностью византийского чиновника Петроны Каматира. Засыпь бассейна, по ее предположению, была сделана в XIII в. [3, с. 147].

В 1987 г. раскопки водохранилища были продолжены экспедицией Херсонесского заповедника [4, с. 39]. Бассейн водохранилища — это прямоугольное сооружение размерами 18 × 13,5 м со скошенными внутренними углами. Стены, сохранившиеся на высоту 3,75 м, сложены из прямоугольных тесаных блоков на известково-цемянковом растворе, дно вырублено в скале. Засыпь водохранилища представляет собой мощные слои мусорного грунта, залегающие наклонно от стен бассейна к центру. В состав заполнения входят остатки строительного раствора, песок, мелкий и средний бут, кости животных, раковины моллюсков, уголь, зола, отходы металлоделательного производства, фрагменты стеклянных и керамических изделий. 30% керамических находок составляют изделия V — середины VII вв. и римского времени. Но так как эти находки составляют примесь во всех уровнях засыпи, говорить о двух периодах засыпи водохранилища не приходится. Вероятно, для заполнения бассейна был частично использован мусор, полученный в результате расчистки более ранних построек.

Основная керамическая коллекция, синхронная засыпи водохранилища, делится на три группы: тарную керамику, кухонную и столовую посуду. Индивидуальные находки в данной публикации не рассматриваются.

Первая группа — тарная керамика, включает два вида изделий: амфоры и горшки. Последние включены в данную группу условно: они могли использоваться для перевозки на небольшое расстояние.

Первый вид — амфоры, в основном по форме венчика делится на пять типов.

Тип I. (63% амфорных находок из комплекса). Амфоры с отогнутым, плоско срезанным венчиком диаметром 8—9 см (рис. 1; 2). Высота горла, как правило, имеющего слабую бороздчатость, 9—10 см, ручки профилированы одним-двумя валиками. На плечах сосудов зоны мелкого рифления. Глина в сердцевине красная, по краям бежево-серая, плотная, с мелкими включениями известняка и железистых минералов.

Амфоры I типа хорошо известны по материалам Северного Причерноморья. В VIII—IX вв. они производились в восточном Крыму (Канакская балка, Чабан-Куле) [5, с. 30, 31], на южном берегу Крыма [6, с. 115; 7, с. 59, рис. 4,

© Л. В. Седикова, 1995 г.

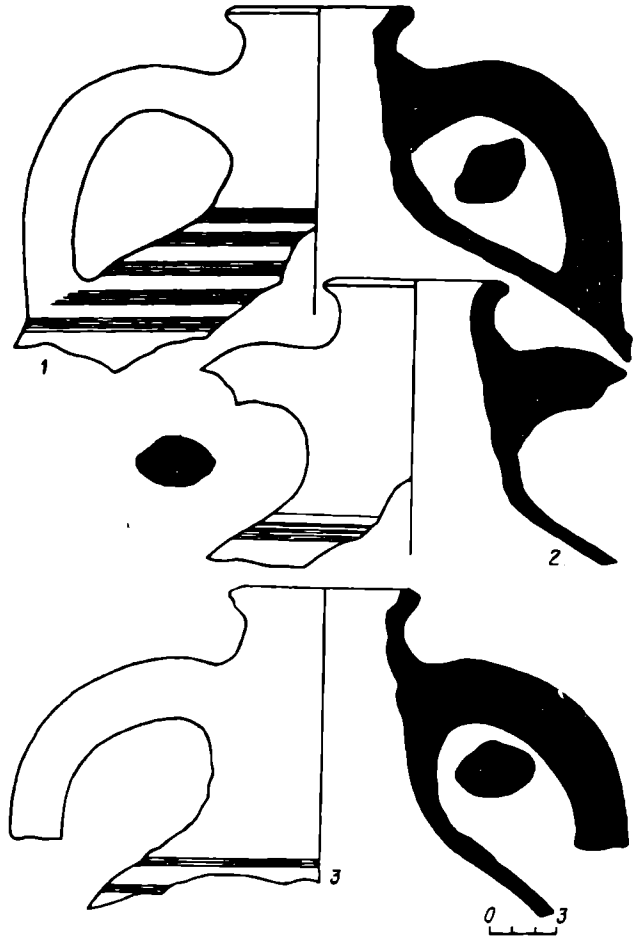

Рис. 1. Амфоры типа I

2], в Херсонесе [8, с. 153, рис. 2]. Ареал их простирается на восток и северо-восток до Подонья-Приазовья [9, с. 3, рис. 2].

Тип II (14%). Амфоры с треугольным нависающим венчиком диаметром 9—9,6 см, заостренным в верхней части (рис. 3). Высота горла до 8,5 см. Глина аналогична амфорам типа I.

Тип III (22%). Амфоры с венчиком в виде полувалика диаметром 11 см и ребром в средней части горла (рис. 4). Поверхность имеет тонкое желтоватое покрытие. В редких случаях на плечах линейно-арочный орнамент, нанесенный белым анговом. Глина аналогична амфорам типа I и типа II.

Тип IV (2%). Узкогорлые амфоры с чуть загнутым внутрь венчиком диаметром 7 см и широким, судя по разносу ручек, туловом (рис. *5*, *1—2*). На плечах зоны мелкого рифления.

Амфоры всех четырех типов имеют близкую структуру черепка и происходят, вероятно, из одного центра. Наличие возле Херсонеса печей для обжига амфор типа I [5, с. 31; 8, с. 153] позволяет предположить местное происхождение всех перечисленных типов амфор.

Тип V. Представлен единичной находкой (рис. *5*, *3*). Это широкогорлая амфора диаметром 13,5 см с чуть отогнутым венчиком. На горле в средней части ребро. На покатых плечах белый линейно-арочный орнамент, нанесенный белым ангобом. Глина светло-бежевая в сердцевине и на поверхности, с редкими известняковыми включениями. Амфора, вероятно, привозная.

В группу тарной керамики включены большие красноглиняные сосуды-горшки (рис. 6, *1—8*, *14*). Они характеризуются плоским дном, вытянутым расширяющимся кверху туловом, широким плоским венчиком диаметром 28—32 см. Высота горшков около 30 см. Округлые в сечении ручки крепились вертикально, в

Рис. 2. Амфоры типа I

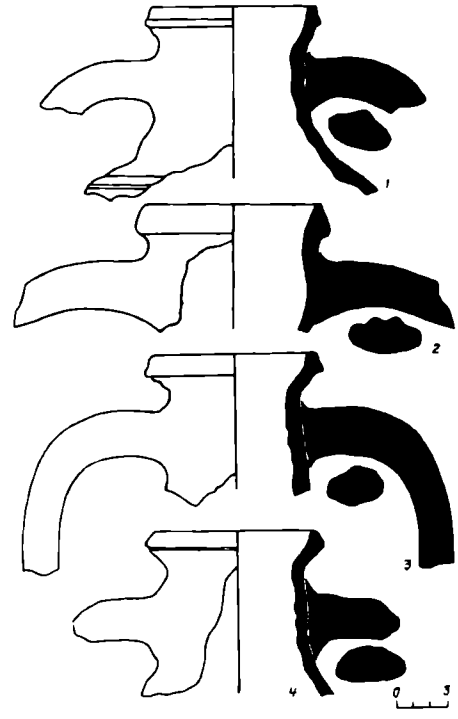

Рис. 3. Амфоры типа II

редких случаях — горизонтально. Верхняя часть сосудов и венчик украшены линейным или линейно-арочным орнаментом, нанесенным белым ангобом (рис. 6, *7*, *14*) или гребенкой (рис. 6, *1—6*). Сосуды этого вида — редкий для Херсонеса тип керамики, до настоящего времени единичные находки этих сосудов не были даже датированы [10, с. 152, рис. VII, *4*].

Вторая группа керамики из засыпи водохранилища — кухонная посуда — не отличается разнообразием (рис. 6, *9—13*, *15—16*). Это горшки с округлым туловом, резко переходящим в отогнутый венчик диаметром 14—17 см, на внутренней стороне которого имеется выступ. В месте крепления ручки к венчику — вдавление пальцем. Глина красная крупнозернистая, с множеством мелких включений известняка и железистых минералов.

Третья, многочисленная группа керамики — столовая посуда — делится на четыре вида: кувшины, миски, тарелки и горшочки.

Кувшины I типа представлены фрагментами ойнохой. Горло цилиндрическое, гофрированное, венчик трехлепестковый, к краю которого прикреплена ручка с вдавлением пальцем. На горле полоски белого ангоба (рис. 7, *1—3*). Тулово округлое, в верхней части украшено линейно-арочным, линейным или волнистым орнаментом (рис. 7, *5—6*).

Кувшины II типа имеют узкое горло и воронкообразный венчик с загнутым внутрь краем. К венчику прикреплена уплощенная ручка с пальцевым вдавлением (рис. 7, *12*). Дно плоское, реже — на высоком поддоне (рис. 7, *8*, *9*). Сосуды украшены линейно-арочным узором, в редких случаях орнамент из концентрических окружностей и елочек нанесен красным ангобом (рис. 7, *10*, *14*).

III тип кувшинов — двуручные сосуды с нависающим венчиком диаметром 8 см. Горло чуть раздуто в средней части (рис. 7, *11*). На плечах линейно-арочный орнамент.

IV тип — кувшины с гофрированным горлом, отогнутым венчиком диаметром 7,5 см. Массивная ручка прикреплена к венчику, на плечах орнамент из белых полосок (рис. 7, *13*).

Все кувшины выполнены из красной плотной глины с мелкими включениями

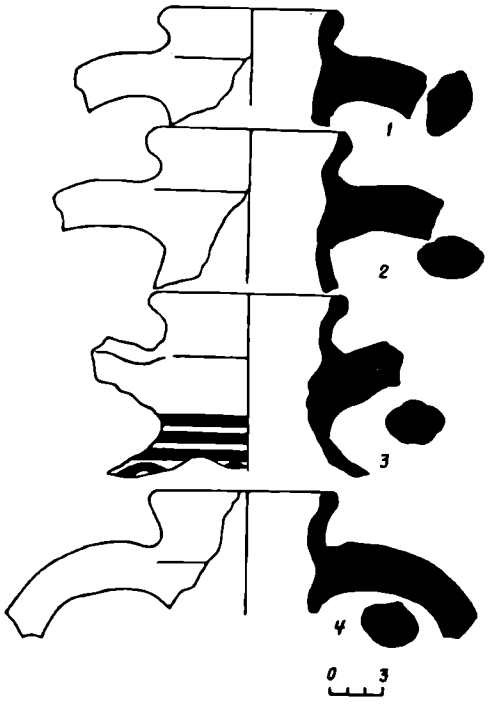

Рис. 4. Амфоры типа III

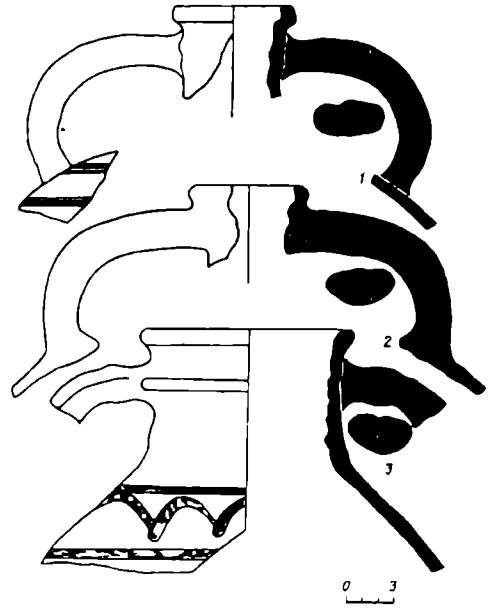

Рис. 5. Амфоры типа IV (*1—2*) и типа V (*3*)

известняка и железистых минералов. На поверхности тонкий слой желтоватого ангоба.

Кувшины с росписью — наиболее часто встречаемая в Крыму форма столовой посуды VII—IX вв. Кувшины из Скалистинского могильника датируются VII в. [11, с. 248, рис. 1], из могильника Чуфут-Кале и нижнего слоя Тау-Кипчак — серединой VII—VIII вв. [12, с. 24, рис. 7], VIII—IX вв. датируются кувшины из Кыз-Кермена и поселения у Тапчан-Кая [13, с. 140; 14, с. 383], вторая половина — IX — середина X вв.— дата слоя, в котором были обнаружены кувшины с росписью в Саркеле [15, с. 213, рис. 47]. Кувшины с росписью найдены также при раскопках гончарной печи VIII—IX вв. близ Херсонеса [8, с. 154, рис. 4]. Следует отметить находки в засыпи водохранилища кувшинов в виде керамического брака, что несомненно свидетельствует об их местном происхождении.

Второй вид столовой посуды — миски — делится на два типа: неполивные и поливные.

I тип. Неполивные миски — плоскодонные, с округлыми стенками сосуды с чуть отогнутым венчиком. Размеры их различны: диаметр венчика 9—15 см, высота 4,5—11 см (рис. 8, *1—9*, *11—12*; рис. 9, *1—5*). Следует отметить большое разнообразие вариантов формы мисок, для изготовления которых, видимо, не существовало жестких стандартов. Характер декора несложен, но также имеет несколько вариантов. Часто употребляемыми элементами являются врезные линии, либо широкая волнистая (рис. 8; рис. 9, *1*), либо гребенчатый орнамент (рис. 8, *6*). Возможно сочетание волнистого и гребенчатого линейного орнамента (рис. 8, *5*). Врезная волнистая линия может сочетаться с поясками — наколов (рис. 9, *3*). На стенке одного сосуда лепной валик украшен глубокими округлыми насечками (рис. 9, *2*).

Несколько мисок украшены линейным (рис. 8, *7*), волнистым (рис. 8, *9*) и линейно-арочным орнаментом, нанесенным белым ангобом. Стенки одной миски орнаментированы вертикальными белыми, красными и зелеными штрихами (рис.

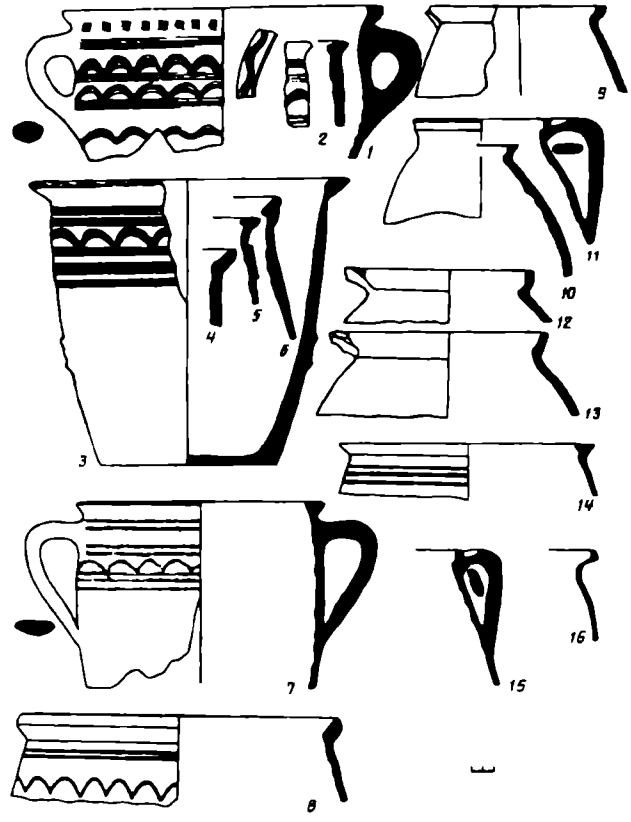

Рис. 6. Тарные горшки (*1—8, 14*)и кухонные горшки (*9—13, 15—16*)

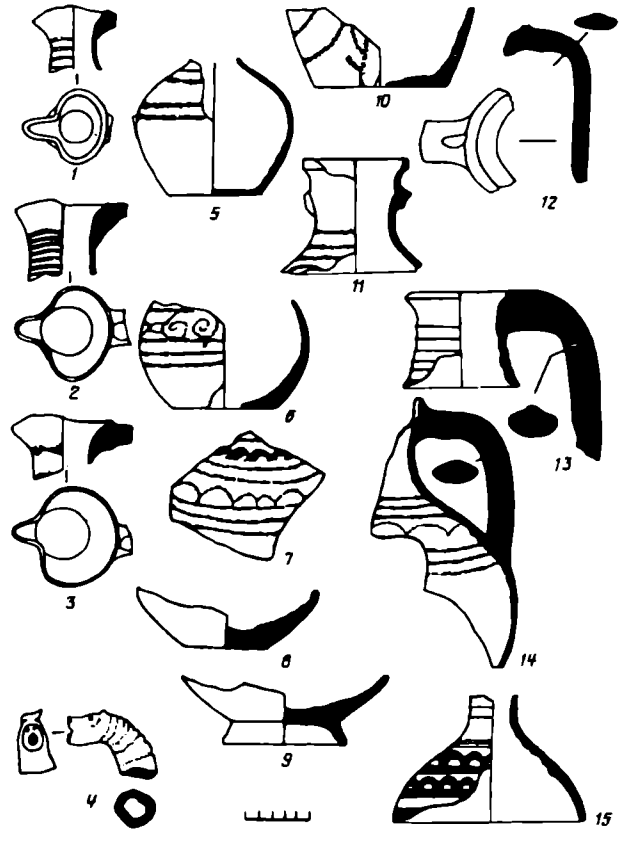

Рис. 7. Ойнохой (*1—3, 5—6*); кувшины (*7—14*); водолей (*4*)

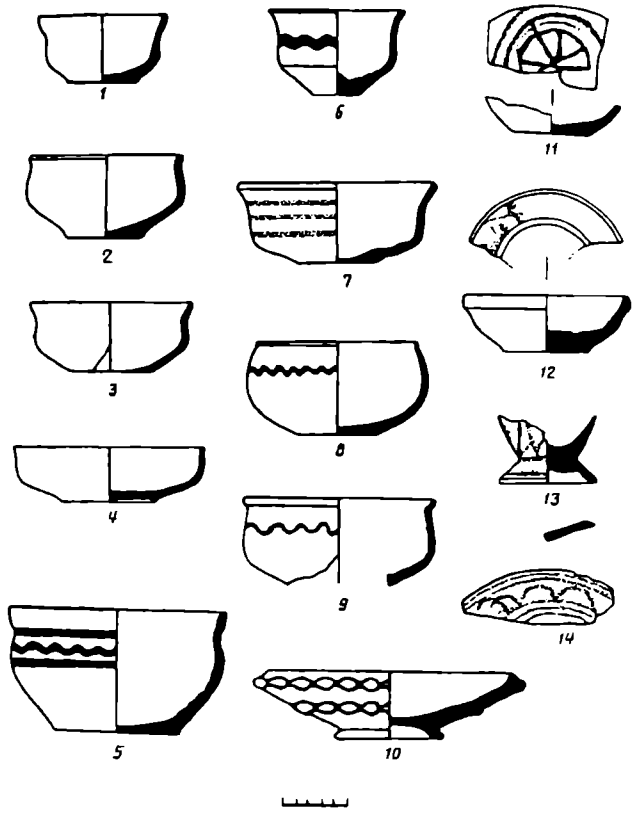

Рис. 8. Миски (*1—9, 11—12*); тарелки (*10, 14*); сосудик на подставке (*13*)

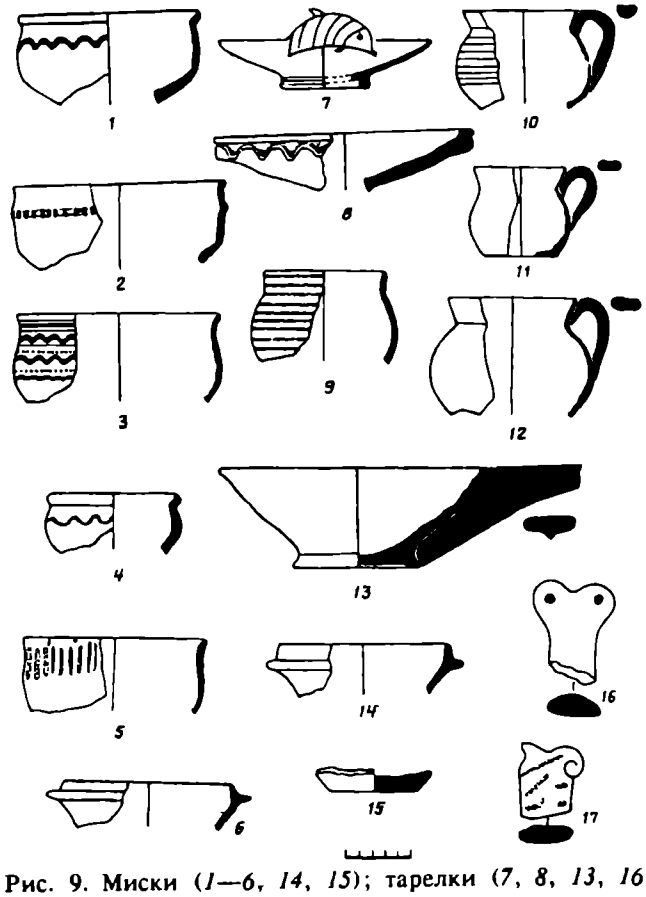

Рис. 9. Миски (*1—6, 14, 15*); тарелки (*7, 8, 13, 16, 17*); горшочки (*9—12*)

9, *5*). В двух случаях рисунок расположен на внутренней стороне сосудов. На одном — это небрежные, как бы смазанные белые линии (рис. 8, *12*), на другом — концентрические окружности с розеткой в центре (рис. 8, *11*). Значительная часть сосудов не была орнаментирована (рис. 8, *1—4*).

II тип. Поливные миски. Представлен тремя фрагментами белоглиняных сосудов: плоским донцем диаметром 6,6 см (рис. 9, *15*) и стенками с вертикальным бортиком диаметром 10 и 12 см (рис. 9, *6*, *14*). Внутренняя поверхность покрыта густой желтой поливой. Аналогичная форма найдена при раскопках Большого дворца в Константинополе (стадия II), слой датируется монетой Льва V (812—822 гг.) [16, табл. 15, *31*].

Третий вид столовой посуды — тарелки — представлен пятью типами.

I тип. Тарелка с косыми стенками и заостренным краем, диаметром 10 см, украшена внутри линейно-арочным орнаментом (рис. 8, *14*).

II тип. Тарелки с двойным бортиком, диаметром 18—20 см. Верхний бортик горизонтально отогнутый, нижний — волнистый (рис. 9, *8*).

III тип. Тарелка с косыми стенками диаметром 17 см, украшенная двумя валиками с вдавлениями пальцем (рис. 8, *10*).

IV тип. Тарелка с косыми стенками, на дне которой врезное изображение рыбы (рис. 9, *7*).

V тип. Глубокие тарелки с массивной горизонтальной уплощенной ручкой (рис. 9, *13*). На концах ручек могут быть закругления-валюты (рис. 9, *16*, *17*).

К столовой посуде, видимо, следует отнести нижнюю часть вытянутого сосудика на широкой подставке с белым геометрическим орнаментом (рис. 8, *13*) и водолей в виде головы лошадки, орнаментированный полосками белого ангоба (рис. 7, *4*).

Четвертый вид столовой посуды — горшочки с шаровидным туловом, отогнутым прямым венчиком диаметром 7—10 см, к краю прикреплена ручка с вдавлением пальцем (рис. 9, *9—12*). Тулово сосудов гладкое, рифленое или украшенное белыми или красными полосками. Горшочки с шаровидным туловом входят в традиционный набор керамики VIII—IX вв. из раскопок средневековых памятников Крыма [10, с. 62].

Нумизматический материал из засыпи водохранилища незначителен. Самая поздняя монета — Юстиниан II (706—711 гг.).

Следует отметить отсутствие в засыпи кувшинов с плоскими ручками, считавшимися массовым материалом Северного Причерноморья VIII — начала XI вв. [10, с. 32; 17, с. 91]. С. А. Плетнева отодвинула дату их появления на конец IX в. [18, с. 74], И. А. Баранов относит время появления кувшинов ко второй половине IX в. [12, с. 23, рис. 7]. По совокупности находок засыпь водохранилища датируется первой половиной IX в. Это еще раз подтверждает, что упомянутые кувшины появляются не ранее второй половины IX в.

Открытие большого керамического комплекса первой половины IX в. в Херсонесе имеет большое значение для уточнения хронологии отдельных групп материалов, а также некоторых памятников Северного Причерноморья. Хронологически непосредственно предшествующими засыпи водохранилища являются комплексы Тепсеня, синхронными, вероятно,— комплексы Кыз-Кермена, поселения у Тапчан-Кая, а также засыпь колодца в помещении 131 в Портовом районе Херсонеса. Следующими в хронологической колонке идут комплексы конца IX—X вв. из Северного района Херсонеса.

Материалы из засыпи водохранилища в Херсонесе являются важным звеном для разработки хронологии и типологии керамики Северного Причерноморья IX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бертье Делагард А. Л.* Раскопки Херсонеса//МАР. 1893. Вып. 12.
2. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1898 г.//ОАК 1899. СПб., 1890.
3. *Пятышева Н. В.* Раскопки Государственного исторического музея в Херсонесе//Экспедиции Государственного исторического музея. М., 1969.
4. *Романчук А. И., Седикова Л. В.* «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников//Византийская Таврика. Киев, 1991.
5. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.
6. *Баранов И. А.* Раннесредневековая гончарная печь в урочище Суат близ Ялты//АДСВ. Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.
7. *Паршина Е. А.* Средневековая керамика южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965—1969 гг.)//Феодальная Таврика. Киев, 1974.
8. *Рыжова Л. А.* Гончарная печь VIII—IX вв. вблизи Херсона//Византия и ее провинции. Свердловск, 1982.
9. *Плетньова С. А.* Но ма дски поселища през VII—IX вв. в Приазовието и басейна на река Дон//Археология. 1964. Кн. 4.
10. *Пятышева Н. В.* Раскопки Государственного Исторического музея в Херсонесе в 1946 и 1948 гг.//Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
11. *Веймарн Е. В., Амброз А. К.* Большая пряжка из Скалистинского могильника (склеп № 288)//СА. 1980. № 3.
12. *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
13. *Белый А. В., Назаров В. В.* Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен (Постройка № 1)//Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.
14. *Омелькова Л. А.* Исследование раннесредневековых памятников Бахчисарайского района//АО-1985. М., 1987.
15. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи//МИА. 1959. № 75.
16. The Great palace of the Bysantine Emperors. L., 1947.
17. *Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И.* Средневековые амфоры Херсонеса//АДСВ. 1971. № 7.
18. *Плетнева С. А.* Салтово-маяцкая культура//Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.

Херсонесский государственный
историко-археологический заповедник

L. V. SEDIKOVA

THE CERAMIC COMPLEX OF THE 1st HALF OF THE 9th CENTURY FROM THE RESERVOIR EXCAVATIONS IN KHERSONESUS

Summary

The urban reservoir of Khersonesus was found by the State Historical Museum expedition in the 50s of the 20th century. In 1987 the excavations were continued by Khersonesus Museum. The reservoir was filled up with 4 meter high layer of soil. The ceramic complex consists of five types of amphoras, pot-shaped vessels, kitchen and table ware. The last one includes four types of jugs, glazed and unglazed bowls, and five types of dishes. There are a small number of coins. The latest one appeared during the reign time of Justinian II (705-711). The filling of the reservoir is dated to the first half of the 9th century and is the only one well dated early complex from Khersonesus. The artifacts are important for the studies of the Northern Pontic area ceramics.

И. В. ИСЛАНОВА

КЕРАМИКА СЕЛИЩА ЮРЬЕВСКАЯ ГОРКА

Вопросы расселения славян на Северо-Западе Восточной Европы, появления и формирования культуры сопок невозможно решать без анализа памятников предшествующего периода. Основное внимание археологов сконцентрировано на исследовании памятников культуры длинных курганов, представляющих один пласт древностей третьей четверти I тыс. н. э. На территории Удомельского Поозерья выделяется ранее неизвестный тип памятников, существовавший параллельно культуре длинных курганов, но в иных ландшафтных зонах. Важнейшим признаком при выделении нового типа памятников служит наиболее массовый и информативный керамический материал с поселения Юрьевская Горка.

Поселение Юрьевская Горка находится на правом берегу р. Съежи, правого притока Мсты (Удомельский р-н Тверская обл.). В начале XX в. напротив поселения находилась одноименная деревня. Ближайший современный населенный пункт — пос. Льнозавод — расположен в 600 м к юго-востоку. Селище лежит у подножия озовой гряды, вершину которой занимает городище, датируемое примерно второй четвертью-серединой I тыс. н. э. Площадка селища возвышается на 5—7 м над уровнем воды в реке. Протяженность вдоль реки 150—200 м, ширина 30—50 м. Местность песчаная, поросла сосновым лесом. Западная часть селища, по-видимому, повредила грунтовый могильник с погребениями по обряду сожжения на стороне, хронологически близкий селищу.

Памятник был выявлен в 1984 г. В. В. Сидоровым. На протяжении 1985—1989 гг. Верхне-Мстинской экспедицией ИА РАН было исследовано свыше 1000 м^2 площади. Слой селища, разрушивший напластования стоянок эпох мезолита и неолита, повреждений последующего периода не имел, за исключением карьерных разработок в северной части. Толщина культурного слоя поселения 0,1 — 0,3 м. Верхние слои 0,05—0,1 м — слабо гумусированный коричневый или серо-коричневый песок с единичными фрагментами керамики. Ниже лежит темно-серый или серо-коричневый песок с черными углистыми пятнами над материковыми ямами. Здесь и в ямах фиксируется основная масса обломков посуды и индивидуальных находок. Напластования датируются третьей четвертью I тыс. н. э. Зафиксирован один, строительный горизонт, в редких случаях — два. Следует отметить, что насыщенность слоя керамикой в 5 раз меньше, чем на памятнике конца I тыс. н. э.— селище Бережок, расположенном в 15 км и также исследованном автором.

Вся керамика изготовлена без помощи гончарного круга. Орнамента нет, за исключением двух фрагментов: на одном — две бороздки, на другом — вдавления заостренной палочкой. Преобладает посуда с грубой шероховатой поверхностью, в тесте примесь крупных и мелких зерен дресвы. Около 20% имеют заглаженную поверхность с мелкими примесями или без искусственных включений. Один фрагмент — с лощеной поверхностью, один обломок стенки — с сетчатой. Последний найден на участке у подножия городища.

На основании 88 профилированных фрагментов и 12 целых реконструиро-

© И. В. Исланова, 1995 г.

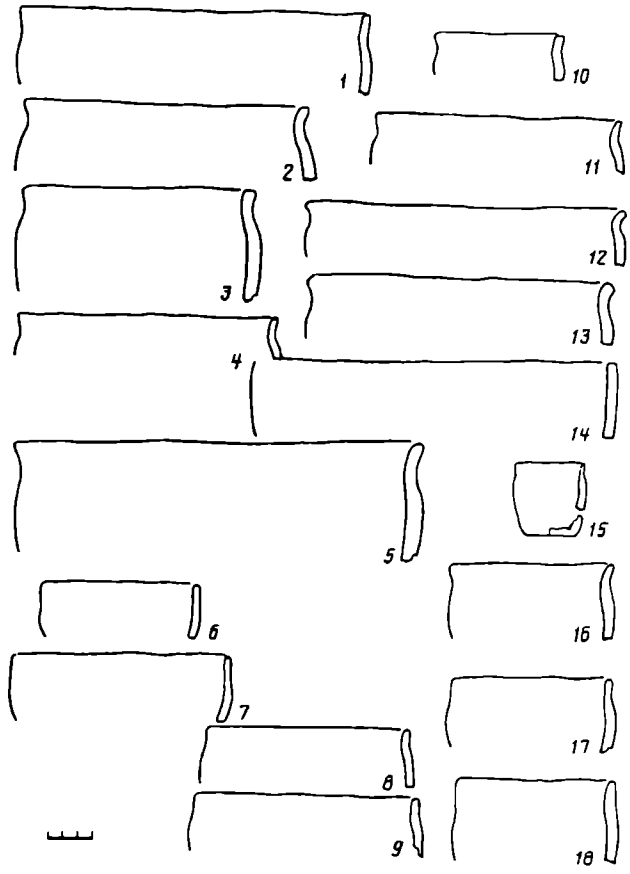

Рис. 1. Керамика селища Юрьевская Горка.
1—5, 11—14 — тип I (*3—5, 12, 13* — вариант *а*; *1, 2, 11* — вариант *б*; *14* — вариант *в*); *6, 7* — тип X; *8, 9, 15—18* — тип II (*8, 16, 18* — вариант *а*; *9, 15, 17* — вариант *б*)

ванных сосудов проведена систематизация посуды. Выделено 10 основных типов и 5 редко встречаемых форм.

Основные типы керамики Юрьевской Горки

Тип I. Банковидные сосуды — 13% керамики. Тулово слабо сужается ко дну, наибольшее расширение в верхней трети, плечико хорошо выражено, шейка короткая прямая или слабо отогнутая. Сосуды средних и малых размеров с диаметром устья от 7—8 до 22 см. Поверхность в основном слабошероховатая с мелкими и небольшими зернами дресвы. Выделяется три варианта. Вариант *а* — с цилиндрическим туловом (рис. 1, *3—5, 10, 12, 13*), вариант *б* — слегка округлое тулово (рис. 1, *1, 2, 11*), вариант *в* — плечико и шейка отсутствуют, венчик оттянут внутрь, его край уплощен (рис. 1, *14*).

Керамика, аналогичная варианту *а*, широко известна в лесной зоне Восточной Европы [1]. Ближайшие находки происходят из памятников культуры длинных курганов: курганного могильника в Шихино [1, рис. 15], селища Городок в Фировском р-не Тверской обл. (раскопки автора). Такие сосуды известны на памятниках конца I тыс. н. э.: селище Бережок, поселениях верхней Мологи [2, рис. 10, *5*]. Аналогии варианта *б* известны в смоленских длинных курганах [3, рис. 31, *1, 3*], в сопке Мерлугино (раскопки автора), на селище Бережок. На поселениях дьяковской культуры варианты *а* и *б* неизвестны.

[1] Сравнение посуды Юрьевской Горки по процентному содержанию тех или иных типов с посудой смежных территорий затруднено, так как большинство сосудов третьей четверти I тыс. н. э. происходит из погребальных памятников, но это единичные для отдельного могильника экземпляры. Массовые коллекции с поселений отсутствуют.

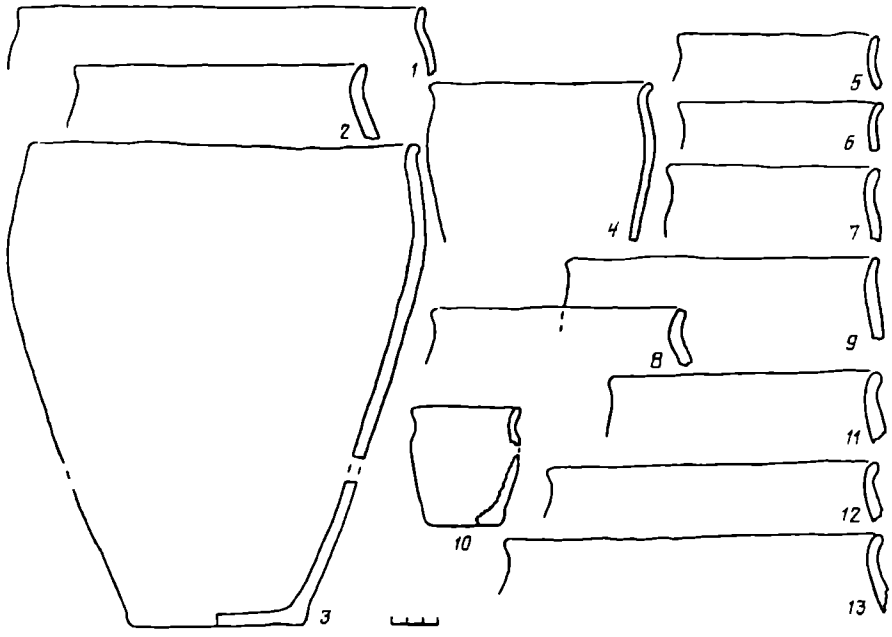

Рис. 2. Керамика селища Юрьевская Горка. Тип III (*1* — вариант *г*, *2*, *3*, *8*, *12*, *13* — вариант *а*; *4*, *5*, *6*, *7*, *11* — вариант *в*; *10* — вариант *б*)

Сосуды варианта *в* встречены на памятниках дьяковской культуры [4, рис. 34, *9*] и на финских памятниках [5, рис. 3, *31*]. Керамика вариантов *а* и *б* соответствует типу IV, по Н. А. Макарову [5, рис. 3, *7*, *8*]. В целом посуда типа I имеет сходство с прибалтийско-финскими древностями и известна в Эстонии, Литве, курганах на Аландских островах, в Финляндии, Изборске, Пскове, Камно [5, с. 137].

Тип II. Боченковидные сосуды — 8% керамики. Округлое тулово плавно сужается ко дну. Наибольшее расширение — в верхней трети или ближе к середине горшка. Шейка небольшая прямая или чуть отогнутая, край венчика скруглен. Поверхность слабошероховатая. По форме плечиков выделено два варианта: вариант *а* — плечико пологое (рис. 1, *8*, *16*, *18*), вариант *б* — плечико короткое приподнятое (рис. 1, *9*, *15*, *17*). Размеры посуды малые и средние, диаметр устья от 5 до 16 см. В отличие от типа I, прослеживаются общие тенденции в оформлении профилировки сосудов типов II и III.

Самый близкий такой керамике сосуд происходит из кургана 2 в Жеребятино (Псковская обл) [2] (Гос. Эрмитаж. ОИПК, № 878—12). Определенное сходство типа II прослеживается с горшками группы 3 из Пскова [6, рис. 3, *6*], с урнами из могильника на оз. Съезжее (Новгородская обл.) [7, рис. 3, *1—3*], с керамикой Банцеровского городища, селища Городище (Фонды Ин-та истории АН Республики Беларусь). Следует отметить, что подобной керамики нет на близкой Юрьевской Горке территории ни в предшествующих дьяковских, ни в последующих древностях конца I тыс. н. э.

Тип III. Сосуды стройных пропорций — 23% керамики. Горшки с округлым плавно сужающимся ко дну туловом, с наибольшим расширением в верхней трети. Размеры средние и крупные, последние преобладают. Диаметр устья от 14 до 30—36 см. Высота реконструированных целых форм на 4—6 см больше диаметра устья. Поверхность сильно- и слабошероховатая, в тесте зерна дресвы. По оформлению плечиков и шейки выделяется четыре варианта. Вариант *а* имеет пологое длинное плечико, слабо выраженную, короткую, слегка отогнутую шейку. Край венчика скруглен, в одном случае — косо срезан, в другом случае — имеет внутри выступ, видимо для крышки (рис. 2, *2*, *3*, *8*, *12*, *13*). Размеры

[2] Благодарю Н. В. Лопатина, предоставившего возможность использовать его материалы по территории Белоруссии, Псковской и Смоленской обл. для сравнения керамики.

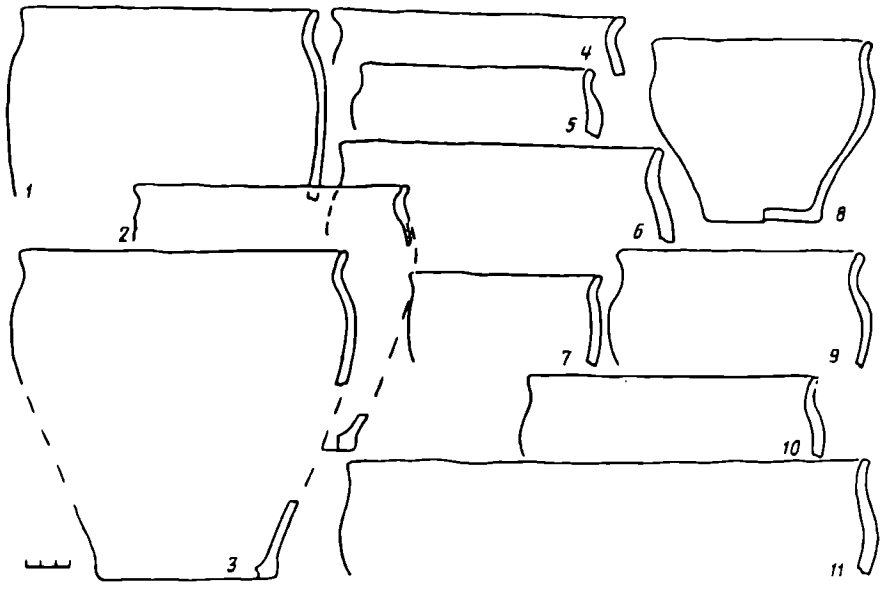

Рис. 3. Керамика селища Юрьевская Горка. *1, 3, 4* — тип III, вариант *б*; *2* — тип III, вариант *а*; *5—11* — тип V (*5, 6, 8—11* — вариант *а*; *7* — вариант *в*)

крупные. Вариант *б* — длинное плечико, хорошо выраженная шейка, немного или сильно отогнутая наружу (рис. 2, *10*, рис. 3, *1, 3, 4*). Край венчика скруглен, в двух случаях уплощен. Диаметр устья 17—22 см. Вариант *в* — короткая, иногда едва выраженная, отогнутая наружу шейка (рис. 2, *4, 5, 7*). Край венчика скруглен. Размеры малые и средние. Не исключено, что вариант *в* — местное развитие формы, сочетающей профилировку верхней половины типа III и нижней (слабое сужение ко дну) — типа I. Диаметр устья от 8 до 20 см. Один сосуд можно отнести к промежуточной между типами II и III форме (рис. 2, *11*). Вариант *г* — приподнятое плечико, край венчика косо срезан или уплощен (рис. 2, *1*). Это тонкостенные (4—5 мм) сосуды.

Горшки типа III близки керамике типа I, по С. В. Белецкому [8, рис. 3, *3, 5*] из Пскова, найденной в слоях VI—IX вв. [6, с. 11], схожи с сосудом из кургана в Михайловском (Великолукский музей, фонды), с единичными фрагментами с городища Банцеровщина (Фонды ИИАНРБ). Определенное сходство наблюдается с керамикой типа Корчак [9, табл. 4, *13—15*, табл. 7, *7*, табл. 10, *16*]. На памятниках предшествующего периода такой посуды нет. На селище конца I тыс. н. э. Бережок встречено только три сосуда, среди которых отсутствуют варианты с короткой шейкой. Видимо, тип III продолжает бытовать в этот период, но резко сокращается численность и вариабельность керамики.

Тип IV. Сосуды со скругленным ребром в верхней трети — 7% керамики. Горшки имеют хорошо выраженный переход от плечика к коническому тулову, шейка высокая, венчик утолщен или слегка оттянут наружу, край венчика скруглен или уплощен (рис. 4, *1, 15—17*). Сосуды крупные и средние с диаметром устья от 15 до 26—28 см. Внешняя поверхность слабо- или сильношероховатая. В отличие от сосудов конца I тыс. н. э. керамика преимущественно тонкостенная (5—7 мм).

Ближайшие хронологические и территориальные аналогии происходят с селища Узмень (Псковская обл.) [10, рис. 3, *8—10*]. Похожий сосуд происходит с Синьковского городища (бассейн р. Дубны) [11, рис. 1, *11*]. Можно предположить, что на основе типа IV в конце I тыс. н. э. появляются ребристые сосуды памятников культуры сопок, так называемого ладожского типа. Горшки с аналогичной или близкой профилировкой были широко распространены на поселениях и в сопочных могильниках Северо-Запада лесной зоны Восточной Европы: в Старой Ладоге [12, рис. 25, *2, 3*], в Новых Дубовиках [13, рис. 3, *32*], на Холопьем Городке [14, рис. 70, *12*], Рюриковом Городище [14, рис. 54] и др.

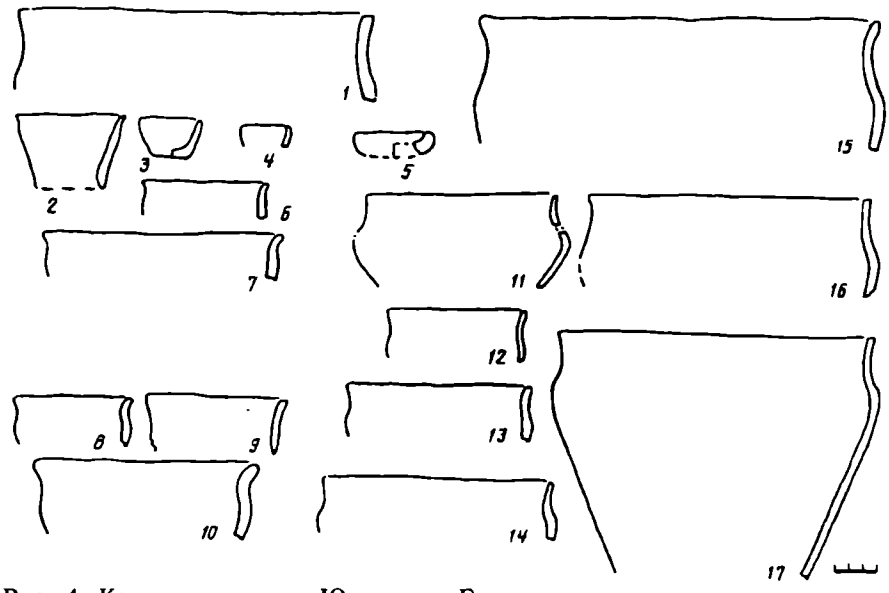

Рис. 4. Керамика селища Юрьевская Горка.
1, 15—17 — тип IV; *2—4, 6, 7, 9* — тип VIII (*2, 6, 7* — вариант *а*; *3, 4* — вариант *б*; *9* — вариант *в*); *5* — чашевидный сосуд; *8,10* — тип V, вариант *б*; *11—14* — тип IV (*12—14* — вариант *а*; *11* — вариант *б*)

Сосуды типа IV четко отличаются от поволжско-финской керамики третьей четверти I тыс. н. э.— второй половины I тыс. н. э., где горшки с коническим туловом имеют ярко выраженный округлый переход от плечика в тулово и короткий, без утолщения и обязательно скругленный венчик: например, керамика Сарского городища [15, рис. 10, *Б, В*]. Нельзя исключить возможность существования прототипов сосудам типа IV в дьяковских древностях. Однако от сетчатых сосудов, например Щербинского городища [4, рис. 35, *5, 13*], их отделяет хронологическая лакуна более чем в пять веков.

Тип V. Хорошо профилированные горшки — 11% керамики. Тулово округлое, резко сужается по дну, плечико хорошо выражено, диаметр устья почти в 2 раза больше высоты сосуда. Размеры средние и крупные с диаметром устья от 15 до 34 см. Поверхность разнообразна: от шероховатой с рыхлым тестом с примесью дресвы — до слабо шероховатой с плотным тестом и примесью песка. Выделено три варианта. Вариант *а* — наибольшее расширение в верхней половине, плечико короткое, шейка слабо отогнута, край венчика уплощен (рис. 3, *5, 6, 8—11*). Вариант *б* — сосуды приближаются к мисковидным, расширение устья больше диаметра плечиков (рис. 4, *8, 10*). Шейка резко отогнута, край венчика скруглен. Вариант *в* — сосуд с длинным плечиком, короткая резко отогнутая шейка (рис. 3, *7*). Эта форма переходная между типом V и III.

Аналогии есть на поволжско-финских памятниках: селище Попово [16, рис. 11, *1*], Сарское селище (фонды РМ: СГ—72, кв. 25). Похожие сосуды встречаются в верхних слоях дьяковских городищ: на Троицком городище лощеные горшки [17, рис. 10, *2—5*]; в Дурасово, в Поветлужье, Западном Поволжье [18, рис. 79]. Отдаленное сходство посуда имеет с керамикой из смоленских длинных курганов [3, рис. 30, *10, 12*, рис. 31, *12*]. Единичные экземпляры встречаются в древностях конца I тыс. н. э.: селище Золотое Колено [19, рис. 12, *6, 7*], Бережок. Нет похожей керамики на поселениях Прионежья и в Пскове. Близкий сосуд происходит из кургана в Сязнеге (Приладожье) [20, рис. 1, *14*].

Тип VI. Ребристые горшки — 4% керамики. Приземистые сосуды с ребром или скругленным ребром в месте перехода от плечика в тулово, шейка прямая или слабо отогнута, край венчика оттянут наружу. Размеры малые и средние, диаметр устья от 10 до 16 см. Керамика тонкостенная (4—7 мм). Поверхность заглажена или слабошероховатая, в тесте мелкие примеси древесины. По-видимому, имели место общие традиции в происхождении типов IV и VI. Выделено два

варианта. Вариант *а* — тулово слабо сужается ко дну, ребро в верхней половине сосуда (рис. 4, *12—14*). Вариант *б* — тулово резко сужается ко дну, ребро почти на середине высоты сосуда, плечико длиннее шейки (рис. 4, *11*).

Варианту *а* наиболее близки территориально и хронологически — урна из могильника Шитовичи (раскопки автора) и сосуд из кургана в Чамке (Вышневолоцкий р-н Тверской обл.) [21, с. 16]. Прототипы могли быть в местной керамике эпохи железа. Ребристая миска найдена на селище Курово II (бассейн р. Съежи, раскопки А. Е. Леонтьева). Похожая профилировка есть у лощеных и штрихованных сосудов дьяковской культуры [4, рис. 38, *15, 17*, рис. 10, *18*], городища Орлов Городок (бассейн Мологи, раскопки А. Д. Максимова). Нельзя также исключать поиск прототипов варианту *б* в древностях Подесенья [22, рис. 1, *1*]. Близкие сосуды обнаружены в Волынцево [23, рис. 1, *16*], Хитцах [22, рис. 42, *13*].

В конце I тыс. н. э. тип VI получает развитие на памятниках культуры сопок. Схожая с вариантом *а* керамика найдена на селище Нестеровичи (бассейн Мсты) [24, рис. 7, *7, 8*], селище Бережок.

Тип VII. Миски — 5% керамики. Слегка округлое тулово конусовидно сужается ко дну, шейка резко отогнута, плечико короткое, край венчика скруглен (рис. 6, *10, 11*). Наибольшее расширение приходится на устье, причем диаметр устья (10—12 см) в 2 раза больше высоты мисок. Поверхность шероховатая или слабо шероховатая, тесто с дресвой.

Тип VII, видимо, связан с местными традициями, аналогии встречаются в материалах селища Курово II. Похожие сосуды происходят из дьяковских древностей [17, рис. 13, *13, 16*; рис. 22, *30*; рис. 27, *9а, 10*]. Близкий тип есть в Пскове — тип 2, по С. В. Белецкому [8, рис. 4, *8*].

Тип VIII. Воронковидные сосуды — 7% керамики. Слабопрофилированные сосуды, наибольший диаметр приходится на устье. Тулово немного сужается ко дну. Размеры миниатюрные и средние, диаметр устья от 3—3,5 до 16 см. Внешняя поверхность заглажена или слабошероховатая. Тесто плотное без искусственных примесей или с редкими зернами дресвы. Выделено три варианта. Вариант *а* — плечико короткое слабо выраженное, шейка короткая или отсутствует, край венчика резко отогнут или заострен (рис. 4, *2, 6, 7*). Вариант *б* — венчик сразу переходит в тулово, край скруглен, в одном случае слегка загнут внутрь (рис. 4, *3, 4*). Вариант *в* — плечико отсутствует, шейка плавно переходит в тулово и слабо отогнута, край венчика уплощен (рис. 4, *9*).

Прототипами вариантов *а* и *б* могли быть дьяковские малые и миниатюрные сосуды [17, рис. 11, *4, 7, 8, 10*; рис. 27, *31, 32, 41;* рис. 25, *8—11*]. Сосуды, аналогичные варианту *б*, найдены в кургане 11 в Овсищах I [25, рис. 158, *1*], на Орлов Городке (горизонты IV, VI), на поселениях конца I тыс. н. э.— Тимерево [26, рис. 49, *7*], Крутик [5, рис. 3, *10*]. Сосуды, близкие варианту *в*, встречены на памятниках культуры длинных курганов псковско-новгородской группы: селище Городок 1, поселении Съезжее [31, рис. 3, *4*], в кургане Кынну (Восточная Эстония) [27, рис. 16, *7*]. Похожая форма есть в Пскове (группа 2) [8, рис. 3, *15*].

Тип IX. Высокие слабопрофилированные сосуды — 4% керамики. Тулово плавно сужается ко дну, плечико длинное, шейка прямая или чуть отогнутая, венчик оттянут или уплощен. Сосуды преимущественно крупные с диаметром устья от 16 до 23 см. Высота реконструированного горшка 23 см. Поверхность шероховатая, тесто с дресвой. Выделено два варианта. Вариант *а* — при переходе от плечика к тулову есть слабо выраженный излом (рис. *5*, *1*). Вариант *б* — переход от плечика к тулову округлый (рис. *5*, *2*).

Похожие, но не идентичные сосуды происходят из памятников культуры длинных курганов псковско-новгородской группы: курган 10 в Пуйге [28, рис. 4], поселение Жабино (Великолукский музей, фонды), урана из кургана 2 в Гринино 2 (раскопки О. М. Олейникова). Нет таких сосудов в Тушемле и

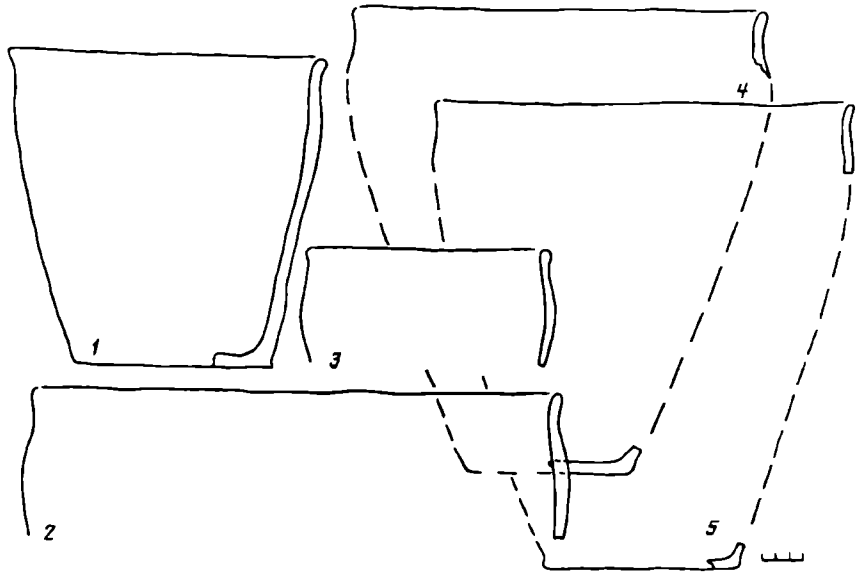

Рис. 5. Керамика селища Юрьевская Горка.
1, 2 — тип IX (*1* — вариант *а*; *2* — вариант *б*); *3—5* — форма P1

Акатово, подобная керамика не встречена и у поволжских финнов. Форму варианта *б* можно трактовать как переходную между типом I и IVa.

Тип X Мисковидные сосуды — 5% керамики. Тулово плавно сужается ко дну, плечики переходят в прямую или наклоненную внутрь шейку, край венчика скруглен или уплощен (рис. 1, *6, 7*). Размеры малые и средние, диаметр устья от 8 до 15 см. Поверхность различна: от заглаженной до шероховатой, тесто с дресвой. Один сосуд можно рассматривать как форму, переходную между типом X и II.

Возможно, тип X является развитием местных форм посуды. Это могли быть традиции дьяковской керамики [4, рис. 10, *14*, рис. 22, *1*; *17*, рис. 24, *4*]. Основной круг аналогий находится в финских древностях второй половины I тыс. н. э. Похожие сосуды есть на Сарском городище и селище (Фонды РМ, Сар. 30/159, СГ—73), на городище Попово на р. Унже [16, рис. 1, *18, 19*]. Васильковском селище [29, рис. 3, *3*]. Н. А. Макаров предполагает связь сосудов поселения Крутик также с местной традицией [*5*, с. 141, рис. *5*, *9*].

Редкие формы керамики селища Юрьевская горка.

Форма 1 (P1). Крупные слабопрофилированные сосуды — 3 экземпляра. Тулово округлое, наибольшее расширение в верхней трети, плечико длинное пологое, шейка высокая прямая или слабо отогнутая, край венчика скруглен (рис. 5, *3—5*). Диаметр устья от 30—32 см, высота примерно на 2 см больше устья. Поверхность шероховатая, тесто с дресвой.

Похожая посуда охватывает круг древностей, связанных с псковско-новгородской группой культуры длинных курганов и с предшествующими этой культуре грунтовыми могильниками: селище Узмень [10, рис. 3, *5*], курганы в Повалишино и Дорохах I [30, рис. 8], селища Съезжее [31, рис. 3, *2, 3*], Жабино (Великолукский музей). Отдаленное сходство прослеживается с сосудами Тушемли и Демидовки (вид *5*, по Н. В. Лопатину) [32, рис. 3, *1, 3—5, 7*].

Форма 2 (P2) — 3 экз. Сохранились только верхние части сосудов (рис. 6, *1—3*). Толщина стенок резко сужается к краю венчика, шейка слабо отогнута, плечико короткое, переходит в округлое тулово. Диаметр устья от 17 до 29 см.

Похожая керамика найдена в верхнем горизонте Орлов Городка. Аналогичные единичные фрагменты зафиксированы недалеко от рассматриваемого поселения — на городище Юрьевская Горка и селище Троица I (оз. Удомля), селище Курово II.

Форма 3 (P3)— 4 экз. Сосуды выделяются по оформлению перехода от шейки

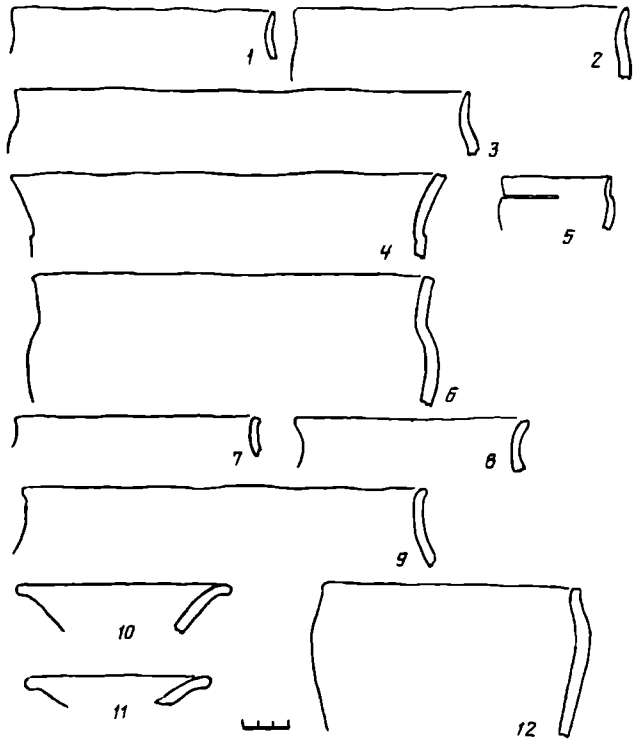

Рис. 6. Керамика селища Юрьевская Горка.
1, 2, 3 — форма Р2; *4—5* — форма Р3; *7—9* — форма Р4; *10, 11* — тип VII; *12* — форма Р5

к плечику (рис. 6, *4—6*). Горшки имеют высокую, иногда утолщенную слабоотогнутую шейку, короткое плечико, чаще едва намеченное (в виде уступа), край венчика уплощен, реже оттянут, в одном случае раздвоен. У одного сосуда — при переходе от шейки к плечику — бороздка. К форме Р3 отнесено два крупных с диаметром устья 26—28 см и два малых сосуда с диаметром 6—8 см. Поверхность крупных горшков шероховатая, тесто с дресвой. Поверхность малых сосудов затерта или хорошо заглажена, в тесте естественные примеси.

Похожая посуда происходит с памятников дьяковской или близкой ей культуры железного века. Прямая аналогия малому сосуду с бороздкой есть на городище Орлов Городок (горизонт IV, кв. 22). На этом же памятнике найдена близкая керамика с уступом и прямой шейкой (в горизонтах I, III, IV). Сосуд с бороздкой (несколько иной профилировки) происходит из погребения с сожжением могильника Норфино [33, рис. 118]. Определенное сходство (рис. 6, *4*) имеет находка с городища Спартак (бассейн Десны) [34, рис. 73, *5*]. На памятниках конца I тыс. н. э. на близкой территории такая посуда не встречена.

Форма 4 (Р4)— 2 экз. Выделена по верхней части (рис. 6, *7—9*). Высокая плавно отогнутая шейка, венчик оттянут, край венчика одного сосуда уплощен. Диаметр устья 16 и 26 см. Поверхность шероховатая, тесто рыхлое с дресвой. Аналогии есть среди подлощеной посуды городища Орлов Городок (горизонт II, кв. 21).

Форма 5 (Р5)— 1 экз. Сосуд с коническим туловом, наибольшее расширение в верхней трети, хорошо выраженное плечико, короткая шейка, скругленный венчик (рис. 6, *12*). Диаметр устья 16,5 см. Поверхность слабошероховатая, тесто с мелкой дресвой и песком. Похожая посуда встречается широко на памятниках конца I тыс. н. э. Северо-Запада Восточной Европы — на Рюриковом Городище [14, рис. 56, *19*], в Пскове [8, рис. 6, *4, 9, 11*], на селище Бережок. Близкие по форме горшки найдены в культуре длинных курганов псковско-новгородской группы: курганы в Ястребово (Псковский музей-заповедник, № 13022) и Казихе (Себежский музей, № 2788). На дьяковских памятниках форма Р5 неизвестна.

Кроме перечисленной керамики, на селище Юрьевская Горка найдено три чашевидных сосудика с шероховатой поверхностью (рис. 4, 5).

В зависимости от тяготения к тем или иным культурно-историческим и территориальным массивам выделенные типы и формы посуды можно объединить в 4 группы. Сосуды типа V, широко распространенные во второй половине I тыс. н. э. в лесной зоне Восточной Европы, в группы не включены.

Группа 1 (26% керамики): типы VII, VIII, X, формы P2, P3, P4. Керамика близка посуде предшествующего периода, прежде всего дьяковской. Сосуды типа X продолжают бытовать и в конце I тыс. н. э. в Верхнем Поволжье и Волго-Окском междуречье на территориях с субстратным финским населением. По-видимому, посуда группы I — результат развития местной керамики железного века.

Группа 2 (13% керамики) — тип I. Посуда имеет широкий круг аналогий в прибалтийско-финских древностях лесной зоны. В целом, группу 2 также можно связывать с местным населением бассейна р. Съежи.

Группа 3 (8% керамики) — тип IX, формы P1, P5. Близкая посуда встречена преимущественно в древностях псковско-новгородской группы культуры длинных курганов и грунтовых могильников с сожжением.

Группа 4 (42% керамики), самая многочисленная: типы II и III, IV и VI. Круг аналогий нечеткий. Не ясно и происхождение керамики. Типы II и III (31%) имеют отдаленное сходство с керамикой древностей третьей четверти I тыс. н. э. Белоруссии (Дорохи I, Банцеровщина, селище Городище), отдельных погребальных памятников культуры длинных курганов псковско-новгородской группы (Жеребятино, Михайловское). Характерно, что в Удомельском Поозерье, за исключением единичных находок, эти типы не имеют продолжения.

Нельзя исключать возможность прямой связи (в традиции профилировки горшка) между типом IV и IX. Единичные сосуды, близкие типу VI, есть на памятниках культуры длинных курганов в Волго-Мстинском междуречье. В конце I тыс. н. э. типы IV и VI имеют продолжение в так называемом ладожском типе керамики (горшках с ребром в верхней трети), широко распространенном на памятниках культуры сопок, в том числе и в Удомельском Поозерье.

Слабая изученность поселений железного века и третьей четверти I тыс. н. э. Северо-Запада Восточной Европы и отсутствие массовых керамических коллекций затрудняют исследование посуды группы 4. Невозможно напрямую связывать эту группу с какими-либо культурами. Проблематично местное происхождение — из керамики, близкой дьяковской (правда, совсем исключать эту возможность нельзя). Ряд типов хорошо представлен в последующих древностях культуры сопок. В целом, группа 4 оставлена пришедшим в Удомельское Поозерье в третьей четверти I тыс. н. э. новым населением. В составе этого населения, в том числе, возможно, славянского, присутствовали носители традиций изготовления посуды, близкой керамике типа Банцеровщины и культуры длинных курганов псковско-новгородской группы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фехнер М. В.* Отчет об археологических раскопках в 1966 г. на территории Новгородской и Калининской областей//Архив ИА Р—1. № 3258а.
2. *Исланова И. В.* Сравнительный анализ наборов лепной посуды Мстинско-Моложского междуречья//Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь, 1991.
3. *Енуков В. В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990.
4. *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры//Дьяковская культура. М.; 1974.
5. *Макаров Н. А.* Лепная керамика поселения Крутик//Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX—X вв.). Петрозаводск, 1991.
6. *Белецкий С. В.* Культурная стратиграфия Пскова//КСИА. Вып. 160. М., 1980.
7. *Носов Е. Н.* К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов//КСИА. Вып. 179. М., 1984.
8. *Белецкий С. В.* Псковское городище (керамика и культурный слой)//Археологическое изучение Пскова. М., 1983.

9. *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом//САИ. Вып. Е1—25. М., 1973.
10. *Минасян Р. С.* Поселение и могильник на берегу озера Узмень//Тр. Гос. Эрмитажа. 1979. Т. XX.
11. *Вишневский В. И.* Синьковское городище по раскопкам О. Н. Бадера в 1928 г.//Археология Верхнего Поволжья. Нижний Новгород, 1991.
12. *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладоге//Средневековая Ладога. Л., 1985.
13. *Петренко В. П., Шитова Т. Б.* Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволховья//Средневековая Ладога. Л., 1985.
14. *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.
15. *Эдинг Д.* Сарское Городище. Ростов-Ярославский, 1928.
16. *Самойлович Н. Г.* Керамика Поповского городища//Раннесредневековые древности верхнего Поволжья М., 1989.
17. *Розенфельдт И. Г.* Керамика Троицкого городища//Древнее поселение в Подмосковье. М., 1971.
18. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья//МИА. № 94. М., 1961.
19. *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение Золотое Колено на Средней Мсте//Материалы по археологии Новгородской земли 1990 г. М., 1991.
20. *Спиридонов А. М.* Лепная керамика из курганов юго-восточного Приладожья//КСИА. 1986. Вып. 187.
21. *Репман А. Х.* Отчет о раскопке курганов на ручье Чамка в 1955 г. в Волоцком р-не Калининской обл.//Архив ИА. Р—1, № 1144.
22. *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья. Л., 1981.
23. *Щеглова О. А.* Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа//КСИА. 1986. Вып. 187.
24. *Конецкий В. Я.* Комплекс памятников у д. Нестеровичи//Материалы по археологии Новгородской земли 1990 г. М., 1991.
25. *Исланова И. В.* Отчет о работах Третьего отряда Калининской экспедиции в Удомельском и Вышневолоцком районах Калининской обл.//Архив ИА. Р—1, № 11323а, б.
26. *Седых В. Н.* Керамика Тимеревского поселения//Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья/Под ред. Дубова И. В. Л., 1982.
27. *Аун М.* Курганные могильники восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия нашей эры. Таллинн, 1980.
28. *Фехнер М. В.* Отчет о раскопках на территории Калининской обл. в 1968 г.//Архив ИА. Р—1, № 4445а.
29. *Лапшин В. А., Мухина Т. Ф.* Раннесредневековый археологический комплекс у д. Васильково под Суздалем//Проблемы изучения древнерусской культуры. М., 1988.
30. Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1972.
31. *Носов Е. Н.* Поселение и могильник культуры длинных курганов на озере Съезжее//КСИА. 1981. Вып. 166.
32. *Лопатин Н. В.* Тушемля, Демидовка, Колочин. О соотношении керамики верхних слоев//КСИА. 1989. Вып. 195.
33. *Исланова И. В.* Отчет о работах Верхне-Мстинской экспедиции в Удомельском и Вышневолоцком р-нах Калининской обл.//Архив ИА. Р—1, № 12139 а—в.
34. *Третьяков П. Н.* Древние городища Смоленщины/Под ред. П. Н. Третьякова, Е. А. Шмидта, М.: Л., 1963.

Институт археологии РАН,
Москва

I. V. ISLANOVA

CERAMICS FROM JURJEVSKAYA GORKA SETTLEMENT

Summary

The article deals with the ceramic collection found by the author during the excavations of Jurjevskaya Gorka settlement in Udomlya district of Tver region. The collection includes about one hundred large profile fragments. The settlement is one of the few number of the known sites on the south-east of Novgorod lands dated to the 3rd quarter of the 1st millennium AD. The author marks out ten main types and five rarely met shapes of pots. The whole complex consists of several groups: two local ones connected with the Finno-Ugric traditions, and two others connected with the antiquities of Pskov-Novgorod long barrows and probably with Bantserovshina culture.

А. Р. АРТЕМЬЕВ, А. А. МОЛЧАНОВ

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ С КНЯЖЕСКИМИ ЗНАКАМИ СОБСТВЕННОСТИ

Основные категории предметов, на которых встречены княжеские знаки собственности, были выделены Б. А. Рыбаковым более полувека назад. Самой небольшой из них тогда была коллекция вооружения, состоявшая всего из двух предметов: роговой накладки от рукояти сложного лука и кистеня [1, с. 241—244]. К настоящему времени количество княжеских знаков, обнаруженных на оружии, возросло ненамного (рис. 1), и все они заслуживают самого пристального внимания.

Древнейшим из рассматриваемых предметов является роговое навершие плети из слоя XI в. Городища под Новгородом [2, с. 83, рис. 34, *9*]. Как известно, плеть являлась неизменным атрибутом средневекового воина-всадника. Городищенский экземпляр относится к наиболее широко употреблявшимся в Древней Руси бочонковидным навершиям со срединным выступом типа III по классификации А. Н. Кирпичникова [3, с. 74]. На навершии — вырезанное изображение княжеского знака багровидной формы с отдельным зубцом, изогнутым влево, и с дополнительным отрогом внутрь (рис. 2, *3*). Впервые такой знак был встречен на можжевеловой палочке из новгородских раскопок 1956 г. (Неревский раскоп, ярус 21, пласт 25, кв. 1163) в слое 1096—1116 гг., которую без комментария опубликовал Б. А. Колчин [4, с. 22, рис. 12, *6, 7*]. А. А. Молчанов, исходя из совокупности соображений дендрохронологического, геральдического и исторического свойства, атрибуировал знак на палочке как принадлежащий князю Давыду Святославичу из черниговской ветви Рюриковичей, сидевшему на княжении в Новгороде в 1094—1096 гг. [*5*, с. 27, 28, табл. I, *5*; 6, с. 78, табл. I, *25*; 7, с. 34, 35]. В 1970 г. аналогичный княжеский знак был обнаружен на деревянном цилиндре в Михайловском раскопе Новгорода (ярус 23, кв. 15) в напластованиях 1059—1083 гг. [8, с. 148, 149, рис. 9]. Позднее цилиндр был атрибуирован В. Л. Яниным как своеобразная бирка для «пломбирования» мешков с пушниной, а знак на нем был отнесен ко времени княжения Глеба Святославича — 1067—1078 гг. [9, с. 140, 149—151, рис. 3].

Из Неревского раскопа Новгорода происходит богато орнаментированный бронзовый кистень (рис. 2, *5*). На одной его стороне изображен солярный знак — свастика, а на другой — княжеский знак. Аналогичные знаки имеются на некоторых новгородских буллах [10, с. 217, 219, № 285, 286, 295]. Правда, там нижний отрог на них изображен в виде прямой линии, а на кистене он имеет форму треугольника, но, как показывают многие примеры, это отличие не принципиально. Принадлежит знак новгородскому князю 1142—1148 гг.— Святополку Мстиславичу [5, с. 28; 6, рис. 18]. По своей форме кистень относится к редкому типу III А по классификации А. Н. Кирпичникова [11, с. 62, 63]. Найден он в слое третьей четверти XI в. (ярус 23, пласт 27, кв. 1142), что, по-видимому, свидетельствует о переотложенности последнего в месте обнаружения находки [12, с. 138, рис. 7, *5*; 13, с. 9, рис. *5*, *5*].

Роговой кистень из Минска (Менеска) сохранился наполовину (рис. 2, *2*), расколовшись вдоль продольного осевого канала, в котором крепился железный стержень с ушком для подвешивания. Его пытались подремонтировать, о чем

© А. Р. Артемьев, А. А. Молчанов, 1995 г.

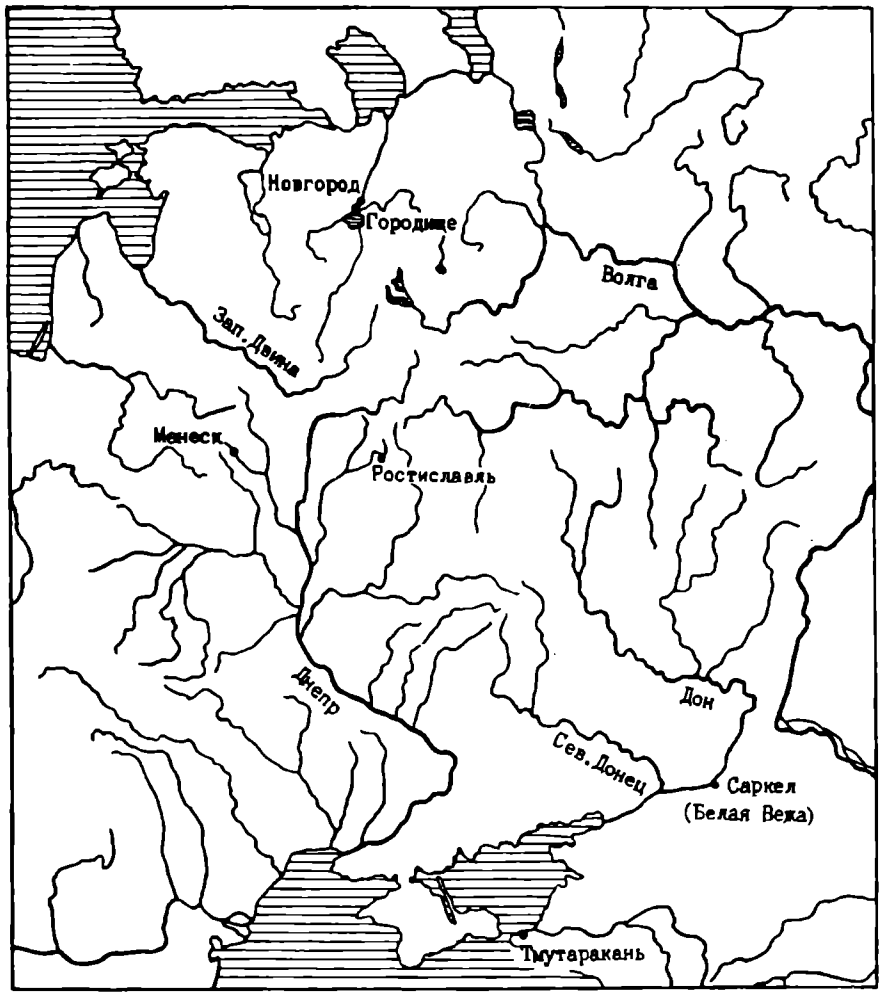

Рис. 1. Города Древней Руси, где были найдены предметы вооружения с княжескими знаками собственности

свидетельствует отверстие в верхней части корпуса. К сожалению, при этом была уничтожена нижняя часть имеющегося на нем знака. Второй знак сохранился вообще лишь наполовину. Эти потери не позволяют персонифицировать владельца знака, хотя датировка последнего — XI в. несомненна, что соответствует и хронологии слоя, где он был обнаружен [14, с. 243—245, рис. 45; 15, с. 217, рис. 69]. Кистени, сходные с минским экземпляром (тип I по А. Н. Кирпичникову), найдены в различных областях Древней Руси, но в наибольшем количестве (10) они встречены в Новгороде [13, с. 5—7].

Следующий роговой кистень с княжеским знаком происходит из напластований Ростиславля второй половины XII в. [16, с. 87, рис. 28; 17, с. 180, рис. 28, *2*]. Он круглый, уплощенный, с продольным долевым каналом (рис. 2, *1*) и должен быть внесен, вместе с экземплярами из Новгорода, Пскова и Чернигова, в существующую классификацию А. Н. Кирпичникова. Точная атрибуция знака на кистене пока невозможна, хотя принадлежность его одному из смоленских князей XII в. очевидна.

Еще один роговой кистень типа I (по А. Н. Кирпичникову) с двумя знаками Рюриковичей имеет яйцевидную форму и железный стержень в продольном канале с ушком для подвешивания (рис. 2, *4*). Один из княжеских знаков на нем по геральдическим соображениям может быть отнесен к концу XI — первой половине XII в. Точно так же датируется и русский слой Саркела — Белой Вежи, где он был найден [18, с. 75, 76, рис. 55].

Знак на кистене из Вышгорода в виде буквы Н с удлиненной перекладиной

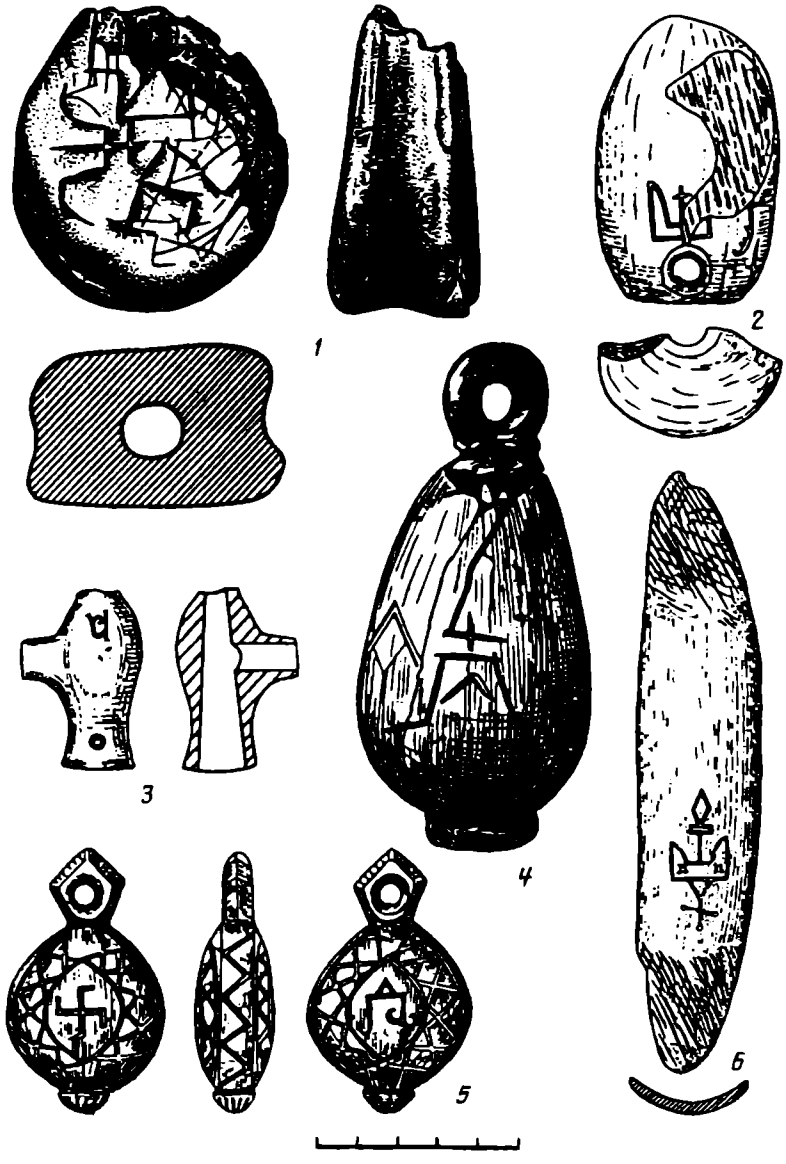

Рис. 2. Предметы вооружения с княжескими знаками собственности. *1, 2, 4, 5* — кистени; *3* — навершие рукояти плети; *6* — накладка от рукояти сложного лука; *1—4, 6* — кость; *5* — бронза

был принят исследователями за княжеский [1, с. 244, рис. 48] ошибочно и, по-видимому, является монограммой под крестом.

Последний из известных на сегодняшний день княжеских знаков на оружии помещен на хранящейся в Эрмитаже боковой роговой накладке с рукояти сложного лука из раскопок Тмутаракани (рис. 2, *6*). Он не раз привлекал внимание исследователей [1; 19; 20, с. 213—215, табл. 5, *10*; 21, с. 38, табл. 3, *6*]. В. В. Мавродин считал его «Ярославовой тамгой» [19, с. 224], а Б. А. Рыбаков полагал, что знак принадлежит Мстиславу Владимировичу Тмутараканскому [1, с. 241, 242, рис. 41]. Но, как недавно выяснилось, тамга Мстислава существенно отличалась от знака на накладке [22, с. 224—226]. Ввиду этого надо признать, что вопрос об атрибуции последнего остается пока открытым, причем с некоторой долей уверенности в нем можно усматривать стилизованный вариант тамги Владимира Святославича (ср., например, изображение на реверсе одного из сребреников III типа [23, с. 73, 161, № 117], где средний зубец тоже имеет ланцетовидное завершение) или его сына Ярослава Мудрого.

Таким образом, за несколько столетий своего употребления княжеские знаки всего шесть раз встречены на предметах военного назначения. Между тем

несомненно, что основная масса воинского снаряжения в X — первой трети XIII в. производилась именно в княжеских мастерских. Поэтому можно полагать, что традиции помечать знаками собственности продукцию оружейников, работавших в хозяйстве феодальных владетелей, на Руси не было.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.//СА. 1940. № 6.
2. *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990.
3. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.//САИ. 1973. Вып. Е1-36.
4. *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия//САИ. 1968. Вып. Е1-55.
5. *Молчанов А. А.* Новгородские посадничьи печати с изображением княжеских знаков//Проблемы истории СССР. Сб. IV. М.: Изд-во МГУ, 1974.
6. *Молчанов А. А.* Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X—XIII вв.//ВИД. 1985. Т. XVI.
7. *Молчанов А. А.* Княжеские знаки черниговских Рюриковичей//Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.». Тез. докл. Чернигов, 1985.
8. *Колчин Б. А., Хорошев А. С.* Михайловский раскоп//Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
9. *Янин В. Л.* Археологический комментарий к «Русской Правде»//Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М: Наука, 1982.
10. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. I. М.: Наука, 1970.
11. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв.//САИ. 1966. Вып. Е1-36.
12. *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого//МИА. 1959. № 65.
13. *Артемьев А. Р.* Кистени и булавы из раскопок Новгорода Великого//Материалы по археологии Новгорода 1988. М., 1990.
14. *Тарасенко В. Р.* Древний Минск//Материалы по археологии БССР. Т. I. Минск, 1957.
15. *Загорульский Э. М.* Возникновение Минска. Минск: Изд-во БГУ, 1982.
16. *Алексеев Л. В.* Древний Ростиславль//КСИА. 1974. Вып. 139.
17. *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. М.: Наука, 1980.
18. *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа//МИА. 1958. № 62.
19. *Мавродин В. В.* По поводу одной новой теории о местоположении Тмутаракани//ПИДО. 1935. № 9—10.
20. *Ляпушкин И. И.* Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам//МИА. 1941. № 6.
21. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв.//САИ. 1966. Вып. Е1-36.
22. *Молчанов А. А.* Еще раз о таманском бронзовом «брактеате»//СА. 1982. № 3.
23. *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI веков. Л.: Искусство, 1983.

Институт истории, археологии и этнографии
ДВО РАН, Владивосток
Институт всеобщей истории РАН, Москва

A. R. ARTEMJEV, A. A. MOLCHANOV

THE OLD RUSSIAN ARMS WITH THE PRINCES PROPERTY SIGNS

Summary

The article deals with the arms and the military equipment with the signs of the Ruric dynasty princes found during the excavations in the Russian towns of the Pre-Mongol times. The bone bow bracket found in Taman has a not very distinct sign (probably it belonged to Vladimir Svjatoslavich or his son Jaroslav the Clever). The horny top of a lash belonged to a horseman was found on Novgorod the Great. It has a sign of prince Gleb Svjatoslavich (1067-1078) or his brother David Svjatoslavich (1094-1096). The bronze bludgeon with the rich ornament also found in Novgorod has the sign or prince Svjatopolk Mstislavich (1142-1148). The signs on the horny bludgeons from Minsk (11th cent.), Sarkel (end of the 11th-first half of the 12th centuries) and Rostislavl (second half of the 12th cent.) are not known.

Н. Б. КРЫЛАСОВА

ПОДВЕСКА СО ЗНАКОМ РЮРИКОВИЧЕЙ ИЗ РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА

В 1991 г. при раскопках Рождественского могильника на р. Обва в погребении 37 была найдена подвеска со знаком Рюриковичей, которая представляет большой интерес в плане дискуссии о раннем этапе русско-пермяцких контактов и влиянии Древней Руси на социально-экономические процессы средневекового коми-пермяцкого общества.

Рождественский могильник находится в 1 км юго-западнее с. Рождественск Карагайского р-на Пермской обл., на левом высоком берегу р. Обва. Могильник состоит из двух частей: мусульманской, которая примыкает к восточному краю Рождественского городища, и языческой родановской, расположенной в 600 м восточнее. Могильник долгое время считался полностью разрушенным, но в 1990 г. он был вновь найден и исследуется автором статьи. Судя по собранному к настоящему времени материалу, могильник может быть датирован X—XIII вв., что несколько меняет дату (VI—XIV вв.), предложенную в свое время В. А. Обориным [1, с. 177].

Погребение 37 расположено в языческой части могильника. Оно имеет ориентацию по линии С—Ю, глубину до 60 см. Очертания могильной ямы прослеживаются плохо, дно ровное. Костяк не сохранился, но в северной части погребения найдена эмаль от человеческих зубов, что позволяет судить об ориентировке головы. Ориентировка и устройство могильной ямы целиком соответствуют другим погребениям могильника.

В северной части погребения на центральной осевой линии найдены три круглые, диаметром от 4 до 5,5 см, пластины, вырубленные из тонкого листа серебра и имеющие отверстия для пришивания к одежде. Аналогичные пластины известны в материалах Тольенского могильника IX—X вв. [2, рис. 2, *32*], а также в других могильниках Прикамья, Поволжья и Повычегодья IX—XI вв. Рядом с ними находилась трапециевидная подвеска из белого сплава, в составе которого, судя по простейшей химической пробе, высокое содержание серебра (рис. 1, *2*). В 35 см южнее подвески лежала ажурная флаконовидная пронизка из бронзы (рис. 2, *5*), аналогии которой известны в материалах памятников ломоватовской и родановской культур. Традиционно подобные пронизки датируются VIII—IX вв. [3, рис. 16] и X—XI вв. [4, рис. 2, *54*].

У восточной стенки погребения найден комплекс железных предметов: кольцо, калачевидное кресало, нож и втульчатый топор-пешня. Кресало имеет калачевидную форму, небольшой язычок. Такие кресала являлись одним из атрибутов мужских погребений лаврятского этапа родановской культуры и имели широкое распространение в финно-угорском и славянском мире. Б. А. Колчин установил следующую эволюцию бытования железных кресал: в X—XI вв. единственным типом являются калачевидные кресала с язычком, которые сохраняются до 3-й четверти XII в. В XI в. размер язычка сокращается, и в XII в. он исчезает, кресала становятся гладкими. В середине XII в. появляются овальные удлиненные кресала, которые вытесняют калачевидные [5, с. 101; [6, с. 163, рис. 4]. Такая же смена типов кресал наблюдается и в финно-угорском мире [7, с. 86, 87]. Кресало из погребения 37 можно датировать XI в. Втульчатые топоры с расши-

© Н. Б. Крыласова, 1995 г.

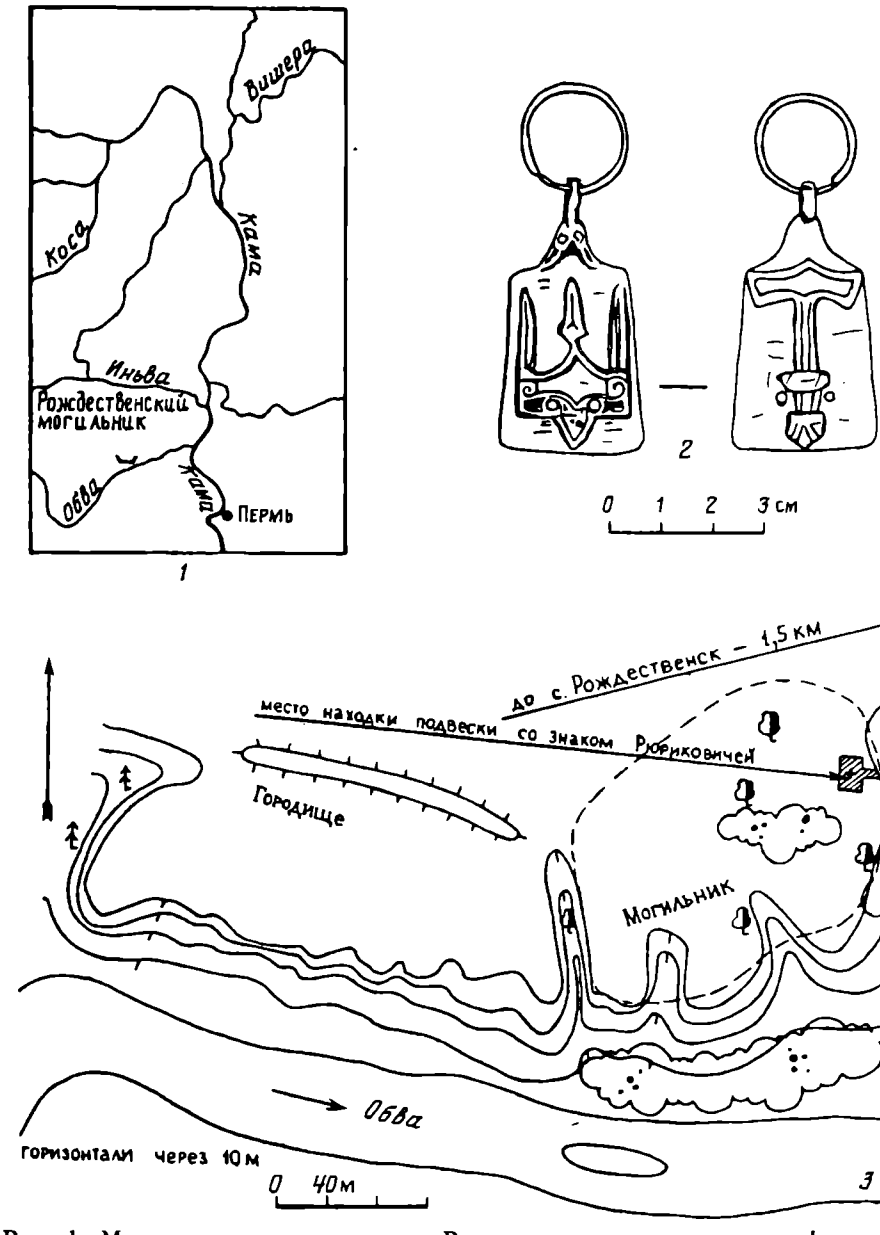

Рис. 1. Месторасположение и план Рождественского могильника. *1* — месторасположение могильника; *2* — подвеска со знаком Рюриковичей из погребения 37; *3* — план могильника с местом находки подвески

ряющимся лезвием распространены у финно-угров Приуралья в IX—XI вв. [8, табл. XVI, рис. 2; 9, рис. 58]. Нож из погребения 37 относится к типичным ножам лаврятского времени без уступа при переходе лезвия в черешок.

В южной части могильной ямы найдены бронзовая бусина с воротничками у отверстий, кусочек дерева с серебряной обоймочкой (возможно, фрагмент деревянного сосуда), фрагмент дерева с медным гвоздиком и небольшой железный клин. Бусина, возможно, служила обувной застежкой, такие бусы датируются IX—X вв. и, по мнению В. А. Кананина, являются частью комплекса, типичного для X в. [9, рис. 71, *4*, *7*].

Таким образом, дата погребения без учета даты подвески может быть определена как X—XI вв., но наиболее вероятной является дата рубежа указанных столетий. По составу инвентаря погребение может быть определено как мужское.

Подвеска со знаком Рюриковичей представляет собой литую пластину трапециевидной формы. Ее размеры: ширина по основанию 28 мм, по плечикам 24 мм, длина подвески по осевой линии (вместе с ушком) 51 мм, без ушка 35

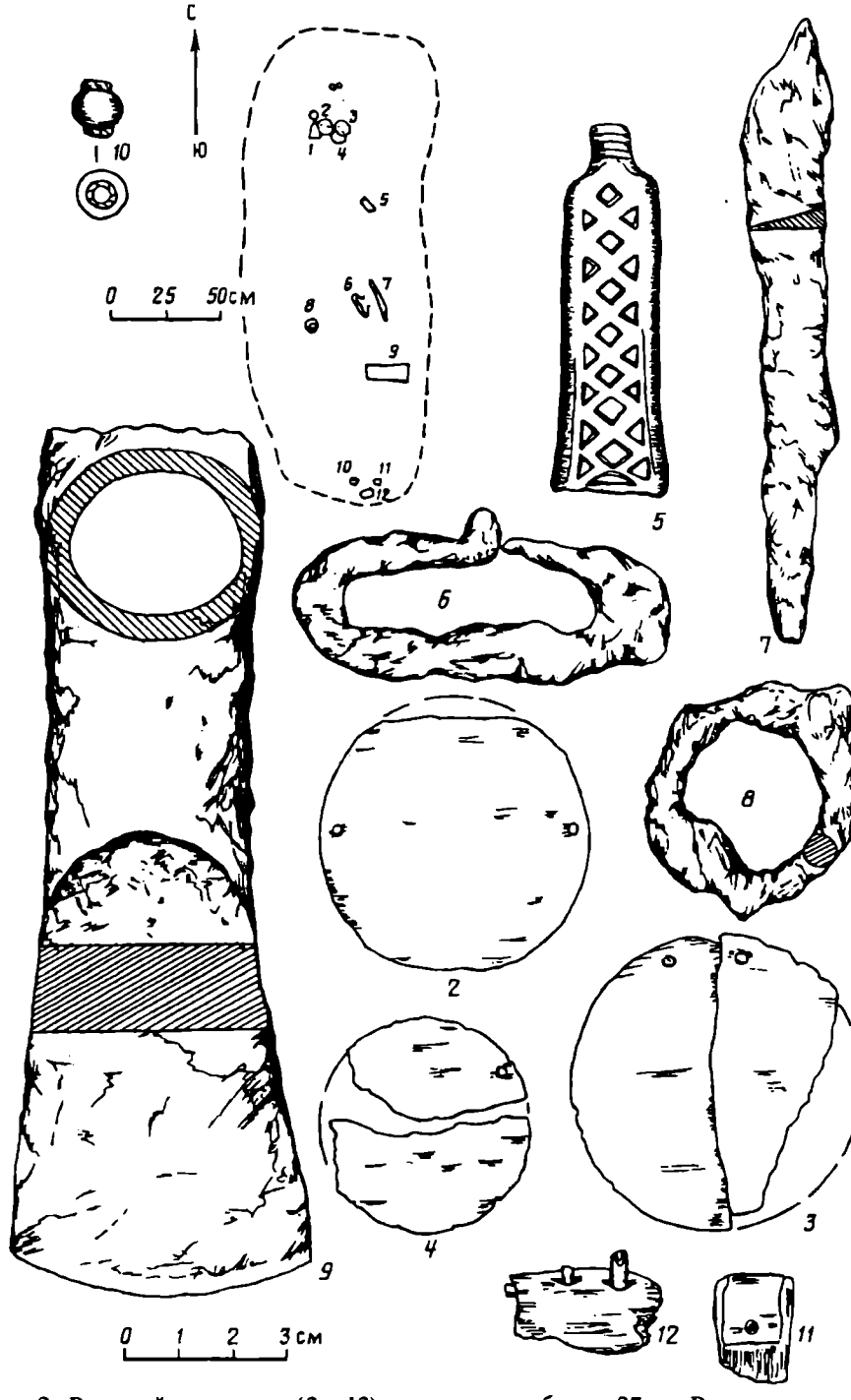

Рис. 2. Вещевой комплекс (*2—12*) и план погребения 37 из Рождественского могильника (*1*). *2, 3, 4* — серебро; *5, 10* — бронза; *6, 7, 8, 9* — железо; *11, 12* — дерево, медь, серебро

мм. В ушко продето кольцо из аналогичного материала диаметром 20 мм. Кольцо сделано из проволоки круглого сечения диаметром до 2 мм. Вес подвески вместе с кольцом 10,950 г.

Лицевая сторона подвески определяется по оформлению основания ушка в виде головки животного с длинными ушами. Петелька отлита заодно с подвеской. Глаза и ушки на изображении животного подчеканены. На лицевой стороне подвески нанесено изображение трезубца, выполненное чеканкой по предварительно процарапанному рисунку. Следы предварительного рисунка видны в виде тонких царапин, местами выходящих за пределы прочеканенных линий, местами

пересекающих их. Изображение трезубца на пластине является парадным, так как все детали рисунка очень тщательно проработаны. Боковые зубцы трезубца выполнены в виде клинков мечей с долом, центральный зубец оформлен в виде пики с треугольными выступами у основания. Нижняя часть трезубца украшена узором из валют. Основание трезубца имеет треугольный выступ, в углах основания находятся углубления, выбранные узким штихилем, со следами черни в них. На углах треугольного выступа пробиты сквозные отверстия диаметром 2 и 1,5 мм. Отверстия пробиты двумя встречными ударами и, видимо, выполнены одновременно с нанесением лицевого рисунка.

На оборотной стороне подвески нанесено изображение меча, соединенного с молотом бога Тора. Характер нанесения изображения аналогичен описанному выше, наблюдаются следы предварительного рисунка, ширина канавок чеканки совпадает с рисунком на лицевой стороне. Оборотная сторона подвески имеет следы постоянного ношения в виде потертостей на петельке пластины. Меч изображен рукоятью к основанию трапеции. По оформлению рукояти он близок к реальным прототипам X в. (тип 9 по определению А. Н. Кирпичникова). Подчеркнут дол лезвия, которое по длине изображенной части совпадает с рукоятью. Лезвие плавно переходит в изображение молота бога Тора, которое занимает всю верхнюю часть оборотной стороны пластины.

Изображение трезубца довольно часто встречается на монетах, графитти на дирхемах, печатях, на днищах деревянных сосудов [10—12; 13, рис. 35, 36 и др.], происходящих с территории Древней Руси, а также на серебряных подвесках, в целом аналогичных описываемой [14, с. 69—91]. По общепринятой классификации княжеских знаков, описываемый трезубец принадлежит Владимиру Святославовичу [15, рис. 9]. Таким образом, по характеру изображения трезубца подвеска может быть датирована 978—1015 гг. Даты подвески и погребения совпадают, что указывает на использование подвески погребенным в период правления Владимира Святославовича.

Существуют разные точки зрения на значение подвесок со знаками Рюриковичей. Б. А. Рыбаков считает подобные подвески символами княжеской администрации типа пайцзе, которые были в ходу на землях, находящихся в состоянии зависимости от великого князя Киевского [16, с. 239]. Однако в нашем случае такое предположение вряд ли оправданно, так как в XI в. у Прикамья не было прямых связей с Русью [17]. Мнение Рыбакова уже подвергалось сомнению [18, с. 57]. Более аргументированной нам представляется гипотеза А. А. Молчанова, который видит в подобных подвесках верительные знаки лиц, уполномоченных для выполнения официальной миссии того или иного рода. По его мнению, именно такие подвески имеет в виду русско-византийский договор 944 г. об отмене существовавшего прежде порядка снабжения дипломатических и торговых представителей киевского языка, присылаемых в Константинополь, особыми ранговыми атрибутами — отличительными золотыми и серебряными «печатями для ношения» [19, с. 185]. В летописном тексте договора 944 г. сказано: «...Великий князь Руссии и боляре его да посылают в Греки к великим царям гречьским корабли, елико хотять, со слы и с гостьми, якоже им установлено есть. Ношаху если печати злати, а гостье сребрени...» [20, с. 35].

В этом плане особый интерес представляет сообщение В. Н. Татищева о торговом договоре болгар с Владимиром Святославовичем 1006 г.: «...прислали болгаре послов с дары многими, дабы Владимир позволил им в городах по Волге и Оке торговать без опасения, на что Владимир им охотно соизволил. И дал им во все грады печати дабы они везде и всем вольно торговали, а русские купцы с печатьми от наместников в Болгары с торгом ездили без опасения» [21, с. 88, 89]. На наш взгляд, из этого текста следует, что купцам из Волжской Болгарии были даны печати со знаком великого князя киевского, а русским купцам — болгарские печати.

А. А. Молчанов упоминает о сходном обычае предъявления уполномоченными лицами верительных знаков, распространенном в скандинавской среде [19, с.

185]. В этой связи интерес представляет знак, изображенный на оборотной стороне описываемой подвески. Знаки в виде мечей, имеющие военно-дружинный характер [11, с. 51], и молоты бога Тора, считающиеся скандинавским этническим индикатором [11, с. 75], встречаются довольно часто. Но изображение, в котором сочетаются меч и молот, на подвеске с Рождественского могильника является пока единственным. Возможно, что данный знак имеет для скандинавского мира значение, аналогичное знаку Рюриковичей для Руси.

Таким образом, подвеска с Рождественского могильника может быть истолкована как верительный знак, дававший право купцу на торговлю как в древнерусском государстве, так и в скандинавских странах.

Можно было бы предположить, что погребение 37 Рождественского могильника является захоронением болгарского купца, одного из тех, кто в соответствии с договором 1006 г. имел право на получение подобных «печатей для ношения». Хорошо известен широкий характер болгарской торговли со странами и народами Севера, Руси, Прибалтики, скандинавских стран, Британии, Византии, Хазарии, Северного Кавказа, Средней Азии, Арабского халифата, Персии, Индии [22, с. 36—41]. Важной частью этой торговли были связи с народами Севера: Вису, Ару, Йурой, Страной Мраков [17].

Характер торговых связей болгар с их партнерами не менялся на протяжении многих столетий. Источники XII—XIV вв. отмечают те же методы торговли, что и источники X—XI вв. В полной мере это утверждение касается торговых взаимоотношений болгар с северными народами, где болгарские купцы на протяжении столетий успешно держали в своих руках торговую монополию, не допуская в Вису и Йуру арабских купцов, не разрешая жителям этих стран показываться в Болгаре [23, с. 32, 33, 58; 24, с. 138—140].

Сами жители Вису, страны, известной позже как Чулыман, играли роль посредников в торговых операциях болгар: «...купцы наших стран не забираются дальше города Булгара, купцы булгарские ездят до Чулымана, а купцы чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера» [25, с. 258]. Рождественское городище в X—XIII вв. представляло собой один из опорных пунктов болгарской торговли в пределах страны Вису. Об этом свидетельствует обилие болгарских изделий, болгарские гончарные мастерские, исследованные на городище, и мусульманские погребения на могильнике [26]. Однако погребение 37, где была найдена описываемая подвеска, располагалось не в мусульманской, а в родановской части могильника и было совершено по языческому финно-угорскому обряду. Следовательно, погребенный здесь купец не являлся болгаром. Учитывая вышеизложенное, мы можем считать погребенного «купцом чулыманским» из числа коренного местного населения. Судя по многочисленным находкам родановских бронзовых изделий в городах Волжской Болгарии, Киеве, Новгородской земле, Повычегодье, Западной Сибири, Финляндии и Скандинавии, «купцы чулыманские» сами имели широкий размах торговых операций.

В подобной трактовке находка верительного знака не нарушает представления о болгарской монополии на торговлю с народами Прикамья и является своеобразной иллюстрацией к сведениям арабских авторов о торговле с народами Севера. В связи с находкой нашей подвески становится понятным и источник знака на гребне с чепецкого городища Иднакар, опубликованного А. О. Амелькиным [27]. Тем более, что Рождественский могильник находится на р. Обва, в верховьях которой зафиксированы памятники чепецкого типа [28].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Оборин В. А.* Рождественское городище и могильник//Учен. зап. ПГУ. 1953. Т. IX. Вып. 3.
2. *Семенов В. А.* Тольенский могильник IX — начала X в.//Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988.
3. *Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
4. *Голдина Р. Д., Ютина Т. К.* Хронология погребальных комплексов Агафоновского II могильника (IX—XII вв.)//Погребальные памятники Прикамья. Ижевск, 1987.

5. *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого//МИА. 1959. № 65.
6. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей//Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
7. *Архипов Г. А.* Марийцы XII—XIII вв. Йошкар-Ола, 1986.
8. *Семенов В. А.* Варнинский могильник//Новый памятник поломской культуры. Ижевск, 1980.
9. *Голдина Р. Д., Кананин В. А.* Средневековые памятники верховьев р. Кама. Свердловск, 1989.
10. *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X—XI вв. Л., 1983.
11. *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978.
12. *Раппопорт П. А.* Строительные артели Древней Руси и их заказчики//СА. 1985. № 4.
13. *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К.* Граффити на восточных монетах. Л., 1991.
14. *Молчанов А. А.* Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы//ВИД. 1976. Т. VII.
15. *Янин В. Л.* Археологический комментарий к Русской Правде//Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
16. *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.//СА. 1940. Т. VI.
17. *Белавин А. М., Оборин В. А.* Посредническая роль Волжской Болгарии в торговых связях Верхнего Прикамья и Древней Руси//Волжская Болгария и Древняя Русь. Казань, 1986.
18. *Петренко В. П.* Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладоги//КСИА. 1977. Вып. 150.
19. *Молчанов А. А.* Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские «Jartegnir»//Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Ч. 1. М., 1986.
20. Повесть временных лет. Т. 1. М.; Л., 1950.
21. *Татищев В. Н.* История российская. Т. II. М., 1962.
22. *Фахрутдинов Р. Г.* Очерки истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984.
23. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153)//Публикация О. Г. Большакова и А. Л. Монгайта. М., 1971.
24. *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.
25. *Хеннig Р.* Неведомые земли. Т. 1. М., 1961.
26. *Белавин А. М.* Волжская Болгария и Пермское Приуралье в X—XIII вв. (к вопросу о культурном и экономическом взаимодействии): Автореф. дис. ... канд. ист. нук. Л., 1991.
27. *Амелькин А. О.* Знак на гребене с городища Иднакар (к вопросу о начальном этапе русско-удмуртских контактов)//Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987.
28. Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.

Дворец творчества юных,
Пермь

N. B. KRYLASOVA

THE PENDANT WITH THE RURIK FAMILY SIGN FROM ROZHDESTVENSKY BURIAL GROUND

Summary

The article is devoted to a silver pendant found during the excavations of Rozhdestvensky burial ground in 1991. The burial ground is situated on the Obva river in Perm region and belongs to Rodanovskaya culture of the 10th-13th centuries. The pendant has an image of Great Prince of Kiev Vladimir Svjatoslavich (978-1015) on its obverse side. The other side has a picture of a sign looking like a Tohr hammer with a sword sticking it. This kind of sign was discovered for the first time. This pendant can be used as a Scandinavian „Jartegnir" type sign of credence, and conformed the rights of the Kama merchant to trade in the Rus and probably in Scandinavia. It's the only find of this type in the sites belonged to the ancient ancestors of the Komi-Perm population.

А. В. КУРБАТОВ

КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ШВЕДСКОГО ПЕРИОДА ИЗ РАСКОПОК ИВАНГОРОДСКОЙ КРЕПОСТИ

Различие культурных традиций особенно наглядно проявляется в периоды резких изменений сложившихся социальных структур, какими могут быть военные действия, сопровождающиеся захватом чужих территорий. При подобных обстоятельствах изменение культурной среды, с ее материальными и духовными компонентами, совершается в исторических масштабах достаточно быстро. Один из переломных для Русского государства моментов, в конце XVI — начале XVII в., оставил следы таких изменений в материальной культуре Ивангородской крепости.

Комплексы конца XVI — первой половины XVII в., исследованные Ивангородской экспедицией ЛОИА АН СССР в 1988 и 1990 г., представляют интерес для характеристики процессов, развернувшихся на северо-западных рубежах Русского государства в данный период, и отражения известных исторических событий конца XVI — начала XVII в. в археологических источниках, а также возможность сопоставления данных археологии и других дисциплин.

В раскопе 2«Г» 1988 г. возле проезда в Набатной башне со стороны Большого Бояршего города, в слоях конца XVI — начала XVII в., происходящих из заполнения материковой ямы, найдено свыше 900 кожаных предметов [1, с. 12, 15, 16]. Большинство находок — детали обуви (сапоги, туфли, три целых поршня), кроме того, встречены рукавицы-голицы (рис. 1, *1*; 2, *1*), чехол для топора? (рис. 2, *2*), фрагменты сумки, кошеля и некоторое число обрезков. Туфли представлены отдельными фрагментами подошв и головок с характерными деталями обшивки края и фигурными вставками. Встречены поршни — однодетальные, из прямоугольного или трапециевидного куска кожи (рис. 1, *2*, *3*; 3, *1*, *2*), не отличающиеся от находок в слоях конца XV — первой половины XVI в. из Ивангородской крепости и широко представленные в Новгороде, Пскове и других русских городах [2]. В конструкцию сапог как отдельные блоки, входят наборы головки, задника и голенища. В ряде моделей из находок 1988 г. прослеживаются конструктивные и декоративные элементы предшествующего времени: поперечное линование головки по мерее и нитяная продольная стяжка головки со стороны бахтармы, узкий язычок на пятке подошвы, декоративные круглые вырезы в верхней части голенища, а также некоторые особенности раскроя и пошива. Наряду с этим можно выделить серию новых, не встречающихся в обуви XV — первой половины XVI в., признаков. Жесткие подошвы толщиной 3—5 мм, широкие в пучках и резко зауженные в перейме, кроились со слегка вытянутым или округлым носком. В отдельных моделях встречен наборный каблук из 15 и более кожаных фликов общей толщиной 2,5—3 см, закрепленный на внутренней стороне подошвы (так называемая «подошва с крокулем») [1] гвоздями со шляпкой диаметром 12—16 мм (рис. 4; II, *2*). В других моделях присутствовали наборы подпяточных прокладок (рис. 5, I, *4*; II, *3*). Головки имели удлиненные, часто не равновеликие, крылья, заходящие на пятку. Задник, относительно узкий

[1] Терминология, кроме устойчивых в отечественной археологической литературе понятий, приведена в соответствии с ГОСТом//Гос. стандарт Союза ССР. Обувь. Термины и определения. ГОСТ 23251-78. М., 1978.

© А. В. Курбатов, 1995 г.

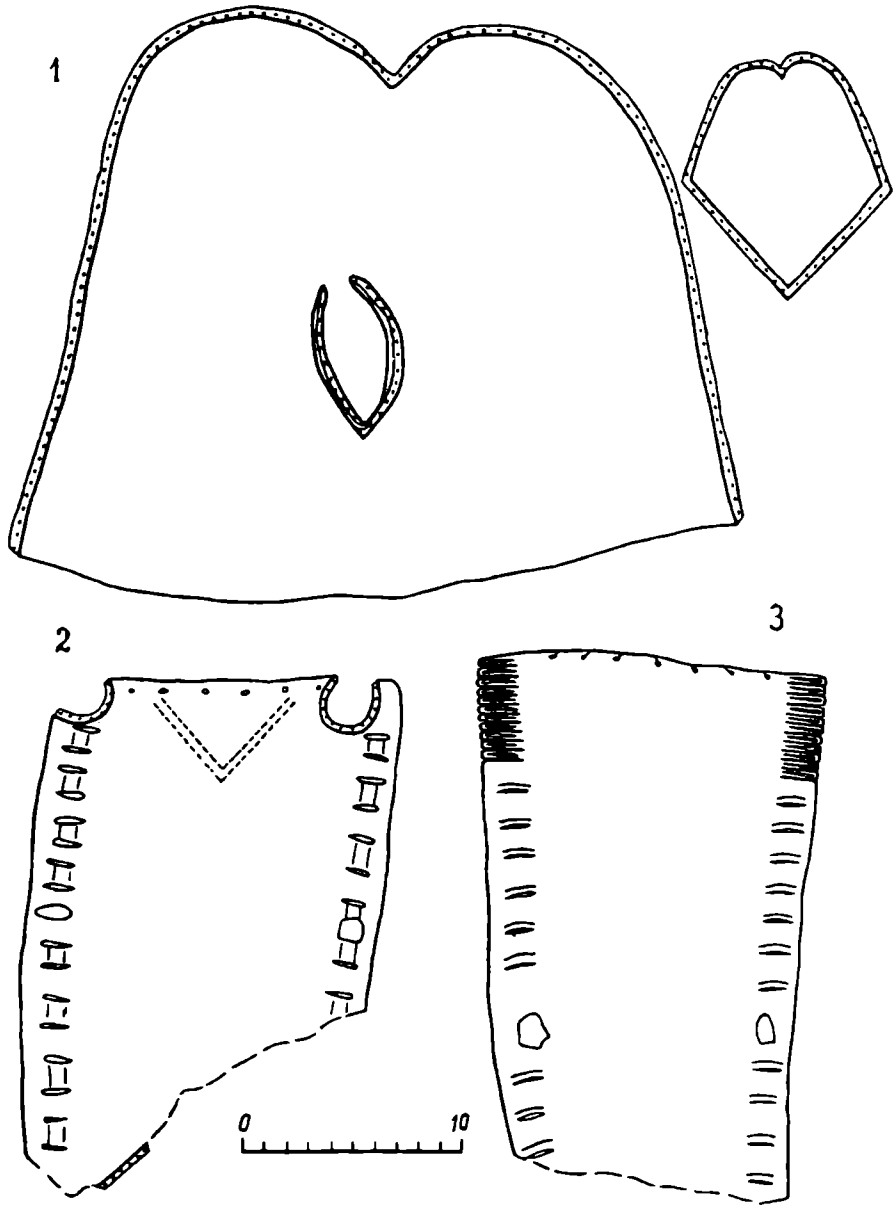

Рис. 1. Детали кожаных изделий (ИАЭ-1988).
1 — рукавица-голица (№ 23); *2* — поршень (№ 9); *3* — поршень (№ 8а)

и высокий, имел в наборе серию промежуточных и внутренних элементов, в том числе берестяной вкладыш и задний уширенный ремень. Прочность и влагонепроницаемость соединений обеспечивали, помимо всего, определенные приемы конструирования и сборки: несовмещенность швов наружных и внутренних деталей верха; соединение поднаряда и кармана задника «в наклад»; особая затяжка швов на головке (сохранились следы складок на носке головки). В декоративном оформлении сапог использовалась набойка мелких гвоздей на задник, обшивка верхнего края голенища тканью, линование по головке и заднику (рис. 4, I, *5*; II, *3*; *5*, II, *2*, *4*). Встречена также нитяная оплетка и проволочная спираль на пяточном ранге [2] (рис. 6, II, *4*; 7). По данным спектрального анализа, материалом для проволоки служил свинцово-оловянистый сплав [3].

[2] Выделена серия задников с сохранившимися фрагментами оплетки и проволочной спирали, а также следы их присутствия.

[3] Анализ проволоки проведен в лаборатории спектрального анализа ИИМК РАН ст. науч. сотр., канд. хим. наук В. А. Галибиным.

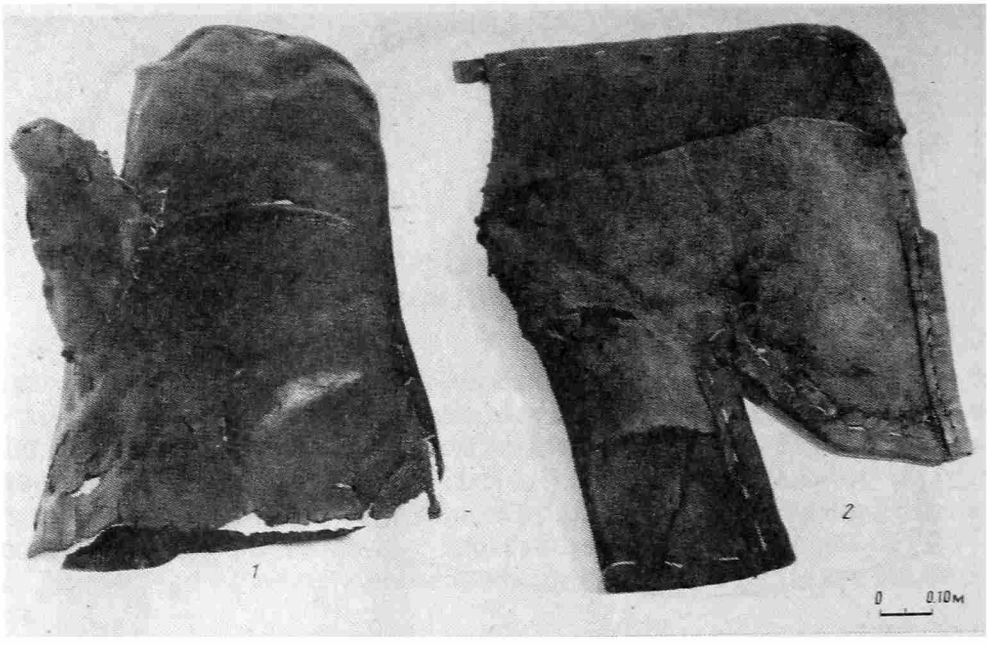

Рис. 2. Реставрированные изделия из Ивангорода (ИАЭ-1988)
1 — рукавица-голица (№ 23а); *2* — чехол для топора (№ 27)

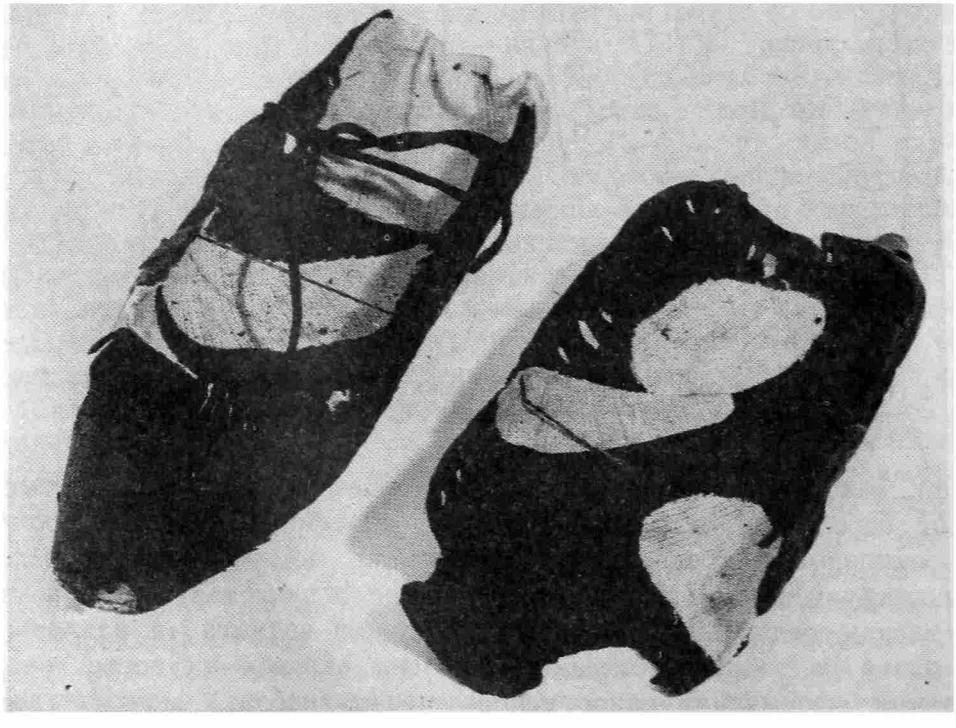

Рис. 3. Реставрированные кожаные поршни (ИАЭ-1988)

Реставрированные изделия представлены на рис. 8 и 9. Состав коллекции кожи 1988 г. отличается непропорционально малым содержанием обрезков раскроя по отношению к изделиям или деталям. В сравнении с материалами конца XV — первой половины XVI в. из Ивангородской крепости, в коллекции 1988 г. практически отсутствуют детали обуви малых размеров. В конструкции сапог

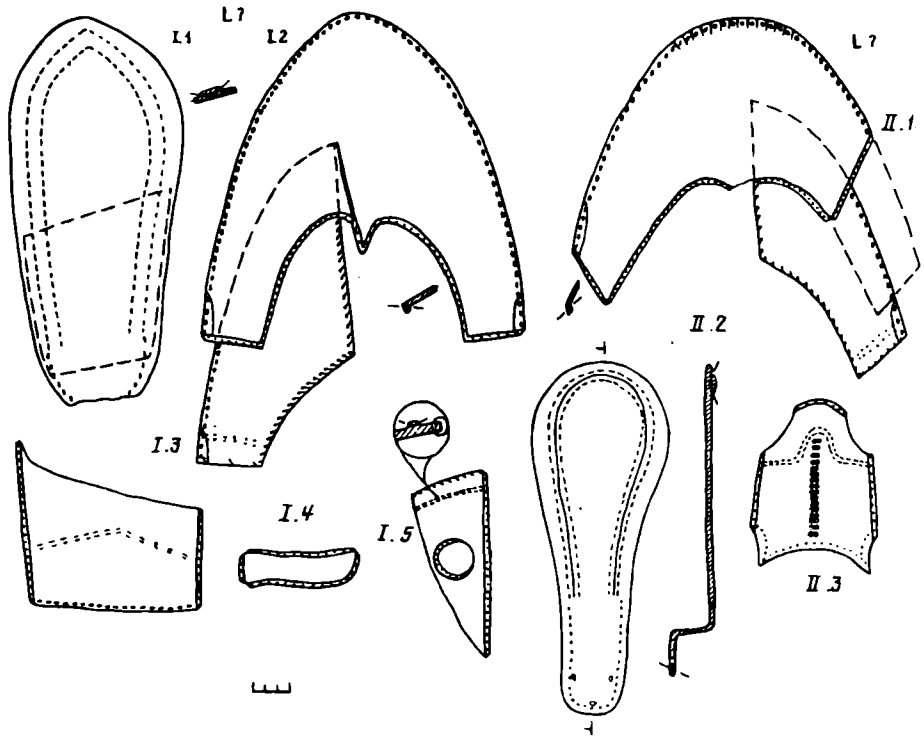

Рис. 4. Модели кожаной обуви (ИАЭ-1988)
I — детали сапога (№ 19): *1* — подошва с подметкой; *2* — головка с поднарядом; *3* — задник; *4* — вставка в верхний обрез головки; *5* — фрагмент верхней части голенища.
II — детали сапога (№ $Б_2$): *1* — головка с поднарядом; *2* — «подошва с крокулем»; *3* — задник

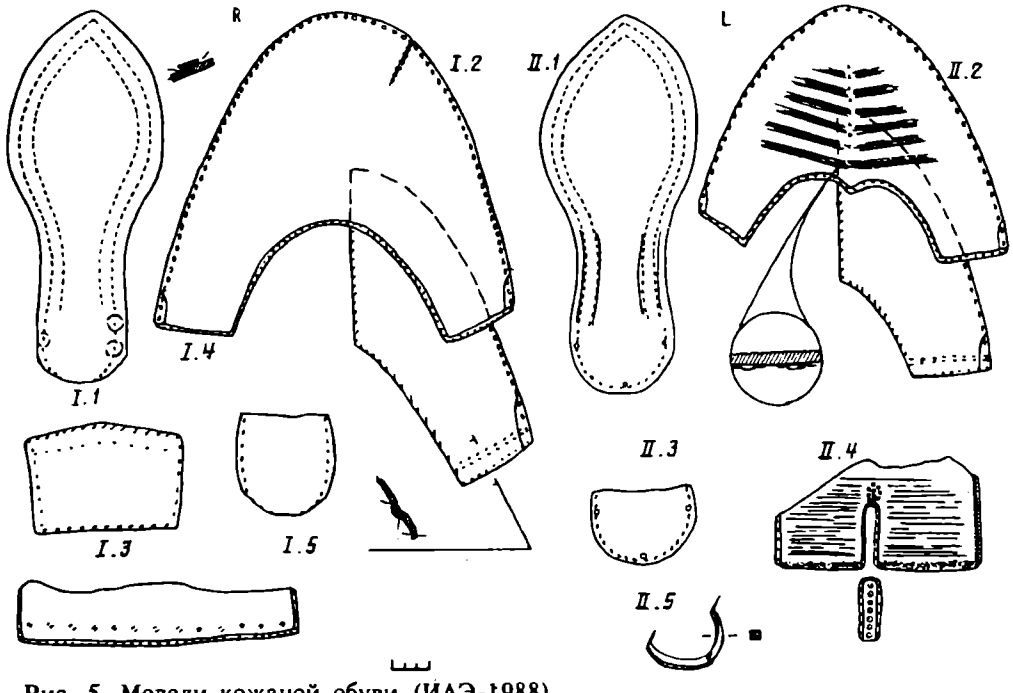

Рис. 5. Модели кожаной обуви (ИАЭ-1988)
I — детали сапога (№ 20): *1* — подошва; *2* — головка с поднарядом; *3* — карман задника; *4* — подпяточная прокладка; *5* — обрезок голенища.
II — детали сапога (№ 19): *1* — подошва; *2* — головка с поднарядом; *3* — подпяточная прокладка; *4* — задник; *5* — обувная подковка

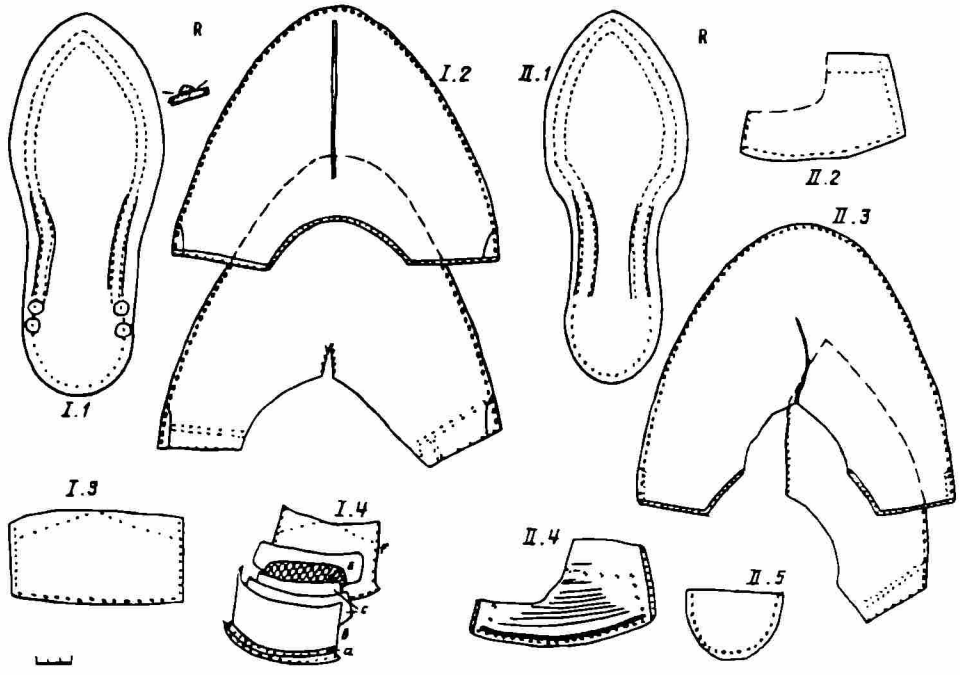

Рис. 6. Модели кожаной обуви (ИАЭ-1988).
I — детали сапога (№ 16б): *1* — подошва; *2* — головка с поднарядом; *3* — карман задника; *4* — конструкция наборного задника; *а* — уплотнительная прокладка, *в* — задник, *с*, *е* — промежуточные уплотнительные прокладки, *d* — берестяной вкладыш, *f* — карман задника.
II — детали сапога (№ 16а): *1* — подошва; *2* — карман задника; *3* — головка с поднарядом; *4* — задник; *5* — флик каблучного набора

Рис. 7. Проволочная спираль на пятке сапога

использован ряд новых технических приемов сборки и способов декорирования. Важным признаком коллекции конца XVI — начала XVII в. является наличие обувных подковок или следов их присутствия на некоторых моделях сапог (рис. 4, II, *2*; *5*, II, *1*, *3*, *5*). Обувь предшествующего времени из русских городов предохранялась от стирания исключительно гвоздями с широкой шляпкой, набивавшимися вдоль края подошвы в один или несколько рядов.

Исследования 1990 г. проводились в центральной части Большого Бояршего города. Более 3 тыс. кожаных предметов встречены здесь в верхней части заполнения материковой ямы (рва?); относимого по стратиграфии и найденным монетам к концу XVI — первой половине XVII в. Основу коллекции кожи составляют детали обуви преимущественно низких форм. Элементами сапог можно считать примерно 30 деталей, и среди них одну целую модель. Низкая обувь — туфли — представляет две схемы конструирования. В первой использован выворотный метод соединения верха и подошвы (рис. 10, I; 11, *2*). Верх реконструированной туфли состоит из головки с широким откидным язычком (клапаном) на подъеме и двучастных берцев с ремешками, закреплявшимися на подъеме. Вторая конструкция является развитием рантовых моделей, главный элемент которых — рант — вшивался между основанием и верхом по всему периметру изделия (рис. 10, II; 11, *1*; 12, II; 13, *1*). К ранту крепилась и внутренняя подошва. В Ивангородской коллекции 1990 г. рантовая обувь определенно доминирует. Если целых подошв выворотного крепления найдено 34 экземпляра, в том числе 7 в комплектах обуви, то подошв рантового крепления более 120 (из них 19 в комплектах целых туфель). Среди реконструированных туфель выделяются разные фасоны, определяемые формой контура носка подошвы, среди которых овальные или слегка приостренные, трапециевидные и широкие граненые (типа «каре»). Форма носка верха могла быть уплощенной или округлой. Большинство низкой обуви имело наборные кожаные каблуки высотой 2—3 см, крепившиеся дратвой и деревянными шпеньками на подошве. Встречены и внутренние каблуки — кожаные наборные и деревянные, обшиты кожей. Как и в коллекции 1988 г., здесь встречены серии подошв с железными подковками или следами их присутствия. Отмечено, что обувные подковки не встречались непосредственно на подошвах обуви из Ивангорода, находимой в слоях конца XV — первой половины XVI в. и их появление в конце XVI в. можно связывать с переходом крепости под власть шведской короны в ходе Ливонской войны [3].

Многообразие моделей, частично реконструированных, показывают представленные варианты (рис. 10—13). Одна из моделей, отмеченная выше, имеет головку и двудетальные берцы оригинального кроя, подчеркивающего индивидуальный характер пошива. На некоторых головках сохраняются парные отверстия на подъеме — вероятный способ закрепления язычков берцев или банта. Другая модель (рис. 12, I) имела открытый подъем, и вырез в берцах по форме торцов крыльев головки. Выделяется два варианта обуви с двудетальным верхом, где шов расположен на продольной оси изделия. Модели различаются использованием дополнительных элементов функционального и декоративного назначения — ременных обор, наружных союзки и задника, а также уплотнительной прокладки осевого шва (рис.10, I, *4*; II, *7*; 11, *1*; 12, II). Разнообразно и художественное оформление встреченной обуви. Пользовалось популярностью диагональное линование в виде «сеточки», покрывавшей весь верх туфли (рис. 10, II, *1*, *7*; 11, *1*). В 1990 г. найден уникальный экземпляр верха туфли с рядами фигурных вырезов (шестиконечные звезды и «лесенка», выполненные штампом), разделенных парами линий (рис. 12, I, *1*, *5*). Поднаряд этой туфли выкроен из вторично использованной кожи, сохранившей на мерее оттиск орнаментальной полосы из штампованных фигур, залитых золотистой краской (рис. 12, I, *4*). Кроме указанных видов декора художественный эффект изделиям придавали дополнительные конструктивные элементы: пришитые снаружи союзки и задник, мерея которых контрастировала

Рис. 8. Реставрированные изделия из Ивангорода (ИАЭ-1988)
1, *2* — сапоги (№ 16а, 16б). Схемы на рис. 6

Рис. 9. Реставрированные изделия из Ивангорода (ИАЭ-1988)
1, *2* — сапоги (№ 20). Схема на рис. 5, I

с бахтармой основных деталей верха; кроме них — завязки, обшивка края обуви и некоторые прокладки (рис. 10, II, *1*, *7*; 13, *1*).

Помимо обуви в раскопе 1990 г. найдены различные бытовые изделия: рукавицы-голицы, фрагменты ремней, в том числе поясных (рис. 12, III, *3*), чехлы для ножей, кожаная обшивка ножен меча (палаша?), детали кошелька, сумки, мяча, седельной кобуры и других предметов (рис. 12, III, *1*, *5*, *6*; 14). В их декоре использованы нитяная расшивка (рис. 12, III, *2*, *3*), аппликация (рис. 12, III, *1*), штамп сложного рисунка (рис. 12, III, *4*).

Среди кожаных находок 1990 г. более 30% составляют обрезки, что может указывать на деятельность мастерской по ремонту и пошиву кожаных изделий. Преобладающей формой работы, видимо, был ремонт, поскольку подавляющее

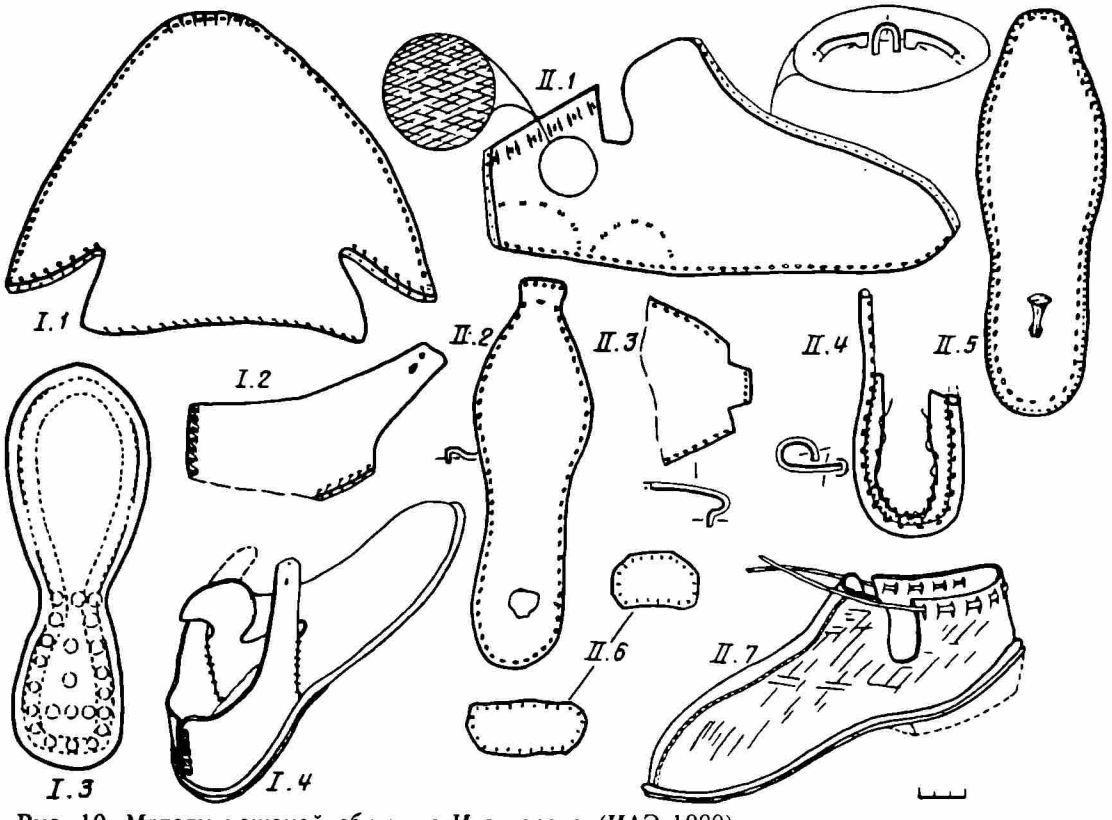

Рис. 10. Модели кожаной обуви из Ивангорода (ИАЭ-1990)
I — детали туфли: *1* — головка; *2* — берцы; *3* — подошва; *4* — реконструкция.
II — детали туфли: *1* — половина верха; *2* — внутренняя подошва; *3* — поднаряд; *4* — рант; *5* — внешняя подошва; *6* — заплаты; *7* — реконструкция

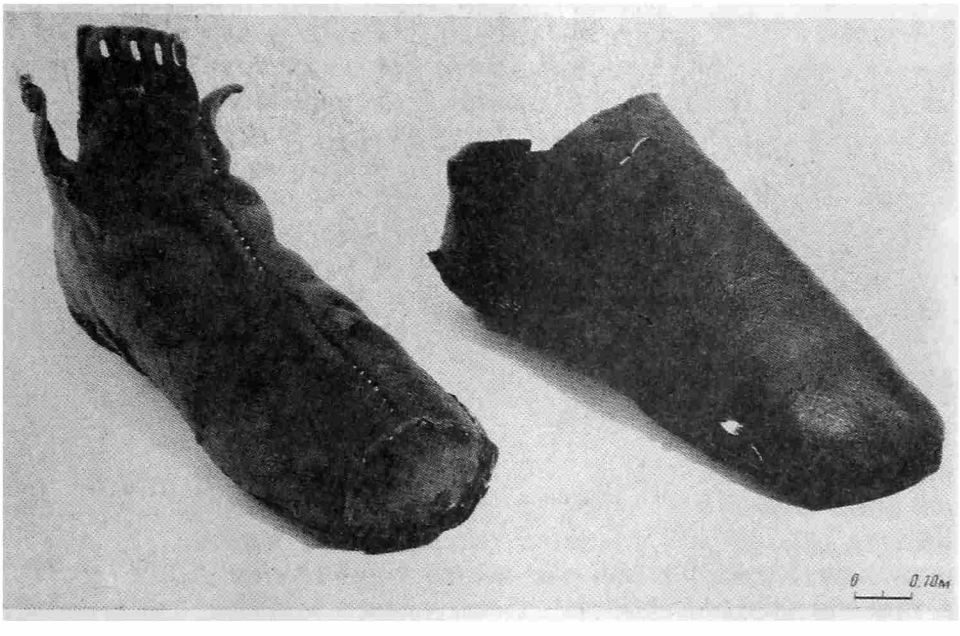

Рис. 11. Реставрированные туфли из Ивангорода (ИАЭ-1990). Схемы на рис. 10

большинство обрезков принадлежит вторично использованным элементам обуви и других кожаных предметов.

Региональные особенности конструирования и пошива кожаных изделий в средневековье достаточно слабо освещены в отечественной исторической литературе. Напротив, подчеркивались общие элементы конструкции и орнамента

Рис. 12

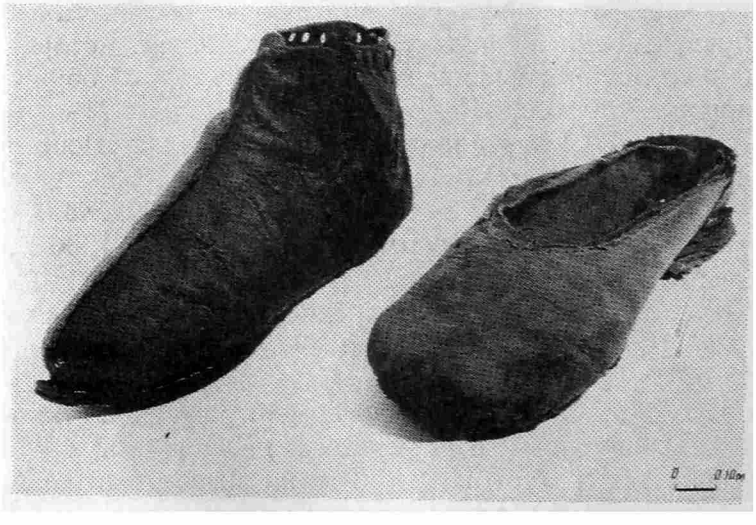

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 12. Кожаные изделия из Ивангорода (ИАЭ-1990)
I — детали туфли: *1* — головка; *2* — внутренняя подошва; *3* — внешняя подошва; *4* — фрагмент орнамента на внутренней стороне поднаряда; *5* — реконструкция. II — реконструкция туфли. III — детали изделий: *1* — кошелек; *2* — фрагмент изделия с расшивкой; *3* — поясной ремень; *4* — обрезок кожи с орнаментом; *5* — чехол для ножа; *6* — обшивка ножен меча? (палаша?)

Рис. 13. Реставрированная обувь из Ивангорода (ИАЭ-1990)

Рис. 14. Седельная кобура (ИАЭ-1990)

обуви разных регионов Западной и Восточной Европы [4, с. 211]. Поэтому представляется необходимым обратить внимание на черты своеобразия в конструкциях обуви из средневековых городов Восточной и Западной Европы. Уже отмечалось, что в русских средневековых городах определенный переход в технологии выделки кожи, конструировании изделий и в моделях обуви происходил в XIV—XVI вв. Изменения отражены, в частности, в постепенном вытеснении из употребления мягкой, преимущественно низкой, обуви с минимальным количеством деталей и практически полным отсутствием внутренних и промежуточных элементов и замене их моделями так называемой жесткой конструкции [4, с. 214, 215; рис. 6, *1—2*; 7, *1*, *4*, *5*; *5*, с. 80, 82, 83, 87, 88, 90, рис. 7; 6, с. 50; 7; 8, с. 175; 9]. Основными формами обуви, судя по археологическим находкам, становятся сапоги с высоким «глухим» голенищем, закрывающим икры ног, а среди низкой обуви — поршни, сочетающие простоту изготовления и удобство ношения. Можно говорить о высокой степени стандартизации в формах раскроя и технике пошива, прослеживаемой в археологических коллекциях этого периода из Новгорода, Пскова, Ивангорода, Старой Ладоги, Москвы и других городов. Взаимосвязь функциональных и декоративных элементов выражалась в сложении устойчивых своеобразных конструкций русской обуви XV—XVII вв., где, в частности, присутствуют сапоги с загнутым вверх и подшитым к головке заостренным носком подошвы, с поперечным линованием головки, имевшим функциональную основу и с достаточно сложной конструкцией пяточного узла. Можно отметить, что основные формы русской обуви XV—XVI вв.— сапоги и поршни — были распространены и в регионах, государственная принадлежность которых изменялась (материалы из Чернигова, Чебоксар) [10, рис. 75, *1*; 76, *1*; 79, *1г*].

В государствах Западной Европы, где на протяжении столетий вырабатывались свои региональные и национальные черты в кожевенно-обувном ремесле, в XIII—XIV вв. отмечены определенные изменения как в обработке сырья, так и в конструировании моделей обуви. Можно подчеркнуть, как основную, исторически сохраняющуюся тенденцию развития форм преимущественно низкой обуви. Археологические находки в Лондоне, Стокгольме и других городах [11, с. 21—43, 114; 12, с. 220—228, табл. 7] подтверждаются анализом письменных и изобразительных источников для ряда стран Западной Европы [13; 14, с. 143—165; 15, с. 147—169, табл. 5, 6, 8, 9]. Высокая обувь, как подчеркивается в отдельных случаях, например башмаки со шнуровкой или пряжками в Лондоне после 1300 г., остаются обувью исключительно путешественников или охотников [11, с. 114]. Хотя в некоторых странах, наоборот, высокая обувь, типа сапог начинает входить в моду в XIII—XIV вв. (Польша) [16, с. 508, 516, табл. 49], но, вероятно, не без влияния с востока.

Одной из характерных черт западноевропейской обуви позднего средневековья является рантовая конструкция, ставшая общеупотребительной, вероятно, с XII—XIII вв. и значительно развивавшаяся в XVI в. По мнению исследователей, поздние модели продолжают конструктивную схему turn-welt construction, известную с XV в. В Лондоне ее появление датируется примерно серединой XV столетия [11, с. 47]. Специфичные формы раскроя и приемы конструирования (ранг, нитяной корд, способы соединения деталей), а также декора (сложные орнаментальные штампы, вырезы, скобление мереи, окраска) позволяют говорить об исторически сложившихся формах продукции кожевенно-обувного ремесла в западноевропейских городах, отличных от аналогичных изделий в городах, например, Русского государства XV—XVII вв.

Аналогии ивангородским находкам из раскопок 1990 г. известны в ряде случаев Западной Европы — в Англии, Голландии, государствах Скандии, где соответствующие модели имели длительное широкое употребление во всех социальных слоях общества [14, с. 159, 160, табл. 11; *41*, *42*; 13, *43*, *49*, *50*] и находят отражение в изобразительных источниках [17, 18, с. 118].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Петренко В. П.* Исследования Ивангородской экспедиции в 1988 г. Ч. 1. Л., 1989.
2. *Курбатов А. В.* Коллекция кожаных предметов из Ивангорода по раскопкам 1980—1986 гг.//КСИА. 1991. Вып. 205.
3. *Курбатов А. В.* Вопросы изучения, реставрации и консервации кожаных изделий из раскопок Ивангорода//ТД конф. «Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействия культур. История и археология». Нарва, 1989.
4. *Изюмова С. А.* К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого//МИА. 1959. № 65.
5. *Оятева Е. И.* Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова//АСГЭ. 1962. Вып. 4.
6. *Оятева Е. И.* Обувь и другие кожаные изделия из Старой Ладоги//АСГЭ. 1965. Вып. 7.
7. *Бебре В. В.* Типы кожаной обуви Риги и их ареалы//КСИА. 1987. Вып. 190.
8. *Рабинович М.Г.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988.
9. *Курбатов А. В.* Развитие технологии выделки кожи и кожевенно-обувного производства в средневековых русских городах//Материалы конф. «Города Верхней Руси. Истоки и становление». Торопец, 1990.
10. *Краснов Ю. А., Каховский В. Ф.* Средневековые Чебоксары. М., 1978.
11. *Grew F., de Neergaard M.* Shoes and pattens//Medieval finds from excavations in London: 2. L., 1988.
12. Helgeansholmen — 1000 år i Stockholms ström. Stockholm, 1982.
13. *Waateringe Groenman-van.* Schuhmode in spaten Mittelalter. Fund und Abbildungen//Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. 1975. N 3.
14. *Driel-Murray, C. van.* Schoeised van de opgraving van het St. Agnietenklooster en het. St. Michielsklooster in Leiden//Bodemonderzoek Leiden, 1984.
15. *Goubitz O.* Lederresten uit de stad Groningen: het schoeisel//Vario Bio-archaeologica. 1987. V. 72.
16. *Wiklak H.* Polskie obuwie wczesnosrédniowykopalisk//Materialy wczesnosredniowieczne. V. 6. Wroclaw, Warszawa, Krakov, 1969.
17. Christian IV in Europe. Catalogue. Copenhavn, 1988. № 98, 99, 162. XXX.
18. Västerås. 1000 år i centrum. Stockholm, 1990.

Институт истории
материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

A. V. KURBATOV

THE LEATHER PRODUCTS OF THE SWEDISH TIME FROM IVANGOROD FORTRESS EXCAVATIONS

Summary

The article deals with a rich collection of the leather artifacts mostly shoes dated to the end of the 16th century-1st half of the 17th century. They were found during the excavations of Ivangorod fortress. The author divides the finds into two groups. The first one doesn't differ by its contents and construction from the artifacts of the end of the 15th century-1st half of the 16th century found in Ivangorod, Novgorod, Pskov and the other cities. The second one includes some new types of shoes that haven't been met before. The author analyses carefully this category of the finds and pays special attention to the peculiar shoes construction of the Eastern and Western Europe medieval towns. The types of the leather handicraft formed in the towns of the Western Europe and the Russian state towns in the 15th-17th centuries are also described in the article.

История науки

А. А. ФОРМОЗОВ

П. Н. МИЛЮКОВ И АРХЕОЛОГИЯ

В истории русской археологии есть важный вопрос, не привлекавший внимание исследователей. Он, например, совершенно не затронут в сводке Г. С. Лебедева «История отечественной археологии» (СПб., 1992). Это вопрос о том, когда и как археологические материалы использовались историками при создании обобщающих трудов о прошлом нашей Родины.

О курганах над могилами князей упоминает уже начальная русская летопись. Историки XVIII в. обращались к археологическим памятникам достаточно часто, но не отдавали себе отчета в сложности осмысления этих источников. Увидев на Северном Кавказе развалины христианских церквей и каменные надмогильные кресты, В. Н. Татищев счел, что это исконная русская земля [1, с. 379, 380], тогда как христианство пришло сюда с юга, из Закавказья. Побывав на Ворскле у городища близ Опошни, И. Н. Болтин решил, что это и есть летописная Тмуторакань [2, с. 11].

К началу XIX в. было понятно, что путь от археологической находки к крупным историческим выводам очень сложен. И в многотомных обзорах истории России Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского археологические памятники не упоминаются.

Между тем к концу XIX в. археологические исследования в России развернулись уже очень широко. Были раскопаны сотни древнерусских курганов. Собранные при этом материалы позволяли сделать достаточно обоснованные исторические выводы. Это осознали не только сами археологи, но и историки.

Показательна эволюция взглядов В. О. Ключевского. В 1874 г. он участвовал в III Археологическом съезде в Киеве и побывал на раскопках курганов у с. Гатное. В свой дневник он занес: «фантазии археологов» [3, с. 257]. Но в начале XX в. он говорил об археологии иначе: «...захватив уже значительные районы изыскания, достигнув замечательных успехов в развитии техники приемов, эта трудная область русского исторического изучения все более выясняет те таинственные связи и влияния, под действия которых становились предки русского народа, когда усаживались в пределах Восточно-Европейской равнины» [4, с. 185].

И на рубеже XIX и XX вв. целая плеяда русских историков обратилась к изучению археологии. Это представители «южнорусской школы» Д. И. Багалей и М. С. Грушевский, петербуржец А. С. Лаппо-Данилевский. Это и непосредственные ученики Ключевского — П. Н. Милюков, М. К. Любавский, Ю. В. Готье, С. К. Богоявленский.

Особенно известна деятельность Ю. В. Готье и С. К. Богоявленского, раскопавших в 1900 г. Елизаровский могильник под Волоколамском, ведших раскопки и разведки в Подмосковье и позднее и опубликовавших серию ценных археологических работ [5, с. 21—24; 6, с. 94, 95]. Гораздо реже вспоминают

© А. А. Формозов, 1995 г.

о П. Н. Милюкове. Между тем он занялся археологией раньше своих младших товарищей, а обобщающий труд в этой области создал позже, чем они.

Как известно, Милюков был не только крупным историком, но и лидером конституционно-демократической партии, одним из идеологов послереволюционной эмиграции. Понятно, что в годы большевистского тоталитаризма к наследию Милюкова наши ученые предпочитали не обращаться. Сейчас положение изменилось. В 1990-х годах выпущены статьи [7, с. 20—41] и книги [8, 9] о Милюкове, перепечатаны его вышедшие за рубежом «Воспоминания» (М., 1991) и последний вариант «Очерков по истории русской культуры» (М., 1993). Во всех этих публикациях говорится и о занятиях Милюкова археологией. Но авторы и комментаторы-историки плохо представляют себе наш материал и не могут в должной мере оценить археологические штудии Милюкова. Целесообразно высказать свои соображения по теме и специалисту-археологу.

Павел Николаевич Милюков родился в 1859 г., учился в Московском университете в 1877—1882 гг., в 1892 г. защитил магистерскую диссертацию. Никаких археологических курсов в Московском университете 1870—1880-х годах не читали. Но Милюков учился не только у Ключевского, но и у других профессоров историко-филологического факультета. Среди них был будущий академик Всеволод Федорович Миллер (1848—1913) — выдающийся филолог, этнограф, языковед, интересовавшийся и археологией. В 1879, 1880, 1883 и 1886 гг. он вел раскопки на Кавказе, в 1886 г.— в Крыму, а в 1889 г. раскопал несколько курганов у с. Троицкое-Кайнарджи в Подмосковье.

Семинар Миллера был не по археологии, а по истории культуры. Тем не менее какое-то представление о древнейшем прошлом он давал. В написанных незадолго до смерти, в 1940—1943 гг., «Воспоминаниях» Милюков привел название своего студенческого доклада на семинаре Миллера — «О роли огня в загробном мире» и отметил: «Все это страшно увлекало и, несомненно, положило основу для моих позднейших занятий преисторией» [10, с. 69].

Интерес к этому кругу тем сохранялся у Милюкова и в те 12 лет, когда по окончании университета и до высылки из Москвы он писал магистерскую диссертацию, свои первые статьи и книги, читал лекции в университете.

В 1888 г. Милюков стал членом-корреспондентом, а в 1890 г. действительным членом Московского археологического общества. Он участвовал в его заседаниях, в работе VIII, X и XI Археологических съездов, выступал там с докладами, печатал свои исследования в «Древностях» и «Трудах» съездов [11, с. 125, 126, 231]. Археология тогда понималась расширительно, и большинство докладов касалось собственно исторических тем, но был прочтен и доклад «О загадочном знаке на монетах киевского периода». В «Русской мысли» Милюков поместил подробный отчет о ходе VIII Археологического съезда в Москве [12, с. 170—195].

Входил Милюков и в число членов Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, где археологическая тематика также была широко представлена. Через В. Ф. Миллера знал он председателя общества Д. Н. Анучина [10, с. 99]. Милюков присутствовал на Международном конгрессе по антропологии и доисторической археологии в Москве в 1892 г. и написал о его работе в «Русской мысли». Больше всего его интересовало, позволяют ли краниологические материалы решить вопрос о происхождении народов. Ведущий русский антрополог А. П. Богданов подходил к этому с крайней осторожностью. Милюкову казалось, что зарубежные ученые — Ж. Катрфаж, П. Топинар — здесь смелее и ближе к истине [13, с. 126—150].

В 1889—1890 гг. Милюков вел отдел рецензий исторической литературы в «Русской мысли». В списке его публикаций, изданном в 1929 г., указано авторство ряда анонимных рецензий [14, с. 318, 319], в том числе и на книги по археологии: «Русские древности в памятниках искусства» И. И. Толстого и Н. П. Кондакова [15, с. 475, 476; 16, с. 514—516], «Белорусские древности» А. М. Сементовского [17, с. 369], «Курганы Букеевской орды» и «Древние могилы Гурзуфа и Гугума» А. Н. Харузина [18, 19, с. 365, 366].

Видимо, в начале 1890-х годов Милюков готовил издание для народного чтения книги популярного тогда в России австрийского этнолога Юлиуса Липперта (1839—1909) «Первобытная культура». Издание это, судя по всему, не увидело свет. Его нет ни в картотеках библиотек, ни в списке печатных трудов Милюкова, опубликованном в 1929 г. Первый перевод книги Липперта вышел в 1894 г. в Петербурге в издании Ф. Ф. Павленкова. Липперт писал свою книгу в 1886—1889 гг. Следовательно, слова в «Воспоминаниях» Милюкова о том, что он переводил эту книгу в 1880-х годах,— ошибка памяти старого ученого.

Еще в 1892 г. Милюков приступил к работе над своим главным трудом — «Очерки по истории русской культуры». В 1896—1903 гг. вышло его первое издание в 3-х книгах. Археологический материал тут использован, но пока еще не слишком широко.

Здесь не место для оценки этого труда, тем более для разбора исторической концепции Милюкова в целом [см. 20, с. 564—577]. Автор хотел дать читателям научно обоснованное представление о связи настоящего с прошлым. Важна сама постановка темы: после «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, «Истории русского народа» Н. А. Полевого, «Истории русской жизни» И. Е. Забелина впервые появилась «История русской культуры». Впоследствии то же название носили двухтомная книга М. Н. Покровского (1914, 1918), двухтомная «История культуры древней Руси» (1948, 1951) под редакцией Н. Н. Воронина, получившая продолжение в серии книг, выпущенной Московским университетом под заголовком «Очерки по истории русской культуры» и доведенная ныне до характеристики конца XVIII в. На протяжении своей долгой жизни Милюков не раз переиздавал «Очерки», дополняя текст. Последнее издание вышло в 1930-х годах, и в нем археологии уделено уже очень много страниц.

В 1894 г. за антиправительственную деятельность Милюков был выслан в Рязань. Там в 1895—1897 гг. он работал над завершением «Очерков» и принял участие в занятиях очень сильной по составу губернской ученой архивной комиссии. Председатель ее Алексей Иванович Черепнин (1841—1905), некогда тоже связанный с оппозиционными кругами [о нем см. 21, с. 295—297], был, по словам Милюкова, «настоящий специалист в русской археологии. Под его руководством я, наконец, научился правильному производству раскопок» [10, с. 125]. В конце жизни, в «Воспоминаниях» и в завершенной в 1941 г. второй части I книги нового варианта «Очерков по истории русской культуры» [22, с. 129] Милюков говорил о том большом впечатлении, какое произвели на него раскопки Черепнина в Старой Рязани. Речь идет не о древнерусском городище, а о финском Кузьминском могильнике, исследованном Черепниным в 1894 г.

В 1896 г. вместе с А. И. Черепниным, А. Д. Повалишиным, И. И. Проходцевым, А. А. Грунау Милюков участвовал в раскопках ряда курганов на Оке к северо-востоку от Зарайска. Исследовали пять групп у сел Анокичица (две), Козловка, Ситково, Россоха. В первой вскрыто 22, во второй — три, в третьей и четвертой по два и в пятой — пять курганов. До этого в Рязанской губернии раскапывали только могильники. Надо было выяснить, относятся курганы к той же культуре, что и могильники, или нет, мерянские они (по А. С. Уварову) или славянские.

Черепнин и Милюков разделили свои обязанности так: первый издал дневник раскопок [23, с. 129—158], второй подготовил исследование. Результаты его были доложены на X Археологическом съезде в Риге, где Милюков выступил как представитель Рязанской ученой архивной комиссии.

Описав находки: 11 семилопастных височных колец, 11 сердоликовых ожерелий, синие стеклянные бусы, медные кольца, перстни, крестики, лунницы, железные пряжки, глиняную свистульку, остатки ткани — «не ранее XI в.»,— автор пришел к выводу, что курганы славянские. Материалы он сравнивал с находками А. Д. Черткова и А. А. Гатцука в Подмосковье и В. З. Завитневича и Ф. В. Покровского в западных губерниях. По мнению Милюкова, курганы изученного типа принадлежали кривичам [24, с. 14—37]. Сейчас мы знаем, что это не так,— курганы вятические [25, с. 143]. Но вспомним, что в 1896 г.

классический труд А. А. Спицына «Расселение древнерусских племен по археологическим данным» (1899) еще не вышел.

Так или иначе, доклад Милюкова, напечатанный в «Трудах» X Археологического съезда, зарекомендовал Милюкова как археолога-профессионала. Основной вопрос, волновавший его как историка, это колонизация славянами земель, ранее занятых финнами. Именно этот вопрос выдвигался на первый план В. О. Ключевским в уже цитированном отрывке, а позднее разрабатывался Ю. В. Готье и С. К. Богоявленским.

В 1897 г. Милюков был приглашен на должность профессора в университет Софии в Болгарии. Читать он собирался «Славянские древности и археологию». При поездке в Болгарию он познакомился с материалами раскопок, проведенных там чешским археологом Иосифом Пичем (1847—1911), в общении с которым пополнил свои знания [10, с. 126].

Работе в Софии предшествовали экскурсии по Болгарии и Македонии. Ехал Милюков на Балканы через Константинополь, где остановился для осмотра памятников и для ознакомления с деятельностью Русского археологического института. Вместе с руководителем института известным византинологом Федором Ивановичем Успенским (1845—1928) Милюков побывал в Никее, Никомедии, Конии, на Охридском озере. Поездка была не просто ознакомительной, но исследовательской. В «Известиях Русского археологического института» в 1899 г. был опубликован труд Милюкова «Христианские древности Западной Македонии», содержащий описание ряда храмов X—XV вв. [26, с. 21—151]. Некоторые из них охарактеризованы в печати впервые. Конечно, это не строго научные описания, с архитектурными обмерами и т. д., а лишь внешние впечатления от памятников. Но в том же духе описывали тогда церкви Кавказа П. С. Уварова и В. Ф. Миллер. В «Воспоминаниях» Милюков утверждал, что именно он нашел надпись на камне болгарского царя Самуила X в. В публикации Ф. И. Успенского это не сказано.

У с. Пателн и оз. Острава железнодорожный служащий показал Милюкову найденные в насыпи бронзовые изделия. Ученый осмотрел место находки и увидел разрушенные каменные ящики. Это был могильник начала железного века. Милюков счел его гальштатским, датировал 1500—1300 гг. до н. э. и захотел доследовать. Это оказалось делом не простым. Требовались разрешение султана и средства от Константинопольского института. Успенский в целесообразности раскопок сперва сомневался, но, посетив само место, стал помогать Милюкову. Наконец, в сентябре-октябре 1898 г. раскопки в Пателн были проведены [10, с. 131—133]. В них кроме Милюкова участвовал работавший тогда в Константинопольском институте молодой антиковед Борис Владимирович Фармаковский (1870—1928), будущий известный археолог. Его работы в Ольвии были еще впереди, но опыт раскопок у него уже был после сезона на Березани.

Согласно отчету Археологического института в Константинополе, за 1898 г. в Пателн было вскрыто 154 могилы с богатым инвентарем. Одних сосудов было 252. Найдены браслеты, кольца, фибулы, спиральные подвески из бронзы, железные ножи, мечи, наконечники копий, бусы из янтаря [27, с. 149—152]. Милюков сделал сообщение об этих раскопках на XI Археологическом съезде. Он упомянул о консультациях с австрийским археологом Морицем Гернесом (1852—1917). Тот высказался за более позднюю дату могильника: 1300—800 гг. до н. э. [28, с. 99—101]. Именно ее через 40 лет Милюков привел в своих «Воспоминаниях».

К сожалению, результаты этих интересных исследований опубликованы не были, а сами материалы в значительной мере погибли. Коллекцию поделили между Оттоманским музеем и Русским археологическим институтом. В начале первой мировой войны турки разгромили институт и уничтожили его собрания. Фотографии, дневники, чертежи остались в Петрограде при спешном отъезде Милюкова в дни Октябрьской революции. Фармаковский продолжал раскопки в Пателн в 1899 г. вместе с А. А. Васильевым, но обработкой материалов так и

не занялся. Опубликованы лишь отрывки из его писем к родителям из Македонии [29, с. 95—97, 101, 102]. Черепа из раскопок были посланы Д. Н. Анучину, но результаты их изучения в печати не появились.

Раскопками 1896 г. в Рязанской губернии и 1898 г. в Македонии ограничилась полевая деятельность Милюкова-археолога. Тем не менее мы вправе сказать, что опыт практической работы археолога он приобрел. В отличие от Ю. В. Готье и С. К. Богоявленского, оба раза он вел раскопки не самостоятельно, а в сотрудничестве с опытными археологами, сначала с А. И. Черепниным, а затем с Б. В. Фармаковским.

После возвращения в Россию в 1899 г. Милюков все больше отходил от науки, отдавшись целиком политической деятельности. Не до науки было ему и в годы эмиграции, начавшейся в 1920 г., когда Милюков встал во главе издания газеты «Последние новости» в Париже.

Однако интерес к археологии у Милюкова все эти годы сохранялся. Во время трех дореволюционных поездок на Балканы (1904, 1905, 1912 гг.) он всякий раз осматривал памятники древности: Дубровник, руины римских построек и т. д., а в 1912 г. специально заехал в Яссы, чтобы посмотреть коллекцию, «похожую на Триполье». Несомненно, речь идет о раскопках Г. Думитреску в Кукутенах 1909—1911 гг., а сам Думитреску и есть тот «ясский профессор», который, по воспоминаниям Милюкова, любезно показал ему все коллекции и вновь заставил увлечься археологией, хотя «голова была занята мыслями о политике» [10, с. 352].

Другой эпизод: уже из Парижа Милюков обратился к советскому правительству с просьбой вернуть ему из его архива материалы о раскопках в Македонии, не имеющие отношения к политике, но представляющие большую научную ценность. Очевидно, Милюков собирался их обработать и издать. Ответа на просьбу не последовало [10, с. 133].

В 1926 г. в «Последних новостях» Милюков поместил статью «Русская археология в эмиграции». Это рецензия на сборник памяти Н. П. Кондакова со статьями М. И. Ростовцева, С. А. Жебалева, Л. Нидерле, Н. Феттиха и др. и констатация: «Русская археология не замерла, а движется дальше» [30, с. 3].

Связи Милюкова с археологией не порвались. В 1930-х годах он попытался сказать свое итоговое слово в этой области.

В 1929 г. русская эмиграция торжественно отметила 70-летие Милюкова. Заседания прошли в Париже, Берлине, Лондоне, Праге, Софии, Варшаве, Риге. Был выпущен сборник в честь юбиляра. Болгарское народное собрание сделало ему подарок: выделило 50 тыс. франков на новое издание «Очерков по истории русской культуры». Видимо, было известно, что Милюков между делом готовил очередное издание своей главной книги (последнее, 7-е вышло в 1918 г. в Москве в издательстве М. и С. Сабашниковых).

На выделенные болгарами и собранные эмигрантами средства довольно быстро Милюков выпустил II и III книги (кн. III в 1930 г., кн. II в двух частях в 1931 г.). Текст был заметно расширен. Издание I книги — «Земля, население, экономика, сословия, государство» затянулось. И этот том потребовал издания двух частей. Первая была завершена в 1936 г. и появилась в Париже в 1937 г. Вторая завершена в 1941 г. и увидела свет более чем через 30 лет после смерти автора (Милюков умер в 1943 г.) в Гааге в 1964 г. под редакцией профессора русской истории Лондонского университета Н. Е. Андреева. I книга «Очерков» очень разрослась и стала больше второй и третьей. В сущности, I часть I книги соответствует одной главе из предшествующих изданий. Всего в двух частях I книги около 660 стр.

И вот этот последний вариант I книги «Очерков» в значительной мере посвящен археологии — первая часть, по сути дела, целиком, вторая более чем наполовину. Скажем прямо: книга эта не может быть признана удачной. Подновить текст, написанный 30—40 лет назад, практически невозможно. Наука ушла далеко вперед, автор, переваливший на восьмой десяток и давно оторвавшийся

от науки ради политики, во многом отстал. Эклектизм, свойственный «Очеркам» изначально, очень усилился. И все же это очень любопытная книга. До западного читателя она не дошла из-за языкового барьера, до советского — из-за идеологических запретов. Сейчас она напечатана и в Москве, но, к сожалению, без примечаний, хотя они-то как раз весьма интересны.

По-прежнему Милюкова занимала проблема освоения человеком территории России. Он начинал свой обзор с палеолита и особенно подробно рассматривал эпоху русской колонизации. Немало места отведено периоду неолита, бронзовому веку и началу железного. Дана характеристика географической среды. У евразийцев (П. Н. Савицкий) заимствовано понятие «месторазвития». Очень много говорится об антропологии. Впечатления конгресса 1892 г. для Милюкова еще свежи, и роль антропологии в решении этногенетических проблем он явно преувеличивает. Для первобытной археологии привлечены новейшие публикации западноевропейских ученых и личные наблюдения при осмотре музеев Франции, Италии, Швейцарии, Балкан. Милюков принял идею культурных кругов О. Менгина и его не привившиеся в науке термины «протолит», «миолит» и т. д. Использованы книги и статьи западных ученых по археологии России: А. М. Тальгрена, А. Эуропеуса, Ю. Айлио, Г. Мерхарда, В. Г. Чайлда, работы по происхождению славян Л. Нидерле, Ю. Костшевского, В. Антоневича, Л. Козловского, Т. Лер-Сплавинского. При написании археологических глав Милюков консультировался с чешским исследователем Альбином Стоцким (1876—1934).

Интересна книга Милюкова в двух отношениях. Первое — это степень осведомленности ученого-эмигранта о работах советских археологов. Она довольно высока. Милюков понимал, что «археология преобразилась» [31, с. X], и пристально следил за выходившей в СССР литературой. В его книге есть ссылки на работы В. А. Городцова, А. А. Спицына, П. П. Ефименко, М. Я. Рудинского, Б. С. Жукова, Б. Э. Петри, В. В. Гольмстен, П. С. Рыкова, А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого, М. П. Грязнова, И. И. Мещанинова, Т. С. Пассек, Б. А. Латынина, А. В. Шмидта, Г. И. Боровки, В. И. Равдоникаса, В. М. Щербаковского, С. С. Гамченко, П. П. Куринного, А. Н. Лявданского, Ф. Я. Селезнева, Ю. В. Готье, М. И. Артамонова, А. Ю. Якубовского, А. В. Арциховского, П. Н. Третьякова. Милюков знал не только московские и ленинградские издания, но и книги, вышедшие в Киеве, Саратове, Смоленске, Изюме.

В то же время и пробелов немало. Для палеолита названы Костенки, Гонцы, Карачарово, Мезин, Кирилловская стоянка и Афонтова гора, т. е. памятники, найденные еще до революции, но нет данных о таких важных комплексах, как Киик-Коба, Гагарино, Мальта. Милюков прочел книгу В. А. Городцова «Археология. Каменный период» (1923) и статьи П. П. Ефименко 1923 и 1932 гг., но не видел его основной сводки «Дородовое общество» (1934). Для Сибири сведения особенно устаревшие — публикации В. М. Флоринского, С. Р. Минцлова, статьи в «Лексиконе» М. Эберта. Работы С. А. Теплоухова и С. В. Киселева до Милюкова не дошли.

Особенно же интересно второе обстоятельство. Милюков рассмотрел теоретические установки советской археологии 1930-х годов и выступил как их серьезный критик. Милюков прочел книгу В. А. Миханковой о Н. Я. Марре и понял, сколько фантазий в построениях этого новоявленного марксиста. Он обратился и к трудам канонизированного в СССР Л. Моргана, говоря, что на Западе его идеи считаются устаревшими. Хотя в древних культурах наблюдаются черты сходства, но не меньше и различий. Признание конвергенции, чего-то вроде стадий развития не снимает вопрос о различиях в облике древних культур. В этом Милюков, конечно, прав, но его знания в области этнографии были, к сожалению, очень ограничены. Давно устаревший Ю. Липперт оставался для него главным авторитетом.

В первой части I книги «Очерков» Милюков убедительно критиковал установочную статью В. И. Равдоникаса в «Готском сборнике» (1932), где от киммерийцев выводились скифы, от скифов — сарматы, от сармат — готы, и про-

тивопоставлял ей как более серьезный труд книгу А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого «Родовое общество степей Восточной Европы» (1935) [31, с. 307, 308, 311]. От Милюкова не ускользнуло, что схематизм и социологизм, характерные для советской археологической литературы начала 1930-х годов, постепенно теряли свои позиции. По поводу анонимной, написанной В. И. Равдоникасом передовой статьи ко II тому «Советской археологии» (1937) Милюков отметил: «Замечается некая реакция против «вульгарно-социологических» рассуждений в интересах «конкретно-исторических исследований». Пожелаем успеха этому возвращению к науке от модной халтуры» [22, с. 51].

Милюкову понравились «Курганы вятичей» А. В. Арциховского, и он писал: «Я в особенности обращаю внимание на образцовую работу А. В. Арциховского о вятичах, прекрасно осветившую границы этого племени с соседями исключительно по данным археологии» [22, с. 74]. В полемике П. Н. Третьякова с А. В. Арциховским по поводу соотношения границ разных типов курганов со сведениями летописей о расселении древнерусских племен (1937) Милюков целиком на стороне Арциховского. Третьяков для него «последователь модных идей в советской археологии», а «Арциховский очень убедительно отразил это нападение на «буржуазность» и «национализм» старых приемов» [22, с. 74]. Отмечу, что Арциховский знал об этих словах Милюкова и с гордостью говорил мне о них. Сам же Милюков, вероятно, оценил то, что в 1930 г. Арциховский ссылался на его статью о зарайских курганах [32, с. 198].

Таким образом, при всех недостатках, итоговый труд Милюкова не совсем оторван от жизни русской археологии. Более всего он напоминает книги Ю. В. Готье «Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого Русского государства» (М., 1925) и «Железный век в Восточной Европе» (М., 1930), хотя, безусловно, слабее их. Сказывалось то, что Милюков был изолирован от русской науки, а Готье находился в самой ее гуще. Сейчас, когда вспоминают о критиках теоретических основ советской археологии за рубежом А. М. Тальгрене, Г. Кларке [33, с. 103], уместно назвать и имя старого русского историка Павла Николаевича Милюкова.

Из всего вышеизложенного, как мне кажется, ясно, что это имя должно занять свое достойное место в истории отечественной археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Попов Н. А.* Татищев и его время. М., 1861.
2. *Болтин И. Н.* Критические примечания на второй том «Истории» кн. Щербатова. СПб., 1774.
3. *Ключевский В. О.* Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории. М., 1968.
4. *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983.
5. *Арциховский А. В.* Ю. В. Готье как археолог//Докл. и сообщ. истор. факультета МГУ. 1945. Вып. 1.
6. *Формозов А. А.* Следопыты земли Московской. М., 1988.
7. *Медушевская А. Н.* П. Н. Милюков — ученый и политик//История СССР. 1991. № 4.
8. *Вандалковская М. Г.* П. Н. Милюков. А. А. Кизеветтер. История и политика. М., 1992.
9. *Думова Н. Г.* Либерал в России. Трагедия несовместимости. Исторический портрет П. Н. Милюкова. М., 1993.
10. *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1991.
11. Московское археологическое общество в первые 50 лет его существования. Т. 2. М., 1915.
12. *Милюков П. Н.* VIII Археологический съезд в Москве//Русская мысль. 1890. Кн. 4.
13. *Милюков П. Н.* Международный конгресс антропологии и доисторической археологии в Москве//Русская мысль. 1892. Кн. 9.
14. *Евреинов Б.* Библиография научных трудов П. Н. Милюкова//П. Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его 70-летия. Париж, 1929.
15. Рец.: Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1—2//Русская мысль. 1889. Кн. 11.
16. Рец.: Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3//Русская мысль. 1890. Кн. 11.
17. Рец.: Сементовский А. М. Белорусские древности//Русская мысль. 1890. Кн. 8.
18. Рец.: Харузин Алексей. Курганы Букеевской орды//Русская мысль. 1890. Кн. 6.
19. Рец.: Харузин Алексей. Древние могилы Гурзуфа и Гугума//Русская мысль. 1890. Кн. 6.
20. *Шапиро А. Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. СПб. 1993.

21. *Добролюбов И. В.* Библиографический словарь писателей, ученых и художников уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии. Рязань, 1910.
22. *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Кн. I. Ч. II. Гаага, 1964.
23. *Черепнин А. И.* Дневник раскопок курганов в 1896 г. в Зарайском и Рязанском уездах//Тр. Рязанской ученой архивной комиссии. 1897. Т. XI. Вып. 2.
24. *Милюков П. Н.* Отчет о раскопках рязанских курганов летом 1896 г.//Тр. X Археологического съезда. 1899. Т. 1.
25. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.
26. *Милюков П. Н.* Христианские древности Западной Македонии//Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе. 1899. Т. IV. Вып. 1.
27. Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1898 г.//Изв. Русск. археол. ин-та в Константинополе. 1899. Т. IV. Вып. 3.
28. *Милюков П. Н.* О результатах раскопок, проведенных Русским археологическим институтом в Константинополе в 1898 г. возле с. Пателн у оз. Острово в Македонии//Тр. XI Археологического съезда. Т. II. Протоколы. М., 1902.
29. *Фармаковская Т. И.* Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988.
30. *Милюков П. Н.* Русская археология в эмиграции//Последние новости. 20 мая 1926 г. № 1884.
31. *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Кн. I. Ч. I. Париж, 1937.
32. *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.
33. *Ламберт-Карловский Г.* В. Гордон Чайлд и концепция революции//Вестник древней истории. 1993. № 4.

Институт археологии РАН,
Москва

Критика и библиография

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ПРОБЛЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ИНДИЕЙ И СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕМ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

История взаимоотношений между Индией и миром средиземноморских цивилизаций представляет собой одну из тех проблем древней истории, которые постоянно привлекают внимание исследователей [1, с. 451 сл.]. В свое время блестящая работа выдающегося российского историка М. М. Хвостова составила эпоху в ее изучении и создала базу для всех дальнейших исследований этой проблемы [2]. В последующие годы многие ученые продолжали исследования в этой области. Из числа многочисленных публикаций особо надо упомянуть книги М. Чарлсворта [3], Э. Вормингтона [4] и М. Уилера [5]. Среди работ недавнего времени наибольший интерес исследователей вызвала большая статья М. Рашке, в которой был учтен и обобщен огромный объем литературы по этой проблеме и высказан целый ряд новых идей [6].

В конце 80-х — начале 90-х годов, однако, мы видим вновь резкое возрастание интереса к этой проблематике, нашедшее свое выражение в появлении целого ряда книг и статей. Не пытаясь объять необъятное, мы в данном обзоре постараемся представить и критически рассмотреть наиболее важные, с нашей точки зрения, работы, появившиеся в последние годы, сосредоточив внимание на книгах и привлекая статьи только в том случае, если они поднимают вопросы принципиальной важности или представляют собой публикации нового материала.

Начать необходимо с новой публикации важнейшего источника по истории римско-индийских отношений — «Перипла Эритрейского моря» — осуществленной известным специалистом по всем вопросам морской истории античности Л. Кассоном [7]. Благодаря книге Л. Кассона в распоряжении исследователей теперь имеется современное издание этого важнейшего источника. Как известно, «Перипл Эритрейского моря» представляет очень небольшое по размерам сочинение неизвестного автора, которое с момента своего открытия в 1533 г. постоянно привлекает внимание исследователей. Текст его неоднократно издавался и переводился на различные языки (в том числе и на русский) [8]. Наиболее удачным изданием текста этого произведения Л. Кассон считает издание, осуществленное Х. Фриском [9], которому он и следует, хотя и вносит некоторые изменения. Впервые текст «Перипла» сопровождается столь обширным справочным материалом: детальными картами побережий, предметным указателем и чрезвычайно подробными комментариями. Комментарий А является общим, в нем дается информация о всех географических объектах, упоминаемых в тексте, а также объясняются многие специальные термины, использованные древним автором. Комментарий В — специальный (грамматический, текстуальный, лексикографический). Очень широкий круг вопросов рассматривается Л. Кассоном во «Введении». В первой главе это проблема датировки текста «Перипла» и авторство, во второй главе исследуется целый комплекс проблем: морские маршруты, использование муссонов, организация торговли и римская политика. Автор составил чрезвычайно подробный список предметов торговли, упомянутых в «Перипле», разделив их на семь групп (1 — пища и напитки, 2 — ткани, одежда, 3 — домашняя утварь и орудия труда, 4 — сырье, 5 — драгоценные камни и материалы, 6 — специи, 7 — лекарства и красители). Каждая группа делится на четыре подгруппы, в зависимости от направления вывоза и ввоза (1 — из римского Египта, 2 — в римский Египет, 3 — из Индии в порты иные, нежели египетские, 4 — из Аравии, Персии, Гедросии в порты, иные, чем египетские). Отдельная небольшая глава посвящена разбору сведений о народах и государствах, упомянутых в «Перипле» (с приложением карты, отображающей политическую географию по «Периплу»). Очень информативны приложения. В них разбираются терминология, расстояния между портами, направления ветров, отождествление древних портов с современными и т. д.

В 1991 г. появились две книги (одна — в США, другая — в России), специально посвященные

© Г. А. Кошеленко, Н. А. Шахова, 1995 г.

проблемам связей между Средиземноморьем и Индией. Первая из них представляет собой публикацию результатов работы специального коллоквиума, который проходил в Сан-Антонио в 1986 г., во время Годичного Собрания Американского Археологического Института. Основная задача коллоквиума, по мысли его организаторов,— способствовать взаимодействию специалистов по классической археологии и специалистов по археологии Индии. Расширенные и переработанные тексты докладов, прочитанных на этом коллоквиуме (с добавлением некоторых новых работ), и опубликованы в книге, носящей название «Рим и Индия. Древняя морская торговля» [10]. Важнейшей особенностью этого сборника является то, что в нем впервые за много лет представлены результаты исследований объектов западного (средиземноморского) импорта, найденных на территории Индии, специалистами по классической археологии. В результате этих исследований изменились наши представления как о датировке ряда категорий археологического материала, так и о месте их производства. Кроме того, в сборнике опубликованы и результаты новых раскопок ряда пунктов, занимавших важное место в системе связей между Средиземноморьем и Индией.

Книга состоит из «Предисловия», «Введения» (написанного В. Бегли), двенадцати статей и «Эпилога», имеющего подзаголовок «Римская торговля в перспективе» (автор — Д. Уайтхауз). Содержание книги достаточно разнообразно: «Древняя корабельная технология и дорога в Индию» (Л. Кассон), «Порты Красного моря и торговля между Аравией и Индией» (С. Э. Сайдбосэм), «Римская торговля: недавние археологические открытия в западной Индии» (С. Б. Део), «Красная лощеная керамика в Гуджерате: каталог двенадцати памятников» (Н. П. Ортон), «Римские бронзы из Колхапура» (Р. Д. Де Пума), «Раннее римское привозное стекло в Индии» (Э. М. Стерн), «Новые свидетельства о римской торговле с приморских памятников в Тамил Наду» (К. В. Раман), «Терра сигиллята из Арикамеду» (Х. Комфорт), «Средиземноморские корабельные амфоры из Арикамеду» (Э. Л. Вилл), «Свидетельства керамики о торговле в эпоху до „Перипла" на побережье Индии» (В. Бегли), «Порт Мантай в Шри Ланке» (Дж. Карсвелл), «Наблюдения над средиземноморскими амфорами и столовой посудой, найденными в Индии» (К. В. Слэйн). Книга хорошо иллюстрирована и снабжена указателями (общим и географическим).

В том же году была опубликована и книга Т. А. Шерковой [11]. Эта книга отличается от предыдущей в нескольких отношениях. Во-первых, в ней несколько иной территориальный охват, соответствующий Кушанскому царству. Во-вторых, в американском сборнике (в соответствии с его замыслом) объект изучения — связи между Римской империей и Индией, осуществлявшиеся только морским путем. В книге же Т. А. Шерковой в равной степени должны исследоваться связи, осуществлявшиеся как морским путем, так и посредством сухопутных, караванных дорог. В-третьих, в сборнике, вышедшем в США, рассматриваются только проблемы экономических связей, а Т. А. Шеркова исследует также и культурные взаимодействия. Наконец, несмотря на попытки (впрочем, не очень активные) придать определенное единство американской книге, она так и осталась «сборником эссе» (выражение В. Бегли), труд же Т. А. Шерковой представляет собой попытку дать целостную картину экономических и культурных взаимодействий Индии и Египта в римское время.

Монография Т. А. Шерковой состоит из «Введения», трех глав и «Заключения». Первая глава носит название «Историко-географические факторы в контексте египетско-кушанских контактов» и состоит из четырех параграфов: 1 — «Посольства», 2 — «Торговые пути», 3а — «Муссонное мореплавание», 3б — «Египетское мореплавание», 3в — «Индийское мореплавание», 4 — «Порты, гавани, рынки». Глава вторая носит название «Египетские изделия и их имитация в кушанской культуре» и делится на четыре параграфа: 1 — «Продукция египетских ремесел», 2 — «Египетский фаянс», 3 — «Предметы изобразительного искусства», 4 — «Индо-римская торговля по данным кладов римских монет в Индии и Центральной Азии», 5 — «Иконографические параллелизмы в александрийском и кушанском монетном чеканах. Сарапис на монетах Хувишки». Наконец, третья глава называется «Египетские боги в Кушанском царстве: образ и иконография (опыт моделирования культурных заимствований)». Она делится на три параграфа: 1 — «Сарапис», 2 — «Гарпократ, Бес, Птах-Сокер-Осирис», 3 — «Фигурные амулеты и бусы». Помимо основного текста, в конце книги имеются «Список сокращений», «Список использованной литературы» и «Summary». Книга снабжена некоторым количеством иллюстраций.

Целью работы является, по словам автора, рассмотрение торгово-экономических и культурных связей Египта с Кушанским царством в системе взаимодействий римского мира с Индией и сопредельными странами в первые века нашей эры (с. 3). Однако необходимо с самого начала указать, что Т. А. Шеркова нарушает те границы, которые она сама себе установила в этом исследовании. В монографии самым широким образом используются те материалы, которые ни в коей мере не

могут характеризовать взаимоотношения между Египтом и Кушанским царством. Мы имеем в виду в первую очередь нумизматические находки из южной Индии, которая ни в коем случае не входила в состав Кушанского царства. Какова ценность полученных таким образом выводов, достаточно легко можно представить.

Еще печальнее ситуация с другим контрагентом в процессе этих взаимоотношений. Автор как-то упорно не хочет вспоминать, что в 30 г. до н. э. Египет перестал существовать как самостоятельное государство и превратился в римскую провинцию, точнее даже — личное владение римского императора. Принципиальная позиция Т. А. Шерковой выражена во «Введении» следующим образом: «Став политически зависимым от Рима, Египет тем не менее сохранил определенную самостоятельность в торгово-экономической сфере, основанной на частнопредпринимательской активности» (с. 3). Это утверждение абсолютно неверно. Египет находился под жесточайшим контролем римской администрации. Это настолько общеизвестный факт, что об этом как-то даже неудобно напоминать [12]. Международная морская торговля контролировалась еще более строго, нежели другие области экономики, в силу, в частности, и того факта, что в ней принимали участие (через посредство своих агентов) сами римские императоры [13, с. 71—76, 137—141, 148—155]. Кроме того, при таком подходе, как у Т. А. Шерковой, утрачивается подлинная перспектива. Нельзя забывать, что Египет был органической частью Римской Империи и, соответственно, через египетские порты в Индию могла вывозиться и вывозилась, например, продукция из ремесленных мастерских, расположенных в иных частях Империи. По всей видимости, собственно египетские товары составляли относительно небольшую часть всего товарообмена (см. ниже).

Как видно по изложению содержания этих трех книг, угол зрения и охват материалов в них, несмотря на то, что все они, в сущности, решают одну и ту же общую проблему, несколько различаются. Не имея возможности, в силу этого, рассмотреть все вопросы, исследуемые в этих книгах, мы коснемся только нескольких — как нам кажется, наиболее важных. При этом — только в перспективе экономических связей, совершенно не затрагивая сферу культурных взаимодействий. Наиболее важными мы считаем следующие вопросы: ценность и использование письменных источников, торговые порты, морские и караванные пути, особенности мореплавания, торговые суда; оценка и исследование археологических источников, нумизматические источники.

Первым из этих вопросов является вопрос о методике использования источников, в первую очередь письменных. В этом отношении вряд ли могут быть выдвинуты какие-либо претензии в адрес Л. Кассона в его публикации «Перипла Эритрейского моря». Автор самым тщательным образом исследует свой источник, особое внимание уделяя нескольким вопросам. Первый из них — это вопрос о дате «Перипла». Как известно, этот вопрос породил дискуссию, которая длится уже не одно десятилетие (подробности дискуссии см. [6, с. 659—666, а также 14, с. 231—240]). По мнению Л. Кассона, «Перипл» можно уверенно отнести к середине I в. н. э. В основе аргументации автора лежит анализ 19-го параграфа этого произведения, в котором идет речь о пути в Петру, к Малиху, царю набатеев. Современный уровень изученности набатейской истории позволяет определить последовательность пребывания у власти правителей, среди которых лишь два носили указанное имя: это Малих I (время царствования которого приходится на I в. до н. э. и, соответственно, выходит за рамки всех возможных датировок «Перипла») и Малих II (40—70 гг. н. э.) [15, с. 70—71]. Возможно, что это имя носил и сын последнего набатейского властителя, Раббела II, который после смерти отца стал либо царем в изгнании, либо зависимым от Рима правителем юга страны (Хегра),— следовательно, в любом из этих случаев, он не был связан с Петрой. Таким образом, единственным Малихом, который мог упоминаться в «Перипле», был Малих II, что и приводит к выводу о датировке этого источника серединой первого столетия нашей эры.

Известно, что анализ 19-го параграфа проводился и раньше и приводил к сходным результатам, но ряд исследователей, среди которых прежде всего Ж. Пиренн, соглашаясь отнести возникновение параграфа 19 к I в., полагали, что источник в целом носит компилятивный характер, а большая часть текста написана в III в. Л. Кассон распространяет вывод о датировке этого параграфа на весь «Перипл», подчеркивая, что тщательное изучение текста позволяет сделать вывод о том, что весь текст был создан одним автором. Вопрос о личности автора решается Л. Кассоном в традиционном ключе — аноним, скорее всего, был египетским купцом, греком по происхождению, и основывал свое описание главным образом на личных наблюдениях. Очень важны терминологические наблюдения Л. Кассона, особенно касающиеся «ученых» терминов, использовавшихся в «Перипле» для обозначения приморских населенных пунктов. На основании точного терминологического анализа Л. Кассон приходит к выводу, что термин «лимен» нужно переводить как «порт», термин «гормос» — «гавань»,

наиболее употребительный термин «эмпорий», как показывает его исследование, должно переводиться как «торговый порт» (т. е. порт не только в физическом смысле (как гавань), но и место, где продаются и покупаются товары) [Ср. 16, 17, с. 387—389].

Совершенно иную картину мы видим в книге Т. А. Шерковой. В сущности, автор здесь не приводит настоящего источниковедческого анализа письменных источников. Те несколько страниц, которые посвящены во «Введении» описанию этой категории источников (с. 8—11), а также некоторые замечания, разбросанные в разных частях параграфа «Посольства», конечно, не могут заменить настоящего источниковедческого очерка. В сущности, вся работа Т. А. Шерковой с письменными источниками сводится к тому, что из существующей литературы выбираются точки зрения, которые импонируют автору (при этом даже не объясняется — почему), и эти точки зрения приводятся как окончательная истина. Такой подход автора к античным письменным источникам тем более непонятен, что по ряду авторов, которые чрезвычайно важны для исследуемой проблемы, имеются источниковедческие исследования, могущие помочь в решении многих вопросов. В частности, по такому крайне важному источнику, как «География» Страбона, имеется легко доступное источниковедческое исследование Л. Грацианской [18]. Однако даже при таком методе работы Т. А. Шеркова не избегает досадных ошибок. Так, на стр. 9 дана неправильная информация относительно Аполлония Тианского. Аполлоний, естественно, не был уроженцем города Ниневия. Уроженцем этого города был Дамид — его спутник по путешествию. Считается, что он вел нечто вроде дневника во время этого путешествия, и на этом дневнике и основана биография Аполлония. Для того чтобы избежать этой ошибки, достаточно было прочитать русский перевод этого источника (или хотя бы введение к нему) [19]. В конце концов вполне бы хватило и заголовка, поскольку ясно, что Аполлоний Тианский означает — Аполлоний из Тианы. Отношение Т. А. Шерковой к античным письменным источникам хорошо иллюстрирует и пример с латинским автором Луцием Аннеем Флором (с. 16). Непонятно, почему информация из его труда дана на основе книги «Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке» [20]. Почему не использован сам этот источник? Если автору был не доступен текст оригинала, то он вполне мог воспользоваться его переводом на русский язык [21]. Некоторые письменные источники, имеющие определенное значение для исследуемой темы, автором даже не упоминаются. Например, нет ни одного слова о таком своеобразном источнике, как «Деяния апостола Фомы». Герой этого произведения действует на территории Индии, куда он прибыл из римских пределов на корабле, время его деятельности — I в. н. э. Возможно, Т. А. Шеркова считает, что заключенная в нем информация не имеет ценности. Но в таком случае стоило бы хотя бы упомянуть его и объяснить причины своего негативного отношения к данным этого источника.

Подобный подход к письменным источникам не ограничивается только античной традицией. Точно так же подходит Т. А. Шеркова и к восточным источникам. В частности, все сведения по интересующей автора проблеме берутся не из индийских письменных источников непосредственно, а из литературы (индийской или западной). Например, одной фразой говорится, что «в Милинда-панхе (I в. до н. э.— II век н. э.) основательно рассматриваются различные функции, связанные с оснасткой кораблей» (с. 39), затем дается ссылка на книгу Х. Чакраборти, откуда это сообщение почерпнуто, и этим автор ограничивается, хотя имеется несколько изданий текста Милиндапаньхи, вполне доступных российскому исследователю, а также и переводы, в том числе и на русский язык [22]. Кажется, что единственным индийским источником, которым Т. А. Шеркова пользовалась «впрямую», является «Артхашастра». То же самое можно сказать и о сирийской традиции. Например, на стр. 18 — не совсем правильная информация о Бардесане. Как известно, Бардесан написал книгу об Индии, о чем мы знаем из сообщений Порфирия [23, с. 116—117], одним из источников которой были рассказы индийских послов, с которыми он общался, когда они проезжали через Эдессу. К сожалению, мы практически ничего не знаем о содержании этой книги. Гораздо важнее для автора была бы другая работа, связанная с именем Бардесана — «Книга законов стран». Как известно, эта книга представляет собой «студенческий конспект» лекций Бардесана, записанный одним из его учеников — вероятнее всего, Филиппом [23, с. 116]. Если бы Т. А. Шеркова взяла на себя труд ознакомиться с этим источником, а не пользовалась им из третьих рук, то она бы смогла почерпнуть для себя более важные сведения по интересующей ее проблеме, нежели те, которые она приводит в своей книге, например, отождествление бактрийцев с кушанами [24, с. 47 (английский перевод), с. 46 (сирийский текст)].

Еще более странное отношение Т. А. Шеркова демонстрирует к эпиграфическим источникам. Они упоминаются только раз со ссылкой на М. Хвостова. Думается, что в такого рода книге этого недостаточно.

Особого внимания в работе, связанной с исследованием связей (в том числе и торговых) различных стран, заслуживает та проблема, которую мы несколько условно назвали «торговые порты, морские и караванные пути, особенности мореплавания, торговые суда». В исследовании этой проблемы важное место занимают две статьи из сборника «Рим и Индия», посвященные исследованию портов, статья Л. Кассона в этом же сборнике, а также ряд разделов в уже упомянутой книге Л. Кассона. Некоторые наблюдения по этой проблеме имеются и в монографии Т. А. Шерковой.

Статья С. Сайдбосэма посвящена исследованию портов Красного моря. На основании античных письменных источников и собственных полевых исследований автор создал очерк истории этих портов. Он также занимается идентификацией древних портов, известных по письменным источникам, с теми археологическими памятниками, которые известны на берегах Красного моря. С. Сайдбосэм отмечает, что абсолютная уверенность существует только в отношении Арсинои-Клисмы, изучавшейся французской экспедицией в 30-е годы, и Левке-Лимен (Кусейр-ал-Кадим), где работала в 1978—1982 гг. экспедиция Чикагского Университета. В отношении же остальных портов, включенных им в число семи главных, возможны только (по его мнению) более или менее достоверные предположения. Многие из этих портов были созданы Птолемеями, в частности, особая активность наблюдалась при царе Птолемее II Филадельфе (283/2—246 гг. до н. э.). Цепочка построенных этим царем и его преемниками портов протянулась, вполне возможно, до Сомали. Первичная мотивация Птолемеев в этой деятельности, по мнению автора, была военной, а отнюдь не коммерческой. Она была вызвана постоянным соперничеством с другими эллинистическими государствами. Ситуация резко изменилась с приходом в Восточное Средиземноморье Рима, монополизировавшего западную часть торговли и преследовавшего в основном не военные, а политические и коммерческие цели. Эти порты имели небольшое постоянное население, что объясняется трудностями с транспортировкой сюда воды и продуктов питания. Только в период навигации здесь скапливалось достаточно много людей. Археологические материалы показывают, что временем наибольшей активности в этих портовых населенных пунктах был период от Августа и вплоть до конца II в., после чего наступил быстрый упадок. Возрождение торговли приходится на IV—VII вв.

Среди портов, исследовавшихся автором, особого упоминания заслуживает Левкое Лимен (современный Кусейр-ал-Кадим), где была найдена керамика, имеющая сходство с индийской, и два черепка с граффити на тамило-брахми. На основании этого высказывается предположение о том, что индийские торговцы также в какой-то степени могли быть вовлечены в красноморскую торговлю.

Некоторые соображения относительно портов Красного моря высказывает в своей книге и Т. А. Шеркова. Она, подобно многим авторам, писавшим ранее, считает главными торговыми портами на Красном море Беренику и Миос Гормос. Она также дает свою локализацию этих портов (с. 43). Однако если Береника, как мы указали выше, локализуется совершенно точно, то в отношении Миос Гормос этого сказать нельзя. Вызывает недоумение, когда автор уверенно пишет: «Миос Гормос (в районе современного Кусейра)», не указывая при этом и источник информации. Однако это — только один из возможных вариантов локализации, активно защищаемый Дж. Хантингфордом [25], но критикуемый очень многими известными специалистами (в первую очередь Л. Кассоном), убежденными в том, что Кусейр уверенно отождествляется с Левке Лимен. Наиболее подробный анализ существующих точек зрения содержится в упоминавшейся ранее книге Л. Кассона (с. 96—97). Он признает наиболее аргументированной ту точку зрения, которая была высказана еще в первой половине прошлого века и согласно которой Миос Гормос должен отождествляться с руинами Абу Ша'ар. Однако, как показал С. Сайдбосэм (с. 17), эта устоявшаяся точка зрения рушится под давлением новых фактов. Раскопки экспедиции Делаверского Университета, проведенные в Абу Ша'ар в 1987 г., показали, что он существовал только в период от V до VII вв. и представляет собой укрепление, построенное, вероятно, в правление Анастасия I или Юстиниана, что объясняется возрождением восточной торговли в это время. Итогом анализа археологического материала, отмечает С. Сайдбосэм, стало возобновление дискуссии о местоположении этого важного центра римско-индийской торговли. Одной из плодотворных гипотез, по его мнению, может считаться предположение о локализации Миос Гормоса в районе Цейт Бей, где также зафиксированы руины.

Еще одной статьей, посвященной «портовой» тематике, является статья Дж. Карсвелла, в которой рассматриваются материалы из раскопок порта, расположенного у восточного окончания морского пути из Красного моря в страны Индийского субконтинента. Автор указывает, что до настоящего времени в этом регионе в какой-то степени археологически известен только один порт, игравший важную роль в средиземноморско-индийской торговле — Арикамеду. Возможно, другим важным портом для этой торговли являлся Алаганкулам, расположенный дальше к югу. Однако в последние

годы раскопки, проведенные в Шри Ланке, показали, что одним из наиболее перспективных для изучения международной торговли, видимо, является порт Мантай, на другой стороне пролива. Дж. Карсвелл, который осуществлял археологические раскопки здесь (между 1980 и 1984 гг.), обращает внимание на превосходное местоположение этого порта с точки зрения античной навигации, а также указывает на богатство археологических слоев, охватывающих несколько столетий. Он идентифицирует Мантай с Макатиттхой палийских источников и упомянутым Птолемеем Moduti Emporium и цитирует описание Косьмой Индикопловом того порта, где товары перегружались с кораблей, плавающих в западной части океана, на корабли, плавающие в восточной (и наоборот). Это поселение имело регулярный план и существовало с V в. до н. э. вплоть до XI в. н. э. Хотя материалы из ранних слоев еще не полностью изучены, верхние слои заставляют предполагать, что Мантай оставался функционирующим портом в течение долгого периода времени. Остается выяснить, как этот пункт мог участвовать в прямой торговле с римским миром, а также с материковым побережьем Индии.

Очень интересные наблюдения сделаны Л. Кассоном. Не пересказывая их все, отметим только самые основные, с нашей точки зрения. Прежде всего, он указывает, что открытие муссонов и начало их использования для международной торговли вполне могло быть делом индийцев, которые скрыли эту важную тайну от греков, которым пришлось самостоятельно разбираться в природе ветров, дующих в Индийском океане. Л. Кассон исследует проблему расстояний между портами, известными автору «Перипла». Он указывает, что абсолютная величина (в стадиях) дана только для немногих портов, находившихся вблизи Египта. Л. Кассон предлагает вниманию читателей таблицу, в которой сопоставляются расстояния, названные в источнике (преимущественно во временном измерении), с реальными. Точно так же большое внимание он уделяет анализу ветров на главных участках морского пути (в Красном море, Аденском заливе, у восточного побережья Африки (вплоть до Занзибара), у северо-западного и юго-западного побережья Индийского субконтинента), определению в связи с этим наиболее удобных сроков плаваний, как в Индию из Египта, так и обратно. Особо также рассматриваются географические условия западного побережья Индии, отмечаются 18 портов, упомянутых в «Перипле», даются их географические координаты, современные названия и расстояния до других ближайших портов.

Кассон исследует также морскую корабельную технологию, в частности, опираясь на свои предшествующие исследования [26—28], он показал, что римляне могли строить большие (водоизмещением до 1000 т) и достаточно прочные корабли. Эти корабли могли плавать и при сильных штормовых муссонных ветрах. В результате этого они могли начать свое плавание в Индию при штормовых юго-западных муссонах вместо северо-восточных (как это были вынуждены делать местные мореплаватели, лишенные подобных кораблей), что уменьшало время плавания и очень сильно увеличивало (максимализировало) финансовые выгоды от морской торговли. Базируясь на «Перипле», он показывает, что плавания от Малабарского побережья до Коромандельского осуществлялись на индийских кораблях.

В работе же Т. А. Шерковой акценты расставлены несколько по-иному. Она уделяет большое место пересказу старых работ об арабских и индийских кораблях, явно пытаясь показать, что этим кораблям принадлежала не меньшая роль, чем римским, в осуществлении этих связей. Думается, что эта попытка не совсем удачна. Не ясно, какой цели служат длинные экскурсы об устройстве древнеегипетского или античного корабля римского времени. Вполне очевидно, что те корабли, которые осуществляли плавания в Индию, были построены в соответствии с принципами римского судостроения, а не древнеегипетского. Что же касается римских кораблей, то точно так же не совсем ясно, для чего нужны длинные экскурсы об устройстве кораблей (с привлечением источников разного времени), поскольку автор явно не специалист в области морского дела античной эпохи. Не проще ли было воспользоваться готовыми прекрасными исследованиями? Мы имеем в виду не только уже упомянутые книги Л. Кассона, но и Ж. Руже [29, 30].

Однако наибольшие потрясения читатель испытывает в тот момент, когда Т. А. Шеркова переходит к описанию сухопутных караванных путей. Ярче всего уровень историко-географических знаний автора виден при рассмотрении Карты 1 (на с. 20). Неправильно указано местоположение следующих городов (мы имеем в виду только города, расположенные на караванных путях): Зевгма (у Шерковой — Зеугма), Селевкия на Тигре, Ктесифон, Антиохия Маргианская, Бактры.

Зевгма (Селевкия на Евфрате), как известно, и как показывает само название, располагалась на берегу реки Евфрат [31, с. 89—91], а не в глубине сирийской территории, куда помещает ее Т. А. Шеркова. Еще больше поражает то, как помещены на карту Селевкия на Тигре и Ктесифон. Они оказались много восточнее того места, где им положено находиться. Как известно, Селевкия

была расположена на берегу реки Тигр (как указывает и название города) [31, с. 81—83], а Ктесифон — на противоположном берегу той же самой реки. У Т. А. Шерковой они оказались вынесенными за пределы Вавилонии. Маргиана почему-то оказалась расположенной на берегу реки Амударьи, хотя ее законное место — в Мервском оазисе, т. е. рядом с рекой Мургаб. Кроме того, непонятно, почему так назван город. Маргиана — это название страны, области. Город же, являвшийся центром этой области, носил имя Александрия, затем — Антиохия в Маргиане [31, с. 150—153]. Бактры также помещены не на месте, этот город располагался на несколько десятков километров южнее реки Амударьи (там, где современный город Мазари-Шериф) [31, с. 148, 149].

Аналогичные ошибки присутствуют и в тексте книги. На стр. 26 почему-то говорится о том, что Сузы находятся на территории Месопотамии. Однако Сузанская равнина — это отнюдь не Месопотамия. Отметим, кстати, что на следующей странице в связи с обсуждением того же самого вопроса имеется ссылка на статью М. Е. Массона относительно обнаружения в Мервском оазисе пальмирских стелл [32], однако П. Бернар давно уже показал, что они не имеют отношения к среднеазиатской археологии [33, с. 23—28].

Совершенно ошибочно описание Т. А. Шерковой ситуации с направлением караванного пути в районе Маргианы. Прежде всего, неправильно утверждение о том, что «все античные авторы, давшие описание восточноиранского и центральноазиатского участков пути, отмечали, что от Каспийских ворот дорога отклонялась на юго-восток, в страну ариев, и лишь затем поворачивала в сторону Бактрии..., т. е. в обход Маргианы» (с. 22). Если бы автор пользовалась самими источниками, а не их неадекватными изложениями, то этой ошибки бы не было. Исидор Харакский прямо пишет о том, что дорога из Парфии идет в Маргиану, а затем (!) направляется в Арию. Приведем для ясности упомянутый текст Исидора Харакского: «10. За ней Гиркания, 60 схойн, в которой имеется 11 деревень, в которых расположены статмосы. 11. За ней Астауена, 60 схойн, в которой имеется 12 деревень, в которых расположены статмосы, и город Асаак, в котором первый Аршак был провозглашен царем, и там сохраняется вечный огонь. 12. За ней Парфиена, 25 схойн, в ней есть долина (равнина), и город Парфавниса, после 6 схойн, там находятся царские гробницы. Но греки называют его Нисайя. Затем город Гатар после 6 схойн. Затем город Сирок после 5 схойн. Деревень же здесь не больше одной, которая называется Сафри. 13. За ней Апаварктикена, 27 схойн, в которой имеется город Апаварктика. Затем город Рагав и две деревни. 14. За ней Маргиана, 30 схойн. Здесь имеется Антиохия, называемая „хорошоводной", но здесь нет деревень. 15. За ней Арейя, 30 схойн. Здесь имеется город Кандак, и город Артакауан и Александрия в Арейе, и 4 деревни» (Isid. Charax. 10—15) [34]. У Птолемея ситуация другая — основной путь идет к югу от Копет-дага и выходит к Арии, а затем поворачивает из Арии в Маргиану. Приведем и отрывок из текста Птолемея: «7. И опять, дорога отсюда, (т. е. Гиркании) в Антиохию Маргиану через Арию сначала отклоняется к югу, поскольку Ария лежит на одной параллели с Каспийскими воротами, затем к северу, поскольку Антиохия расположена около параллели Геллеспонта. От ее дорога на Бактры тянется к востоку...» (Ptol. Geogr. I, XII, 7) [35, 36]. Таким образом, не прочитав в оригинале (или хорошем переводе) те тексты, на которые она ссылается, Т. А. Шеркова не смогла понять важного факта — изменения направления торговых путей в период от Исидора до Птолемея.

Удивительное «уравнение» мы видим на с. 22: «Арахозия, Дрангиана, Александрия-Арахозия = Ария античных авторов = совр. Герат». Но Арахозия — это район Кандагара [37, с. 187]. Считать Кандагар Гератом — это нечто совершенно немыслимое.

Рассмотрим теперь третью проблему, которую мы несколько условно определили: оценка и исследование археологических источников. Эти материалы представлены в сборнике «Рим и Индия. Древняя морская торговля» и книге Т. А. Шерковой. В первую очередь необходимо обратить внимание на то, что в результате последних исследований уменьшилось число источников, привлекаемых для решения проблемы экономических связей между Римом и Индией. Это произошло за счет так называемой индийской краснолощеной керамики (red polished ware — RPW), датируемой I в. до н. э. — V в. н. э. Очень часто исследователи (особенно индийские) считали, что она создавалась под влиянием римской керамической техники. Н. Ортон, каталогизировав и исследовав эту керамику с 12 ранее неопубликованных памятников из Гуджарата, пришла к твердому выводу, что краснолощеная керамика никоим образом не связана с римской, она была местной по технике и генезису. К. В. Слэйн также не видит сходства между ею и римской керамикой. С этим выводом согласна и В. Бегли.

В. Бегли, исследовав штампованную керамику, найденную на территории южной Индии, приходит к выводу, что в этом регионе существовали две различные группы этой керамики, имевших западное

(средиземноморское) происхождение. Одна из них была характерна для юго-западного побережья. Автор приходит к выводу, что эта керамика (автор пользуется термином «сделанные в формах сосуды» — moldmade ware — MW) из западного Декана и по форме, и по декору имеет аналогии с эллинистической керамикой. Поскольку эта керамика из Невасы может быть датирована серединой первого века до н. э., то ее «иностранные» прототипы должны иметь еще более раннюю дату. Следовательно, дата появления этой группы — II в. до н. э. Продолжала существовать она и в первой половине I в. н. э.

Другая проблема — керамика группы rouletted ware (RW). Эта керамика встречается главным образом на юго-восточном побережье. Больше всего ее было найдено в Арикамеду (керамика типа 1 по М. Уилеру, а также некоторые другие типы). Было доказано (и в данном исследовании, и в предшествующих), что эта керамика производилась на месте, но сама техника «rouletting» имела западное происхождение. Самые ранние образцы этой керамики могут быть датированы II в. до н. э., наиболее поздние — первой половиной I в. н. э.

Таким образом, практически обе группы керамики существовали одновременно, но невозможно найти между ними сходство ни в технике изготовления, ни в формах, ни в системе декора. Все эти соображения приводят автора к выводу о том, что источники вдохновения для создателей той и другой групп были различными, и более того, образцы той керамики, которая послужила прообразами для двух групп, привозились из разных мест на разных кораблях. Кроме того, естественным является вывод о том, что юго-западное и юго-восточное побережья Индии не имели в это время активных контактов друг с другом.

Проблемам исследования керамики посвящена и статья Х. Комфорта, который исследовал terra sigillata (включая несколько фрагментов, которые ранее не публиковались) из Арикамеду. Он, в частности, показал, что термин «арретинская», который обычно прилагается к этой группе керамики, не может считаться правильным, поскольку нет ни одного фрагмента, который можно было считать происходящим собственно из Ареццо. Он предполагает, что terra sigillata, найденная в Арикамеду, происходит из разных производственных центров. Крайне важны для датировки стратиграфии Арикамеду и хронологии торговли два черепка, которые по Комфорту относятся к Восточной Сигиллята В (ESB). Также важна его датировка самого раннего штампа (sigillata stamp), использовавшегося для ее производства, приблизительно 10 г. до н. э. Эта датировка делает необходимым некоторые изменения в хронологии Арикамеду, предложенной В. Бегли. Вместе с тем исследование этой керамики, в частности, двух ранее неопубликованных черепков типа сигиллята (сейчас хранящихся в Музее Гиме), имеющих индийские надписи, заставляют вновь обратиться к вопросу о том, кто же пользовался этой керамикой. Х. Комфорт полагает, что пользовались ею только жители Арикамеду — римской торговой «станции» на территории Индии.

Необходимо отметить, что в статье К. Слэйн из этого же сборника имеются некоторые расхождения с определением вариантов этой керамики. В частности, два фрагмента (так называемые marbled), которые Комфорт считает аналогичными той керамике, которая была найдена при раскопках римского лагеря в Майнце, К. Слэйн определяет как южногалльские. Она же предполагает, что штампованная керамика из Арикамеду вообще не была объектом торговли, а была проведена на месте (с помощью штампов, привезенных из Италии) для нужд местного римского «анклава».

С момента публикации Уилером в 1946 г. результатов раскопок в Арикамеду никто специально не исследовал средиземноморские амфоры, найденные в Индии, хотя имеется информация о находках их на побережье Тамил Наду и в нескольких местах в западной Индии. В статье Э. Уилл исследуются амфоры из Арикамеду (она также говорит об одном экземпляре из Таксилы и фрагмента из Матхуры с латинской надписью) [Ср. 38, с. 127—130]. Ее определение амфор из Арикамеду очень важно для понимания истории восточной торговли, так как они датируются I в. до н. э. (если не раньше) и I в. н. э., а не двумя первыми веками н. э., как это обычно считалось. Она утверждает, что в Арикамеду не встречается амфор более поздних, чем I в. н. э. Те амфоры, которые она исследовала, являлись контейнерами для греческих и италийских вин, североадриатического оливкового масла и испанского гарума, что очень важно для выявления характера торговли между Средиземноморьем и Индией.

К. Слэйн также представила работу, посвященную исследованию керамики. Как отмечалось выше, она не согласна с Комфортом относительно двух фрагментов керамики (типа marbled) из Арикамеду. Ее статья включает в себя два ранее неопубликованных амфорных клейма, возможно книдских, из Арикамеду, датируемых I в. до н. э. Слэйн описывает типы «rouletting» и другой декор на римских сосудах I в. до н. э. и I в. н. э. Она предполагает, что происхождение декора на RW

керамике из Арикамеду надо искать среди ранних эллинистических средиземноморских керамических или металлических сосудов. Она также думает, что один черепок, считаемый Део происходящим с Самоса, на самом деле является образцом sigillata из Галлии. По ее мнению, подавляющая часть привозной керамики происходит из центрального Средиземноморья, прежде всего — Италии. Так как мы должны сейчас исключить и RPW, и RW из списка импортной керамики, остается очень мало столовой посуды, которая является импортной. Если исходить из того, что сигиллята из Арикамеду предназначалась для личного использования иностранными купцами, то, как замечает Слэйн, «столовая посуда не была столь роскошной, чтобы ее импортировать».

М. Стерн изучала стеклянные столовые сосуды римского происхождения, найденные в Индии. Она описывает эти находки в сопоставлении с теми видами стекла, которые упоминаются в «Перипле», особое внимание при этом уделяется Арикамеду, где были найдены и следы производства стекла. Она предполагает, что сырое стекло в большом количестве импортировалось в южную Индию, особенно в Арикамеду, где местная стеклянная индустрия явно процветала. Она описывает некоторые технические приемы по созданию расписных стеклянных сосудов (на основании находок в Арикамеду) и указывает, что аналогичная техника существовала на Родосе (а также до сего времени используется в Папайнудупете в южной Индии). По ее мнению, Индия могла служить транзитным пунктом для римского стекла на пути в Китай (стекло из Канчипурама, как она считает, упоминается в китайских источниках еще во II в. до н. э.).

Статья Р. Д. Де Пумы посвящена многочисленным металлическим объектам, включая золотые украшения и различные бронзовые предметы, которые можно определить как предметы роскоши. По его мнению, в Индии существовал «готовый» рынок для подобных предметов. Основное внимание Де Пумы привлекают бронзовые объекты, найденные в Колхапуре в 1945 г. и опубликованные в 1960 г. [39, с. 29—75]. По его мнению, современный Колхапур идентичен городу Hippokoura, дважды упомянутому Птолемеем (Geogr., VII, 1, 6; VII, 1, 83). Большинство бронзовых объектов, найденных здесь, так же как и сами сосуды, в которых они находились,— индийские. Однако 10 колхапурских бронз — явно римские. Сравнивая эти предметы с аналогичными, но найденными на Западе в хорошо датированных слоях, Де Пума доказывает, что большинство из них происходит из мастерских Капуи в Кампании, и датирует большинство их первым веком н. э., за исключением статуэтки Посейдона и фрагментированного ситечка, которые могут быть более ранними, вероятнее всего — эллинистическими.

Две статьи сборника имеют более обзорный характер. С. Б. Део и К. В. Раман описывают современное состояние археологических исследований в западной Индии и Тамил Наду (разумеется, не вообще, а с точки зрения исследуемой проблемы). С. Б. Део указывает, что имеется некоторое количество средиземноморских находок в западной Индии (в Гуджарате-Саураштре, Махараштре и Андхра-Прадеш), в частности, он дает список тех мест, где были найдены фрагменты средиземноморских амфор, а также — римские монеты, упоминает он и предметы, включая хорошо известные глиняные буллы, произведенные в подражание римским. На основании местной традиции он говорит о поселениях яванов в западной Индии. Предметом западного происхождения относительно немного, но это объясняется, по его мнению, тем, что подавляющее большинство памятников этого региона не были объектом систематических раскопок.

К. В. Раман анализирует упоминания о яванах в пуранах и тамильской литературе. Что касается последней, то вопрос о том, кто скрывается под этим именем — греки и римляне или какие-то другие иноземцы — остается открытым. Яваны же пуран, с его точки зрения,— бесспорно греки или римляне. Поскольку указывается, что яваны изготовляют прекрасное вино, Раман предполагает, что яванами назывались те люди, которые транспортировали в Индию вино, т. е. те, чьи амфоры мы сейчас находим. Он также дает краткий очерк археологических исследований в Тамил Наду (начиная со времен раскопок Уилера в Арикамеду в 1945 г.). Он говорит, в частности, о раскопках в Карайкаду (в 40 км к югу от Арикамеду) и Алаганкуламе (в устье реки Вайгай). Он также идентифицирует порты Коромандельского побережья, где были найдены амфоры, а также территориальное деление страны древних тамилов, упомянутое в ранней тамильской литературе. Он также дает список тех товаров, которые экспортировались из южной Индии: текстиль, жемчуг, бусы из полудрагоценных камней (мастерские по производству бус открыты в 1989 г. в Карайкаду экспедицией Мадрасского Университета).

Оба, и Део и Раман, комментируют многочисленные клады золотых и серебряных римских монет, найденных в Индии. Раман особо упоминает очень большое число таких находок на крайнем юге (монеты, датируемые эпохой ранней Империи).

В книге Т. А. Шерковой археологический материал, естественно, присутствует, однако, вынужденная ориентироваться главным образом не на собственное изучение материала, а на повторение (почти без критического анализа) того, что сказано в существующей литературе, автор дает в значительной мере устаревшую картину, во всяком случае — совершенно не сопоставимую с тем, что мы видим в сборнике, археологическая часть которого была только что представлена читателям.

Есть только одна категория археологического материала, которую Т. А. Шеркова исследует самостоятельно — это египетский фаянс. Эта категория материала — наиболее массовая, что делает наблюдения над ней достаточно важными и интересными. Т. А. Шеркова составила «Таблицу египетских амулетов и бус из Средней и Центральной Азии», в которой даны графические изображения, датировки и описания по материалу, цвету и размеру 108 предметов, что дало ей возможность сделать некоторые выводы, из которых важнейшим, на наш взгляд, является вывод о том, что распространение предметов мелкой пластики из египетского фаянса на Восток прослеживается в виде цепочек, которые при наложении на карту совпадают с сухопутными дорогами, по которым осуществлялась торговля Восточного Средиземноморья с Северным Причерноморьем и странами Востока. Это обстоятельство, а также скопление подобных находок в Бактрии, где пересекались ветви караванных путей, позволяет рассматривать египетский фаянс как свидетельство международного товарообмена. Подчеркивая, что фигурный фаянс крайне редок к югу от Гиндукуша, Т. А. Шеркова высказывает мысль о том, что упоминаемое в «Перипле» «грубое» или «необработанное стекло» представляло собой слитки фаянса, из которого в Индии по собственной технологии изготовляли украшения, отвечавшие местным вкусам.

Наконец, последняя проблема, которая должна быть рассмотрена в данном обзоре,— это проблема нумизматических источников для исследования экономических связей между Средиземноморьем и Индией. В сборнике «Рим и Индия. Древняя морская торговля» эта категория материалов практически не представлена, о чем с сожалением пишет во «Введении» В. Бегли и в «Эпилоге» — Д. Уайтхауз.

В книге Т. А. Шерковой этому сюжету посвящен отдельный параграф, однако гораздо интереснее та дискуссия, которая имела место на страницах «Информационного бюллетеня Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии». Эта дискуссия развернулась между Е. Ю. Лебедевой [40] и Т. А. Шерковой [41]. Основные расхождения авторов наметились по двум линиям: а) существование монетной модели римской торговли с Индией и б) возможность серьезных историко-культурных выводов на базе лишь одной категории источников — в данном случае нумизматических данных.

Рассмотрим сначала второй — методический пункт расхождений. Необходимо, прежде всего, отметить, что Т. А. Шеркова приписывает Е. Ю. Лебедевой то, что последняя никогда не утверждала. В заключительной части своей статьи Е. Ю. Лебедева писала: «Так, в самых общих чертах, представляется место Индии в системе римской внешней торговли, установленное с помощью анализа нумизматического материала. Конечно, нумизматика отражает лишь некоторые признаки торговых взаимосвязей различных стран. Эти же отношения могли носить и другой характер, скажем, в виде прямого обмена необходимыми друг другу товарами. Именно в связи с этим встает проблема скрупулезного анализа всего, пусть немногочисленного, археологического материала [40, с. 46—47]. Таким образом, методический подход Е. Ю. Лебедевой совершенно безукоризнен. Она исходит из принципа хорошо известного всякому исследователю: ею анализируется определенный вид источника, обладающий своими специфическими чертами (в данном случае — это монеты) и, в силу этого, требующий своих методов исследования. Результаты, полученные при анализе его, должны сопоставляться с теми результатами, которые будут получены при исследовании других видов источников, и, в конечном счете, можно надеяться прийти к достаточно надежным историческим выводам. Эти истины достаточно азбучны, и странно, что их приходится напоминать. Вдобавок отметим, что в своей книге Т. А. Шеркова пытается анализировать нумизматические материалы также как самостоятельный вид источника. Напомним, кстати, то, о чем мы писали в начале данного обзора,— подавляющая часть нумизматического материала никакого отношения к той теме, которую хотела бы исследовать Т. А. Шеркова, не имеет.

Кроме того, речь в статье Е. Ю. Лебедевой идет о центральной и южной Индии, области, для которой нумизматический материал представляет основной источник, и тезис о незначительном количестве археологических подтверждений торговых контактов с Римом (за исключением монет) разделяется многими современными исследователями [42, с. 9; 43, с. 143], причем В. Бегли в своем «Введении» к американскому сборнику прямо пишет, что «материальные свидетельства этой торговли

во II в. н. э. ограничены монетами» (с. 6). Выделение Е. Ю. Лебедевой именно нумизматических источников вызвано задачей определения интенсивности римско-индийской торговли в сравнении с римско-европейской, поскольку данное сопоставление может быть достаточно корректным лишь на базе монетного материала [40, с. 97—98]. Если учесть, что на коллоквиуме в Сан-Антонио С. Б. Део был сделан вывод о том, что пока «имеющиеся данные не могут быть надежным индикатором вероятного объема торговли» (с. 43), ясна важность этого исследования, призванного если не определить абсолютные величины (что невозможно на современном уровне наших знаний), то хотя бы соотнести в масштабном отношении индийскую торговлю с более изученной европейской торговлей Рима. Учитывая сходство моделей, Е. Ю. Лебедева впервые применила к римским монетам, найденным в Индии, методику, разработанную на европейском материале, придя к выводу о том, что интенсивность вывоза монет в эти регионы в период, когда точно известно соотношение золотого и серебряного чеканов (от Августа до Александра Севера), в целом сопоставима: по примененной ею методике подсчета, общая стоимость монет, вывезенных Римом в Индию, составила 832, а в Европу — 1690, площадь их распространения 2 и 3 млн. кв. км соответственно; необходимо учитывать также фактор времени — период массового поступления денариев и ауреусов в Индию был в 2 раза короче соответствующего периода в Европе, причем можно твердо считать, что все римские монеты появились в Индии в результате торгового обмена, тогда как в Европе для части их такой уверенности не существует (монеты могли попасть сюда в результате захвата варварскими дружинами, выкупа пленных и т. д.) [44, с. 244].

Второй критический пункт — уже более конкретный. Согласно широко распространенному мнению, которое разделяется и Е. Ю. Лебедевой, международная торговля Римской империи характеризовалась двумя моделями: монетной и безмонетной, причем последняя была характерна лишь для двух регионов, а именно: Европы и части территории Индии (исключая территории, подвластные Кушанской державе), а наиболее активная реализация этой модели на Индийском субконтиненте приходится на период со второй половины правления Августа до Нерона.

Основным возражением Т. А. Шерковой является сомнительность участия римских монет в индийском монетном обращении, поскольку у населения южной Индии не сложились условия для собственного денежного обращения на основе чекана из благородных металлов, а на попытки вывести римские монеты из циркуляции в Индии указывают примеры надчеканов на римских монетах, просверливание отверстий и сам факт массовости монет в кладах.

Однако все эти возражения носят надуманный характер. В частности, вопрос о надчеканах на римских монетах рассматривался многими исследователями — так, еще в конце XIX в. Теобальд полагал, что это сделано мусульманами, через руки которых прошли многие монеты, поскольку чаще всего разрушению подвергались на них именно портреты [6, с. 1033—1034]. Любопытное объяснение надрезам, проходящим через голову императора на римских монетах, недавно дал Б. Н. Мукерджи: он считает, что это может показывать попытку местных властей легализовать иностранную монету, указав на то, что портреты на допущенных в обращение золотых и серебряных монетах не соответствуют образу правителя данной территории [45, с. 483]. Кроме того, необходимо учитывать, что надчеканы на римских монетах часто представляют собой не просто надрезы или пробои, а имеют характер символов: кругов, звезд, полумесяцев [6, с. 1034], что не позволяет рассматривать их просто как акт порчи, а именно как надчекан, свидетельствующий о разрешении обращения этой монеты со стороны тех властей, которые произвели эту операцию.

Имеется ряд фактов, свидетельствующих о том, что римские монеты могли формировать часть монетного обращения. Среди этих аргументов, по мнению Б. Н. Мукерджи [45, с. 10] важное место занимает надпись из Насика в северо-западной Махараштре, датируемая 114—124 гг. н. э., в которой идет речь о ценности (курсе) золотых монет (обычно понимаемых как римские) по отношению к местной серебряной валюте, как 35 : 1. Б. Д. Чатопадхьяя считает, что римские монеты импортировались через Баригазу и использовались в качестве валютных резервов и вложений капитала [46, с. 10]. Показателем значимости римских монет в южной Индии является и то, что после сокращения импорта денариев появились индийские имитации в серебре двух предпочитаемых монетных эмиссий: Августа и Тиберия [6, с. 672], засвидетельствованные кладами из Насталапура и, особенно, из Аккенапалли, в котором содержится 21 имитация денариев Августа и 31 — Тиберия [6, с. 1035]. Несколько позднее появились и имитации ауреусов [6, с. 672]. Большой интерес также представляет золотая монета из Сисупалгарха, аверс которой является имитацией монеты Васудевы с надписью шрифтом брахми, а на реверсе помещено изображение римского императора и варваризованные буквы [6, с. 1037]. Кроме того, на многих

поселениях найдены буллы, обычно глиняные, но иногда — из драгоценных металлов, лицевая сторона которых копирует римские монеты, причем иногда прослеживается и грубая имитация надписей. М. Рашке считает, что этот массовый материал показывает значительную популярность римских монет, если не факт их широкой циркуляции в южной Индии [6, с. 665]. Римская монета повлияла и на монетный чекан: П. Л. Гупта отмечает, что на некоторых серебряных монетах южной и западной Индии помещен портрет правителя в римских традициях, с именем на пракрите (шрифтом брахми) [47, с. 48].

Отметим, что, хотя Т. А. Шерковой выдвигаются аргументы против обращения римской монеты в Индии, ввоз этой монеты в качестве слитков, которые служили обменным товаром для приобретения местной продукции, могли служить сырьем для чеканки индийской монеты (например, Кушаншахами), являться валютным резервом и средством создания сокровищ (т. е., по сути — деньгами), не только не отрицается, но постулируется. Представляется, что в данном случае спор идет не столько о сущности явления, сколько о терминологии, и выявившееся между мнениями двух исследователей противоречие может быть снято заменой терминов «безмонетная» и «монетная» модели (например, на термины «бартерная» и «денежная», причем только последняя и соответствует высшей форме обмена — торговле), тем более, что и Е. Ю. Лебедева главным в вывозе римской монеты считает не вывоз ее как самозначащего фактора, а именно в связи с содержанием драгоценного металла [40, с. 46; 44, с. 244]. Т. А. Шеркова замечает [41, с. 87], что за пределами критикуемой ею статьи остался ответ на ключевой вопрос: почему по этой, «монетной», модели строились торговые контакты Рима с такой страной, как Индия. Однако, заслугой Е. Ю. Лебедевой является сама постановка вопроса, разрешение которого в рамках современной источниковой базы возможно лишь на уровне гипотез. Интересна в этом плане идея М. Рашке о том, что роль монеты в торговых контактах Рима высока там, где нет большого спроса на римские товары (по причинам низкого уровня социально-экономического развития, культуры и т. д.), что характерно, в частности, для южной и западной Индии. Напротив, городская цивилизация Кушанского царства создавала прекрасные условия для импорта римской продукции, особенно предметов роскоши [6, с. 632, 670].

Пытаясь подвести итоги нашему обзору, мы, кажется, можем сделать несколько достаточно надежных выводов. Тот «всплеск» интереса к проблеме индо-римских экономических связей, который нашел свое выражение в появлении разбираемых нами публикаций, дал несколько твердых фактов, которые могут послужить хорошей отправной базой для последующих исследований. Прежде всего, теперь в распоряжении исследователей имеется прекрасное издание текста основного письменного источника по проблеме с твердой датой и хорошо согласованного с имеющимися историко-географическими и археологическими данными. Поле исследования очищено от ряда «псевдоисточников», использование которых мешало сделать правильные выводы. Выяснено, что значительная часть имеющихся римских импортов относится к более раннему времени, чем это считалось ранее. Это оказалось верным и для более северных регионов, как это стало ясным после новых исследований ряда категорий находок из Беграма [48] и ряда других находок из Гандхары и западного Афганистана [49, № 97, 98, 100, 103, 104, 110, 117, 120, 139, 150, 151]. Можно считать твердо установленным, что те западные производственные центры, откуда поступала продукция в Индию, далеко не ограничивались одной Александрией, а включали многие города центрального Средиземноморья, в первую очередь — города Италии. Расцвет римской торговли с Индией, как теперь стало ясно, приходится на I в. н. э., а в конце этого наблюдается какая-то резкая трансформация торговых отношений. Система торговых связей оказалась много более сложной, чем это предполагалось ранее. Наконец, был разработан новый метод анализа нумизматического материала, который доказал свою эффективность.

Институт археологии РАН,
Москва

Г. А. Кошеленко,
Н. А. Шахова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Индия в древности. М., 1985.
2. *Хвостов М.* История восточной торговли греко-римского Египта: 332 г. до Р. Х.— 284 г. по Р. Х. Казань, 1907.
3. *Charlesworth M. P.* Trade Routes and Commerce of the Roman Empire. Cambridge, 1924.
4. *Warmington E. H.* The Commerce between Roman Empire and India. Cambridge, 1928.
5. *Wheeler M.* Rome beyond the Imperial Frontiers. L., 1955.

6. *Raschke M. G.* New Studies in Roman Commerce with the East//Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Hsgb. H. Temporini. 1978. II. 9. 2.
7. The Periplus Maris Erythraei/Text with Introduction, Translation and Commentary by L. Casson. Princeton, 1989.
8. Псевдоарриан. Плавание вокруг Эритрейского моря//ВДИ. 1940. № 2.
9. *Frisk H.* Le Peripie de la Mer Erythree. Goteberg, 1927.
10. Rome and India. The Ancient Sea Trade/Eds V. Begley and R. N. de Puma. Madison. The University of Wisconsin Press, 1991.
11. *Шеркова Т. А.* Египет и Кушанское царство (торговые и культурные контакты). М.: Наука, 1991.
12. *Ранович А. Б.* Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М., 1949.
13. *Sidebotham S. E.* Roman Economic Policy in the Erythra Thalassa, 30 B. C.— A. D. 217. Leiden, 1986 (Mnemosyne Suppl. 91).
14. *Raunig W.* Die Versuche einer Datirung des Periplus maris Erythraei//Mitteilungen der Anthropologisehen Gesellschaft, 100. 1970.
15. *Bowersock G.* Roman Arabia, Cambridge (Mass.), 1983.
16. L'emporion/Eds A. Bresson et P. Rouillard. Paris, 1993.
17. Рец. *Annequin J.* на кн. L'emporion. Eds A. Bresson et P. Rouillard. Paris, 1993//Dialogues d'histoire ancienne. 1993. V. 19. № 2.
18. *Грацианская Л. И.* «География» Страбона. Проблемы источниковедения//Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1986 год. М., 1988.
19. Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского/Издание подготовила Е. Г. Рабинович. М., 1985.
20. Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке. М., 1987.
21. *Немировский А. И., Дашкова М. Ф.* Луций Анней Флор — историк древнего Рима. Воронеж, 1977.
22. Вопросы Милинды (Милиндапаньха). Перевод с пали, предисловие, исследование и комментарий А. В. Парика. М., 1989.
23. *Duval R.* Histoire politique, religieuse et litteraire d'Edesse jusqu'a la première croisade. Paris, 1892.
24. The Book of the Laws of countries. Dialogue on Fate of Bardesan of Edessa./By H. J. W. Drijvers. Assen, 1965.
25. The Periplus of the Erythrean Sea/Ed. and trad. by G. W. B. Huntingford. L., 1980.
26. *Casson L.* Ships and Seamanships in the Ancient World, 2nd ed. Princeton, 1986.
27. *Casson L.* The Ancient Mariners: Seafarers and Sea Fighters of the Mediterranean in Ancient Times. N. Y., 1956.
28. *Casson L.* Ancient Trade and Society. Princeton, 1984.
29. *Rougé J.* La marine dans l'antiquité. Paris, 1975.
30. *Rougé J.* Recherches sur l'organisation du commerce maritime en Mediterranée sous l'Empire Romain. Paris, 1966.
31. *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
32. *Masson M., E.* Two Palmyrene Stelai from Merv Oasis//East and West. 1967. V. 17.
33. *Bernard P.* A propos de quelques faux dans l'histoire des cultes de l'Asie Centrale//Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale préislamique. Sous la direction de F. Grenet. Paris, 1987.
34. Parthian stations by Isidore of Charax. An account of the overland trade route between the Levant and India in the first century B. C. The greek text, with a translation and commentary by W. H. Schoff. Chicago, Ares. publishers: inc., 1976.
35. Claudii Ptolemaei Geographia. E codicibus recognovit, prolegomenis, annotatione, indicibus, tabula instruxit Caroius Mullerus. Voluminis primi, pars prima. Parisiis, 1883.
36. Claudi Ptolemaei Geographia. Edidit Carolus Fridricus Augustus Noble. T. I. Lipsiae, 1898.
37. The Archaeology of Afghanistan from earliest Times to the Timurid Period/Eds F. R. Allchin and N. Hammond. London, New York; San Francisco, 1978.
38. *Джоши М. К., Синха А. К.* Ручка амфоры с надписью из Матхуры//ВДИ. 1990. № 3.
39. *Khandalavala K.* Brahmapuri: A Consideration on the Metal Objects found in the Kundanagar Hoard//Lalit Kala. 1960. N 7.
40. *Лебедева Е. Ю.* Индия в системе римской внешней торговли (по данным нумизматики)//Информационный бюллетень МАИКЦА. 1988. № 14.
41. *Шеркова Т. А.* Клады римских монет в Индии, как феномен восточной торговли Римской Империи (к вопросу методологии исследования)//Бюл. МАИКЦА. 1990. № 17.
42. *Liu Xinri.* Ancient India and Ancient China. Trade and religious Exchanges. A. D 1—600. Delhi, 1990.
43. *Prasad K.* Cities, Crafts and Commerce under the Kuṣāṇas. Delhi, 1984.
44. *Лебедева Е. Ю.* Римские монеты в Европе и Индии. Опыт сравнительно-статистического анализа//Естественно-научные методы в археологии. М., 1989.
45. *Mukerjee B. N.* The Rise and Fall of the Kushana Empire. Calcutta, 1988.
46. *Chattopadhyaya D. B.* Trade and Urban Centres in Early Medieval India//Indian Historical Review. 1977. V. 1. № 2.
47. *Gupta P. L.* Coins. New Delhi, 1969.
48. *Whitehouse D.* Begram, the Periplus and Gandhara Art//Journal of Roman Archaeology. 1989. V. 2.
49. The Crossroads of Asia. Transformation in Image and Symbol in the Art of Ancient Afghanistan and Pakistan/Eds E. Errington and J. Cribb with M. Clarringbull. Cambridge, 1992.

The Middle Paleolithic: Adaptation, Behaviour and Variability/Eds Dibble H., Mellars P. The University Museum, University of Pennsylvania, 1992

Рецензируемый сборник представляет собой один из томов серии, публикуемой археологическим музеем Университета Пенсильвании. Книга, вышедшая под редакцией Х. Диббла и П. Мелларса, называется «Средний палеолит: адаптация, поведение и вариабельность». Под этим титулом в ней объединены работы ведущих североамериканских и западноевропейских археологов-палеолитоведов, представленные в 1989 г. на симпозиум по среднему палеолиту Европы и Ближнего Востока.

Тематика статей, включенных в сборник, довольно точно отражена в его названии. Большинство из них посвящены рассмотрению различных подходов к интерпретации вариабельности мустьерских индустрий, в остальных представлены попытки реконструкции некоторых сторон поведения носителей этих индустрий и конкретных способов их адаптации к среде обитания. Не осталась без внимания и проблема происхождения и распространения людей современного физического типа, весьма активно дебатируемая западными археологами и антропологами в последние годы.

Тон обсуждению вопросов, связанных с выявлением и объяснением различий и сходств между мустьерскими каменными индустриями, задает открывающая сборник статья Х. Диббла и Н. Ролана «О вариабельности комплексов в среднем палеолите Западной Европы: история, перспективы и новый синтез». Несмотря на то, что основные наблюдения и идеи, представленные здесь, уже неоднократно излагались в предыдущих работах обоих авторов [1—4], в отечественной литературе они, насколько мне известно, не освещались сколько-нибудь подробно, и потому будет нелишним остановиться на содержании этой статьи особо.

В историографическом разделе кратко характеризуются основные вехи в эволюции взглядов на вариабельность мустье, связанные с именами В. Комона, Д. Пейрони и Ф. Борда. Несмотря на очевидные различия в представлениях названных авторов, их работы объединяет один весьма существенный момент, а именно то, что можно назвать «палеонтологическим» подходом к типологии каменных изделий и ее интерпретации. Для Ф. Борда такой подход свойствен ничуть не в меньшей мере, чем для его предшественников, хоть он, в отличие от них, и не пользовался таким понятием, как «руководящее ископаемое». «Борд продолжал считать выделенные им типы преисторической „когнитивной" или поведенческой реальностью», т. е. каждый тип рассматривал как запланированный конечный продукт, как дискретную, подобно палеонтологическим видам, единицу анализа. Из такого понимания следовало, что различия между комплексами орудий должны отражать либо наличие особых стилистических традиций (и соответственно групп людей, которые делали орудия согласно определенным культурным нормам), либо функциональную специфику памятников. Таким образом, в палеонтологической модели были заложены те логические возможности, которые в конечном счете привели к известной дискуссии между Бордом и Бинфордом. При всех расхождениях в этой дискуссии обе стороны молчаливо исходили из того допущения, что «типы каменных изделий были дискретными, поведенчески значимыми для древних людей единицами». В действительности же, как полагают Х. Диббл и Н. Ролан, такое допущение в свете последних данных нельзя признать оправданным. Конечно, пишут они, не вызывает сомнения, что среднепалеолитические каменные артефакты намеренно изготавливались гоминидами и имеют поведенческое значение, но из этого совсем не следует, что типы, выделенные и определенные Бордом, представляют собой «запланированные конечные продукты, отражающие либо культурные нормы, либо различие функций».

Форма каменных артефактов далеко не всегда оставалась неизменной: после их первоначального изготовления они могли неоднократно подвергаться переоформлению. Эта логически очевидная для современных исследователей возможность была не менее очевидна и для древних людей, что на археологических материалах хорошо продемонстрировал Дж. Фрайзон [5]. Существование этого явления, известного в литературе как «эффект Фрайзона» [6], имеет большое значение для анализа вариабельности палеолитических изделий, поскольку не позволяет рассматривать их a priori как запланированные конечные продукты. Так, в ряде работ Диббла [1, 2] показано, что большая часть различий между 17 типами скребел из тип-листа Борда может быть объяснена как следствие переоформления орудий: простые скребла представляют одну из начальных фаз использования заготовки, а двойные, конвергентные и поперечные формы отражают следующие фазы срабатывания и переоформления. Этот вывод подтверждается как будто метрическими характеристиками скребел из

© Л. Б. Вишняцкий, 1995 г.

ряда изученных Дибблом западноевропейских и западноазиатских коллекций. Таким образом, получается, что «конечный» тип артефакта зависит от того, в какой стадии переоформления он находился, когда был выброшен, что, в свою очередь, определяется множеством различных факторов (см. ниже), помимо стилистических предпочтений и функциональных нужд.

Под сомнение ставится и реальность мустьерских фаций, выделенных Бордом. Рассмотрев критерии, легшие в основу известной системы, Диббл и Ролан приходят к заключению, что данные, призванные продемонстрировать дискретную природу шести вариантов мустье, выглядят неубедительно, и что скорее эти варианты представляют собой условно определенные отрезки внутри непрерывного континуума вариаций.

«Таким образом, основное допущение палеонтологического подхода — когнитивная или поведенческая реальность дискретных типов и индустрий — оказывается сомнительной. Целесообразней поэтому искать иные факторы, стоящие за видимой нами непрерывной вариабельностью, возможно, более фундаментальные, чем стиль и функция. Исследования среднего палеолита должны, следовательно, быть сконцентрированы скорее на выявлении таких факторов, чем на объяснении того, как и почему индустрии сохраняли свою дискретность». Эта установка реализуется в заключительной части статьи, где речь идет об «основных факторах вариабельности в среднем палеолите».

Таковыми, по мнению Диббла и Ролана, являются, во-первых, качество, обилие и доступность сырья, а во-вторых, продолжительность и интенсивность обитания на местонахождениях. И то и другое во многом зависело от степени мобильности древних коллективов, а в конечном счете от практикуемых ими способов жизнеобеспечения и характера окружающей среды. В частности, мелкие размеры исходных отдельностей породы ограничивали возможности использования леваллуазских технологий [7] или, например, изготовления определенных типов изделий (рубил), а удаленность и труднодоступность источников качественного сырья вела к более экономному его использованию, т. е. к более полному срабатыванию нуклеусов и заготовок [8, 9]. Следовательно, наличие в том или ином среднепалеолитическом комплексе, скажем, большого количества двойных и конвергентных скребел с остроконечниками может быть (и такая корреляция действительно прослеживается в ряде случаев) лишь функцией некоторого уровня обеспеченности сырьем, вынуждавшего людей многократно переоформлять одну и ту же вещь, а вовсе не следствием особых стилистических предпочтений или хозяйственных нужд. При этом важную роль должен был играть характер пищевых ресурсов и их распределения во времени и пространстве, который, определяя выбор мест стоянок и относительно более подвижный или оседлый образ жизни, обусловливал тем самым в какой-то мере и «себестоимость» каменного сырья, легкодоступного в одних случаях, и с большим трудом добываемого в других.

Указанные факторы, как полагают авторы статьи, обусловливали многие (если не большинство) «аспекты вариабельности комплексов, наблюдаемой в среднем палеолите Западной Европы», и поэтому многое здесь (в этой вариабельности) может быть объяснено «без каких бы то ни было ссылок на функцию и стиль». Конечно, последние два фактора тоже имели значение, но «при грубости нашей методики и в силу самой природы наших данных» нельзя с уверенностью определить, что именно в наблюдаемой индустриальной вариабельности есть результат их воздействия.

Мысли, высказанные в статье Х. Диббла и Н. Ролана, крайне интересны, аргументация достаточно убедительна. С их основным выводом — о несводимости всей вариабельности мустье Западной Европы к стилистическим и функциональным различиям и необходимости учета иных факторов, прежде всего таких, от которых зависела обеспеченность сырьем,— трудно не согласиться. Вместе с тем очевидно, что и в рамках развиваемого ими подхода объяснимы тоже далеко не все особенности среднепалеолитических индустрий (это очевидно и для самих авторов рассматриваемой статьи). По сути, этот подход применим лишь к сравнительному анализу скребел (плюс остроконечники) и зубчато-выемчатых изделий, которые, хотя и определяют во многом разнообразие мустьерских комплексов, все же далеко не исчерпывают его. Это обстоятельство, в частности, подчеркивает автор следующей статьи («Технологические изменения в мустье Юго-Западной Франции») — П. Мелларс, указывая при этом на ряд специфических технологических и типологических черт обеих фаций мустье шарантского и мустье ашельской традиции, а также на хронологическое соотношение этих индустрий.

Во-первых, по мнению Мелларса, технологические различия между фациями кина и феррасси, равно как и типологическая специфика мустье ашельской традиции (т.е. нехарактерное для других вариантов мустье наличие значительного числа типичных сердцевидных бифасов и ножей с обушком), не поддаются объяснению с позиций моделей, ставящих во главу угла различия в степени «редуцированности» орудий (хотя эти модели, как он считает, могут быть важны для анализа типичного

и зубчатого мустье). Во-вторых, стратиграфическое положение комплексов феррасси, кина и мустье ашельской традиции свидетельствует, с его точки зрения, в пользу взглядов Борда, т. е. в пользу того, что эти три варианта действительно представляют собой некие дискретные, поведенчески значимые образования.

Начиная с середины 60-х годов Мелларс развивает идею об определенной хронологической упорядоченности вариантов мустье, выделенных Бордом. Если последний считал их в основном синхронными, то английский исследователь доказывает, что мустье феррасси, кина и ашельской традиции — это три последовательные стадии, сменявшие в Юго-Западной Франции одна другую на протяжении вюрма II. Этот взгляд основан прежде всего на стратиграфии Комб Греналь [10] и подтверждается как будто полученными недавно результатами абсолютного датирования культурных слоев ряда других памятников [11, 12]. Зубчатое и типичное мустье не вписываются в эту простую линейную схему (т. е. занимают в ней как бы «плавающее» положение), что, однако, не может, как считает Мелларс, поставить под сомнение «очень четкую хронологическую и стратиграфическую упорядоченность, являемую гораздо более выразительными и ясно определенными комплексами феррасси, кина и мустье ашельской традиции».

В статье рассматриваются возможные объяснения наблюдаемой хронологической изменчивости, которые, однако, как признает сам автор, с трудом поддаются проверке археологическими данными. «Одно дело,— заключает он,— документировать сдвиг в технологии, и совсем другая, к сожалению, гораздо более труднодостижимая задача — сформулировать и проверить различные объяснения выявленных изменений». Последние, в частности, не могут быть прямо увязаны с экологическими или энвиронментальными факторами, которые не дают также удовлетворительного объяснения и географической локализованности ряда признаков (листовидные остроконечники в Центральной Европе, орудия с черешком в Северной Африке и т. д.), указывающих на существование нефункциональной изменчивости в среднем палеолите.

В отличие от Мелларса, автор следующей статьи («Значение вариабельности в европейском мустье») М. Отт полагает, что мустьерские индустрии, несмотря на длительность их существования, не претерпели заметных изменений во времени, если не считать «эфемерных, специфических, локальных адаптивных реакций на климатические колебания». Отту весьма близка позиция Х. Диббла и Н. Ролана, он также подчеркивает значение доступности и качества сырья как важного фактора, определявшего изменчивость техники и типологии. В качестве иллюстрации этой мысли упоминается местонахождение Склэн в Бельгии, где в одном слое собраны изделия из разных пород камня. «Если бы,— пишет Отт,— для разных типов сырья анализ проводился отдельно, то можно было бы прийти к выводу, что в данном случае представлены разные индустрии», а именно зубчатое мустье, шарантское и типичное. В то же время «в каждый данный период можно увидеть существование некоторых устойчивых стилистических различий», которые действительно ценны как проявления региональных традиций. Стилистическая дифференциация такого рода становится все более явной по мере удаления от центра Франции и расширения географических рамок исследования (рубила концентрируются на западе, кливеры — на юге, листовидные формы — на востоке), причем намечаемые таким образом мустьерские региональные традиции совпадают в целом с наблюдаемыми позже различиями в характере появления верхнего палеолита (шательперрон на западе, ориньяк на юго-востоке, индустрии с листовидными остриями в северных и восточных районах).

Важное место занимает в сборнике статья Л. Фримэна «Мустьерские фации в пространстве: новые данные из Морин, слой 16», где помимо четко сформулированных и притом довольно радикальных (хотя и не совсем новых) теоретических и методологических положений содержатся также интересные фактические данные. Автор описывает индустрию 16-го слоя пещеры Морин (Испания) и показывает, что здесь на разных участках в пределах одного уровня обитания представлены две явно отличающиеся фации: мустье зубчатое и типичное. Это связано, скорее всего, с различиями в характере деятельности, осуществлявшейся на этих участках. Подобная же картина может быть прослежена и на ряде других памятников Испании (особенно Эль Пендо), а также юга Франции. Факты такого рода делают, по мнению Л. Фримэна, обсуждение вопроса о фациях мустье «во многом бессмысленными» (здесь следует еще ссылка на статьи Отта и Диббла с Роланом), и если еще не все преисторики это поняли, то лишь вследствие «огромного авторитета Ф. Борда», а также того обстоятельства, что «большинство из них мало следит за литературой на других, помимо их родного, языках». Изменчивость в мустье вообще имеет скорее непрерывный характер, и, как показывает анализ комплексов этой эпохи из Кантабрийской Испании (здесь автор ссылается на статистические данные, опубликованные им в монографии об Эль Пендо, вышедшей на испанском

языке), какие-либо дискретные группы комплексов не могут быть выделены. «Очевидно, пришло время,— пишет Л. Фримэн,— когда мы должны понять, что не следует больше средоточием наших исследований считать мустьерские фации. Вместо этого внимание нужно переключить на комплексы и, в еще большей степени, подкомплексы (инструментальные наборы? — в самом широком смысле), из которых они состоят, а также на пространственную дифференциацию и распределение отдельных типов и подкомплексов». Мы все еще не обладаем, продолжает он, достаточным пониманием того, что же делает мустьерские комплексы разными, «и мы не продвинемся в этом направлении, пока не пересмотрим свои аналитические методы».

Еще четыре статьи посвящены характеристике среднего палеолита отдельных районов Франции и Испании. В отличие от уже рассмотренных работ, они не содержат глобальных обобщений и выводов. А. Дебенат в статье, озаглавленной «Место мустье Шаранта в среднем палеолите Юго-Западной Франции», дает очень краткий обзор мустьерских фаций региона и приводит имеющиеся данные по их хронологии. А. Тюрк столь же сжато рассматривает памятники, относимые к фации кина в Перигоре. Имеющиеся материалы, по его мнению, говорят о том, что все эти комплексы есть результат какой-то специфической деятельности, осуществлявшейся при жестких климатических условиях и требовавшей столь же специфический, быстро изготовляемый и не очень разнообразный набор орудий. «Отсутствие свидетельств хронологической связи между этими комплексами наряду с отсутствием видимой функциональной специализации памятников (мастерские, базовые стоянки, временные лагеря) как будто исключает возможность того, что тип кина представляет собой культурную фацию», т. е. является выражением определенных культурных норм изготовления каменных орудий. В. Кабрера Вальдес и Ф. Бернальдо де Кирос рассматривают в их совместной статье различные аспекты изучения пещерных памятников прибрежной зоны Кантабрии. С технико-типологической точки зрения мустьерские комплексы этого района представляются им в целом довольно однообразными, а их разделение по фациям (шарантское, зубчатое и типичное мустье) хотя и производится, но признается в известной степени условным. Что же касается памятников с кливерами, которые с начала 50-х годов стали объединять под названием «баскониан», то их предлагается не рассматривать больше как особую индустрию, а относить к разным фациям мустье, оговаривая при этом всегда наличие кливеров.

Обширные данные по среднему палеолиту севера Франции суммированы в статье А. Тюффро, которая представляет собой как бы английское резюме его многочисленных франкоязычных публикаций на ту же тему. Первые памятники рассматриваемой эпохи появляются в регионе, как представляется автору, внезапно, и нет свидетельств какой-либо преемственности с нижним палеолитом. Можно выделить две фазы среднего палеолита, ранняя из которых приходится на конец среднего плейстоцена (изотопные стадии 6—8), а поздняя — на верхний плейстоцен (от 5-й до первой половины 3-й стадии). Ранняя фаза представлена очень разными памятниками — мустьерскими, эпиашельскими и фации камбрешиан; на поздней фазе наряду с обычными мустьерскими индустриями в регионе фиксируется микок, а также группа весьма необычных для данного хронологического периода комплексов (Секлин, Рьенкур-ле-Бапом и др.), которую можно было бы обозначить как секлиньен (Тюффро пишет о фации секлин). Датируемый началом последнего ледниковья (подстадия 5а) и стратиграфически перекрываемый микоком и типичным мустье секлиньен характеризуется развитой пластинчатой технологией и наличием наряду с обычными мустьерскими изделиями многочисленных типичных резцов (в том числе срединных) и различных орудий с обушком. Более поздние и подробные публикации основных памятников этой группы [13, 14] подтверждают возможность проведения большого числа аналогий с верхним палеолитом и позволяют думать, что высказывавшееся предположение о включении секлиньена, вместе с хаусинс пуртом Южной Африки и преориньяком/амудьеном Ближнего Востока, в число примеров, иллюстрирующих так называемое «забегание вперед» в развитии палеолитических индустрий [15, 16], остается в силе. А. Тюффро также отмечает наличие «сходных технологических феноменов на Ближнем Востоке и в Южной Африке примерно в одно и то же время». «Эти индустрии,— пишет он,— не имеют связи с верхним палеолитом», поскольку отделены от него мустьерскими слоями. «Было бы интересно попытаться понять,— продолжает автор статьи,— почему эта технологическая инновация появилась в столь удаленных палеогеографических регионах». Предполагается, что это могло быть следствием «конвергенции», т. е. ответом на специфические условия существования, сложившиеся в регионах, подверженных климатическим изменениям.

В двух статьях рассматриваются проблемы, возникающие при выявлении и объяснении вариабельности мустьерских индустрий Ближнего Востока. Э. Маркс, обобщив и сопоставив данные по

хронологии памятников «раннего» и «позднего» левантийского мустье, показывает, что на самом деле во времени эти две индустрии не образуют последовательности и что однолинейная панлевантийская схема культурного развития в среднем палеолите вряд ли приемлема. Вместе с тем в технологическом и типологическом плане «раннее» и «позднее» левантийское мустье действительно различаются, и, более того, каждая из этих двух групп комплексов демонстрирует как будто определенную векторизованность внутренней эволюции. «С одной стороны, для позднего левантийского мустье существуют некоторые намеки на рост со временем производства отщепов по отношению к пластинам и увеличение доли мустьерских орудий за счет орудий верхнепалеолитических. С другой стороны, для раннего левантийского мустье наблюдается прямо противоположная тенденция — утрата мустьерских ретушированных изделий и рост производства удлиненных заготовок». Эта разница в направленности изменений «порождает серьезные вопросы относительно исторического и культурного соотношения двух индустрий». Кроме того, сам факт векторизованности изменений в пределах отдельных традиций указывает, по мнению Маркса, на еще одно различие между средним палеолитом Леванта и Западной Европы.

О. Бар-Йосеф и Л. Меньэн полагают, что в рамках левантийского мустье можно выделить, по меньшей мере, три индустриальных фации, которые соответствуют основным звеньям стратиграфической колонки Табуна (D, C и B). Материалы среднепалеолитических слоев Кебары, которым посвящена значительная часть статьи, могут, с точки зрения ее авторов, быть определены как индустрия типа Табун B, а комплексы пещер Схул и Кафзех тяготеют к Табун C. В работе затрагивается также вопрос о запланированности или случайности форм мустьерских изделий. При этом широко используется понятие «операционной цепочки» (фр. chaîne opératoire, англ. operational sequence, reduction sequence), что, как предполагается, позволяет реконструировать решения, принимаемые преисторическими людьми в процессе изготовления орудий. Соглашаясь со взглядом Х. Диббла на некоторые типы скребел как на результат менее или более интенсивного переоформления орудий, авторы замечают, однако, что не все ретушированные изделия переходят морфологически друг в друга. «Например, крупные поперечные скребла кина вряд ли проходили через предшествующую фазу простых выпуклых скребел», равно как и многие удлиненные остроконечники, которые изначально создавались ради получения острого конца. Следовательно, и люди среднего палеолита могли заранее планировать форму увязывая ее с потенциальной функцией, «даже если уровень такой корреляции ниже по сравнению с типами орудий позднего палеолита». Кроме того, переоформление, ведущее к изменению типа изделий, не такая уж редкость и в верхнем палеолите, но это ведь не побуждает нас отказывать людям той эпохи в способности иметь «мысленные шаблоны».

Различным аспектам поведения людей среднего палеолита, не связанным непосредственно с изготовлением каменных артефактов, посвящены три статьи. К. Фаризи и Ф. Давид, изложив вкратце результаты анализа фаунистических остатков, происходящих с двух французских памятников (Моран, Малые Пиренеи и Шампло, Бургундия), делают вывод, что первый из них находился вблизи мест охоты и использовался главным образом для первоначальной разделки туш, самые мясистые отделы которых затем транспортировались в другое место; а второй представлял собой стоянку, куда, наоборот, доставлялись отборные части убитых животных и где происходило их потребление. Д. Хенри также на материалах двух, но не европейских, а ближневосточных стоянок рассматривает вопрос о стратегиях жизнеобеспечения, и прежде всего обеспечения сырьем, их обитателей. Оба памятника — Тор Сабиха и Тор Фарай — расположены на южном склоне Иорданского плато в 17 км друг от друга (высота над уровнем моря соответственно 1300 и 1000 м), датируются одним временем (около 65000 лет назад) и дали сходную индустрию типа Табун D, но их природное окружение заметно контрастирует, вследствие чего они использовались в разные сезоны и неодинаковым образом. Предполагается, что Тор Сабиха представляет собой временный лагерь, посещавшийся в теплые сезоны, тогда как Тор Фарай — это долговременная стоянка, служившая людям прибежищем в холодное время года. Сравнение комплексов на основе реконструируемых «операционных цепочек» и характера распределения разных типов каменного сырья говорит, по мнению автора, о фундаментальных различиях в способах добычи последнего. Для первого памятники постулируется оппортунистическая стратегия (сборы по мере надобности в ближайшей округе), для второго — логистическая (запасание впрок, транспортировка в больших количествах из отдаленных, заранее намеченных источников). Д. Хенри считает нужным и возможным использовать свои данные для обсуждения так называемой проблемы появления «современного культурного поведения» (или «полностью современного поведения»), обращаясь при этом к теориям Ж. Пиаже (психология развития) и оперируя такими понятиями, как «глубина планирования» и другими, введенными в археологическую литературу Л. Бинфордом. Однако сколько-нибудь четкого определения того, что же такое это «полностью

современное поведение», не существует, а проблема в целом крайне неудачно поставлена и сформулирована. Сам пример с Тор Сабиха и Тор Фарай показывает, что степень проявления способности к «планированию» зависит от условий существования и ничего не говорит о потенциальных возможностях людей. В этой связи интересны и сведения, приводимые в статье Э. Кэмпбелл, где речь идет о нескольких искусственных углублениях, прослеженных в разрезе и в плане на мустьерском местонахождении BS-12 в Бир Сахаре (запад Египта). Эти углубления, как предполагается, служили в качестве резервуаров для воды (в пользу такой интерпретации говорят седиментологические и планиграфические наблюдения, хотя принимать ее безоговорочно было бы преждевременно). Возраст памятника от 200 до 70 тыс. лет, и его обитатели, видимо, должны были приспосабливаться к весьма аридным условиям при отсутствии поверхностных вод.

В статье Дж. А. Кларка — одного из самых плодовитых американских археологов-палеолитоведов — рассматриваются археологические и в меньшей степени биологические аспекты проблемы происхождения людей современного физического типа. Автор повторяет неоднократно уже им высказывавшиеся [17, 18] соображения в пользу мультирегиональной теории, усматривая, в частности, в археологических материалах свидетельства непрерывного, преемственного развития культуры в Европе и на Ближнем Востоке при переходе от среднего к верхнему палеолиту. Мне аргументация Дж. Кларка кажется внутренне противоречивой и малоубедительной, что, впрочем, только лишний раз подчеркивает сложность самой проблемы, от решения которой мы, видимо, еще очень далеки.

В завершение хочу заметить, что, конечно, далеко не все идеи и факты, изложенные в рассмотренных здесь статьях, абсолютно оригинальны и бесспорны; но важно то, что за ними открываются новые проблемы и новые перспективы осмысления старых проблем. Можно лишь сожалеть, что в нашей литературе многие из затронутых выше вопросов дебатируются редко либо об их существовании и вовсе не упоминается.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

Л. Б. Вишняцкий

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Dibble H.* The interpretation of Middle Paleolithic scraper morphology//Amer. Antiquity. 1987. V. 52. P. 109—117.
2. *Dibble H.* Typological aspects of reduction and intensity of utilization of lithic resources in French Mousterian//Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia/Eds Dibble H. L., Montet-White A. Philadelphia: Univ. Pennsylvania, 1988. P. 181—198.
3. *Rolland N.* The interpretation of Middle Paleolithic variability//Man. 1981. V. 16. P. 15—42.
4. *Rolland N., Dibble H.* A new synthesis of Middle Paleolithic assemblage variability//Amer. Antiquity. 1990. V. 55. P. 480—499.
5. *Frison G.* A functional analysis of certain chipped stone tools//Amer. Antiquity. 1968. V. 33. P. 149—155.
6. *Jelinek A.* Form, function and style in linhic analysis//Cultural change and continuity/Ed. Cleland C. E. N. Y.: Acad. Press, 1976. P. 19—33.
7. *Fish P.* Beyond tools: Middpe Paleolithic debitage analysis and cultural inference//J. Anthropol. Res. 1981. V. 38. P. 374—386.
8. *Munday F.* The Avdat/Aqev area: Its habitat and geographic setting//Prehistory and paleoenvironment in the Central Negev, Israel. 1976. V. I. P. 9—24.
9. *Marks A.* The curation of stone tools during the Upper Pleistocene: A view from the Central Negev, Israel//Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia/Eds Dibble H., Montet-White A. Philadelphia: Univ. Pennsylvania, 1988. P. 275—286.
10. *Mellars P.* The chronology of Mousterian industries in the Perigord region of South-West France//Proc. Prehistoric Soc. 1969. V. 35. P. 134—171.
11. *Mellars P.* A new chronology for the French Mousterian period//Nature. 1986. V. 322. P. 410, 411.
12. *Mellars P.* The chronology of the South-West French Mousterian: A review of the current debate//L'Homme de Néandertal/Ed. Otte M. V. 4. La technique. Liège: Univ. Liège, 1988. P. 97—119.
13. *Tuffreau A. et al.* Le gisement du Paléolithique moyen de Seclin//Bull. Soc. prehist. française. 1994. V. 91.
14. *Tuffreau A. et al.* Riencourt-lés-Bapaume (Pas-de-Calais). Un gisement du Paleolithique moyen. P., 1993.
15. *Вишняцкий Л.* «Забегание вперед» в развитии палеолитических индустрий: явление и его интерпретация//Петербургский археологический вестник. 1993. № 4. С. 7—16.
16. *Vishnyatsky L.* «Running ahead of time» in the development of Palaeolithic industries//Antiquity. 1994. V. 68. P. 134—140.
17. *Clark G. A., Lindly G.* Modern human origins in the Levant and Western Asia: The fossil and archaeological evidence//Amer. Anthropologist. 1989. V. 91. P. 962—985.
18. *Lindly J., Clark G. A.* Symbolism and modern human origins//Current Anthropol. 1990. V. 31. P. 233—240.

Elephantine X. R. D. Gempeler. Die Keramik römischer bis früharabischer Zeit. Mainz, 1992. 222 s., 133 abb., 46 taf.

Книга Роберта Гемпелера преследует цель дать классификацию и хронологию керамики, обнаруженной в ходе исследований Каирского отделения Немецкого археологического института. До последнего времени позднеантичная египетская керамика не привлекала особого внимания исследователей, поскольку здесь было богатое поле как собственно египтологических исследований, так и для классической археологии.

Сейчас ощущается недостаток системной разработки керамики от времени завоевания Египта римлянами в 30 г. до н. э. до периода арабского завоевания в 641 г.

Отметим, однако, что археологическая ситуация в Элефантине осложняет разработку керамической хронологии. Немецкие и французские раскопки 1906—1910 гг., равно как и раскопки папского Библейского института, ориентировались главным образом на находки папирусов. Папирусные раскопки, охватившие практически всю территорию города, привели к уничтожению без фиксации римско-византийских слоев. Еще более ухудшило положение проведение земледельческих работ на территории городища, при которых из земли выбиралась керамика и складывалась в огромные кучи на полях.

Книга Р. Гемпелера состоит из девяти глав и каталога. Каталог форм составляет большую часть работы. В нем содержатся рисунки и фотографии различных форм сосудов и их описание с датировкой. Причем формы приводятся в типологической и относительно соблюденной хронологической последовательности.

В первой главе, озаглавленной «Типология сосудов», автор справедливо отмечает, что для классификации керамики необходимы основания, или признаки, позволяющие классифицировать сосуды. Автор применяет функциональный критерий и выделяет две большие категории: столовая и кухонная посуда. В столовую посуду автор включает тарелки, плоские чашки, глубокие чашки, миски, горшки, кувшины-кружки. К кухонной он относит сковороды, кастрюли, амфориски, амфоры, крышки.

Затем излагается порядок типологической нумерации, представляющий собой открытую систему, при которой каждое ответвление формы имеет нумерацию от 1 до 100 с добавлением большой буквы Т для столовой и К для кухонной посуды.

Необходимо приветствовать стремление автора к четкой классификационной схеме. Вместе с тем приведенная классификация явно некорректна. Положив в основу функциональный признак, автор по неизвестной причине зачислил амфоры в ...кухонную керамику, хотя общеизвестна их функция как керамической тары. Кроме того, типы отделяются друг от друга по разноуровневым весьма расплывчатым признакам.

В качестве примера приведем тарелки, которые характеризуются как имеющие низкие крутые стенки и горизонтальное дно при большом диаметре края. Непонятно, какой диаметр назван большим и какие стенки называются крутыми. При этом следующее типологическое подразделение — плоские чашки — определяется как сосуды с соотношением диаметра к высоте как 4 : 1, а глубокие чашки — 1 : 4. Непонятно, как были получены эти соотношения, на каком количестве единиц керамики они вычислялись. При этом признаки одного уровня часто используются для описания одного типа, следующие же типы описываются одним или несколькими признаками другого уровня.

Ясно, что Р. Гемпелер использовал обычную полевую опись, несколько ее доработав. Однако в представленном виде классификация некорректна и требует общепринятых подходов, используемых при работе со статистико-комбинаторными методами. Автор же ограничился только одной немецкой книгой по классификации керамики, игнорируя весьма многочисленные и хорошо известные работы в этой области других западноевропейских исследователей [1—3].

Представленная в книге Р. Гемпелера керамика как минимум распадается не на 2, а на 4 группы, если принимать предложенный автором функциональный критерий: тарная (амфоры), столовая, кухонная, техническая (трубы и др.). Соответственно после выделения диагностических признаков возможна дальнейшая классификация внутри групп.

Вторая глава посвящена характеристике типов глинищ и сосудов.

Как пишет автор, изготовленная в Египте керамика, в основном известняковосодержащая, делится

© А. В. Сазанов, 1995 г.

на две большие группы. Одна состоит из бедной известью глины, к которой прибавлен нильский ил, другая — из богатой известняком мергелистой глины. Известно, что бедная известняком глина обладает большей пластичностью, она легче формуется, чем богатая известняком. Поэтому температура обжига глины первой группы была относительно высокой, примерно 1000°. Богатая же мергелем глина обжигается при более низкой температуре, порядка 600—800°.

Кроме этих глин употреблялась и третья, крайне бедная известью, но сравнительно богатая алюминием. Для получения глины этого типа, вероятно, употреблялась каолиновая глина, смешанная с глиной противоположного свойства.

Полученные с помощью нейтронно-активационного анализа данные о трех типах глин, характерных для керамического производства района Элефантины, позволяют сделать предположения об их происхождении.

Глина первой группы, применявшаяся для изготовления почти всей столовой посуды, большей части кухонной и красноглиняных амфор, происходит из ближайших окрестностей под Ассуаном. Из глины второй группы, происхождение которой стоит искать в дальних окрестностях под Ассуаном, изготавливалась небольшая часть кухонной посуды, примерно 65% столовой формы Т 804 и 5% коричневоглиняных амфор. В первой или во второй верхнеегипетской области необходимо искать карьеры для глины третьей группы, из которой изготовлена небольшая часть столовой посуды и 50% коричневоглиняных амфор.

Подавляющая часть коричневоглиняных амфор с характерной реберчатостью изготавливалась в Элефантине или Ассуане. Только примерно 2% исследованных коричневоглиняных амфор оказались происходящими из Нижнего Египта. Однако все подвергнутые анализу фрагменты розовоглиняных амфор показали их принадлежность к местной глине 1.

Среди обнаруженных фрагментов изделий из глины третьей группы выделяется сосуд из каолиновой глины, что, по мнению автора, свидетельствует, что залежи каолина находились в геологически вышележащих напластованиях, откуда и добывались.

Далее подробно характеризуются примеси в глине. Глинистая масса римско-византийского времени характеризуется высоким содержанием кварцевого песка и большим количеством шамота. Подмешанный шамот преодолевал усадку глиняной массы, выступая, таким образом, как минеральный отощитель.

В изготовлении столовой посуды применялись песок и шамот, так же, как для кухонных сосудов и амфор.

Керамика, изготовленная в Элефантине, делится на пять групп по различиям глиняных масс. По размеру зерен выделяются массы тонкозернистые (тип А) и крупнозернистые (тип В). Далее автор подробно останавливается на характеристике пяти типов местных глин и пяти типов импортных.

В заключение главы Р. Гемпелер уделяет внимание такому классификационному понятию, как «Ware» и дает краткую характеристику ангобам.

Понятие «Ware» (изделие) было применено В. Адамсом как мельчайшая классификационная единица, характеризующая сосуды с одинаковым сочетанием глины, обмазки и декоративной окраски [4, с. 246]. Поскольку на многих сосудах из Элефантины декор и роспись отсутствуют, автор считает нужным изменить определение В. Адамса и трактует «Ware» как классификационную единицу, включающую сосуды с одинаковым сочетанием глины и способа обработки поверхности (полировка, обмазка, заглаживание). Такое уточнение представляется вполне оправданным.

Автор выделяет ангоб т. н. «сильно разбавленного варианта», состоящий из воды с гематитом. Особо отмечаются т. н. белоангобированные сосуды.

С точки зрения хронологии достаточно интересна закономерность, подмеченная автором. Если в слоях конца I и II вв. и во второй четверти III в. существуют фрагменты чаш и амфорисков, частично покрытых желтой обмазкой, то со второй половины IV в. интенсивно применяется белая обмазка. Во второй половине VI в. белая обмазка служит фоном для росписи, что прослеживается до VII в.

Третья глава посвящена изготовлению керамики.

Эта глава не вносит каких-либо принципиальных изменений в хорошо известную технологическую схему производства керамики римского и ранневизантийского времени.

Сосуды из Элефантины изготовлены за редким исключением на гончарном круге. Автор отмечает две техники изготовления. Техника 1 состоит в том, что у закрытых сосудов, амфор и амфорисков не вытягивались из одного куска глины шея и корпус, а обе части соединялись в полувлажном

состоянии. Техника 2, более употребительная в Элефантине, заключалась в том, что горло вытягивалось из одного глиняного валика на плечах сосуда.

Автор отмечает применение матриц для штамповки декора на краснолаковых сосудах.

Четвертая глава посвящена раскраске и декору сосудов.

Р. Гемпелер подчеркивает, что для раскраски употреблялись так называемые шликерные краски, получавшиеся, с одной стороны, из красной или белой обожженной глины и, с другой, благодаря металлическим оксидам.

При раскраске употреблялись три основные краски: черная, белая и красная с соответствующими вариациями, вызванными атмосферой обжига и положением в гончарной печи.

Роспись в римское время ограничивалась определенными формами сосудов. Общее развитие идет от преимущественно монохромной росписи в период ранней и средней империи через богатый двухцветный декор в IV—V вв. (бихромия) к полихромному расписному стилю VI—VII вв.

Мотивы росписи были достаточно стандартными. Перенятый от периода позднего эллинизма мотив виноградной лозы в августовское время становится излюбленным и сохраняется вплоть до II—III вв. Далее происходит геометризация мотива вплоть до потери первоначального смысла. В качестве примера автор приводит эволюцию мотива цветка лотоса. Отмечаются также мотив в виде плетенки, применявшийся с середины VI в., и мотив рыбы, наиболее раннее изображение которой на тарелке датируется первой половиной V в.

Пятая глава содержит характеристику штампованного декора.

Одной из важных проблем является время появления штампов на донцах сосудов из Элефантины. Как показывает автор, экземпляров сосудов со штампами более раннего времени из комплексов нет. Отдельные типы штампов, которые могли бы быть отнесены к стилю А 1 Дж. Хэйса, датирующемуся 320—350 гг. [5, с. 21], сочетаются на сосудах с поздними мотивами, и к тому же происходят с ненадежно датированных фрагментов. В целом можно согласиться с Р. Гемпелером, что в Элефантине нет штампов группы А 1 Дж. Хэйса.

Тип широко распространенного в Элефантине штампа в виде пальмовых ветвей соответствует стилю А II Дж. Хэйса, который относится к 350—380 гг. [5, с. 219]. Возможно, принимая во внимание некоторое запаздывание от прототипа в Северной Африке, данный штамп стоит датировать второй половиной IV в.

Другие материалы также указывают на появление штампов в Элефантине со второй половины IV в., однако к третьей четверти этого столетия относятся только крайне редкие штампы на форме Т 211. Стратиграфические данные для штампованного декора имеются, однако, только начиная с первой четверти V в. н. э.

Далее дается краткая информация о мотивах штампов и самих штампах-матрицах, обнаруженных в Элефантине. Каталог матриц включает формы для оттиска в виде пальмовых листьев, трех концентрических кругов, крестов, хризм, львов.

Шестая глава посвящена импортной «Terra sigillata».

Находки импортной краснолаковой керамики в Элефантине поразительно редки по сравнению с находками в нильской дельте и Среднем Египте. В количественном отношении преобладают «Late Roman A» и «Late Roman B». Именно эти формы были источником большинства имитаций в Элефантине. Форма «Late Roman B» в целом соответствует формам 84, 91, 99 Дж. Хэйса [5, с. 132, 152]. Автор отмечает наиболее ощутимый поток импорта этих сосудов в V и VI вв., т. е. в то время, когда происходит упадок керамического производства самой Элефантины.

По сравнению с упомянутыми формами, в Элефантине не представлена группа «Late Roman C» по Дж. Хэйсу [5, с. 323—369]. Сосуды этой формы, относящейся к фокейскому производству, отсутствуют в среднеегипетском и верхнеегипетском регионах, что позволяет предполагать, что их импорт был ограничен районом нильской дельты [6, 7].

Вместе с тем достаточно интересно то обстоятельство, что многие мотивы штампов (№ 48, 61, 64, 66—68) находят близкое соответствие в мотивах группы «Late Roman C».

Крайне скудно представлена группа «Late Roman D». Несколько фрагментов этой формы со штампованным декором и один полностью сохранившийся сосуд формы 1 Дж. Хэйса исчерпывают эту продукцию. Отметим, что последний сосуд, по мнению автора, датируется чуть позже, чем середина V в. Важно также то обстоятельство, что мотивы штампов 74—77, восходящие к прототипам «Late Roman C», особенно часты на форме 9 B, относящейся уже к VII в.

Каким был импорт в раннеримское время, показывают только небольшие фрагменты.

Особое место занимает керамика из Нубии, чье влияние ощущается в расписном декоре керамики Элефантины.

Глава VII характеризует хронологию комплексов Элефантины. Затрагиваются методические вопросы, хронология строительных фаз комплекса храмового двора, стратиграфия отложений у ниломера, хронология материалов I—II вв., III—IV и VII—VIII вв.

Предлагаемая автором картина типологического и стилистического развития керамики опирается прежде всего на различные строительные и ремонтные фазы, которые зафиксированы в комплексе двора храма Хнума, со второй четверти V в. н. э., ставшего римским лагерем, из которого выросло поселение.

Сухой кирпич, употребленный при строительстве, содержит значительное количество фрагментов керамики, служившей для укрепления глиняной массы. Архитектурные исследования позволили установить три строительных периода, связанных с абсолютными датами, так, что для керамики, найденной в кирпичах-сырцах, есть три фазы «termini ante quos».

Хронологический репер для сооружения военного лагеря дают сведения письменного источника, подтверждаемые находкой монеты 388 г. н. э.

Хронологическим репером для периода конца IV — начала V вв. служит разрез 1970 г. в районе кладки ограды храма. Менее хорошо документирован период III—IV вв., который выделяется на основании грубо стратифицированного материала под ниломером, а также относительно хорошо стратифицированных материалов южной стороны храма Хнума.

Наиболее плохо представлены первые два столетия христианской эры вследствие немецко-французских «папирусных раскопок».

Хронология II в. основывается только на части слоя в Верхнем городе. Вследствие этого в работе представлены немногочисленные типы, характерные для первого века, сохранившиеся только в двух домах августовского времени.

Подытоживая хронологические выкладки, Р. Гемпелер приводит стратиграфический лист слоев по периодам с соответствующих объектов и предлагает достаточно узкие даты (с. 50).

Глава VIII посвящена развитию форм амфор (с. 52—55).

Амфорное производство, в особенности развитие отдельных форм и их хронология в Элефантине, остаются пока неясными. Как установил Ж.-И. Амперер, полностью сохранившиеся амфоры встречаются чаще в местах потребления, нежели в центрах их производства [8, с. 247].

В нашем случае также обнаружены были только отдельные целые экземпляры, в большинстве случаев мы имеем дело с фрагментами. У амфор в отличие от отдельных типов кухонной и столовой посуды, континуитет птолемеевских типов прослеживается не столь четко.

Наибольшее внимание автор уделяет местным и североафриканским амфорам, во многом в ущерб импортным типам из Греции, Сирии, Палестины.

Первый амфорный тип, обозначенный автором как K 700, обнаруженный в слоях второй половины I в., имеет аналогию с формой, найденной в больших сбросах керамического брака района Мареотиды. В этом выбросе мастерской содержался и второй тип амфор Элефантины, K 702. Тип K 702 происходит из слоев второй половины I в. в среднем Египте, и вероятно, производился в I—IV вв. н. э. из глины типа II.

Амфорные формы K 703 и K 704, изготовленные из глины типа I, встречаются в сероитское время в Нубии. Раскраска корпуса и декор характерны для нубийской керамики так называемой «группы X» [4].

Форма K 703, впервые встречающаяся в Элефантине в слоях второй половины I в., обнаружена в комплексах II—III вв. н. э., а также в слое второй половины III и IV вв. отложения под ниломером. Эти материалы показывают, что форма, возможно, изготавливалась до конца III в.

От формы K 704 сохранился целый экземпляр в контексте, видимо, первой четверти V в. Автор высказывает предположение, что развитие форм K 703 и K 704 в IV в. привело к возникновению так называемых «красноглиняных винных амфор».

К V в. относятся две группы так называемых «Ассуан-амфор». Группа А характеризует амфоры с раздутым корпусом, резко сужающимся книзу, и пологими плечиками, группа Б объединяет амфоры с менее раздутым туловом, продолговатым, с характерными узкими плечиками. Являются ли обе группы звеньями одной эволюционной линии, кажется автору сомнительным. Скорее, это две параллельные эволюционные линии.

От реберчатых коричневоглиняных амфор дошло большое число типов, производившихся во многих местах Египта. К важнейшим центрам их производства относятся Оксиринх, Гермополис Магна, Антинополис и, видимо, Фиваида, где виноградарство засвидетельствовано письменными источниками.

Большое число форм, отличающихся друг от друга, позволяет предположить, что каждый центр развивал производство своего собственного варианта существующего стандартного типа, который, со своей стороны, эволюционировал в течение трех столетий.

Анализ глин показал, что примерно 50% коричневоглиняных амфор происходит из окрестностей Ассуана и они были местного производства. Меньший процент был сделан из глины, которая обща для столовой посуды, большей части кухонной и красноглиняных винных амфор. Только 2% анализированных черепков указывает на импорт из Верхнего и Среднего Египта, однако привязать их к каким-либо формам невозможно из-за фрагментарности находок.

Дата начала производства амфор в Элефантине пока неясна, во всяком случае самые ранние находки относятся к периоду между 390 и 410 гг.

Предположительно, потребность в вине Среднего Египта и в значительной степени Нижнего, удовлетворялась благодаря локальному виноделию. В период V—VII вв. экспортируемые в Северную Африку амфоры коричневой глины, обнаруженные в Карфагене и Бенгази, могли происходить из нижнеегипетских мастерских.

Что касается характерных красноглиняных «Ассуан-амфор», то вне Египта их находки неизвестны.

В целом выводы автора относительно местных типов амфор особых возражений не вызывают. Вместе с тем Р. Гемпелер практически не уделяет внимание амфорам средиземноморских центров, экспортировавшихся в Элефантине. Такие амфоры приведены в каталоге, но оставлены с весьма кратким и неточным комментарием.

Судя по таблицам 125, *1*, 128, *1—4*, 129, 1—6, в Элефантину ввозились светлоглиняные амфоры с рифлением типа набегающей волны (т. н. LRA 1 amphoras), амфоры с воронковидным горлом (рис. 129, *2*), палестинские амфоры (рис. 129, *3—5*), амфоры Газы (рис. 129, *6*) и, видимо, типа 52 по С. Киэй (рис. 125, *1*).

При этом обнаруженные фрагменты амфор типа «набегающей волны» делятся на 2 типа: с двухчастным веничком (табл. 128, *2, 3*) и с заостренным, несколько утолщенным в верхней части (табл. 128, *1*).

Венчики двухчастного типа датируются периодом от второй четверти VI до 650/670 гг. [9, с. 64, рис. 8, *1, 2*], венчик с утолщением в верхней части — концом VI — началом VII вв. [9, с. 64, рис. 8, *5*].

Амфора с воронковидным горлом и круглым дном аналогична сосудам из комплексов Херсонеса конца VI — начала VII вв. [10, рис. 3, *2, 3*].

Эти типы амфор указывают на связь со средиземноморскими центрами, которая в книге Р. Гемпелера осталась за полем исследования.

В заключительном разделе кратко суммируются полученные выводы. Наибольший интерес представляют выводы о функционировании керамических мастерских Элефантины римского и ранневизантийского периода.

Хотя на сегодняшний день керамические мастерские не были обнаружены в Ассуане, однако находки керамического брака, необожженных сосудов, куски сырой глины вкупе с находками матриц свидетельствуют о наличии керамического производства.

В первые два столетия нашей эры производились только отдельные формы столовой посуды и функционировала, видимо, только одна мастерская.

Когда Египет стал римской провинцией, лежащий в районе первого нильского порога город Сиена и остров Элефантина приобретают стратегическую функцию опорного пункта для охраны южной границы. Для защиты границы римлянами были сооружены дополнительные укрепления, одним из которых был Примис.

Первые формы «Terra sigillata» попали в Элефантину, видимо, с римской оккупацией. Наиболее ранние на Элефантине имитации «Terra sigillata» восходят к раннеавгустовскому времени, при том, что никаких специфически раннеавгустовских форм нет.

Вероятно, производство «Egyptian A Ware» появилось в раннеавгустовское время. Может быть, эта группа сосудов изготавливалась не в Элефантине, где залежи глины отсутствуют, а в Сиене. Вполне возможно, что первые изделия с некоторым запаздыванием попадали в мусорные отложения на Элефантине. Автор предполагает, что первоначально только высший слой военных использовал эти чашки.

Далее Р. Гемпелер рассматривает вопрос, привозили ли римляне своих ремесленников в обозе, которые, таким образом, на месте легионной стоянки налаживали мастерскую, или только самые необходимые формы посуды изготавливались в уже существовавших местных мастерских. В пользу последнего предположения, по мнению автора монографии, свидетельствует то, что в заполнении фундамента террасы храма Хнума найден богатый керамический материал. Отсюда, вероятно, и

происходят наиболее поздние фрагменты третьей четверти I в., хотя терраса была сооружена между 29 и 14 гг. до н. э. и сооружение заняло по меньшей мере десять лет.

Подавляющая часть керамики из близлежащего поселения однозначно продолжает позднептолемеевские традиции. Видимо, местные мастерские после захвата страны римлянами начинают выпускать новые формы, соответствующие вкусам римского командования.

Приведенные мысли автора весьма интересны, но далеко не бесспорны, поскольку предположение о выпуске первых имитаций красного лака для высшего слоя римского командования требует более веских аргументов. Проблема социальной интерпретации керамики крайне сложна и пока слабо разработана даже на теоретическом уровне. Для этого как минимум необходим тщательный анализ ассортимента посуды из закрытых комплексов, отражающих быт высших слоев римских гарнизонов. Без этого предположение остается чисто умозрительным, хотя, несомненно и заслуживающим обсуждения.

Каталог прекрасного качества содержит даже цветные таблицы глин и расписной керамики и полиграфически выполнен на очень высоком уровне. Особо отметим достаточно емкое описание практически каждого приведенного в каталоге фрагмента.

В целом нет сомнения, что перед нами добротная, тщательно выполненная работа, являющаяся практически полной сводкой керамики римского и ранневизантийского времени такого выдающегося памятника, как Элефантина. Введение в оборот нового материала заставит исследователей несколько иначе посмотреть на локализацию центров производства североафриканской краснолаковой штампованной керамики ранневизантийского времени. Видимо, эта керамика появляется в разных центрах Северной Африки и Египта примерно в одно время. Как следствие возникает вопрос, с какой продукцией мы имеем дело в Северном Причерноморье.

Вместе с тем ряд положений монографии вызывают возражения. Это прежде всего классификационная схема и аргументация исторических построений.

Крымский филиал Академии наук Украины,
Симферополь

А. В. Сазанов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Gardin J. C.* Code pour l'analyse des formes de poteries. Paris, 1976.
2. *Gardin J. C.* Les banques de donnees archeologiques: problemes methodologiques, technologiques et institutioonnels//Colloque National sur les banques de donnees archeologiques. Marseille, 1972.
3. Methodes classiques et methodes formelles dans l'etude des amphores. Rome, 1977.
4. *Adams W. Y.* An Introductory classification of Christian Nubian Pottery//Kush. 1962. X.
5. *Hayes J. W.* Late Roman pottery. L., 1972.
6. *Mayet F., Picon M.* Une sigillee tardive «Late Roman C» et sa diffusion en Occident//Figlina. 1986. № 7.
7. *Empereur J. Y., Picon M.* A propos d'un novel atelier de «Late Roman C»//Figlina. 1986. № 7.
8. *Empereur J. Y., Picon M.* Les regions de production d'amphores imperiales en Mediterrannee Orientale//Amphores romaines et histoire economique. Rome, 1989.
9. *Сазанов А. В.* Амфорный комплекс первой четверти VII в. из Северо-Восточного района Херсонеса 3//МАИЭТ. 1991. Вып. 2.
10. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.

H. Forsell. The inception of copper mining in Falun Arkeologiska Forskninglaboratoriet. Stockholms Universitet, 1992

Комплексные археометаллургические работы, основанные на объединении усилий археологов, историков, геологов и металлургов, охватывают, как правило, период с энеолитического до римского времени. Рецензируемая монография шведской исследовательницы Х. Фошелль относится к редким работам, посвященным горному делу и металлургии в эпоху, последовавшую за падением Римской империи.

На фоне общей картины добычи цветных металлов в Европе особое место в монографии занимает

© Н. В. Ениосова, 1995 г.

история разработки знаменитого шведского рудника Коппарберг, расположенного в провинции Деларна. Упомянутый впервые в 1288 г. Фалунский рудник завершил свое существование в 1990 г. Медь из Фалуна играла особую роль в Европейской торговле с XIII по XVIII вв.: она была включена в сферу деятельности Ганзейского союза, который обеспечивал рынки металлов от Новгорода до Португалии.

Автор видит одну из главных своих задач в решении вопроса о начале функционирования рудника в Коппарберге. Радиоуглеродный анализ болотных отложений, содержащий медные шлаки, показал: разработка меди началась в Фалуне около 1000 г. Споро-пыльцевые и радиоуглеродные анализы отложений из прилегающего озера Тиска указывают на IX и даже на V—VI вв. н. э. Однако, по мнению Х. Фошелль, все эти даты не имеют отношения к промышленной разработке рудника, относящейся ко времени не ранее 1200 г. Среди предпосылок для крупномасштабной добычи меди автор называет доступность богатых горных пород и обеспеченность топливом, а также наличие свободных рук рудокопов.

Особое внимание автора привлекает проблема привязки готовых изделий из меди к медному сырью рудника. Она полагает, что ключевым материалом для установления происхождения металла являются слитки меди, а также значительные по объему и весу объекты (колокола, пушки и церковные порталы), для изготовления которых невозможно было ограничиться лишь использованием лома.

Для изучения слитков и массивных изделий Х. Фошелль использовала широкий круг химических и физических методов исследования. В специальной главе, озаглавленной «Теоретическое обрамление», она рассматривает возможности атомной абсорбционной спектроскопии, металлографии, свинцово-изотопного анализа. Необходимо отметить, что 170 анализов выполнены методом атомной абсорбции автором монографии. Этот аналитический метод пригоден для самых малых навесок и имеет высокую точность определения [1, с. 19—37].

Следует отметить также использование в работе результатов свинцово-изотопного анализа 27 предметов из меди. Автор получил уникальную возможность определить происхождение металла некоторых объектов: у каждого рудника прослеживается определенная картина изотопов, которая не изменяется при выплавке металлов из руды и может служить надежным источником в определении месторождения меди [2, с. 159—198].

Исследования в этом направлении археометаллургии относятся преимущественно к эпохе бронзы. Опыт применения свинцово-изотопного анализа к средневековому металлу ограничивается двумя работами: помимо шведской следует упомянуть работу, выполненную в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, в которой установлено происхождение металла этого региона [3, с. 41—45].

Следует подчеркнуть также отношение автора к проблеме сопоставления металла археологических объектов и рудных источников по составу элементов-примесей, определяемых спектрально. Х. Фошелль считает недопустимым такое сравнение. Действительно, при всех стадиях процесса перехода из руды к готовому изделию происходит изменение состава примесей, а отливка изделий с использованием лома вызывает изменение содержания главных компонентов, определяющих тип сплава [4, с. 59—69; 5, 1982]. Однако детальный анализ каждого конкретного элемента позволяет ей в ряде случаев выделить характерные для фалунской руды микропримеси. Содержание никеля, например, практически не меняется при переходе его из руды в металл. Руда Коппарберга характеризуется низким содержанием никеля (0,07—0,05%). По мнению автора, высокое содержание никеля в объектах исключает происхождение металла из Фалунского рудника. Кроме того, в шведской меди фиксируется значительное количество железа (до 13%) и серебра (до 0,1%).

Для выделения групп сплавов использованы треугольные диаграммы, позволяющие оценить степень близости изучаемых вещей по составу основных элементов их металла. Положение конкретного объекта в определенной части треугольника обусловлено не абсолютной концентрацией компонентов в сплаве, а отношением концентраций пар элементов (например, Cu/Sn, Sn/Pb). Представляется, что треугольные диаграммы более точно отражают группировку объектов, чем принятые в российской научной литературе гистограммы; величина отношений пар элементов меньше зависит от ошибок анализа [6, с. 67].

В главе, посвященной добыче и использованию цветных металлов в Европе в период с 500 по 900 гг. н. э., автор поддерживает точку зрения, согласно которой большинство Европейских рудников греческого и римского времени были истощены в поверхностной части к началу эпохи великого переселения народов [7—9]. Она считает также, что богатые рудные источники, расположенные севернее лимеса, не разрабатывались в этот период. Х. Фошелль задается вопросом: откуда поступала медь и другие цветные металлы в Европейские страны, расположенные севернее Альп?

В итоге исследования автор устанавливает три источника, обеспечивающих страны Центральной

и Северной Европы. Во-первых, это повторное использование античных вещей, которые добывались в результате разграбления могил и переплавки статуй. Крупномасштабное разрушение античных вещей обеспечивало производство и воспроизводство ювелирных украшений в течение нескольких поколений.

Во-вторых, источником поступления цветных металлов служили рудники Ближнего Востока и Средней Азии.

В-третьих, пиренейские рудники, которые начали повторно функционировать при Омейядах в VIII в.

К сожалению, второе и третье положения слабо аргументированы в работе, что связано с отсутствием археометаллургической информации об азиатских рудниках в средневековье.

Что касается вывода об использовании лома, то он достаточно убедительно обоснован в монографии. Используя данные, содержащиеся в работах Б. Аррениус (фибулы из Емтланда и Готланда), У. Несмана (фибулы с Оланда), К. Ламм (украшения, ювелирные слитки и отходы из Хельго), Г. Тротцига (сосуды из Бирки и с Готланда), автор указывает на большой разброс в составе сплавов, характерных для предметов одной категории. Ювелир этой эпохи был ограничен в источниках сырья и не всегда мог выбрать лучший в техническом и эстетическом отношении сплав [10, с. 11—20; 11, с. 97—103; 12, с. 5; 13].

Хорошим дополнением к изложенным выше наблюдениям мог бы стать микроструктурный анализ больших серий украшений V—X столетий. Металлография помогает установить круг технологических приемов и степень осознанности выбора металлов или сплавов, применимых для той или иной технологической операции [14]. Однако в работе использовано всего 10 микроструктурных анализов слитков самородной и черновой меди.

Примечательно, что в X в. появляются более однородные типы сплавов. Автор считает, что этот факт отражает изменения в уровне мастерства ювелиров, а также свидетельствует об увеличении возможностей в получении цветных металлов. Действительно, после 900 г. происходит бурный рост добычи металлов в Европе. Активно разрабатываются медные и серебряные рудники в Гарце (Раммельсберг, Мансфельд), в районе верхнего Мааса получают каламин, необходимый для производства латуней (Динант, Аахен), Богемия и Англия поставляют олово. Автор отмечает, что одной из причин кардинального изменения рынка меди в X в. стала возросшая необходимость в изготовлении литургических предметов, для производства которых не хватало античного лома.

Две специальные главы монографии посвящены церковным порталам и колоколам средневековой Европы.

Х. Фошелль выделяет две группы порталов: к первой относятся монолитные церковные врата, выполненные в римской традиции. Последним образцом такого рода является портал собора в Майнце, датируемый 1000 г. Со второй группой связаны появившиеся после 1000 г. сборные порталы. Автор полагает, что сборная конструкция и разнородность состава металла для одной пары врат (например, портал собора в Гнезно) указывают на нехватку однородных медных сплавов.

К сожалению, для суждений, высказанных в этой главе, недостаточно пяти неполных анализов, фиксирующих только пять химических элементов в составе сплава. Кроме того, как отмечает автор, многие порталы могли украшать не одну церковь: их похищали и использовали как источник металла. Эти обстоятельства затрудняют точную датировку и определение места производства церковных врат и, следовательно, не позволяют решить вопрос о происхождении металла.

Более широкая аналитическая база была использована в главе о колоколах. В ней рассматриваются результаты анализов 20 североевропейских колоколов, выполненных Х. Фошелль. Помимо этого автор привлекла все известные на сегодняшний день данные о химическом составе колокольной бронзы [15, 16, с. 236—242; 17]. При сопоставлении результатов ей удалось выделить группы сплавов, характерные для раннего периода бытования колоколов в X—XIII в. и для колоколов XIV—XV вв. Примечательно, что в те же хронологические рамки укладывается разделение колоколов по морфологическим признакам: до XIV в. бытует так называемый «романский» тип, диаметром 30—60 см и небольшой высоты. В XIV в. появляются «готические» экземпляры, значительно превышающие по высоте «романские». Для химического состава первых характерна бронза, содержащая 20—25% олова, для вторых — 18—20%. Кроме того, в ранних колоколах зафиксировано высокое содержание свинца и сурьмы.

Х. Фошелль подчеркивает значительное сходство в составе металла ранних скандинавских и русских домонгольских колоколов. Она делает предположение о существовании единого производственного центра, откуда медь и сами колокола импортировались на Русь и в Скандинавию. Автор считает, что колокола производились в Германии, где с XVII в. применялась прогрессивная техника

литья в песок и появились широкие возможности обеспечивать себя необходимым сырьем. Трудно представить себе транспортировку таких больших и хрупких объектов, как колокола. Разумнее допустить существование их производства в различных мастерских, в том числе и русских, и скандинавских, по единым технологическим рецептам, заимствованным из Германии. Сама Х. Фошелль ссылается на работу Х. Дрешера, в которой речь идет о колоколах, отлитых в Хедебю до середины X столетия. Там же обнаружены слитки металла, состав которого указывает на колокольную бронзу. Тем не менее поразительное сходство колокольного металла Северной Европы и Руси заслуживает особого внимания историков средневековой металлургии.

Пушки — следующая категория массивных объектов, которым отведена особая глава монографии. Аналитическую базу исследования составили в этом случае сто анализов химического состава пушечной бронзы.

Большинство пушек были отлиты в Центральной Европе в течение XVII в. Это как совершенно оригинальные произведения, не имеющие «близнецов», так и большие серии, изготовленные в одной мастерской на протяжении 10—20 лет. В последнем случае удается установить рецепт металла, сходство или отличие его от сырья индивидуально датированных изделий. Автор полагает, что лучший рецепт для пушечной бронзы был получен в Германии в середине XVII в.: она содержала 8% Sn, 2% Pb, 1% Zn. Цинк добавлялся для придания металлу золотистого цвета.

Для обсуждения вопроса о начале промышленного функционирования Фалунского рудника решающее значение имеет глава, посвященная слиткам самородной, черновой и очищенной меди, которые обнаружены в непосредственной близости от рудника. Происхождение этих объектов можно связывать с рудным сырьем Фалунского месторождения. Автор доказывает безусловную принадлежность к рудному источнику трех слитков черновой меди. Для них характерно необычно высокое содержание железа, низкое содержание никеля и сурьмы.

Один из слитков был найден в слое угля на дне рва. Уголь имеет радиоуглеродную дату — 1200 год. Х. Фошелль считает, что к этому времени складываются предпосылки для крупномасштабной разработки меди в Коппарберге. Размер, форма и степень очистки слитка указывают, по ее мнению, на сложившуюся металлургическую традицию выплавки и очистки меди.

Фалунские слитки и изделия из чистой меди (27 экз.) были подвергнуты свинцово-изотопному анализу. Коппарбергский рудник по причине колоссального геологического возраста имеет совершенно особые изотопные данные, отличающиеся от других европейских месторождений. Те объекты, чьи свинцово-изотопные характеристики совпадают с изотопным составом этого месторождения, получены из руды Фалунского рудника.

Уникальные характеристики рудника в Коппарберге позволяют сопоставить химический состав руды и некоторых массивных объектов, которые не могли быть отлиты из перемешанного лома. Сопоставление изотопных данных и состава микропримесей дает основания предположить, что 9 шведских колоколов XIV—XVI вв., 18 шведских пушек, 9 датских и одна немецкая могли быть отлиты из бронзы, содержащей фалунскую медь.

В заключительной главе автор освещает историю разработки Фалунского рудника и особую роль, которую играли ганзейские купцы в Швеции. Согласно Х. Фошелль, рудокопы из Саксонии появились в Фалуне в середине XII в. Их перемещение на Север было вызвано истощением самого крупного рудника Гарца — Раммельсберга, а также истреблением окружавших его лесов: добыча и очистка руды требовали огромного количества древесного угля.

Черновая медь из Швеции поступала в главный ганзейский город Любек, где подвергалась очистке перед продажей в других частях Европы. Кроме того, медь из Фалуна с середины XIV в. использовалась в Любеке для производства латуней.

Источники показывают, что монопольным правом на добычу и распространение шведской меди в XIV—XVI вв. обладала Ганза. С начала XVII в. ее роль стала уменьшаться и во время 30-летней войны была полностью утрачена.

Оценивая монографию Х. Фошелль в целом, следует отметить, что она демонстрирует весьма удачный подход к решению проблем, связанных с изучением средневекового горного дела и металлургии. Привлекая данные различных естественно-научных методов к анализу конкретного рудника, автор намечает пути дальнейших археометаллургических исследований.

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Н. В. Еншосова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Hughes M. J., Cowell M. R., Craddock P. T. C.* Atomic absorption techniques in archaeology//Archaeometry. 1976. № 18.
2. *Gale N. H., Sros-Gale Z. A.* Bronze Age copper sources in the Mediterranian: a new approach//Science. 1982. V. 15. № 4541.
3. *Feselov N. N., Kon'kova L. V., Zarudneva M. V.* The isotope composition of lead in the bronzes from archaeological site in the South of the Soviet Far East//Bull. Metals Museum. 1990. V. 15.
4. *Галибин В. А.* Особенности состава предметов из цветных и благородных металлов из памятников Северного Кавказа эпохи ранней и средней бронзы//Древнейшие культуры Прикубанья. Л., 1991.
5. *Ottoway B. S.* The earliest copper artifacts of the Norhtalpine region. L., 1982.
6. *Галибин В. А.* Количественный спектральный анализ микроэлементов в породах и минералах переменного состава. Дис. ... канд. геолого-минералог. наук. ЛГУ, Л., 1974.
7. *Aitchinson L.* A history of metals. L., 1960.
8. *Oldeberg A., Metalltecnik* under vikingatid och medeltid. Stockholm, 1966.
9. *Tylecote R. F.* A history of metallurgy. L., 1976.
10. *Arrenius B.* Kan metallanaliser ge en anvisning om när metallurgi blir inhemsk?//Icke järnmetaller malmfyndiheter och metallurgi//Företag från simposium pa Statens historiska museet. Stockholm, 1988.
11. *Nesman O.* Metall-supply in Eketorp//Early Medieval studies. 1973. № 6.
12. *Lamm K.* The Manufacture of Jewellery during the Migration Period at Helgö in Sweden//Bull. Historical Metallurgy Group. 1977. № 7.
13. *Trotzig G.* Craftsmenship and Function. A study of metal vessels found in Viking Age tombs on the island of Gotland. Stockholm, 1991.
14. *Рындина Н. В.* Металлография в археологии//Археология и естественные науки. М., 1965.
15. *Sørensen P. G.* Om nogle aeldre klokkebronzers kemiske sammensaething//Acta campanol. 1977. V. 2. № 1.
16. *Шашкина Т. В., Галибин В. А.* Памятники древнерусского колокольного литья//СА. 1986. № 4.
17. *Dresher H.* Die Kunde, Neue Folge, 8, Hefte 1—2., 1957.

U. Fiedler. Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Band 11). Bonn, 1992. Teil 1—2. 517 S. 117 Taf.

В монографии всесторонне исследуются грунтовые могильники Нижнего Подунавья одного из сложнейших периодов в истории этого региона — от VI до IX вв. включительно. Территория изучения охватывает пространство от Железных ворот до побережья Черного моря и от южных предгорий Карпат до Старой планины. Основу исследования составляет источниковый анализ более 120 могильников, их погребальной обрядности и вещевых инвентарей, включая всестороннее рассмотрение керамического материала. Вместе с тем рецензируемый труд является интереснейшим историческим исследованием, в котором археологические источники при наличии фрагментарных свидетельств письменных памятников широко и надежно используются для решения многих вопросов истории населения региона. Рассматриваемые темы имеют существенное значение для познания истории раннесредневековых этносов — славян, болгар-тюрок и румын, а также взаимоотношений между ними.

В первом разделе монографии рассматриваются исторические события, имевшие место в Нижнем Подунавье. Изучение сведений византийских и иных памятников письменности позволило автору расчленить исследуемый временной период на четыре этапа. Первый из них — время до расселения болгар-тюрок, второй — от переселения протоболгар до принятия христианства Болгарским государством, третий — от начала христианизации населения до падения Первого Болгарского царства, четвертый — время упадка византийского господства на Балканском полуострове.

Характеризуя первый этап, автор описывает провинцию Дакию и северную границу Византийской империи. Первые известия о болгарах-тюрках на нижнем Дунае относятся к 80-м годам V в. Они тогда были союзниками Византии в борьбе против остроготов, но уже в последних десятилетиях V в.

© В. В. Седов, 1995 г.

грабили Фракию. С начала VI в. болгары-тюрки уже проживали в поречье нижнего Дуная. Другим наиболее многочисленным этносом рассматриваемого региона были славяне, которые здесь, по мнению У. Федлера, были также пришлым населением. Первые упоминания о славянах в исторических источниках определяются временем около 500 г. Далее автор приводит всю информацию о них, содержащуюся в сочинениях Иордана, Прокопия Кесарийского и других историков. Не ранее 592 г. византийские пограничные крепости на Дунае были разрушены аварами, и началось массовое перемещение населения на Балканский полуостров.

Рассказывая о деятельности Аспаруха и о Первом Болгарском царстве и его конфликтах с Византией, У. Федлер отмечает, что территория государства Аспаруха преувеличена историками. В действительности она ограничивалась северо-восточной частью нынешней Болгарии, Добруджей и южными районами Пруто-Днестровского междуречья. Освоение же Старой Планины протоболгарами следует относить к первым десятилетиям IX в. Завершается исторический обзор 1014 г., когда Первое Болгарское государство было окончательно разгромлено.

Интерес представляет вопрос об этногенезе румын. Автор рецензируемого труда считает, что римско-византийское господство в Нижнем Подунавье, продолжавшееся три с половиной столетия, не привело к романизации местного фракийского населения. Потомки древнероманского населения к началу средневековья проживали рассредоточенно по всему Балканскому полуострову, в том числе в Македонии, Фессалии, Северной Греции и Албании. В период упадка византийского господства на Балканском полуострове эти потомки древнероманского населения — влахи (valahi, vlasi, volohi, blaci) письменных источников — вместе со славянами, проживавшие на нижнем Дунае около VIII или IX в., и положили начало становлению румынской народности.

Источниковый анализ погребальных древностей Нижнего Подунавья разделен У. Федлером на две части. В первой рассматриваются ранние могильники, относящиеся к VI — началу VII вв., которые дифференцируются на ранневизантийские и славянские. После изложения эволюции погребальной обрядности от позднеримского времени к ранневизантийскому дается краткая характеристика каждого из 12 нижнедунайских могильников, возникновение которых относится еще к IV в. Обрядность их характеризуется большим многообразием. В IV—V вв. широко были распространены погребения, обложенные камнями. В Томисе и Одессосе открыты росписные могилы IV—V вв. В VI в. широкое распространение получают склепы, выложенные из кирпича или камня, но обычны и простые могилы. Зафиксированы случаи использования заброшенных гончарных печей в качестве погребальных камер. Около Истрии открыты впускные захоронения рассматриваемого времени в древних курганах.

Половина раскопанных захоронений ранневизантийских могильников безынвентарна, другие содержат немногочисленные вещи. Основными находками являются детали поясов, предметы, привешиваемые к ним (железные ножи, кресала, кремни), и гребни. Монеты обнаружены только в двух некрополях (Пятра-Фрекатей и Галлатис). Детальнейшему анализу подверглись византийские пряжки типа Суцидава, приведен их каталог, составлена карта распространения. Основное время бытования определяется второй половиной VI в., но на нижнем Дунае, как устанавливает автор, также пряжки продолжали функционировать и в первой четверти VII в.

Важнейшим исследованным погребальным памятником славянского населения Нижнего Подунавья является грунтовой могильник Сэрата-Монтеору. Раскопками, продолжавшимися с 1937 по 1958 г., в нем открыто 1536 погребений по обряду трупосожжения. Большинство их безурновые и безынвентарные. Большой интерес представляет керамический материал (реставрировано три десятка сосудов). У. Федлер относит лепные сосуды к типу Ипотеш-Киндешты и рассматривает этот тип как региональную раннеславянскую группу. Есть среди керамики и сосуды пеньковского типа. В четырех погребениях обнаружены горшки, изготовленные на гончарном круге.

Подобные славянские могильники известны в Балта Верде, Корбове, Козлодуе и Орле, но они в значительно меньшей степени исследованы. Распространенной находкой в погребениях являются стеклянные и пастовые бусы, которые описываются достаточно подробно. Приводятся характеристики и других находок — бронзовых бляшек, пряжек, трапециевидных подвесок и др.

Наиболее яркой находкой славянских памятников являются пальчатые фибулы. Считая их важнейшим этническим индикатором славянского расселения, У. Федлер посвятил этим предметам интереснейший раздел. После краткого историографического экскурса исследователь достаточно надежно дифференцирует пальчатые фибулы Подунавья на германские и славянские. Первые датируются второй половиной V — первой половиной VI в. и синхронны приходу германцев на окраины ранневизантийского региона. Фибулы второй группы соответствуют местам массового славянского

оседания к северу от нижнего Дуная во второй половине VI в. и к югу от Дуная во втором десятилетии VII в.

Центральное место в рецензируемом исследовании занимает анализ могильников VII—IX вв. (некоторые из них, возможно, содержат и погребения начала X в.) — периода от конца византийского владычества в Нижнем Подунавье до принятия христианства Первым Болгарским царством. Каталог включает 102 памятника, исследованных раскопками в разное время и разными исследователями.

Рассмотрение вещевых материалов из могильников начинается с всестороннего анализа глиняной посуды, являющейся не только наиболее массовыми, но важнейшими находками. Она прежде всего подразделяется на красную с резным орнаментом и серую с лощеными узорами, которые в зависимости от размерности распределены на четыре группы (A — D). Отдельные группы составляют серые двуручные сосуды (E), кувшины (F) и амфоры (G). Типология керамики разработана на основе 1200 реставрированных сосудов. На основе форм венчиков и деталей орнаментации выделены варианты.

Вслед за керамическим материалом рассматриваются другие находки. В языческих могилах встречаются единичные вещи. Это преимущественно железные ножи, пряслица и огнива. Среди инвентарей есть предметы позднеаварских типов — каплевидные бусы, металлические розетки, поясные накладки и наконечники, фибулы, бляшки и др. Они относятся в основном к VII—VIII вв., но есть и вещи начала IX в. Предметы украшений встречаются и в раннехристианских погребениях (стеклянные бусы и перстни). Для хронологии погребальных комплексов важны серьги, получившие хождение в IX — начале X в.

Большой интерес представляют разработки У. Федлером последовательности развития конкретных могильников, которые строятся на их планиграфии и керамической классификации при учете вещевых находок. Наиболее детально этот вопрос рассмотрен на материалах могильника Раздельна, в котором выделяется три части и определяется, что ранняя группа захоронений датируется последней четвертью VII в., а вскоре после принятия христианства (864 г.) некрополь в 875 г. был заброшен.

Анализ планиграфии ряда могильников позволил исследователю реконструировать эволюционное развитие типов керамики Нижнего Подунавья от 600-х до 900-х годов (приложение 1). При этом установлено, что для хронологического определения погребений существенное значение имеют горшкообразные сосуды малых форм красного теста и что кувшины пришли на смену амфорам. Намечается и эволюция типов кувшинов. Бытование лепной керамики ограничивается 70-ми годами VII столетия, при этом преимущественно в севернодунайских землях.

В итоге рассматриваемые могильники подразделены на две группы. Первую составляют некрополи, состоящие преимущественно из захоронений по обряду кремации умерших. Трупоположения в них являются исключениями. Среди трупосожжений есть безурновые и урновые, последние нередко имели покрытия. Вещевые находки крайне редки. Между остатками трупосожжений встречаются кальцинированные кости животных. Как полагают исследователи, это остатки жертвенного мяса, брошенного в погребальный костер.

Вторую группу образуют биритуальные могильники. Среди захоронений по обряду кремации умерших в них господствуют безурновые. Урны встречены в единичных случаях, и в них обычно фиксируются малые остатки трупосожжений. Остатки жертвенного мяса свойственны как для сожжений, так и для трупоположений, в последних обычны некальцинированные кости (конь, корова, овца). Для могил с ингумациями типичны ниши. Над скелетными захоронениями обычно клались камни, что автор, вслед за болгарским археологом Д. И. Димитровым, обусловливает боязнью вампиризма умерших.

Первая группа рассматриваемых могильников связывается У. Федлером со славянским населением. Для захоронений характерна лепная керамика или сосуды, изготовленные на примитивном гончарном круге. Это могильник Сарата-Монтеору, функционировавший в рассматриваемое время, и некрополи Гарван-1, Попина-2, Сату-Ноу-1, Налбант, ранний этап в Раздельне, а также отдельные погребения в Истрии-Капул Виилоре в глиняных урнах, обнаруживающих параллели в ранней керамике Раздельны. Появление таких могильников к югу от Дуная определяется вторым десятилетием VII в. Аналогии им составляют некрополи Трансильвании (группа Медиаш).

Биритуальные могильники У. Федлер относит к праболгарам. Номадские элементы в их захоронениях проступают отчетливо. Антропологические изыскания подтверждают это — черепа из трупоположений этих памятников несут некоторые монголоидные особенности. Однако ряд биритуальных некрополей следует считать полиэтничными. Так, упомянутый могильник Истрия-Капул Виилор, содержащий 120 урновых и 77 безурновых погребений по обряду кремации умерших, а также 55

трупоположений, в том числе с нишами и жертвенными животными, является несомненно смешанным кладбищем. Тут имеются погребения и славян, и праболгар. К подобным памятникам принадлежит и могильник в Султана.

Существенное место в монографии У. Федлера занимает каталог могильников Нижнего Подунавья с описанием исследованных в них погребений. При этом немало внимания уделяется планиграфии раскопанных захоронений, что существенно для понимания предлагаемых в работе выводов, для подкрепления ряда интересных наблюдений. Вещевые материалы из могильников хорошо иллюстрированы таблицами.

Рассматривая рецензируемый труд как событие в археологическом изучении Нижнедунайского региона, отмечу некоторые спорные моменты, содержащиеся в нем.

Появление славянского населения в северной части Нижнего Подунавья определяется в работе рубежом V и VI столетий, с чем трудно согласиться. У. Федлер пишет, что большинство археологов локализует славянскую прародину в лесной зоне Среднего Поднепровья. Это были племена — носители киевской культуры, на основе которой будто бы сложились раннесредневековые культуры славян — пражско-корчакская, пеньковская и колочинская. Это не совсем так. У. Федлер упоминает о наличии в археологической литературе и иной точки зрения о локализации славян в римское время, но присоединяется к «большинству исследователей». Поэтому понятно его положение о первом появлении славян на нижнем Дунае на рубеже V и VI вв.— это могли быть только племена пражско-корчакской и пеньковской культур. Между тем ныне здесь известны и более ранние древности славян. Еще в 70-х годах нынешнего столетия в регионе между нижними течениями Дуная и Днестра были открыты, а позднее изучались памятники типа Этулии, которые по всем своим показателям сопоставимы с древностями киевской культуры, а в некоторой степени и с древностями лесостепных регионов черняховской культуры. Время этих памятников определяется довольно отчетливо материалами римской эпохи — амфорами, обломками стеклянных кубков со шлифованными овалами, коническим кубком с раскраской, трехчастным костяным гребнем и римскими монетами. Это — III—IV вв.

Певтингеровы таблицы, изготовленные в XII—XIII вв., но восходящие к позднеримскому времени (III в.), между нижним Дунаем и Днестром рядом с гетами и даками фиксируют венедов, с которыми есть все основания связывать древности типа Этулии. Они и отражают первую миграцию большого венедского массива к нижнему Дунаю в III—IV вв. О том, что ведены раннего средневековья были славянами, ныне сомнений нет.

Ошибочным представляется положение автора о том, что раннесредневековым славянам был свойственен исключительно обряд трупосожжения. Целый ряд фактов свидетельствует в пользу того, что анты — одна из крупных диалектно-племенных группировок славянства — с римского времени наряду с весьма распространенным обрядом кремации умерших знали и ритуал трупоположения. На это уже обращалось внимание в археологической литературе. Об этом говорят и находки достоверно славянских пальчатых фибул, справедливо рассматриваемых У. Федлером как важный индикатор принадлежности погребений славян. Такие фибулы обнаружены в погребениях по обряду ингумации в Поднепровье, на Днестре и на Дунае. В исследуемом регионе пальчатые фибулы славянского облика найдены в могильниках Прунени и Кошовени, содержащих исключительно трупоположения.

В этой связи следует заметить, что нельзя все погребения по обряду ингумации VII—IX вв. относить безоговорочно к праболгарскому этносу. Среди них могут быть и захоронения иных этнических групп, но в условиях перемешенности и метисации населения проводить этническую дифференциацию их было бы не корректно.

Еще одним весьма дискуссионным в рецензируемой монографии является вопрос об условиях формирования румынского этноса. У. Федлер, как уже говорилось, считает, что этот процесс начался в VII или IX вв. и ядро складывающейся народности составили потомки древнероманского населения Балканского полуострова и славяне. Участие последних в этногенезе румын бесспорно, но его не следует преувеличивать. Нельзя не обратить внимание на то, что к началу VIII в. в землях к северу от поречья нижнего Дуная прекращают функционировать почти все могильники славянского населения. Материалы, собранные и проанализированные У. Федлером, свидетельствуют, что значительные массы славян в рассматриваемое время оставили этот регион. Картография могильников, пряжек и фибул славянского облика (рис. 13 и 18) и особенно поселений, которые остались вне внимания исследователя, указывают на довольно плотное заселение славянами северных земель Нижнего Подунавья. Карта распространения славянских могильников второго этапа (рис. 116) отчетливо свидетельствует об оставлении славянами этих территорий.

Какая-то часть славян в VII в. двинулась на юг, оседая в различных местах Балканского полуострова. Имеются основания полагать, что значительные группы славянского населения переселяются на Русскую равнину. В начале VIII в. крупные массы славян появляются на верхней Оке, на Дону и в левобережной части Среднего Поднепровья. Определить, откуда шла эта миграция, правда, пока не удается, но приток из Дунайского региона не исключается. Только в условиях отлива значительных масс славянского населения и мог начаться процесс формирования румынского этноса. В нем приняло участие не только местное древнероманское население Нижнего Подунавья — образовавшийся вакуум мог привлечь сюда потомков родственного населения и из других местностей Балканского полуострова. Возможно, поводом для славянского расселения из Дунайского региона был прилив в эти края потомков древнероманского населения. Скорее всего это историческое событие нашло отражение в «Повести временных лет», где сообщается о нападении на славян Подунавья волохов, что и обусловило их миграцию из этого региона.

В заключение стоит еще раз подчеркнуть большое значение рецензируемой монографии для археологии Юго-Восточной Европы. Это — фундаментальное исследование, подводящее итоги современному состоянию знаний по археологии и истории населения раннего средневековья Нижнедунайского региона.

Институт археологии
РАН, Москва

В. В. Седов

О. Е. Алексеева, Н. Ф. Саввониди. Иллюстрированный англо-русский — русско-английский историко-археологический словарь. Санкт-Петербург: изд. авторов, 1993. 112 с. Тираж 3000

Авторы считают изданный словарь «первой попыткой такого рода в нашей стране». Если иметь в виду археологические словари для перевода, это не первая попытка (были другие небольшие издания), но «такого рода» — действительно первое предприятие. Дело не только в том, что технически брошюра издана убого. С этим еще можно было бы примириться. Но содержание...

Словарь аттестован как историко-археологический. Зачем же в нем приведены названия цвета (и только в англо-русской части) и такие слова, как «чистый», «феномен», «отлив», «тамада» и проч.? Ради того, чтобы на титуле можно было сообщить, что словарь содержит «8000 слов и терминов, 10000 переводов»? Археологические термины встречаются всего по несколько на страницу, так что их несколько сот. И значительная доля их переведена неверно, со скандальными искажениями смысла и грамматическими ошибками.

«Archaeological record» переведено как археологическое описание, тогда как это археологический источник; «assemblage» (комплекс) — как «группа предметов»; «corpus of pottery» (свод керамики) — как «керамический комплекс»; «feature» (сооружение) — как «особенность, черта» (это значение есть, но не в археологической терминологии); «flask» (фляга) — как «горшок»; «occupation layer» (культурный слой) — как «слой обживания»; «belt buckle» (поясная пряжка) — как «бляшка»; «torc (or torque)» — как «торквес (браслет)», тогда как это «витая гривна»; «neckring» (гривна) — как «шейный браслет».

«Топленое молоко» (если предположить, что оно имеет какое-то отношение к археологии) — не «boiled milk» (это «кипяченое молоко»), а «baked milk»; «aerial survey» — не «наблюдение с воздуха», а «авиаразведка»; «habitation site» — не «обитаемое местонахождение», а «местонахождение с культурным слоем»; «repoussé» — это не «рельефный», а «выбитый (чеканенный) с изнанки». Список можно продолжать...

Тонкости перевода, нюансы отсутствуют. «Antiquity» переведено как «античность», «classical antiquity» — как «классическая античность» (масло масляное!), тогда как следует переводить первое как «древность», а второе — как «античность». «Make-up» переведено длинно и неточно, а ведь это просто «нивелировочная подсыпка». «Overlapping layers» — это не «чередующиеся слои», а «частично

© Л. С. Клейн, 1995 г.

взаимоналагающиеся слои». «Technology» должно во многих случаях переводиться не как «технология», а как «техника» («stone t.», «prehistoric t.» и т. п.). «Surface treatment» — это не «орнамент на поверхности», а «обработка поверхности». «Pestle», коль скоро речь не о цветах, надо переводить не «пестик», а «пест» («пестик» по-английски «pistil»).

«Divide» (разделять) авторы пишут «devide»; «cuneiform» (клинописный) в словаре систематически пишется «cuniform», что придает клинописи новое значение («в форме женского полового органа»)*.

Авторы взялись за работу, которая им оказалась не по силам. Им не хватило ни языковой подготовки, ни археологического кругозора. Пользоваться словарем невозможно, опасно. В качестве адреса указан Институт истории материальной культуры в Петербурге. Несет ли Институт ответственность за издание?

Л. С. Клейн

---

* Авторитетные словари английского языка не подтверждают мнение рецензента, причем в ряде случаев приводят термин "cuniform" как синонимичный к "cuneiform" (*прим. ред.*).

А. М. БУРОВСКИЙ

ФИКТИВНО-ДЕМОНСТРАЦИОННЫЙ ПРОДУКТ В АРХЕОЛОГИИ

Понятие фиктивно-демонстрационного продукта (далее — ФДП) было введено в науку так называемыми методологами, и в первую очередь Г. П. Щедровицким для обозначения тех явлений в социальной практике, когда исполнитель работы демонстрирует несуществующие на самом деле результаты (например, делая приписки или сообщая о работе, которая на самом деле не выполнялась). Цель задачи ФДП — повышение своего социального статуса или получение каких-либо преимуществ. Выдача ФДП может быть актом сознательного мошенничества, но гораздо чаще — актом негласного договора одной стороны — выдать ФДП, а другой — принять. В случае с теми же приписками «получатель» ФДП прекрасно знает об обмане, но соглашается с ним, чтобы выдающий мог лучше заработать или просто потому, что связан с этим выдающим служебными и дружескими узами.

Модельным примером ФДП, выдаваемого регулярно целой научной школой, явилась деятельность Н. И. Дроздова и возглавляемых им структур: Северо-Ангарской археологической экспедиции Госпединститута (САЭ КГПИ), с 1985 г.— Комплексная археологическая экспедиция (КАЭ КГПИ), а также подразделение СО АН СССР (с 1991 г.— РАН) — лаборатория археологии, палеогеографии Средней Сибири (ЛАПС). Между этими структурами имеется тесное сотрудничество и преемственность. Приехав в Красноярск в 1974 г., Н. И. Дроздов работал в Краевом Краеведческом музее, преподавая по совмещению в Красноярском пединституте. Затем перешел на полную ставку в пединститут. Это — эпоха САЭ. В середине 80-х годов, с началом формирования в Красноярске структурных подразделений Института истории, филологии и философии СО АН СССР (ныне Институт археологии отделился от других структур и подчиняется Российской академии наук — ИА РАН) команда, сформировавшаяся ранее, частично перешла в эти подразделения, а САЭ стала КАЭ. На протяжении почти 20 лет происходит развитие научной школы, возглавляемой одним человеком.

Всякая информация о деятельности всех этих подразделений выборочна и частична. Самый поверхностный анализ позволяет увидеть, как информация, выдаваемая разным учреждениям, варьирует в зависимости от целей выдачи. В сборнике «Археологические открытия 1976 г.» бесполезно искать сведения о проведенных раскопках: работы в этом году велись без открытого листа. Уличенный в браконьерских раскопках, Н. И. Дроздов вынужден был представить отчет о проделанной работе. Но в «Археологических открытиях 1977 г.» данные о работе 1976 и 1977 гг. приводятся суммарно, сделанное в 1976 г. выдается за сделанное в 1977 г. [1]. Это прекрасный пример того, как «получатель» ФДП закрывает глаза на фиктивность полученных сведений — ведь ОПИ прекрасно знает, что работы проводились не в том объеме и что данные за 2 года раскопок «суммированы».

© А. М. Буровский, 1995 г.

По отношению же к научной общественности, которая может судить о работах только по публикациям,— это пример откровенного мошенничества.

И в полевых отчетах, и в публикациях Н. И. Дроздова и его сотрудников отсутствует информация о масштабах проводимых работ и об обстоятельствах, в которых сделаны яркие находки. Таких данных нет по поселениям Чадобец, Пашино, Кода, Усть-Кова, Усть-Тасеева, Няша, Лиственка-Заречная — памятников, которые вскрывались большими площадями [2, с. 77—133; 3, с. 190—211; 3, с. 235—260; 4; 5]. Характерна карта, опубликованная по итогам археологических открытий на Ангаре [2, с. 6]. Цифрами на ней изображено множество памятников. Но... карта не расшифрована, и что стоит за цифрами — совершенно непонятно. Вот типичный ФДП — видно, что памятников открыто много, работа проделана большая, но воспользоваться приводимыми данными невозможно.

Наблюдается несоответствие между публикациями и полевыми отчетами, причем вполне определенного характера. Часть «проходящих» по публикациям памятников теряется (Черемшанка, Большая Имбала, Гремячий ручей) [3, с. 202]. Материал памятников представлен не полностью. Часть материала (иногда наиболее яркая) не упоминается вообще. Полевой отчет о раскопках Усть-Ковы за 1987 г. [6] содержит... 11 страниц. Памятник, на котором известны несколько поселений и могильник, предстает упрощенно. Так же загадочно «теряются» два погребения с Пашино, открытые в 1976 г. [7].

Сведения о раскопках Лиственки-Заречной попросту фальсифицированы. В 1983 г. на территории памятника были заложены три раскопа — 9, 12 и 56 м^2. В 1984 г. заложены были новые раскопы — площадью 80 (впоследствии расширялся) и 12 м^2. Отчет за 1983 г. (представленный осенью 1984 г.) не содержит никаких сведений ни о каких раскопках, кроме одного — 80 м^2 [8].

Как видно, ФДП выдается по-разному ОПИ и коллегам. Информация в ОПИ подается наиболее урезанная, скудная, сохраняются сведения, совершенно неизвестные официальным структурам. Материалы же публикаций таковы, что использовать их крайне трудно. Можно только сослаться на какие-то опубликованные сведения самого общего характера. Но ни полемика, ни критика невозможны — для них просто не хватает данных.

Выдача ФДП, как видно, сопряжена с двумя феноменами: своего рода «теневой» археологией, когда в распоряжении автора остаются никак не учтенные коллекции и материалы, и «мафиальной» археологией, когда материал отчуждается от автора таким способом, что его невозможно использовать без самостоятельной работы с коллекциями Н. И. Дроздова, т. е. во власти автора раскопок — своего рода «акт допущения», совершение которого зависит от многих факторов.

Характерно, что в отчетах, представляемых ОПИ, практически отсутствуют ссылки на сотрудников Н. И. Дроздова. Важно не только нарушение само собой разумеющихся требований ОПИ и научной этики. Это тоже ФДП — вся информация, весь объем проделанных работ связывается с деятельностью только одного человека. Достаточно взять межвузовские сборники, выходившие в Иркутске в 1975—1979 гг., или сборники «Археологические открытия» за 1973—1975 и 1977—1985 гг., и тут же встречаем фамилии множества лиц — сотрудников Н. И. Дроздова, работающих на «его» памятниках и делающих доклады на межвузовских конференциях именно по этому материалу,— Федюшин, Привалихин, Пашинов, Дельхман, Королева, Колмаков, Седых, Макаров, Сейфуллин. Изо всех этих лиц только Сейфуллин один раз упомянут в Отчете за 1987 г. [6].

В книге «Памятники истории и культуры Красноярского края» [3] Н. И. Дроздовым и его сотрудниками написано четыре раздела. Но теперь замалчивается работа археологов г. Красноярска, чья деятельность не связана с Н. И. Дроздовым. Ни один из памятников, открытых на Ангаре В. И. Привалихиным, не упомянут. Хотя комплекс поселений и могильников на о. Сергушкина изучается им с 1978 г., и на этом материале даже выделена новая археологическая культура — ципаньская [9]. Эти данные не могут быть неизвестны Н. И. Дроздову и его сотрудникам. Так же игнорируется работа Н. П. Макарова на пещере Елинева, хотя материал опубликован и представляет исключительный интерес [10]. Замалчивается открытие автором настоящей статьи комплекса памятников бронзового века на р. Верхняя Подъемная, а открытый мною в 1986 г. памятник Конец Яра выдается за собственное открытие 1987 г. Причем совершено две ошибки: памятник назван не по имени урочища, в котором он находится, а взятое для его наименования название села — Юксеево использовано почему-то в женском роде — «Юксеева» [3, с. 264].

Работы Н. П. Макарова на Среднем Енисее и Ангаре трудно не заметить. Поэтому многолетние работы Н. П. Макарова дублируются «отрядом по паспортизации памятников» КАЭ КГПИ и все данные о памятнике даются как собранные этим отрядом. Так продублированы данные о Карабуле [3, с. 207], о Няше [3, с. 247—252], о Усть-Мане, Боровом, Минжуле [3, с. 241—243].

Нетрудно заметить, что ФДП, выдаваемый официальным структурам (в лице ОПИ), коллегам

и широкой общественности, различен. Для ОПИ делается отписка, по которой решительно ничего невозможно понять или проверить, и в которой совершенно не видна роль любых археологов, кроме Н. И. Дроздова. Часть материалов, представляемых ОПИ, фальсифицируется, часть — скрывается.

ФДП, выдаваемый коллегам, представляет собой материалы, которыми невозможно пользоваться без консультаций с Н. И. Дроздовым и без допуска к материалу. Быть главой школы в этой среде — весьма престижно. Соответственно, на межвузовские конференции приезжает целый коллектив (скрываемый от ОПИ). Но представленные работы или носят чисто описательный характер, или делаются в соавторстве с Н. И. Дроздовым [11—14].

Выдаваемый широкой общественности ФДП должен вызывать общее ощущение масштабности проводимых работ, представление о монополизме Н. И. Дроздова и возглавляемых им структур, будить известный «местный патриотизм». Ведь получателям этого варианта ФДП не известно, что охранные свидетельства Н. И. Дроздовым или вообще не оформлены, или (на некоторые памятники) оформлены с огромным опозданием. Лиственка-Заречная была повреждена тракторами уже после начала работ на памятнике. Часть поселения Пашино сметена была местным леспромхозом весной 1977 г. Один из раскопов, заложенных на Лиственке-Заречной, стал причиной размыва культурного слоя. Но этот вариант ФДП, предназначенный для широкой общественности и для социального руководства, включает достаточный для них материал и как раз нужную информацию. Сведения о широкомасштабных раскопках, сделанных открытиях, «спасении» памятников и т. д. важны для структур власти, «управляющих» культурой и наукой в масштабах края. Они служат «меткой» социального статуса Н. И. Дроздова и возглавляемых им подразделений и дают возможность выдачи ФДП уже на другом уровне, как показатель успешного «руководства».

В заключение — пример выдачи ФДП учеником Н. И. Дроздова, В. И. Макуловым. Проводя разведки в бассейне Подкаменной Тунгуски путем уже знакомого «дублирования», он совершенно «позабыл» сослаться на предшественника, В. И. Привалихина [15]. Как видно, традиция выдачи ФДП может передаваться, как и всякая традиция научной школы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дроздов Н. И., Королева В. Н., Пашинов А. М.* Исследования в Северном Приангарье//АО-1977. М., 1978.
2. *Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И.* Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск, 1988.
3. Памятники истории и культуры Красноярского края. Красноярск, 1989.
4. *Дроздов Н. И., Акимова Е. В.* Лиственка — новая стоянка на Енисее//Проблемы исследования каменного века Евразии. Красноярск, 1984.
5. *Дроздов Н. И.* Каменный век Северного Приангарья: Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06. Новосибирск, 1981.
6. *Дроздов Н. И.* О полевых исследованиях на стоянке Усть-Кова в Красноярском крае в 1987 г.//Архив АИ АН СССР. Р-1, № 12716.
7. *Дроздов Н. И.* Отчет о полевых исследованиях Северо-Ангарской археологической экспедиции в Северном Приангарье//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 6787.
8. *Дроздов Н. И.* Отчет об исследованиях стоянки Лиственка-Заречная у г. Дивногорска//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 10901.
9. *Привалихин В. И.* В поисках научной истины//Век подвижничества. Красноярск, 1989.
10. *Макаров Н. П. и др.* Пещера Елинева — многослойный голоценовый археологический памятник на Среднем Енисее//Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. Красноярск, 1992.
11. *Буровский А. М., Дроздов Н. И.* Применение формулы достоверности интервалов при обработке археологических материалов//Археология и этнография Восточной Сибири: Тез. докл. к региональной конференции. Иркутск, 1978.
12. *Дельхман В. Н.* Керамический комплекс II культурного горизонта поселения Пашино//Археология — 1977. Науч.-теорет. конф. Секция археологии: Тез. докл. Иркутск, 1977.
13. *Буторин В. Г., Гревцов Ю. А., Тарасов А. Ю., Риши М. В.* Исследования на р. Бирюсе//Палеоэтнология Сибири. Иркутск, 1990.
14. *Седых С. В.* Плавильные сооружения Средней Ангары//Археология — 1977. Науч.-теорет. конф. Секция археологии: Тез. докл. Иркутск, 1977.
15. *Макулов В. И.* Археологические исследования в Эвенкии, Богучанском, Большемуртинском районах Красноярского края//Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. Красноярск, 1992.

Красноярский институт
усовершенствования учителей

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРЕМИИ «ЗОЛОТОЙ СКИФ», УЧРЕЖДЕННОЙ ИНСТИТУТОМ АРХЕОЛОГИИ НАН УКРАИНЫ И КИЕВСКОЙ АКАДЕМИЕЙ ЕВРОБИЗНЕСА, ЗА 1994 Г.

Х. Хайнен. Круг научных интересов доктора философии, профессора Трирского университета Х. Хайнена обширен: проблемы греко-римского Египта, история римского Трира, Северного Причерноморья в античный период. Помимо сугубо научных работ его перу принадлежат рецензии и обзоры литературы по древней истории Северного Причерноморья, изданные на русском и украинском языках. Значительное внимание профессор Х. Хайнен уделяет переводам работ отечественных исследователей на немецкий язык. Благодаря его целенаправленной работе зарубежной научной общественности стали доступны фундаментальные исследования Е. М. Штаерман и Д. Б. Шелова. В 1993 г. Х. Хайнен перевел на немецкий язык и издал отдельной книгой второй том исследования М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор».

Профессор Х. Хайнен является членом-корреспондентом Немецкого археологического института (Берлин) и иностранным членом Королевской Академии наук (Бельгия), участвует в работе целого ряда международных и немецких научных обществ, а также является редактором популярного в научных кругах журнала «История», который издается в Германии.

А. И. Мелюкова. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник-консультант Института археологии РАН А. И. Мелюкова — признанный исследователь древностей населения юга Восточной Европы эпохи раннего железа.

Начало плодотворной научной деятельности Анны Ивановны связано с разработкой темы этногеографии Скифии, локализации скифских племен и их соседей, соотнесения их с археологическими реалиями.

Параллельно Анна Ивановна работает над темой «Военное дело и вооружение скифов», блестяще справившись с этой задачей. До сих пор ее работа «Вооружение скифов» (М., 1964) является основополагающей при типологии и датировке предметов скифского вооружения.

Проводя раскопки на юго-западе Украины и в Молдове, Анна Ивановна основательно разработала тему западных границ Скифии, взаимодействия скифов и фракийцев — западных соседей скифов, проникновения скифов в Западную Европу, Анна Ивановна исследовала памятники, имеющие принципиальное значение для решения этой проблемы. Среди них — скифское поселение и могильник IV—III вв. до н. э. у с. Николаевка Одесской обл. Глубина и широта познаний позволили А. И. Мелюковой реконструировать сложную динамику взаимодействия различных групп населения в эпоху поздней бронзы — раннего железного века в пограничной зоне Северо-Западного Причерноморья: скифского, фракийского, праславянского и греческого этносов. В 1979 г. А. И. Мелюкова издает книгу по этой теме, а в 1980 г. защищает докторскую диссертацию.

Блестящий знаток скифских древностей, Анна Ивановна большое внимание уделяет археологическому наследию. Ею проделана скрупулезная работа по выявлению и восстановлению скифских комплексов курганов Тираспольщины, исследованных в конце XIX — начале XX в. (работа 1962 г.), а также Краснокутского кургана, раскопанного И. Е. Забелиным еще в 1860 г. (монография 1981 г.).

Работы Анны Ивановны Мелюковой отличаются тщательностью проработки материалов, эрудицией, взвешенностью выводов, уважительным отношением к взглядам коллег.

Д. Я. Телегин. Имя ученого — доктора исторических наук, профессора, лауреата Государственной премии Украины, ведущего сотрудника Института археологии НАНУ в области изучения истории населения Украины эпох каменного века и меди — бронзы — широко известно специалистам. За годы плодотворной работы по этой тематике, а также исследования археологических памятников более поздних эпох (скифских, раннеславянских, украинского казачества) Дмитрием Яковлевичем издано у нас и за рубежом более 300 научных работ, в том числе 8 монографий и более 10 научно-популярных брошюр. В его научном активе — сотни обследованных в полевых условиях памятников археологии. Многие из них им же раскопаны. В настоящее время всемирно известны такие памятники, как Игреньское и Дереивское поселения эпох мезолита и медного века, Васильевский,

© П. П. Толочко, П. В. Солодкий, 1995 г.

Никольский, Ясиноватский, Вольнянский и другие некрополи эпохи мезолита и неолита, исследованные Д. Я. Телегиным.

Его работам присущ комплексный подход с привлечением достижений палеоантропологии, лингвистики, в частности гидронимики, а также палеозоологии и палеоботаники.

Несмотря на преклонный возраст, Дмитрий Яковлевич остается в активном строю археологов Украины.

Поощрительная премия «Золотой Скиф» — знак признания несомненных научных заслуг Д. Я. Телегина.

Поздравляем лауреатов!

Институт археологии
НАН Украины, Киев

П. П. Толочко, П. В. Солодкий

В. В. СЕДОВ — ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ ИМЕНИ И. Е. ЗАБЕЛИНА

В 1994 г. впервые присуждалась премия Российской академии наук имени И. Е. Забелина (за труды в области археологии). Первым ее лауреатом стал Валентин Васильевич Седов, профессор, доктор исторических наук, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН. Премия присуждена за серию монографий: «Происхождение и ранняя история славян» (М., «Наука», 1979) и «Очерки по археологии славян» (М., 1994).

Первая из этих книг хорошо известна археологам, в различных изданиях на нее опубликовано более десятка рецензий. С 1994 г. Валентин Васильевич работает над проектом «Славяне в древности и раннем средневековье», обобщая данные, накопленные наукой с момента выхода предыдущей монографии.

Первым, промежуточным итогом этой работы и стала книга «Очерки по археологии славян». В ней рассмотрены история знаний о древних славянах (по начало XX в.), судьба двух малоизученных группировок славян в Среднем Поволжье и в юго-восточной Прибалтике, ряд конкретных сюжетов славяно-русской археологии.

В начале 1995 г. из печати вышла новая фундаментальная книга В. В. Седова «Славяне в древности». Редакция журнала «Российская археология» поздравляет Валентина Васильевича Седова с присуждением премии и желает успешного завершения работы над проектом.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия. Москва
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВДИ — Вестник древней истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Санкт-Петербург
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГИМ — Государственный исторический музей. Москва
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. Москва
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. Москва, Ленинград
ИВ АН — Институт востоковедения АН СССР
ИЗ — Исторические записки
КГУ — Калининский государственный университет
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
МАИКЦА — Международная ассоциация по изучению цивилизаций Центральной Азии
МАР — Материалы по археологии России. СПб.-Пг.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
МИГМ — Музей истории города Москвы
МИРМ — Музей истории и реконструкции города Москвы
НГОМЗ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НИС — Новгородский исторический сборник
НПК — Новгородские писцовые книги
ОАК — Отчет археологической комиссии. Спб.-Пг.
ПИДО — Проблемы истории доклассовых обществ
РА — Российская археология
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РФ ИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка и литературы Дагестанского Филиала АН СССР
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва, Санкт-Петербург
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
ТГИМ — Труды Государственного Исторического музея. Москва
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив
AJPA — American Journal of Physical Anthropology
JHE — Journal of Human Evolution

ОБРАЩЕНИЕ
БИБЛИОТЕКИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Крупнейшая в Европе специализированная Библиотека по археологии при Институте истории материальной культуры Российской академии наук обращается ко всем археологам России, СНГ и стран бывшего СССР.

На протяжении многих лет в Библиотеке ведётся работа по составлению систематизированного указателя археологической литературы. Каждый археолог знает и пользуется томами Библиографического указателя, которые охватывают издания по археологии нашей страны с 1918 по 1981 годы. Сотрудники Библиотеки в рамках программы «Российская археологическая библиография XX века» продолжают работу по сбору и систематизации данных по археологической литературе, каталог которых к настоящему времени доведен до 1993 г. Библиотека ИИМК регулярно издает обзоры периодической литературы на страницах журнала «Российская археология», готовит к печати очередные тома систематизированного указателя, которые должны продолжить серию изданий, широко известную во всем мире.

В последние годы из-за разрушения единой системы обеспечения научными изданиями библиотек Российской академии наук, а также из-за появления многих частных издательств, публикующих археологическую литературу работа по составлению систематизированного библиографического указателя сопряжена со значительными трудностями. Количество изданий, которые не доходят до Библиотеки ИИМК и авторов указателя катастрофически увеличивается с каждым годом.

Мы обращаемся ко всем археологам, публикующим свои работы частным образом, ко всем редакциям новых археологических журналов и сборников, ко всем издательствам, занимающимся публикацией археологической литературы с убедительной просьбой присылать в Библиотеку ИИМК РАН по одному экземпляру отечественных изданий и информацию (в случае невозможности присылки самих изданий) о публикациях в зарубежной периодике. Отсутствие информации о новых публикациях, проверенной визуально, может повлечь за собой досадные пробелы в изданиях систематизированного указателя, что негативно отразится на их качестве. Мы убеждены, что в полноценной информации об изданиях археологической литературы заинтересованы археологи всех стран.

Адрес Библиотеки: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18, Новомихайловский дворец. Библиотека Института истории материальной культуры РАН.

Р. Ш. Левина, Л. М. Всевиов, В. Ю. Зуев

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор ~~*Глинкина Л. Н.*~~

Сдано в набор 17.01.95 Подписано к печати 23.02.95 Формат бумаги 70×100¹/₁₆.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 20,8 Усл. кр.-отт. 31,6 тыс. Уч.-изд. л. 25,4 Бум. л. 8,0
Тираж 1503 экз. Зак 2186

Московская типография № 2 РАН Москва, 121099, Шубинский пер., 6.